

СО ХРИСТОМ ДО КОНЦА
Мученичество Слуг Божьих
в Советском Союзе

Санкт-Петербург

2018

УДК 271.2-5
ББК 86.37
П 463

П 463 Со Христом до конца. Мученичество Слуг Божьих в Советском Союзе. – Авторы-сост. биографий о. Х. Пожарский, С.Г. Козлов-Струтинский, А.В. Романова, П.А. Парфентьев, М.М. Фатеев; редкол.: о. Х. Пожарский, А.В. Романова. – Санкт-Петербург, Свое издательство, 2018. – 296 с.

Авторы-составители биографий:

о. Христофор Пожарский
Станислав Козлов-Струтинский
Александра Романова
Павел Парфентьев
Михаил Фатеев

Редакционная коллегия:

о. Христофор Пожарский
Александра Романова

Корректор и литературный редактор:

Анна Кудрик

Фото в тексте:

ЦГАКФФД СПб
Архив постулатуры процесса
Архив – о. Христофора Пожарского

Автор цветных портретов новомучеников – Ксения Вышпольская.

Автор портрета епископа А. Малецкого – Владимир Корбан.

На обороте обложки: мемориальный памятник «Католикам СССР – жертвам политических репрессий» на Мемориальном кладбище «Левашовская пустошь» (Санкт-Петербург).

© Централизованная религиозная организация
Римско-Католическая Архиепархия Божией Матери в Москве, 2018

ISBN 978-5-4386-1467-8

Наши координаты: Постулятор процесса: 190121, Санкт-Петербург,
ул. Союза Печатников, д. 22, тел./факс: +7 812 714-00-71, e-mail: postulator-rus@mail.ru

*“Нет больше той любви,
как если кто положит
душу свою за друзей своих”
Ин.15:13.*

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АРХИЕПИСКОПА	7
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПОСТУЛАТОРА ПРОЦЕССА БЕАТИФИКАЦИИ	9
МОЛИТВА О БЕАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКИХ НОВОМУЧЕНИКОВ ..	19
МОЛИТВЫ О ПРИЧИСЛЕНИИ К ЛИКУ БЛАЖЕННЫХ СЛУТ БОЖЬИХ	
Епископ Антоний Малецкий	21
Прелат Константин Будкевич	23
Священник Франциск Будрис	25
Священник Ян Тройго	27
Священник Павел Хомич	29
Священник Антоний Червинский	31
Священник Епифаний Акулов (Акулов Игорь Александрович)	33
Священник Потапий Емельянов (Емельянов Петр Андреевич)	35
Мать Мария Екатерина Сиенская (Анна Ивановна Абрикосова) ...	37
Сестра Роза Сердца Марии OPL (Галина Фаддеевна Енткевич)	39
Камилла Крушельницкая	41
Архиепископ Иоанн Цепляк	43
Священник Антоний Дземешкевич	45
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	46
ИСТОРИЯ ПРОЦЕССА БЕАТИФИКАЦИИ В РОССИИ	48
СЛУТИ БОЖЬИ	
Епископ Антоний Малецкий	57
Прелат Константин Будкевич	98
Священник Франциск Будрис	128
Священник Ян Тройго	151
Священник Павел Хомич	168
Священник Антоний Червинский	179
Священник Епифаний Акулов (Акулов Игорь Александрович) ...	188
Священник Потапий Емельянов (Емельянов Петр Андреевич) ...	197
Мать Мария Екатерина Сиенская (Анна Ивановна Абрикосова) ..	207
Сестра Роза Сердца Марии OPL (Галина Фаддеевна Енткевич) ...	224
Камилла Крушельницкая	246
Архиепископ Иоанн Цепляк	265
Священник Антоний Дземешкевич	278
СЛОВАРЬ	291
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	295

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АРХИЕПИСКОПА

С самого начала истории Церкви наиболее убедительной формой проповеди евангельской веры было свидетельство мучеников. От мученика не требовалось проповеднического дара, начитанности в Писаниях, умения овладевать аудиторией. Сила мученика была в его верности. Только верность избранному пути вела мученика к окончательному уподоблению Христу – через добровольное предание себя в жертву.

Однако какими бы жестокими ни были гонения в прежние времена, именно в XX веке, когда разговоры о «прогессе» были у всех на устах, верность Христу была засвидетельствована кровавой кончиной такого количества мучеников, которое во много раз превышает число жертв всех гонений, начиная от убийства святого первомученика Стефана.

В России, как и на всей территории бывшей Российской Империи, гонения на Церковь начались практически сразу после крушения старого государственного порядка. С каждым годом после захвата власти в стране большевиками эти гонения становились всё более организованными. Новая власть видела в любой религии конкурента в своём желании безраздельно господствовать не только над жизнью, но и над сознанием людей.

Тогда, в первой половине трагического XX столетия, христиане, будучи гонимым и теснимым со всех сторон общественным меньшинством, противостояли всей репрессивной мощи огромного государства. Вместо того чтобы купить себе призрачную «свободу» без Бога, они выбирали, подобно апостолам, узы, гонения, самую смерть – вместе с Ним. Любовь к Богу порождает доверие к Нему и Его Промыслу, а доверие, в свою очередь, вело к верности при любых обстоятельствах. Эта верность реализовалась по-разному. Порой – почти незаметно для стороннего наблюдателя. Но вершиной христианской верности, конечно же, являлось, как всегда и везде в истории христианства, кровавое мученичество. Предельный отказ от себя во имя любви к Богу и людям – подобно Самому Христу, предавшему Себя на мучительную смерть на Кресте «за жизнь мира».

Согласие вступить на путь мученичества ни в коем случае не стоит воспринимать как принятие стороны «сильного», если иметь ввиду то, что подразумевается под словом «сила» в мире сем. Мученичество – это, скорее, смиренное вверение себя, всей своей жизни «неисповедимой» и совершенно суверенной в своих путях силе Бога Живого. Семя, павшее в землю, начинает свою таинственную, сокрытую от внешнего взгляда, жизнь. Жертва, принесённая теми, о ком мы читаем на страницах этой книги, сегодня обильно плодоносит в жизни и служении Католической Церкви в России.

Но, вспоминая о свидетельстве наших предшественников в вере, мы не можем не вспомнить о том, что и сегодня верность ей может потребовать от нас самой нашей жизни, что уже стало реальностью для множества наших братьев и сестёр, которых мир возненавидел только за то, что они – христиане! Ненависть мира сего, ненависть тех, кто не принимает Христа и потому не принимает Его учеников, всё чаще становится тем контекстом, в котором мы призваны дать своё смиренное свидетельство.

В историях преследуемых христиан нас поражают, прежде всего, их страдания, страшные мучения, через которые им пришлось пройти. Но ещё поразительнее их спокойствие. Мы почти никогда не видим в них жажды мести. Мы видим жажду быть защищёнными, жажду вернуться в свои дома, откуда им пришлось бежать, жажду снова обрести право на нормальную жизнь. Но мести или ненависти – этого нет. Есть только прощение и осознание потребности в ещё большей преданности вере. «Ученик способен посвятить всю свою жизнь и поставить ее на карту вплоть до мученичества – свидетельства об Иисусе Христе, но его мечты не об умножении врагов, а о том, чтобы Слово было принято, чтобы проявилась освобождающая и обновляющая сила Слова», – пишет Папа Франциск (Апостольское обращение «*Evangelii gaudium*» о возвещении Евангелия в современном мире, 24).

Вот что поражает меня в святых и мучениках, которых Церковь провозгласила или даже не провозгласила таковыми в нашу эпоху, – это любовь без границ, свет, привлекающий всех: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин 13, 35). Они умирают, но в них становится видимым то, что мы вкушаем в Евхаристии: возможность возрождения, а не смерти. Вот в чём мы призваны участвовать. И, участвуя, передавать эту возможность – передавать другим людям, которые ещё не знают Христа, но ожидают Его, потому что по-другому жить невозможно.

От всего сердца благодарю всех, чьими трудами и молитвами сохраняется драгоценная память о мучениках Католической Церкви в России. На них и на всех читателей этой книги призываю Божие благословение.

**Архиепископ Павел Пеци
Митрополит Архиепархии
Божией Матери в Москве**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПОСТУЛАТОРА ПРОЦЕССА БЕАТИФИКАЦИИ

Дорогие братья и сёстры!

Более 20 лет проводится сбор информации о российских новомучениках, но только некоторые из них в 2003 году удостоились титула Слуг Божьих. Начался процесс их беатификации, одобренный властями Католической Церкви. Тогда было выбрано 16 официальных кандидатов к прославлению из тех почти двух тысяч пострадавших ради Христа в СССР, чьи биографии удалось собрать в «Книге памяти» – мартирологе Католической Церкви в СССР (Москва, 2000).

К сожалению, 70 лет атеизации и репрессий привели к тому, что большинство свидетелей и свидетельств о мученических смертях католиков в СССР утеряны. Многие свидетели первых репрессий сами позже были расстреляны или умерли в лагерях и в тюрьмах.

Парадокс заключается в том, что публикуемые сегодня документальные свидетельства самих палачей часто подтверждают славу мученичества. Без них трудно было бы начинать процесс беатификации.

В «Книге памяти» были перечислены 1992 фамилии архиепископов, епископов, священников, монашествующих и мирян, отдавших свои жизни и пострадавших в советское время, а также во время немецкой оккупации:

1. Священнослужители – расстрелянные, погибшие в тюрьмах, лагерях и ссылках – 395 чел.
2. Священнослужители – прошедшие тюрьмы, лагеря и ссылки, дальнейшая судьба которых неизвестна – 183 чел.
3. Священнослужители – прошедшие тюрьмы, лагеря и ссылки и вышедшие на свободу – 95 чел.
4. Священнослужители – прошедшие тюрьмы, лагеря и ссылки и выехавшие после освобождения на Запад – 254 чел.

Итого священнослужителей – 927 чел.

5. Монашествующие и миряне – погибшие в тюрьмах, лагерях и ссылках – 200 чел.
6. Монашествующие и миряне – прошедшие тюрьмы, лагеря и ссылки, судьба которых неизвестна – 760 чел.
7. Монашествующие и миряне – прошедшие тюрьмы, лагеря и ссылки и вышедшие на свободу – 78 чел.

Итого монашествующих и мирян – 1038 чел.

Этот список католиков-мучеников всех обрядов и национальностей, представленный в Мартирологе, нельзя считать полным. Архивная работа и библиографические изыскания позволят ввести в него новые имена тех, кто претерпел мученичество за веру в бывшем СССР.

В 2014 г. наш процесс был подвергнут реорганизации и получил новое название: «Дело о беатификации или объявлении мучениками епископа Антония Малецкого»

и 14 сподвижников». Среди пятнадцати Слуг Божьих есть один епископ, 11 священников, две монахини и одна мирянка из двух обрядов: Римско- и Греко-католической Церквей.

К Римско-католической Церкви принадлежат:

1. Епископ Антоний Малецкий
2. Прелат Константин Будкевич
3. Священник Франциск Будрис
4. Священник Антоний Червинский
5. Священник Ян Тройго
6. Священник Павел Хомич
7. Священник Станислав Шульминский SAC
8. Священник Янис Мендрикс MIC
9. Камилла Крушельницкая

К Греко-католической Церкви принадлежат:

10. Священник Епифаний Акулов (Игорь Александрович Акулов)
11. Священник Потаний Емельянов (Петр Андреевич Емельянов)
12. Священник Фабиан Абрантович MIC
13. Священник Андрей Цикото MIC
14. Мать Мария Екатерина Сиенская OPL (Анна Ивановна Абрикосова)
15. Сестра Роза Сердца Марии OPL (Галина Фаддеевна Енткевич)

Это не значит, что все Слуги Божьи, ввиду разных обстоятельств, действительно будут беатифицированы. На первой стадии задачей программы было собрать сведения о кандидатах к прославлению, информацию и документы о них, об их жизни и смерти, а также о частном почитании их верующими во всём мире.

1 июля 2017 года архиепископ Павел Пеци, митрополит-ординарий Архиепархии Божией Матери в Москве, назначил меня уже третьим постулатором процесса прославления российских католических мучеников XX века.

В настоящее время существует необходимость дальнейшей реорганизации процесса и его ускорения, о которой я буду сообщать на сайте www.postulator-rus.com, куда сердечно всех приглашаю.

Сейчас идет процесс передачи их орденам дел четырех священников, почитание которых преимущественно распространено не в России, а на родине, в Белоруссии, Польше и Литве (о. Фабиана Абрантовича MIC, о. Яниса Мендрикса MIC, о. Андрея Цикото MIC и о. Станислава Шульминского SAC).

Я хотел бы здесь рассказать о программе действий, связанных с причислением к лику блаженных российских новомучеников. Необходимо издать новые печатные и видеоматериалы обо всех Слугах Божьих; изготовить баннерные стенды для всех храмов в России, для монастырей и других религиозных учреждений, а также для мирян; позаботиться об установлении мемориальных досок в тех храмах или религиозных учреждениях, где трудились Слуги Божьи. Предполагается организовать поездки священников по храмам России с выступлениями о российских новомучениках и с просьбой об интенсивной молитве и создании молитвенных групп. Хотелось бы организовать всероссийскую конференцию в Петербурге с участием российских епископов, посвященную соответствующей тематике, с открытием мемориальной доски священнослужителям, расстрелянным, погибшим в тюрьмах, лагерях и ссылках в СССР, где будет начертано более 400 фамилий. Возможно, если мы полу-

чим разрешение Конгрегации по канонизации святых, прах епископа Антония Малецкого будет перенесен из Варшавы в Петербург. Хотелось бы создать в Петербурге центр по изучению и сохранению памяти католических российских новомучеников.

Однако, в первую очередь, необходима молитва и молитвенное почитание новомучеников. Только по Божьей милости мы можем достичь того, к чему стремимся. Поэтому, дорогие читатели, прежде всего, прошу Вас об усердной молитве в намерении беатификации наших новомучеников. Молитва и ещё раз молитва. Благодаря ей мы сможем достичь намеченной цели.

Хотел бы также всех вас пригласить к сотрудничеству в этом очень важном для Католической Церкви в России деле, поэтому прошу вас о помощи в создании неформальных групп приверженцев процесса беатификации в разных католических приходах.

Уверен, что настоящее издание позволит прикоснуться к трагической истории Церкви в СССР. Опыт новомучеников, их мужественная вера во Христа помогает нам в укреплении религиозной жизни.

В книге содержится 11 жизнеописаний наших Слуг Божьих. Кроме того, добавлены жизнеописания архиепископа Иоанна Цепляка и священника Антония Дземешикевича, которые не входят в процесс в России.

От всего сердца благодарю всех тех, кто подготовил и издал эту книгу, а также, тех, кто будет её читать. Пусть всех нас Господь укрепляет в исповедании нашей христианской веры, а Матерь Божья, стоящая у подножия Креста Своего Сына, вымолит нам необходимую благодать для верного исполнения воли Божьей на земле.

о. Христофор Пожарский

Архиепископ
Станислав Богущ-
Сестренцевич
1783-1826

Архиепископ
Каспер
Цецишовский
1828-1831

Архиепископ
Игнатий
Корвин-Павловский
1839-1842

Архиепископ
Казимир
Дмоховский
1848-1851

Архиепископ
Игнатий
Головинский
1851-1855

Архиепископ
Вацлав
Жилинский
1856-1863

Архиепископ
Антоний
Фиалковский
1872-1883

Архиепископ
Александр-Казимир
Гинтовт-Дзевальтовский
1883-1889

Архиепископ
Симон-Мартин
Козловский
1892-1899

Архиеп.
Болеслав-Иероним
Клопотовский
1901-1903

Архиепископ
Ежи Георгий
Шембек
1904-1905

Архиепископ
Аполлинарий
Внуковский
1908-1909

Архиепископ
Викентий
Ключинский
1910-1914

Архиепископ
Эдуард
Ропп
1917-1939

© Портреты митрополитов Могилёвских
из собрания Государственного музея
истории религии (Санкт-Петербург)

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЕ МИТРОПОЛИТЫ МОГИЛЕВСКОЙ АРХИЕПАРХИИ 1783–1939

Мемориальный католический крест установлен по инициативе о. Христофора Пожарского в 1997 году на Мемориальном кладбище «Сандормох» (Республика Карелия, Медвежьегорский район) в память об узниках Соловков, католических священниках и мирянах, расстрелянных и захороненных в урочище Сандормох осенью 1937. Торжественно открыт и освящён 27.10.1997 (день открытия мемориального кладбища) – в 60-летнюю годовщину первого дня расстрела соловецкого этапа. Надпись на гранитной плите на русском и польском языках: «К 60-летию. Соловецким узникам-полякам и священникам, которые нашли место вечного покоя на этой земле».

Памятник «Католикам СССР – епископам, священникам, монашествующим и мирянам, всех обрядов и национальностей – жертвам политических репрессий» открыт – 28 октября 2010 г. на Мемориальном кладбище «Левашовская пустошь» (Санкт-Петербург). Установка двух стел, увековечивающих память католических священников – 01.11.2016. Среди погребённых в братских могилах в Левашово прихожане католических храмов Ленинграда и духовенство: о. Епифаний Акулов, о. Ян Врослав, о. Станислав Ганьский, о. Иосиф Миодушевский, о. Игнатий Опольский, о. Тер-Арсен Тер-Карапетян, о. Мартын Фикс, о. Вацлав Шиманский, о. Ричард Шишко-Богущ, о. Людвиг Эрк и о. Павел Хомич. Инициатор создания и автор памятника – о. Христофор Пожарский.

МОЛИТВЫ О ПРИЧИСЛЕНИИ К ЛИКУ БЛАЖЕННЫХ СЛУГ БОЖЬИХ

Генеральный викарий Рима. Начало беатификационного процесса архиеп. Иоанна Цепляка - 23.06.1952

МОЛИТВА О БЕАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКИХ НОВОМУЧЕНИКОВ

(7 ноября)

Рекомендуется читать в годовщину смерти новомучеников и в другие дни

Господи, Ты сказал: «Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески злословить за Меня». Прими в свет Лица Своего всех мучеников Твоих, знавших, что Ты есть Путь, и не следовавших за лжепророками земного рая.

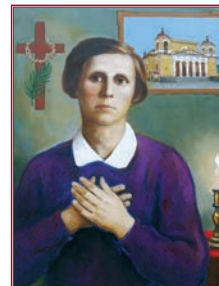
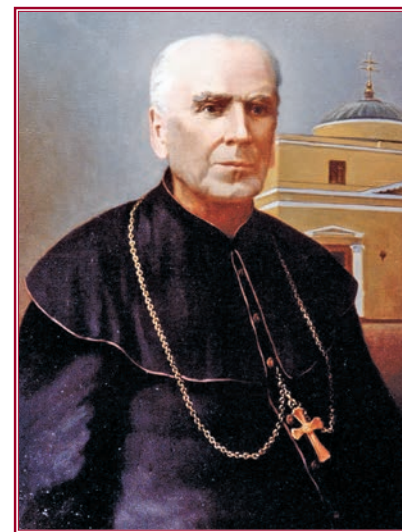
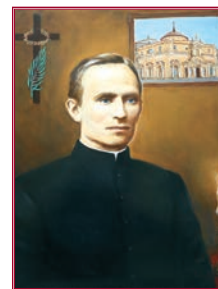
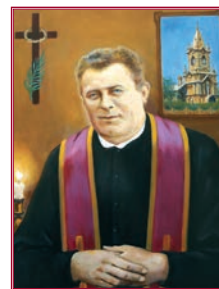
Ты сказал: «...всякого, кто исповедает Меня перед человеками, и Сын Человеческий исповедает перед Ангелами Божиими». Милостиво взгляни на сохранивших верность Тебе – Истине вечной.

Ты сказал: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать». Вспомни о тех, кто принял страдания с Тобою в сердце и умер за Тебя с любовью, ибо Ты – жизнь, а отвергающий Тебя – тлен.

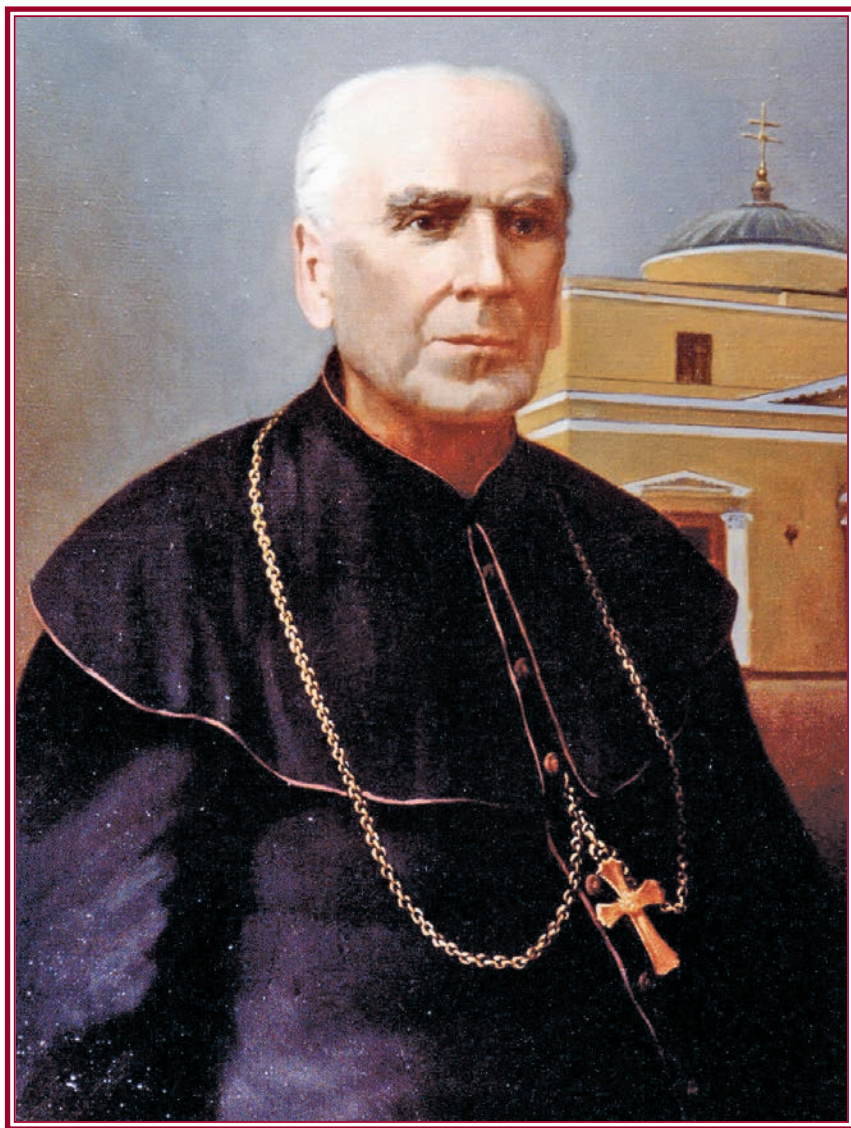
Молим Тебя, прославь мучеников Твоих, причисли их к лику святых, дабы они светлым венцом своего мученичества озаряли нам путь к Небесному Царству. Аминь.

О милостях, полученных по заступничеству Слуг Божьих, просим сообщать postulaturu процесса по адресу:

о. Христофор Пожарский, 190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 22, тел. +7 812 714 00 71, e-mail: postulator-rus@mail.ru

СЛУГА БОЖИЙ
ЕПИСКОП
АНТОНИЙ МАЛЕЦКИЙ

1861–1935

Антоний Иосифович Малецкий родился в Санкт-Петербурге 29 апреля (17 апреля по старому стилю) 1861 года. Окончил Петербургскую Духовную Семинарию. Рукоположен во священники в 1884 году. В 1896 году организовал Убежище для мальчиков и профессиональные школы для сирот. Был арестован в марте 1923 года, приговорен к 3 годам заключения. После освобождения вернулся в Ленинград. 13 августа 1926 года рукоположен в сан епископа и назначен Апостольским Администратором Ленинграда. Был арестован в ноябре 1930 года и, почти 70-летним старцем, отправлен в ссылку с Сибирь. В 1934 году был освобожден по ходатайству международных организаций и по обмену вывезен в Польшу в крайне тяжелом состоянии здоровья, подорванного перенесенными в ссылке страданиями. Скончался в Варшаве 17 января 1935 года. Сразу после его смерти многие служители и миряне были убеждены в его святости.

Молитва о беатификации Слуги Божьего епископа Антония Малецкого

Господи Иисусе Христе, Ты сказал: «Пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне; ибо таковых есть Царствие Небесное». Ты преисполнил Слугу Твоего, епископа Антония, духом жертвенной любви и заботы о бедных детях и сиротах, а в конце жизни уподобил его Себе через страдания и несение креста до смерти. Божественный Наставник, праведного Слугу Твоего прославь в сонме святых Своих, и, по его заступничеству, услышь мою смиренную просьбу Ибо Ты живешь и царствуешь во веки веков. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич, СПб. 5.04.2004*

СЛУГА БОЖИЙ
ПРЕЛАТ
КОНСТАНТИН БУДКЕВИЧ

1867–1923

Константин Ромуальд Будкевич родился 19 июня в 1867 г. под Краславой (ныне Латвия). Окончил Духовную Семинарию и Духовную Академию в Санкт-Петербурге. В 1893 г. рукоположен во священники. Кандидат богословия. Служил во Пскове, в Витебске, затем – в приходе Св. Екатерины в Петербурге, с 1905 г. – его настоятель. С 1908 – декан Петербургского Деканата. В 1918 г. – получил титул прелата. Был выдающимся организатором и общественным деятелем, особенно в области развития приходского образования в приходах Петербурга и губернии, занимался благотворительностью, организовывал духовенство для защиты прав верующих. В 1918 г. активно выступал за освобождение арестованного советскими властями митр. Эдуарда Роппа. С 1922 г. – профессор подпольной Духовной Семинарии. Митрополитом Э. Роппом и архиепископом И. Цепляком неоднократно делегировался для переговоров с властями по поводу прав Католической Церкви. Отказался от возможности тайно покинуть СССР, чтобы «большевики не мстили другим священникам». 13 марта 1923 г. арестован вместе с архиеп. Цепляком и другими священниками. 26 марта 1923 года в Москве приговорен к смерти. Расстрелян в Пасхальную ночь с 31 марта на 1 апреля 1923 г.

Молитва о прославлении Слуги Божьего прелата Константина Будкевича

Всемогущий Боже, Сын Твой страдал и умер на Кресте ради спасения людей. Подражая Ему, Слуга Твой отец Константин Будкевич любил Тебя всем сердцем, верно служил Тебе во время гонений и отдал жизнь за Церковь. Прославь его в сонме Твоих блаженных, чтобы пример его верности и любви сиял перед всем миром. Молю Тебя, по его заступничеству услышь мою просьбу Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич, СПб. 5.04.2004*

СЛУГА БОЖИЙ
СВЯЩ.
ФРАНЦИСК БУДРИС

1882–1937

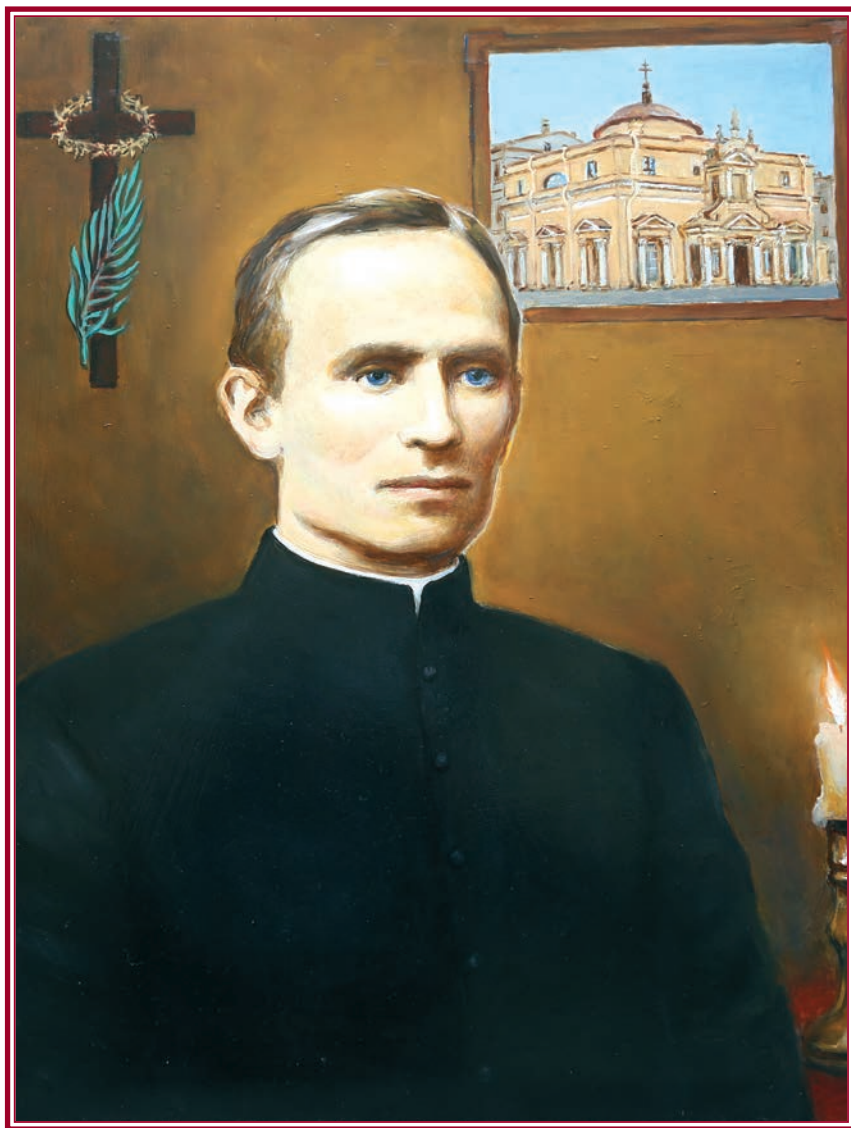
Франциск Будрис родился 14 октября 1882 года в Ковенской губернии. Окончил Духовную Семинарию в Санкт-Петербурге. В 1907 г. рукоположен во священники. С 1907 г. служил в Томске, с 1924 г. – в Тобольске и в Тюмени. Одновременно обслуживал приходы Перми и Екатеринбурга, потом до 1937 г. обслуживал также приходы Казани, Уфы и Вятки. 17 июня 1937 г. арестован в Уфе вместе с членами приходского совета. В декабре 1937 г. приговорен к смерти и 16 декабря расстрелян в уфимской тюрьме. Вместе с ним погибли еще 180 католиков.

Молитва о прославлении Слуги Божьего свящ. Франциска Будриса

О Иисусе, Свет Сокровенный, безграничная Любовь и Милосердие, всецеловеряюсь Тебе и прошу, услышь мою просьбу..., по заступничеству Слуги Твоего, отца Франциска Будриса, который в своей земной жизни самоотверженно служил во славу Твою благочестием, проповедью и апостольскими трудами и принял смерть за веру Твоей Церкви. Прославь его, Господи, чтобы весь народ Твой обрел в нем для себя заступника и пример христианской жизни. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.*
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич. СПб. 5.04.2004

СЛУГА БОЖИЙ
СВЯЩ.
ЯН ТРОЙГО

1881–1932

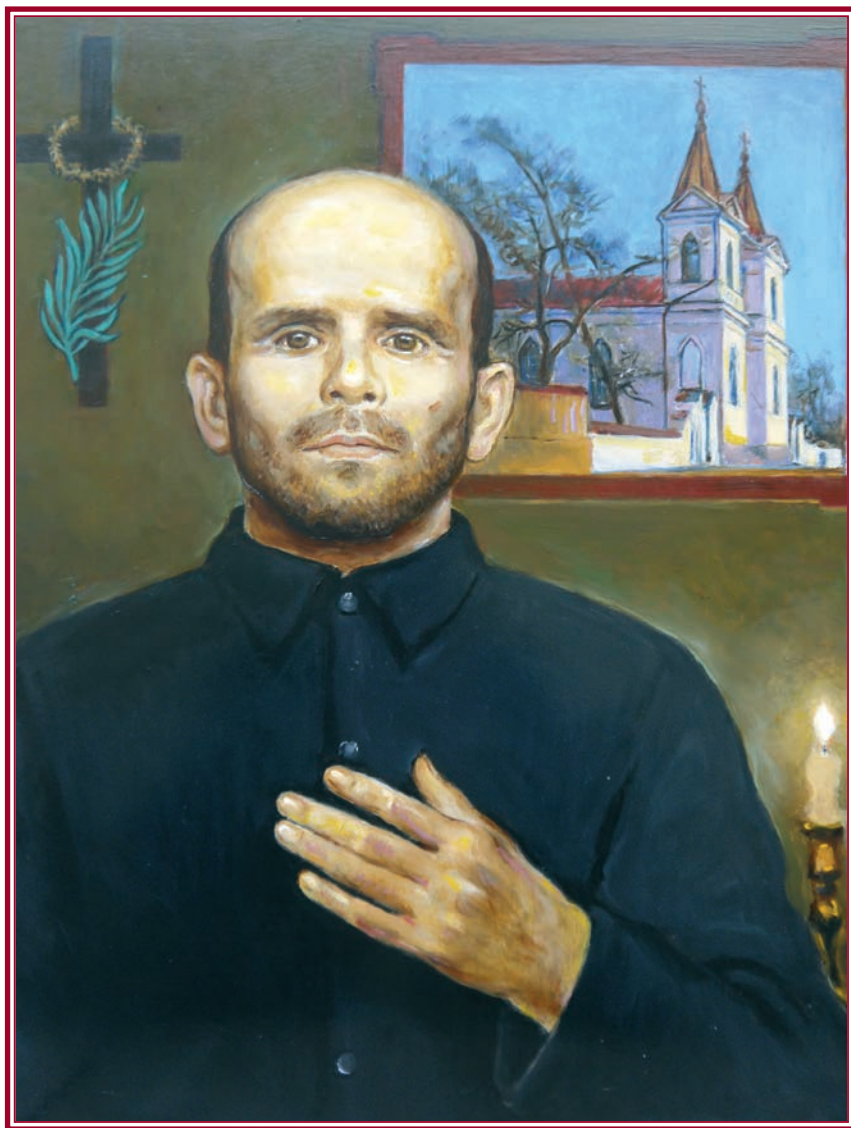
Ян Янович Тройго родился 12 декабря 1881 г. в Гродненской губернии, в крестьянской семье. Окончил Духовную Семинарию и Духовную Академию в Санкт-Петербурге, магистр богословия. Рукоположен во священники в 1906 г. Служил в Могилеве, затем был профессором петербургской Духовной Семинарии. С 1914 г. был канцлером в курии Могилевской митрополии в Петербурге. В 1923 году арестован и приговорен к 3 годам тюрьмы. В 1925 г. освобожден, служил администратором храма Св. Станислава в Ленинграде. В 1927 г. арестован и приговорен к 5 годам лагерей. Узник Соловецкого лагеря. В 1932 г. вывезен оттуда в тюрьму НКВД, где скончался в тюремной больнице от инсульта 11 августа 1932 г., в результате перенесенных испытаний. Захоронен под чужим именем на Преображенском кладбище в Ленинграде (место захоронения не найдено).

Молитва о прославлении Слуги Божьего свящ. Яна Тройго

Всемогущий Боже, Сын Твой страдал и умер на Кресте ради спасения людей. Подражая Ему, Слуга Твой отец Ян Тройго любил Тебя всем сердцем, верно служил Тебе во время гонений и отдал жизнь за Церковь. Прославь его в сонме Твоих блаженных, чтобы пример его верности и любви сиял перед всем миром. Молю Тебя, по его заступничеству услышь мою просьбу Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич. СПб. 5.04.2004*

СЛУГА БОЖИЙ
СВЯЩ.
ПАВЕЛ ХОМИЧ

1893–1942

Павел Семенович Хомич родился 17 октября 1893 г. в Гродненской губернии. Окончил Духовную Семинарию и учился в Духовной Академии в Санкт-Петербурге. Рукоположен в 1916 г. После Октябрьской революции служил в приходах Петрограда и области. С 1920 г. был настоятелем во Пскове, с 1923 – настоятелем прихода Св. Казимира в Петрограде (с 1924 г. переименован в Ленинград). Руководил группами верующих – терциариями св. Франциска, кружками Святого Розария. Арестован в Ленинграде в 1926 г., приговорен к 10 годам лагерей. Узник Соловецкого лагеря. Освобожден в 1936 г. Безуспешно искал возможности легального служения в разных городах России. В августе 1939 г. вернулся в Ленинград, где жил на нелегальном положении, проводил тайные богослужения на квартирах. После высылки из Ленинграда о. М. Флорана в 1941 г. принял обязанности Апостольского Администратора Ленинграда. Арестован в 1942 г., приговорен к смерти. Расстрелян 10 сентября 1942 г. в Ленинграде.

Молитва о прославлении Слуги Божьего свящ. Павла Хомича

Всемогущий Боже, Сын Твой страдал и умер на Кресте ради спасения людей. Подражая Ему, Слуга Твой отец Павел Хомич любил Тебя всем сердцем, верно служил Тебе во время гонений и отдал жизнь за Церковь. Прославь его в сонме Твоих блаженных, чтобы пример его верности и любви сиял перед всем миром. Молю Тебя, по его заступничеству услышь мою просьбу Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич. СПб. 5.04.2004*

СЛУГА БОЖИЙ
СВЯЩ.
АНТОНИЙ ЧЕРВИНСКИЙ

1881–1938

Антон Карлович Червинский родился 8 октября 1881 года в городе Билгорай, на территории современной Польши. Окончил малую и Духовную Семинарию в Саратове, Духовную Академию в Санкт-Петербурге со степенью магистра богословия. Был рукоположен во священники 2 апреля 1905 года. С 1906 г. – викарий кафедрального собора в Саратове и личный секретарь Тираспольского епископа Иосифа Кесслера, с сентября 1911 г. – администратор прихода в г. Владикавказе. После революции о. Антоний продолжал служить в своем приходе, обслуживая также многие другие приходы, оставшиеся без священников. В 1936 г. был арестован во Владикавказе по ложному обвинению. В 1937 году приговорен к смерти и расстрелян 26 января 1938 года. Среди прихожан сохраняется мнение о его святости.

Молитва о прославлении Слуги Божьего свящ. Антония Червинского

Всемогущий Боже, Сын Твой страдал и умер на Кресте ради спасения людей. Подражая Ему, Слуга Твой отец Антоний Червинский любил Тебя всем сердцем, верно служил Тебе во время гонений и отдал жизнь за Церковь. Прославь его в сонме Твоих блаженных, чтобы пример его верности и любви сиял перед всем миром. Молю Тебя, по его заступничеству услышь мою просьбу ... Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич. СПб. 5.04.2004*

СЛУГА БОЖИЙ
СВЯЩ. ЕПИФАНИЙ АКУЛОВ
(ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ АКУЛОВ)

1897–1937

Игорь Александрович Акулов родился в 1897 г. в Тверской губернии, в православной крестьянской семье. В 1918 г. окончил реальное училище. С 1920 г. – насельник Александро-Невской Лавры в Петрограде, учился в Богословском институте. Был пострижен в монахи с именем Епифаний 2 июля 1921 г. После знакомства с бл. Леонидом Федоровым присоединился к Католической Церкви. Летом 1922 г. был рукоположен во священники. С августа 1922 г. викарий прихода Сошествия Св. Духа в Петрограде (византийского обряда). Был арестован в 1923 г., в 1924 г. приговорен к 10 годам тюрьмы. В 1927 г. досрочно освобожден и отправлен в ссылку. После освобождения из ссылки служил в различных храмах Ленинграда. В 1935 г. был снова кратковременно арестован. В 1937 г. был арестован, приговорен к смерти и расстрелян 25 августа 1937 г. Похоронен на Левашовской пустоши под Ленинградом.

Молитва о прославлении Слуги Божьего свящ. Епифания Акулова

Всемогущий Боже, Сын Твой страдал и умер на Кресте ради спасения людей. Подражая Ему, Слуга Твой отец Епифаний Акулов любил Тебя всем сердцем, верно служил Тебе во время гонений и отдал жизнь за Церковь. Прославь его в сонме Твоих блаженных, чтобы пример его верности и любви сиял перед всем миром, Молю Тебя, по его заступничеству услышь мою просьбу ...Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич, СПб. 5.04.2004*

СЛУГА БОЖИЙ
СВЯЩ. ПОТАПИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ
(ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ЕМЕЛЬЯНОВ)

1884–1936

Петр Андреевич Емельянов родился в 1884 г. в Уфимской губернии в православной семье. В юности был пострижен в монахи с именем Потапий, потом рукоположен в православные священники. С марта 1917 – настоятель прихода в селе Нижняя Богдановка, под Луганском, на Украине. В 1918 г. вместе со своим приходом присоединился к Католической Церкви. Многократно преследовался во время Гражданской войны. В 1927 г. арестован, приговорен к 10 годам лагерей. Отбывал заключение в Соловецком лагере. 4 августа 1936 г. освобожден из лагеря. Умер 14 августа того же года на ст. Надвоицы в Карелии. Место его захоронения неизвестно.

Молитва о прославлении Слуги Божьего свящ. Потапия Емельянова

Всемогущий Боже, Сын Твой страдал и умер на Кресте ради спасения людей. Подражая Ему, Слуга Твой отец Потапий Емельянов любил Тебя всем сердцем, верно служил Тебе во время гонений и отдал жизнь за Церковь. Прославь его в сонме Твоих блаженных, чтобы пример его верности и любви сиял перед всем миром. Молю Тебя, по его заступничеству услышь мою просьбу Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич. СПб. 5.04.2004*

РАБА БОЖЬЯ
МАТЬ МАРИЯ ЕКАТЕРИНА СИЕНСКАЯ
 (АННА ИВАНОВНА АБРИКОСОВА)

1882–1936

Анна Ивановна Абрикосова родилась 23 января 1882 г. (по др. данным - 22 декабря 1881 г.) в Москве. В 1903 г. окончила Гайртонский колледж Кембриджского университета, вернулась в Россию и вышла замуж за Владимира Владимировича Абрикосова. 20 декабря 1908 г. в Париже приняла католичество. В 1911 г. была принята в новициат Третьего Ордена Св. Доминика. В 1917 г. основала и возглавила общину сестер-терциарок Ордена Св. Доминика (византийского обряда). В 1923 г. была арестована вместе с сестрами общины, а затем приговорена к 10 годам тюрьмы. В 1932 г. была освобождена по состоянию здоровья (рак груди). В 1933 г. была снова арестована и приговорена к 8 годам лагерей. Скончалась 23 июля 1936 г. в больнице Бутырской тюрьмы в Москве, тело кремировано 27 июля 1936 г.

Молитва о прославлении Рабы Божьей матери Екатерины Абрикосовой

Всемогущий Боже, Сын Твой страдал и умер на Кресте ради спасения людей. Подражая Ему, Раба Твоя мать Екатерина Абрикосова любила Тебя всем сердцем, верно служила Тебе во время гонений и отдала жизнь за Церковь. Прославь ее в сонме Твоих блаженных, чтобы пример ее верности и любви сиял перед всем миром. Молю Тебя, по ее заступничеству услышь мою просьбу Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
 а также публично вне литургии.
 + Архиепископ Тадеуш Кондрусевич. СПб. 5.04.2004*

РАБА БОЖЬЯ
СЕСТРА РОЗА СЕРДЦА МАРИИ
(ГАЛИНА ФАДДЕЕВНА ЕНТКЕВИЧ)

1896–1944

Галина Фаддеевна Енткевич родилась 24 мая 1896 г. в Витебской губернии. В Москве присоединилась к общине доминиканок-терциарок, созданной Анной Абрикосовой (матерью Екатериной). Приняла имя Розы Сердца Марии. Принесла дополнительный обет: страдания за обращение России. Вместе с другими сестрами была арестована в 1923 г., приговорена к 5 годам заключения. Позже отправлена в трехлетнюю ссылку. Освобождена из ссылки с запретом проживать в шести крупных городах СССР. В 1935 г. снова арестована в Малоярославце по делу католического духовенства, но оправдана. В 1942 добровольно поехала ухаживать за больной сестрой общины, отправленной в ссылку в с. Ново-Шульба Семипалатинской области, в Казахстан, где скончалась от тяжелой болезни 10 января 1944 г.

Молитва о прославлении Рабы Божьей сестры Розы Сердца Марии

Всемогущий Боже, Сын Твой страдал и умер на Кресте ради спасения людей. Подражая Ему, Раба Твоя сестра Роза Сердца Марии любила Тебя всем сердцем, верно служила Тебе во время гонений и отдала жизнь за Церковь. Прославь ее в сонме Твоих блаженных, чтобы пример ее верности и любви сиял перед всем миром. Молю Тебя, по ее заступничеству услышь мою просьбу ...Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.*
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич. СПб. 5.04.2004

РАБА БОЖЬЯ КАМИЛЛА НИКОЛАЕВНА КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

1892–1937

Камилла Николаевна Крушельницкая родилась в 1892 году в Барановичах. Окончила гимназию и обучалась в университете в Москве. Проживая в Москве, поддерживала отношения с настоятельницей общины терциарок Св. Доминика матерью Екатериной Абрикосовой. В начале 30-х, во время религиозных преследований, на квартире у Крушельницкой собиралась молодежь для общения на религиозные темы. Камилла Николаевна была арестована в 1933 году и затем приговорена к 10 годам лагерей. Была отправлена в Соловецкий лагерь. В лагере проявляла стойкость в вере, вступила в брак с человеком, которого надеялась обратить, но он оказался предателем. В 1937 г. Крушельницкую вывезли с Соловков, и 27 октября 1937 г. расстреляли в урочище Сандормох под г. Медвежьегорском, в Карелии.

Молитва о прославлении Рабы Божьей Камиллы Крушельницкой

Всемогущий Боже, Сын Твой страдал и умер на Кресте ради спасения людей. Подражая Ему, Раба Твоя Камилла Крушельницкая любила Тебя всем сердцем, верно служила Тебе во время гонений и отдала жизнь за Церковь. Прославь ее в сонме Твоих блаженных, чтобы пример ее верности и любви сиял перед всем миром. Молю Тебя, по ее заступничеству услышь мою просьбу ... Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Молитву можно использовать частным образом,
а также публично вне литургии.*
+ Архиепископ Тадеуш Кондрусевич, СПб. 5.04.2004

СЛУГА БОЖИЙ АРХИЕПИСКОП ИОАНН ЦЕПЛЯК

1857–1926

Беатификационный процесс начался в Риме в 1952 году

Родился в г. Домброва Петроковской губ. Царства Польского (ныне Домброва Гурнича в Бендзинском районе Польши). В течение многих лет преподавал в Духовной Академии в Санкт-Петербурге. Викарный епископ и администратор Могилёвской архиепархии. В июне 1919 г. получил титул архиепископа Охридского. За свою веру был арестован и приговорён в 1923 г. на московском процессе к смертной казни, замененной на 10 лет заключения. В 1924 г. выдворен из СССР. В 1925 г. назначен архиепископом Виленским. Скончался во время путешествия по США 17.02.1926 г., до вступления в должность. Похоронен в Виленском кафедральном соборе.

Молитва о причислении к лику блаженных Слуги Божьего

архиеп. Иоанна Цепляка

Боже, Отче Всемогущий, посылающий в тяжёлые и опасные времена Своей Церкви величайших святых для защиты веры в качестве примера для подражания и духовных вождей для борьбы со злом, смиренно просим Тебя, дабы Твой слуга Иоанн был в скором времени причислен к лику святых и стал для угнетённых народов примером мужества и верности в исповедании католической веры. Через Христа, Господа нашего. Аминь.

Господь Иисус Христос, даровавший Твоему слуге Иоанну мужество для преодоления ради Имени Твоего голода, заключения и преследований, просим Тебя ради Твоих святых ран приблизить момент причисления слуги Твоего к лику блаженных и святых. Аминь.

Дух Святой, озари нас, вдохнови и веди на борьбу со злом в наши дни, по примеру Твоего верного слуги Иоанна, и по его заступничеству удели нам благодать, о которой мы просим Тебя: (указать личную просьбу).

О Царица, Ты царствуешь на Ясной горе в Ченстохове, просим по Твоему ходатайству у Владыки Престола Небесного эту величайшую благодать, дабы новый заступник воодушевлял с небес ряды воителей для борьбы за святое дело в наши дни. Через Христа, Господа нашего. Аминь.

*Imprimatur + Станислав Винсент Бона,
епископ Грин Бэй (Висконсин),
США, 12 июня 1953 г.*

Перевод с польского языка о. Х. Пожарского

СВЯЩЕННИК АНТОНИЙ ДЗЕМЕШКЕВИЧ

1891–1937

Антоний Дземешкевич родился в 1891 г. в крестьянской семье в деревне Бошарово Старосельской волости Оршанского уезда Могилевской губ. Окончил католическую семинарию в Петрограде, в 1918 г. рукоположен во священника. Служил в Орле, Брянске и Рославле. С 1924 г. служил администратором приходов в Нижнем Новгороде и Владимире, в 1927 г. стал настоятелем, также окормлял приходы в Рязани, Ярославле, Рыбинске и Костроме. В октябре 1929 г. был арестован вместе с членами приходского совета. 13 марта 1930 г. приговорён к 10 годам концлагерей, отправлен на Соловки. В 1937 г. на Соловках переведён на тюремный режим, 9 октября того же года особой тройкой УНКВД приговорён к высшей мере наказания. Расстрелян 3 ноября 1937 г. в урочище Сандормох.

Молитва о прославлении свящ. Антония Дземешкевича, мученика, пострадавшего за веру в римско-католическом приходе Успения Пресвятой Девы Марии в Нижнем Новгороде

Господи, Ты сказал: «...блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески злословить за Меня». Прими в свет Лица Своего отца Антония Дземешкевича, знавшего, что Ты есть Путь, не последовавшего за лжепророками земного рая, а принявшего смерть за веру.

Ты сказал: «...всякого, кто исповедает Меня перед человеками, и Сын Человеческий исповедает перед Ангелами Божиими». Милостиво взгляни на отца Антония Дземешкевича, сохранившего верность Тебе – Истине вечной и своему призванию.

Ты сказал: «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать». Вспомни об отце Антонии Дземешкевиче, который принял страдания с Тобою в сердце и умер за Тебя с любовью, ибо Ты – Жизнь, а отвергающий Тебя – тлен.

Молим Тебя, прославь мученика Твоего, причисли его к лику святых, дабы он светлым венцом своего мученичества озарял нам путь к Царствию Небесному. Аминь

Хронологическая таблица

Дата (н. ст.)	История Советской России и СССР	Мученичество Слуг Божьих
07.11.1917	Октябрьская революция	
23.01.1918	Декрет об отделении Церкви от государства	
05.09.1918	Декрет о красном терроре	
19.02.1922	Декрет об изъятии церковных ценностей	
01.06.1922	Уголовный Кодекс РСФСР	
11.1922	Создание Антирелигиозной Комиссии	
30.12.1922	Образование СССР	
21.03.1923		Начало московского процесса (обвиняются: о. К. Будкевич, о. А. Малецкий, о. Я. Тройго)
01.04.1923		Расстрел о. К. Будкевича
13.10.1923	Образование Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН)	
11.1923- 03.1924		Процесс русских католиков (арестованы: м. Е. Абрикосова и с. Роза Сердца Марии, о. Е. Акулов)
07.02.1925	Образование Союза Безбожников	
1926	Введение в Уголовный Кодекс 58 ст. (Контрреволюционная деятельность)	
1926	Тайные назначения Апостольских Администраторов	
03.12.1926		Арест о. П. Хомича
13.01.1927		Новый арест о. Я. Тройго
27.01.1927		Арест о. П. Емельянова
1932		Аресты в Соловецком лагере (о. П. Емельянов, о. Я. Тройго, о. П. Хомич)
11.08.1932		Смерть о. Я. Тройго в тюрьме
1933		Арестована К. Крушельницкая, а также, вновь. м. Е. Абрикосова
17.01.1935		Скончался еп. А. Малецкий

Дата (н. ст.)	История Советской России и СССР	Мученичество Слуг Божьих
02.01.1936		Арестован о. А. Червинский
23.07.1936		В тюрьме скончалась м. Е. Абрикосова
14.08.1936		В лагере скончался о. П. Емельянов
1937	«Ежовщина», аресты по оперативным приказам	
06.1937		Арестован о. Франциск Будрис
26.07.1937		Вновь арестован о. Е. Акулов
27.08.1937		Расстрелян о. Е. Акулов
27.10.1937		Расстреляна К. Крушельницкая
16.12.1937		Расстрелян о. Ф. Будрис
26.01.1938		Расстрелян о. А. Червинский
22.10.1939		Арестован архим. Ф. Абрантович
24.10.1939		Арестован о. С. Шульминский
22.06.1941	Нападение Германии на СССР	
27.06.1941		Арестован архиеп. Э. Профиттлах
27.11.1941		Скончался о. С. Шульминский
22.02.1942		Скончался архиеп. Э. Профиттлах
15.06.1942		Вновь арестован о. П. Хомич
10.09.1942		Расстрелян о. П. Хомич
11.02.1944		Скончалась с. Роза Сердца Марии
1945	Победа СССР над Германией	
02.01.1946		Скончался архим. Ф. Абрантович
22.12.1948		Арестован о. А. Цикото
1950		Арестован о. Я. Мендрикс
13.02.1952		Скончался о. А. Цикото
01.08.1953		Расстрелян о. Я. Мендрикс

(Составил прелат Бронислав Чаплицкий)

ИСТОРИЯ ПРОЦЕССА БЕАТИФИКАЦИИ В РОССИИ

Началу первого и пока единственного процесса беатификации католических новомучеников в России предшествовал период, когда страна, с началом перестройки, позволила себе вдохнуть воздух свободы. Началось религиозное возрождение, частью которого было возрождение католических общин, установление Апостольской Администрации и, наконец, организация нормальной деятельности Католической Церкви в стране. Стало возможным говорить вслух, в том числе в проповедях, о тех, кто пострадал при советском режиме, публиковать статьи и книги, организовывать конференции, собирать воспоминания. На некоторое время открылись государственные архивы. К юбилею христианства папа Римский Иоанн Павел II призвал не забывать свидетельства христианских мучеников и «обновить мартирологи Вселенской Церкви, уделяя большое внимание святости тех, кто и в наше время сполна жил истиной Христовой»¹, так как к концу второго тысячелетия христианства «Церковь вновь стала Церковью мучеников»². В 2000 г. в России был собран и издан католический мартиролог – «Книга памяти»³.

30 января 2002 г. Конференция Католических Епископов Российской Федерации утвердила программу «Католические Новомученики России». Задача, стоявшая перед программой, – работа над подготовкой к прославлению российских католических мучеников XX столетия. На первой стадии задачей программы было собрать сведения о кандидатах к прославлению, информацию и документы о них, их жизни и смерти, а также о частном почитании их верующими во всём мире. Собранные сведения были представлены вниманию компетентных церковных властей, от которых зависело официальное начало процесса беатификации кандидатов.

Процесс получил в Риме название: «Дело о беатификации или объявлении мучениками Архиепископа Эдуарда Профиттлиха и 15 сподвижников». Он начался 31 мая 2003 г. С этого момента кандидаты получили титул Слуг Божьих.

Первоначальной причиной включения их в процесс являлся тот признак, что они пострадали и погибли на территории Советского Союза. Но впоследствии процесс был реорганизован в связи с тем, что почитание некоторых Слуг Божьих развивалось не в Российской Федерации, а в тех местах, откуда они родом или где в основном служили.

17 января 2014 г., ввиду того, что процесс Слуги Божьего архиеп. Профиттлиха был передан в Эстонию, процесс новомучеников российских получил новое название: «Дело о беатификации или объявлении мучениками епископа Антония Малецкого и 14 сподвижников».

В настоящее время большинство доступных источников обследовано. Биографии Слуг Божьих представлены с возможной полнотой. Сбор инфор-

¹ Tertio millennio adveniente («Наступающее третье тысячелетие»), 37.

² Tertio millennio adveniente, 37.

³ Чаплицкий Б., Осипова И. И. Книга памяти: Мартиролог Католической Церкви в СССР. М., 2000.

мации затруднило то, что большинство архивов, открытых после перестройки, в начале 2000-х годов было вновь закрыто для исследователей. Установлены ограничения в доступе к документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни на срок 75 лет, а до окончания этого срока архивные сведения могут выдаваться только с письменного разрешения самого гражданина, после же его смерти – с санкции его наследников. Однако представители всех религий и конфессий не перестают ходатайствовать перед правительством о том, чтобы открыть архивы. В России проблема архивов особенно касается Русской Православной Церкви, давшей наибольшее число новомучеников.

МУЧЕНИЧЕСТВО

«...И будете Мне свидетелями даже до края земли...»

«Се жизнь в костях мучеников: кто скажет, что они не живут? Се живые памятники, и кто в том усомнится? Они твердыни неприступные, куда разбойникам не войти, грады укрепленные, предателей не знающие, башни высокие и прочные для тех, кто в них укрылся, для убийц недоступные, смерть к ним не приближается».

Эти слова св. Ефрема, произнесенные в древности, истинны и сегодня. На протяжении всей истории Церкви мученический подвиг особенно почитался ею. Что же такое мученичество, и кого мы называем мучениками? Почему и как Церковь почитает своих мучеников? Как именно происходит признание и прославление мученика Церковью?

Из истории мученичества

Святость мучеников – это древнейшая разновидность святости, получившая признание в Церкви. Само это слово происходит от греческого слова «мартис» (др.-греч. μάρτυς, μάρτύρος, лат. martyr). Основное значение этого слова – «свидетель», и в этом значении оно может относиться к апостолам, видевшим жизнь и воскресение Христа и получившим благодатный дар свидетельствовать перед миром о Его Божестве, о явлении Бога во плоти и о принесенной Им благой вести спасения.

Священное Писание применяет это слово и к Самому Христу, «Который есть свидетель верный, первенец из мертвых и владыка царей земных» (Откр.1:5). Воскресший Господь, явившись Апостолам, говорит им: «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1:8).

Господь Иисус Христос, совершенный свидетель Отца, принявший смерть из любви к нам и ради нашего спасения, действительно может быть назван Мучеником, – более того, Он – Образец и Пример всякого иного христианского мученичества.

С самого начала Церковь сопровождала гонения. Уже в Священном Писании мы находим первые примеры мученической смерти за Христа – например,

историю первомученика Стефана. Предстоя осудившему его на смерть сине-дриону, св. Стефан «возрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстыми и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Деян. 7:55–56). Из самих этих слов видно, как мученичество, особым образом устремленное к торжеству Божьего Царства, тесно соединяет мученика со Христом, вводит в особые отношения с Ним. Когда св. Стефана побивали камнями, он «воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил» (Деян. 7:60). Мы видим, что в своем мученичестве св. Стефан до конца следует образцу и примеру, данному Самим Христом, молившим Отца: «Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23:34). Последующие гонения на Церковь со стороны римских властей также привели к мученичеству многих христиан. Со своей стороны, Церковь, встречаясь с этим опытом, могла яснее и глубже осознать его смысл и ценность, а также его значение для себя.

В ранний период истории Церкви мученичество, сильнейшее свидетельство истинности христианской веры, оказалось особенно действенным в ее распространении. Иногда ко Христу обращались даже палачи и гонители, потрясенные примером необъяснимого мужества мучеников перед лицом страданий и смерти. Именно это, в подлинном смысле слова миссионерское значение мученического подвига, имел в виду христианский писатель III века Тертуллиан, писавший, что «кровь мучеников есть семя новых христиан».

В последующем Церковь еще не раз бывала гонима. Справедливо было бы сказать, что эти гонения продолжались всегда – в разной форме и на разных территориях. Поэтому свидетельство мученичества никогда не прекращалось, и мученики всегда подтверждали истинность христианской веры своим подвигом, заключающим в себе самое очевидное и непосредственное подражание Христу.

ПОЧИТАНИЕ МУЧЕНИКОВ

С самого начала своей истории христиане придавали особое значение мученикам и признавали их особую святость. Мученичество рассматривалось как торжество благодати над смертью, Града Божьего над Градом Дьявола. Именно мученичество – первая форма святости, признанная Церковью, – и на основе развития понимания смысла мученичества впоследствии развивается всякое иное почитание святых.

Весьма рано возникает традиция благоговейного сохранения памяти о мучениках и окружения ее религиозным культом. В дни смерти мучеников, которые рассматривались как дни их рождения для новой жизни в Царстве Небесном, христиане собираются на их могилах, совершая в память о них молитвы и евхаристическое богослужение. К ним обращаются в молитвах, видя в них друзей Божиих, наделенных особым даром ходатайствовать о членах земной Церкви перед престолом Всевышнего. Особое почитание воздавалось их могилам и останкам (мощам). Записывались описания их мученической кончины и собирались документы о них (так называемые «акты мучеников»).

По свидетельству «Мученичества Поликарпа Смирнского», ежегодно в годовщину его смерти община собиралась на его могиле. Совершалась Евхаристия и раздавалась милостыня нищим. Так постепенно появлялись те формы, в которые облекается почитание мучеников, а затем и других святых. К III веку устанавливается вполне определенная традиция культа мучеников.

Живший в IV веке св. Амвросий Медиоланский говорит: «...Следует молить мучеников, чьей защиты, ценой их тела, мы удостоились. Они могут замаливать наши грехи, ибо смыли их своею кровью, даже если сами каким-либо образом их совершили; они – мученики Божии, покровители наши, им ведомы наша жизнь и наши дела. Мы не постыжаемся иметь их заступниками нашей слабости, ибо и они знавали слабости телесные, хотя и победили их». Итак, с древних времен Церковь верит в то, что ее святые мученики ходатайствуют за нее перед Богом.

Над могилами мучеников возводились особые постройки в их память, и эта традиция приводит, после окончания первых гонений, к обычаю строить церкви вблизи мест упокоения тел святых. Следует отметить, что языческие обычаи, как правило, предписывали сторониться мест захоронения мертвых. То, что у христиан могилы мучеников становятся центрами религиозной жизни общины, доказывает, что они не воспринимались как мертвые, а скорее – как живые и деятельные члены Церкви, особо соединенные со Христом и способные уделять Его благодать другим.

После прекращения гонений, в IV–V веках, в Церкви возникает необходимость определенным образом регламентировать культ мучеников. С этого времени начинает свое существование процедура формального прославления мучеников – признания Церковью подлинности их святости и их мученической кончины. Празднование памяти мучеников перерастает из частного обряда, совершаемого над могилой, в торжественное событие для всей Церкви – сначала поместной, а затем и вселенской. Дни памяти мучеников записываются в специальные «мартирологи», на основе которых впоследствии создается неподвижный годовой цикл богослужений Церкви.

МУЧЕНИЧЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ УЧИТЕЛЬСТВЕ ЦЕРКВИ

Существовая с древних времен, мученичество не потеряло своего значения и сегодня. С древности к мученикам Церковь применяла слова Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Современное Учительство Церкви не забывает напоминать верующим о том, какое значение для всех христиан имеет подвиг мучеников.

Значение мученичества было подчеркнуто Вторым Ватиканским Собором: «Поскольку Иисус, Сын Божий, явил Свою любовь, положив за нас Свою душу, то большей любви, чем у того, кто свою душу полагает за Него и за братьев своих, нет ни у кого. Уже с самого начала некоторые христиане были призваны – и всегда будут призываться – к тому, чтобы подать это величайшее свидетельство любви перед всеми, особенно перед гонителями. Поэтому мученичество, которым ученик уподобляется Учителю, добровольно принявшему смерть ради спасения мира, и сообразуется Ему

через пролитие крови, почитается Церковью как драгоценнейший дар и наивысшее доказательство любви»⁴.

Подобным образом учит и Катехизис Католической Церкви: «Мученичество есть высшее свидетельство об истине веры; оно означает свидетельство до смерти. Мученик свидетельствует о Христе умершем и воскресшем, с которым он соединен любовью. Он свидетельствует об истине веры и христианского учения. Он принимает насильственную смерть... Церковь с самым бережным вниманием хранит воспоминания о тех, кто отдал свою жизнь, чтобы свидетельствовать о своей вере⁵. Деяния мучеников составляют свидетельства Истины, написанные кровью»⁶.

В булле «Тайна Воплощения» Папа Иоанн Павел II учил: «знаком истинности христианской любви, постоянным, но особенно красноречивым в наши дни, является память о мучениках. Их свидетельство не должно быть забыто»⁷. Еще раз он указал на важность свидетельства мучеников в своем Апостольском послании «Наступающее третье тысячелетие»: «...Церковь первого тысячелетия родилась из крови мучеников: „Sanguis martirum – semen christianorum”⁸. Исторические события, связанные с Константином Великим, никогда бы не обеспечили Церкви тот путь, что она прошла в первое тысячелетие, если бы не было посева мучеников и наследия святости, характеризующих первые христианские поколения. К концу второго тысячелетия Церковь вновь стала Церковью мучеников. Гонения на верующих – священников, монашествующих и мирян – вызвали обильный посев мучеников в разных частях света. Свидетельство, приносимое Христу, вплоть до свидетельства кровью, стало общим достоянием католиков, православных, англикан и протестантов... Это свидетельство забывать нельзя. Несмотря на большие организационные трудности, Церковь первых веков собирала свидетельства мучеников в мартирологи... В нашем веке вновь явились мученики – часто неизвестные, они подобны „неизвестным солдатам” великого дела Божьего. Мы должны изо всех сил стараться не утратить для Церкви их свидетельства... Поместные Церкви должны сделать все возможное, чтобы не канула в Лету память о тех, кто принял мученичество, и для этого собирать необходимые сведения о них... Провозглашая и почитая святость своих сынов и дочерей, Церковь воздала высшую честь Самому Богу; в мучениках она почитала Христа, источник их мученичества и святости. Позднее распространилась практика канонизации, и по сей день существующая в Католической и Православной Церквях. Причисление к сонму святых и блаженных умножилось в последние годы. Они свидетельствуют о жизненной силе поместных Церквей, которые ныне гораздо многочисленнее, чем в первые века и вообще в первое тысячелетие...»⁹

Из приведенных слов ясно, что Церковь, в лице своего Учительства, не только не изменила своего благоговеющего отношения к подвигу мученичества и к мученикам, но и постоянно напоминает о необходимости сохранять память об их свидетельстве.

⁴ Lumen Gentium, 42.

⁵ Катехизис Католической Церкви, 2473–2474.

⁶ Incarnationis Mysterium, 13.

⁷ «кровь мучеников – семя христиан» (лат.).

⁸ Tertio Millennio Adveniente, 37.

Богословское значение мученичества

Размышляя о мученичестве с богословской точки зрения, мы можем понять его подлинное значение для христианской веры и жизни. Говоря вкратце, можно подчеркнуть несколько особенно важных моментов такого размышления:

Мученический подвиг обращен ко Христу: мученик соотносит всю свою жизнь со Христом, Которого рассматривает как Путь, Истину и Жизнь. Иисус Христос становится для него центром истории – не только истории человечества, но и его собственной, личной истории. Христос для мученика – центр всего мироздания и мера всех вещей и событий. Подлинную значимость жизнь человека обретает только в свете личности Иисуса Христа, поэтому мученик осознает себя призванным следовать за Ним и подражать Ему во всем, включая и Его мученическую смерть на Кресте. Смерть мученика, благодаря ее устремленности ко Христу, становится, таким образом, знамением подлинной Жизни, а сам мученик входит в отношения глубочайшего единения и союза со Христом. Момент мученичества иногда даже уподобляют моменту бракосочетания между душой мученика и ее Господом.

Мученический подвиг обращен к торжеству Царства Небесного: в смерти мученика осуществляется конечное торжество Царства Божьего, к которому была устремлена его жизнь. Мученичество ставит нас перед необходимостью заново осознать значение, смысл и конечную цель человеческой жизни и истории человечества. Мученическая смерть – это торжество царства благодати и жизни, Царства Божьего над царством греха и смерти, над силами тьмы, действующими в преходящей реальности. Это событие, указывающее на то, что без присутствия Христа реальность не имела бы смысла и ценности.

Мученический подвиг обращен к Церкви: Мученик умирает в Церкви и в вере Церкви. Он умирает не за убеждения или взгляды, но за Личность Христа, объемлющую всю полноту Истины. Поэтому смерть мученика немыслима вне Тела Христова, которым является Церковь. Умирая в вере Церкви, мученик рождается в новую жизнь и причисляется к Церкви Торжествующей, оставаясь причастным к жизни своей христианской общины, ходатайствуя о ней и укрепляя ее веру.

Наконец, мученический подвиг обращен к миру: мученичество всегда является публичным свидетельством о Христе и Его истине перед лицом мира и перед лицом гонителей. Поэтому в своем подвиге мученик уподобляется Христу, пришедшему в мир, чтобы мир познал Отца. Принимая смерть за Христа, мученик возвещает о Нем всему миру.

Завершая это краткое обозрение богословского смысла мученичества, уместно привести слова из статьи о мучениках Фиделя Гонзалеса (Fr. Fidel González): «Отказ мученика „приносить жертвы” идолам государства или культуры „града дьявола” трактуется как отказ следовать анахронизму, как преодоление упадка и дряхления „града дьявола” и его критериев. Мученик осознает, что настала полнота времен во Христе, которая всему придает смысл и все освобождает. Поэтому мученик – истинно свободный человек и единственный истинный мученик свободы. В своем „непредсказуемом упорстве” он показывает, что хочет пребывать в новой истории, родившейся из пронзенного ребра Христова, откуда „излился смысл времени”. Он заявляет о своем желании жить, а не оставаться трупом или развалиной на обочине истинной Церкви. Он вошел во Христа, это дало ему жизнь».

СЛУГИ
БОЖЬИ

СЛУГА БОЖИЙ
ЕПИСКОП
АНТОНИЙ МАЛЕЦКИЙ

1861–1935

ДЕТСТВО И ЮНЫЕ ГОДЫ АНТОНИЯ МАЛЕЦКОГО

В 1861 г. в петербургском храме Святой Екатерины было крещено 379 младенцев. В книге крещений под номером 135 находится запись, свидетельствующая о крещении Антония Малецкого, из которой мы можем узнать, что он родился в Петербурге 17 апреля 1861 г. (по новому стилю – 29 апреля) и был крещён о. Чеславом Коцяковским, доминиканцем, 6 мая того же года. Его родителями были капитан Иосиф Малецкий и Владислава, урожденная Сухаржевская, а восприемниками при крещении – поручик Станислав Родкевич с супругой Оливией.

Иосиф Малецкий, сын Доминика, служил в должности коллежского асессора по Департаменту отчётов по воинскому государственному контролю⁹. Воинский чин отца и занимаемая им должность соответствовали 8-му рангу из 16, перечисленных в Табели о рангах, а значит, семья принадлежала к кругу небогатого дворянства.

⁹ Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. 1867–68 г. С. 299.

В таких семьях образование детей было фундаментом их будущей карьеры. Как это часто бывало в ту эпоху, в семье Малецких сыновьям был уготован тот же путь, по которому шёл их отец. Антония отдали в гимназию Анненшуле при лютеранском приходе церкви Святой Анны. Гимназия принадлежала к числу старейших в Петербурге, в ней учились не только лютеране, но и православные, католики, армяне и др. Это учебное заведение заслуженно пользовалось доброй славой. Гимназия была основана в 1773 г. и оставалась одной из трёх школ, существовавших при неправославных приходах. Она состояла из двух отделений – реального и гимназического, к которым было присоединено особое отделение для девочек¹⁰.

Антония в его школьные годы отличала необычайная живость характера, неизменно хорошее настроение, доброжелательность и любовь к хорошей шутке. Эти черты характера помогали ему приобретать друзей – ими становились все, с кем он встречался. В гимназию Анненшуле принимали детей в возрасте 9–10 лет. Учебный год начинался 8 августа, программа занятий реального отделения предусматривала обучение арифметике, алгебре, геометрии, естественной истории, географии, физике, химии и рисунку. Изучались также русский, французский, немецкий и английский языки. Преподавался Закон Божий, разными священниками, в отдельных группах, соответственно вероисповеданию учеников, в числе которых была группа католиков. В сохранившихся воспоминаниях о Малецком мы находим только одну фразу, относящуюся к этому периоду: *«Католическая вера учит нас истине о том, что „все люди равны“. Я учился в гимназии св. Анны и наш учитель Сергеев всегда учил нас говорить правду и применять ее в практике»*.

Оценки по разным предметам, которые мы можем найти в свидетельствах Антония, скорее указывают на то, что он был обычным средним, учеником¹¹. Воспитанники реального отделения гимназии приобретали добротное знание иностранных языков, необходимое впоследствии для чтения иностранной литературы и профессионального образования. Много времени посвящалось математике и рисунку, что было важно для тех, кто готовился посвятить себя инженерной специальности или фортификации.

Трудно сказать, почему Антоний Малецкий окончил только пять классов из положенных шести. Известно, что он был переведен в частную школу с интернатом, в которой готовили к поступлению в Николаевское училище. Возможно, одной из причин была забота родителей о здоровье сына. Как писал директор Анненшуле Юлий Кирхнер: *«На нас, из-за болезней, распространяющихся по городу, обрушились тяжёлые испытания. В школе мы оплакали уже не одного умершего... Многие ученики трёх отделений (включая женское) больны корью»*.

Благодаря заботе родителей Антоний после годичной подготовки в частной школе поступил в Николаевскую инженерную академию. Она помещалась в Михайловском замке и занимала почётное место среди высших учебных заведений. В академии преподавались многие дисциплины, необходимые военным инженерам. Фортификация была одной из основных строительных дисциплин, преподававшихся в то время. Помимо обучения возведению оборонительных сооружений, курс этой науки включал основы строительства

¹⁰ Корнилов И.П. Атлас учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа. СПб., 1862.

¹¹ Годовой отчёт училища св. Анны. СПб., 1875.

гражданских сооружений: жилых домов, каналов, а также элементы парковой архитектуры. В академии преподавали и технический рисунок, теоретическую механику, геодезию, топографию, а из военных наук – историю войн, тактику и основы военного администрирования.

В младших классах кадетской школы было одно занятие в неделю по истории религии (по субботам). Язык преподавали рутинно и без учёта способностей воспитанников: всему классу задавали перевод одного и того же текста, что, разумеется, было ниже возможностей юного Малецкого. После трёх лет обучения начинались занятия по верховой езде, гимнастике, происходили полёты учения, преподавали также фехтование и танцы. Кроме того, ежедневно в течение часа воспитанники занимались в столярной и токарной мастерской, а в воскресенье – в столярной мастерской и кузнице. Каникул не было, но академический календарь, включённый в издававшийся академией справочник, предусматривал 29 праздничных дней в году, помимо рождественской и пасхальной недель. Эти дни Антоний Малецкий мог проводить дома. Николаевское училище давало отменное образование, среди его выпускников было много замечательных людей, одним из них стал и Антоний Малецкий.

Размышляя о юности Антония, мы можем заметить, что настроения в среде, в которой он жил и в которой складывалась его личность, были лишены малейшего оттенка революционного бунтарства. Напротив, благодаря этой среде, он научился искать смысл жизни и обрёл насущную потребность по-христиански служить самым бедным и несчастным. В это время Россия – а прошло немногим более пятнадцати лет со дня отмены крепостного права – переживала огромные трудности. Поэтому юноша стремился помогать тем, кто в поисках работы добирался до столицы могущественной империи. Среди тех, кто искал здесь заработок, были выходцы из западных губерний и Царства Польского. Нужно отметить, что в 1866 г. в Петербурге было 491 тыс. жителей, а в 1880-х гг. число горожан выросло почти четырёхкратно.

Тяготы ежедневной жизни не способствовали соблюдению нравственных принципов. В мемуарах «Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов» Д.А. Засосов и В.И. Пызин пишут: *«Петербург, громадный город с большим количеством пришлого населения, создавал условия, благоприятствующие лёгкости нравов: приезд на заработки одиноких мужчин и женщин или отдельно от семьи, развитие пьянства, нужда, толкающая молодых женщин на случайные связи, наличие в столице людей, „прожигающих жизнь“ и ищущих различных приключений. В результате всех этих обстоятельств рождалось много внебрачных детей, так называемых „незаконнорождённых“»*¹². Таких младенцев часто подбрасывали чужим людям: тайно оставляли у ворот, у дверей квартир, в вагонах, на вокзалах и проч.

Как раз в те годы, когда молодой Малецкий ходил в школу и рос, промышленное развитие привело к резкому увеличению числа жителей города. Будучи воспитан в атмосфере семейного благочестия и религиозности, юноша был поражён безнравственностью общества, и в нем родилось горячее желание прийти на помощь людям. Он не вступил ни в одну из действовавших тогда революционных или анархических партий, которые мечтали с помощью террористических актов изменить несправедливое устройство общества, но поступил в духовную семинарию. Он желал стать духовным пастырем и

¹² Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев. СПб, 1991. С. 78.

руководителем тех, о ком говорилось, что они погибают для веры и нравственности. Хотя тогда, в свои 18 лет он ещё не мог до конца отдавать себе отчёт, как будет выглядеть его будущая жизнь, впоследствии вышло так, что полученные им навыки и знания оказались очень полезными. Итак, Антоний пренебрёг службой у царя земного и избрал служение Христу, Царю Небесному.

В МОГИЛЕВСКОЙ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ СЕМИНАРИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Чтобы лучше понять, почему восемнадцатилетний Антоний решил оставить карьеру военного инженера русской армии и поступил в Духовную Семинарию в Петербурге, познакомимся с историей этой семинарии, узнаем, какую роль она играла в Могилёвской римско-католической архиепархии.

19 апреля 1859 г. папа Пий IX обратился с посланием к митрополиту Могилёвскому Вацлаву Жилинскому, поручая тому открыть в архиепархии собственную семинарию именно в Петербурге. Об этой просьбе Папы архиепископ Жилинский написал министру внутренних дел 23 июня 1859 г., однако последний не выразил согласия на реализацию предложения понтифика. Поэтому единственной семинарией, где могли бы учиться кандидаты из Могилёвской архиепархии, была Минская Семинария. Но в 1869 г. Минская епархия была упразднена и подчинена администратору Виленской епархии. Одновременно с ликвидацией епархии была закрыта и ее семинария, в результате стало негде готовить будущих пастырей.

Еп. Иосиф Станевский продолжил хлопоты архиеп. В. Жилинского об открытии семинарии в Петербурге, а после его смерти решить эту проблему попытался прелат Г. Ивашкевич, администратор архиепархии. 8 февраля 1872 г. он написал министру внутренних дел Российской империи письмо с напоминанием о том, что уже в течение 7 лет в римско-католической архиепархии не было рукоположений во священника, в то время как число пастырей уменьшилось из-за смерти 95 престарелых священников. Кроме того, многие из членов клира больны или стары и, поскольку их нечем заменить, вынуждены работать сверх сил с ущербом для своего здоровья. Это письмо прелата встретило понимание у директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (далее: ДДДИИ) графа Э.К. Сиверса. Министр внутренних дел А.Е. Тимашев и директор Департамента Сиверс в письме к митрополиту Антонию Фиалковскому (4 июня 1872 г.) признали необходимость открытия семинарии в Петербурге, чтобы ее воспитанники могли в достаточной мере овладеть русским языком и познакомиться с русской культурой. Однако деловая переписка и различные согласования, касающиеся открытия семинарии, продолжались ещё очень долго – целых семь лет.

Только в 1878 г. удалось найти подходящее здание для учебного заведения. Это был дом гражданского губернатора – № 49 по Екатерингофскому пр. (ныне пр. Римского-Корсакова). Таким образом, благодаря множеству усилий, открытие семинарии все более приближалось. Семья Малецких, как и вся католическая общечина в городе на Неве, с огромной благодарностью приняла это известие.

Тем временем Антоний Малецкий все больше погружался в поиски смысла своей жизни. Николаевская инженерная академия, где он учился, все менее отвечала глубоким стремлениям души молодого человека. Об этом рассказывал сам прелат Малецкий. Во время московского судебного процесса 1923 г. над архиеп. Иоанном Цепляком и 14-ю петроградскими священниками, обвинёнными в контрреволюционной деятельности он, в речи, обращённой к обвинителям, признался: «Здесь говорилось о моих коллегах и товарищах, и только меня одного не упоминали. Я восполню этот пробел в знаниях судей, так как моё нынешнее служение является результатом случая, произошедшего со мной ещё в моей молодости. Я происхожу из древнего небогатого дворянского рода. Мой отец, бывший военным инженером во время правления императора Николая I, научил меня уважению и любви ко всем людям без исключения. Тогда я был 12-летним мальчишкой, довольно никчёмно проживающим жизнь. Случай, о котором я хочу рассказать, собственно, вот каков: однажды я был груб с нашим дворником и назвал его дураком. Вскоре об этом узнал мой отец. Он послал за мной. Когда я явился к нему в кабинет, старый дворник уже сидел напротив него. Отец обратился ко мне со словами: „Встань на колени, поцелуй ему руку и проси прощения!“ – что я и сделал. Это запомнилось мне на всю жизнь. Когда бы мои судьи были христианами, я сказал бы им, что Бог использовал этот случай, чтобы призвать меня к служению священника и научить любви к бедным. (...) Так мой отец привил мне убеждение, что все люди равны».

В автобиографии, составленной в 1923 г. в московской тюрьме на Лубянке, о. Малецкий написал: «...Потрясённый распущенностью и лицемерием тогдашней молодёжи, я решил оставить мирскую карьеру и посвятить себя служению Богу».

Когда в петербургских храмах появились объявления о приёме желающих в Духовную Семинарию, Антоний уже не колебался. Он увидел в объявлении знак Божьего Провидения и подал заявление, хотя его отец был против этого шага. Семинарский регламент предусматривал вступительные экзамены по трём предметам: русскому языку, географии и истории России. Только кандидаты, сдавшие их с хорошей оценкой, могли просить директора ДДДИИ о принятии в семинарию. Малецкий получил такое разрешение 3 октября 1879 г.

10 октября архиеп. Антоний Фиалковский в присутствии министра Л.С. Макова, сенатора Мартынова и директора ДДДИИ А.Н. Мосолова освятил семинарскую часовню. В этот торжественный день рядом с архиепископом и гостями стояли 12 семинаристов. Товарищами и сокурсниками Антония Малецкого были будущие священники Франциск Ломсаргис, Антоний Гилевский, Иоанн Кухарский, Хризогон Пржемоцкий. Ректором семинарии был назначен прелат Карл Гриневицкий, впоследствии епископ Виленский, а вице-ректором – о. Витольд Эрдман.

Свящ. Антоний Малецкий

Духовенство Могилёвской архиепархии и молодые воспитанники с огромной радостью воспринимали происходящее. Этого ждали 20 лет. В архиепархии в течение 10 лет не было рукоположений во священники, а умерло 150. В день открытия семинарии все могли услышать исполненные радости слова архиеп. А. Фиалковского: «Большое торжество празднуется сегодня в этом доме, и чрезвычайно радуются все верные католики, ибо сегодня открывается долгое время не существовавшая в жизни Могилёвской архиепархии семинария, школа добродетели и науки для духовной молодёжи. Всемогуший Бог благословит это новое начинание, ибо без Его благословения нет ничего благого и ничего святого. Я же, восьмидесятирёхлетний старец, пятидесятишестилетний труженик в Вертограде Христовом, (...) я не могу один приносить добрых, от трудов исходящих, плодов, (...) и ныне, когда я это произношу, силы меня оставляют».

Пятилетнее обучение в семинарии выглядело следующим образом: первые два года преподавались общеобразовательные предметы, а следующие три – различные богословские дисциплины. Философия изучалась первые два года: по два часа в неделю на первом курсе, по три – на втором. Занятия по латинскому языку на первом курсе были пять раз в неделю, а на втором – шесть. Кроме того, изучались французский, немецкий, греческий языки, история России и краткий курс российского законодательства. Основное время посвящалось изучению Священного Писания, догматического и нравственного богословия – каждому из этих предметов отводилось четыре часа в неделю в течение трех лет.

Выпускники семинарии в царской России имели те же права, какие были признаны за выпускниками среднего учебного заведения. Устав семинарии предусматривал, что в штате преподавателей должно состоять пятнадцать человек, из которых семь (не считая ректора) были духовными лицами, а семь других мирянами. Эти четырнадцать человек составляли Совет семинарии при ректоре в качестве совещательного органа.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СВЯЩЕНСТВА АНТОНИЯ МАЛЕЦКОГО

17 мая 1884 г. диакон Антоний Малецкий был рукоположен архиеп. Александром Гинтовт-Дзевалтовским, митрополитом Могилевским, во священника в прокафедральном храме Могилевской архиепархии (храм Успения Пресвятой Девы Марии в Санкт-Петербурге). Спустя несколько дней о. Малецкий получил назначение в городской («фарный») храм Святого Антония в Витебске, где служил до конца мая. Он начал работать в бывшем францисканском храме, откуда монахи были изгнаны после подавления Январского восстания (1863–1864 гг.) В Витебске о. Малецкий находился недолго, уже 4 декабря 1884 г. митрополит перевел его в приход г. Минска (тогда часто употребляли другой вариант названия – Минск-Литовский). Витебским прихожанам было непросто расстаться с молодым викарием, которого они успели полюбить, высоко оценив его пастырское служение. Поэтому местные католики написали письмо митрополиту, прося не переводить о. Малецкого на другой приход, поскольку, как они выразились, он принёс много добра на прежнем месте служения. Схожее прошение подал даже витебский губернатор.

Тем не менее, о. Малецкий был послушен своему митрополиту и 20 декабря 1884 г., в назначенный день, вступил в должность викария бывшего иезуитского храма Пресвятой Девы Марии в Минске. Этот храм раньше был кафедральным собором Минской епархии, но после подавления Январского восстания и упразднения епархии утратил свой статус. 15 июля 1869 г. из города был депортирован последний минский епископ Адам Войткевич. В 1881–1884 гг. настоятелем храма Пресвятой Девы Марии был о. Виктор Войдаг, старавшийся поддерживать в своих прихожанах религиозный и нравственный дух и углублять их благочестие. Он трудился с необыкновенным упорством, организовал прекрасный церковный хор, заботился о церковном пении, отремонтировал орган. Особенно же этот пастырь заботился о катехизации простого народа, жившего в пригородных деревнях. Но за свою необычайную ревность священник пострадал, был изгнан царскими властями и был вынужден вести кочевую жизнь в Галиции, где его принял под свою защиту армяно-католический епископ Исаак-Николай Исакович.

Преемник о. Войдага на должности минского настоятеля, о. Александр Сипайлло, принявший в приходе нового викария, о. Малецкого, был во многом похож на своего молодого помощника. Во всяком случае, было определённое сходство в их биографиях, и мы можем это сходство подметить. О. Сипайлло, сын богатых родителей, также отверг возможность светской карьеры ради того, чтобы последовать призыву Бога. Отец священника был инженером на государственной службе и надеялся, что сын пойдёт по его стопам. Он не только не желал, чтобы сын стал священником, но и делал все, чтобы не допустить этого. Поэтому, уважая чувства отца, Александр сначала завершил обучение в реальной гимназии в Петербурге, а затем поступил в Институт инженеров путей сообщения. В 1876 г., по окончании курса, будущий пастырь смог преодолеть сопротивление родителей и поступил в семинарию. Он был рукоположен во священника в 1882 г., был назначен законоучителем одной из витебских гимназий, где ревностно исполнял свои обязанности, особенно заботясь о нравственном возрождении деморализованной молодёжи. За эту деятельность о. Сипайлло был обвинён царскими властями и приговорён к годичному покаянию и заключению в Аглонский доминиканский монастырь. По отбытии наказания он был распоряжением митрополита назначен к минскому приходу викарием, а после выезда о. Войдага – настоятелем. О. Малецкий, будучи молодым викарием, встретил в лице настоятеля настоящего пастыря, который ревностно заботился о вверенных ему прихожанах. Эти два молодых священника вместе оказались очень трудоспособны и работали, как слаженный механизм, как единое целое.

О. Александр Сипайлло был человеком слабого здоровья, а чрезмерная работа ещё больше подорвала его. Священник стал терять силы. Постоянно общаясь с бедными прихожанами, он заразился туберкулёзом. С другой стороны, о. Фердинанд Сенчиковский, послушный властям священник, лояльный более к государству, нежели к Церкви, активно способствовавший политике русификации Католической Церкви в России, завистливо наблюдал за работой о. Сипайлло. Его очень беспокоило оживление местной католической общины. Доносы и интриги о. Сенчиковского неизбежно должны были закончиться для о. Александра ссылкой. Приговор уже был подписан, но 28 апреля 1886 г. в приходском доме настоятель был найден мёртвым. Болезнь рано истощила его жизненные силы – в день смерти ему было всего 32 года. Скоропостижная смерть настоятеля стала

настоящим горем для прихожан, и его стали почитать почти как святого. Даже православное духовенство приходило в храм, чтобы воздать пастырю посмертные почести. О. Малецкий совершил траурное богослужение, во время которого, особенно когда о. Малецкий проповедовал, были слышны рыдания собравшихся. Многие лишались чувств от переживаний, и их приходилось выносить из храма на улицу. Прихожане пронесли гроб на своих плечах до самого кладбища, где в память пастыря был поставлен памятник с эпитафией: *«Дни святой жизни коротки, а добрая слава живет в веках»*.

Пользуясь этими трагическими событиями в приходе, минский губернатор А. И. Петров самовольно назначил настоятелем храма о. Иосифа Воеводского, надеясь, что тот будет более послушен администрации. Но о. Воеводский встретил неожиданный отпор со стороны викария о. Малецкого, который встал на защиту законных прав Церкви. О. Антоний не хотел отдать о. Воеводскому ключи от храма до тех пор, пока сам митрополит не назначит того настоятелем. Губернатор гневно отреагировал на подобное «непослушание» и постарался наказать о. Антония. 10 мая 1886 г. ДДДИИ приговорил о. Малецкого к 6-месячному заключению в Аглонском монастыре. Это распоряжение было подписано князем Гагариным, товарищем министра внутренних дел, а спустя два дня министр внутренних дел граф Д. А. Толстой одобрил это решение.

14 мая, в 5 часов утра, полиция вошла в приходский дом и арестовала о. Малецкого. Под конвоем двух жандармов его вывезли в направлении Аглоны. Из храма на вокзал везли в повозке, из Минска в Смоленск доставили поездом, в Смоленске пересаживали на поезд до Витебска и отвезли в Двинск (совр. Даугавпилс), откуда – в Аглону. С 16 мая о. Малецкий отбывал срок наказания, который должен был истечь 16 ноября.

Когда срок «покаяния» подходил к концу, о. Малецкий ходатайствовал о разрешении приехать в Петербург для поправки здоровья – он болел чахоткой, а также испытывал проблемы с глазами. Но этому воспротивился минский губернатор Трубецкой (сменил А. И. Петрова на посту минского губернатора в декабре 1886 г.), обвинивший о. Малецкого в религиозной нетерпимости и враждебности к православию. Министерство внутренних дел поддержало также дополнительные обвинения в «глубоко фанатичных» взглядах, хотя сами чиновники свидетельствовали о примерном поведении священника во время его пребывания в Аглоне. С просьбой разрешить сыну приехать в Петербург обратилась к министру внутренних дел мать священника, Владислава Малецкая. Наконец, 2 декабря 1886 г. директор ДДДИИ разрешил о. Малецкому приехать в Петербург на 2 месяца. Затем о. Малецкий должен был быть назначен на место викарного священника в одной из внутренних губерний империи. Через десять дней о. Малецкий смог оставить монастырь в Аглоне и приехать в столицу, где временно остановился при храме Святой Екатерины.

23 января 1887 г. о. Антоний внутренним распоряжением митрополита Гинтовта был назначен викарием храма Святого Станислава в Петербурге, а спустя месяц митрополит написал письмо минскому губернатору, в котором объяснил причины, по которым о. Малецкий не допустил о. Воеводского в минский приходской храм: о. Малецкий тем самым только защищал каноническое право. Одновременно митрополит просил губернатора позволить о. Антонию продолжить служение при минском храме и о прощении ему вины.

В ответ на просьбу митрополита губернатор кн. Н. Н. Трубецкой выразил крайнее изумление и заметил, что архиепископ напрасно принимает столь явное участие в судьбе одного отдельно взятого священника, при том, что вакантными остаются священнические должности в 17 приходах, из-за чего страдают 75 тысяч верующих. Отвечая на столь ядовитое и злобное письмо, митрополит выразил надежду, что не ошибся и верно понял: со стороны губернатора не встречается препятствий к назначению о. Малецкого к прежнему месту службы. Однако теперь митрополит просил уже, чтобы о. Антоний был назначен администратором прихода в г. Логойске, где без священника осталось 5000 прихожан. Губернатор согласился при условии, что о. Малецкий будет проповедовать и совершать дополнительные богослужения на русском языке.

В сентябре 1887 г. настоятель прихода Святой Екатерины в Петербурге о. Иаков Шкилондзь просил митрополита оставить о. Малецкого викарием в его приходе, поскольку при храме не хватает священников, которые могли бы заниматься катехизацией. Спустя месяц ДДДИИ не согласился с предложением митрополита послать о. Малецкого в Могилев на должность законоучителя женской гимназии.

ВИКАРИЙ ХРАМА СВЯТОГО СТАНИСЛАВА В ПЕТЕРБУРГЕ

Из имеющихся архивных материалов мы не можем сделать никакого заключения о том, почему о. Малецкий все-таки остался в Петербурге при храме Святого Станислава, несмотря на всё недовольство царской администрации.

В столице о. Антоний с первого дня посвятил себя обучению детей и молодёжи молитве и истинам веры. Ужасные условия, в которых жили дети из бедных пролетарских семей, побудили священника к активным действиям, направленным на то чтобы изменить их отчаянное положение. После отмены в России крепостного права страна вошла в длительный период бурного развития промышленности и торговли. Из деревни в города стекались огромные потоки людей, ищущих заработка и пропитания. Для многих из них не находилось работы, поэтому они влачили нищенское существование. На улицах стали появляться беспризорные дети. Видя это, о. Антоний поспешил к ним на помощь, решив, как он сам говорил впоследствии, «посвятить себя служению маленьким детям, воспитать из них верных сынов Церкви и граждан будущего свободного Отечества».

В 1887 или в 1888 г. о. Малецкий ездил в Турин, чтобы познакомиться с деятельностью созданных св. Иоанном Боско воспитательных учреждений для детей. До сих пор нам ничего неизвестно об этом итальянском путешествии о. Антония. Как могло случиться, что власти выдали ему паспорт для заграничной поездки, несмотря на то, что он уже был у них на плохом счету как «ослушник правительства»?

Св. Иоанн Боско, защитник детей и молодёжи, умер в Турине 31 января 1888 г., поэтому непонятно, мог ли о. Антоний встречаться с ним лично. Но несомненно, что это путешествие оставило в душе о. Малецкого неизгладимый след, поскольку однажды он написал: *«Мне больно оттого, что молодёжь в огромном городе испорчена, я рад был принять всех в единственное в России католическое ремесленное учреждение... Мы мечтаем достичь такого развития, которого достигли подобные ремесленно-воспитательные учреждения в Турине в Ита-*

лии. Кому же ещё сегодня следует помогать, кого ещё укреплять истинами веры... и нравственности, как не молодёжь?». У отцов сиезианцев он мог познакомиться с системой воспитания оставленной без всякого попечения и присмотра молодёжи – системой, которую с таким успехом внедрял св. Иоанн Боско.

20 марта 1889 г. о. Малецкий открыл в Петербурге при храме Святого Станислава, в доме, где ему удалось снять большое помещение, – на Мясной ул., 20, – приют для шести мальчиков. В этом ему помогла прихожанка Виктория Пиотровская, пожертвовавшая для этой цели 20 тыс. руб., без которых начинанию о. Малецкого было бы трудно осуществиться.

22 декабря он был официально легализован И.Н. Дурново, товарищем министра внутренних дел графа Д.А. Толстого. Необходимую помощь при этом оказали сенатор Карл Гарткевич и генерал Новицкий¹³.

29 декабря 1889 г. Римско-католическое благотворительное общество при храме Святой Екатерины приняло приют под свою опеку¹⁴.

Помещения приюта освятил прелат Аполлинарий Довгялло, а папа Лев XIII по этому случаю передал свое особое апостольское благословение.

Вскоре нашлись люди, которые стали помогать о. Малецкому, так что число воспитанников можно было существенно увеличить. Сам приют быстро был преобразован в ремесленную школу, сначала открылся столярный цех, а затем корзиночный.

Большую помощь благотворительному начинанию о. Малецкого оказала энциклика Льва XIII „*Regum Novarum*“, опубликованная 15 мая 1891 г. и посвящённая социальной проблематике. О. Антоний смог спокойно работать в русле идей этой энциклики, хотя стоявшая перед ним задача была очень непростой. В том же году он принял на обучение ещё 29 мальчиков и начал искать новое место для приюта. Неподалеку от храма Святого Станислава, на Екатерининском канале, он нанял дом одного богатого купца (№ 166) и перевел туда приют. В 1892 г. открылась переплётная мастерская, а в 1894 г. о. Малецкий принял в приют ещё 7 мальчиков, и число воспитанников достигло сорока двух. Помимо практических занятий, дети посещали уроки в училище им. Сестренцевича при храме Святого Станислава (Малая Мастерская ул., ныне Мастерская ул., 9), названном так в честь митрополита Станислава Богуш-Сестренцевича. В 1895 г. в приюте было уже 55 мальчиков и ещё 29 кандидатов ожидали приёма.

В связи с тем, что приют постоянно разрастался, о. Малецкий предпринял новые шаги с тем, чтобы найти более просторное помещение для своего учреждения. Он стал искать возможность приобретения дома, в который можно было бы переехать, и земли, на которой можно было бы построить часовню. В поисках участвовал также митрополит Симон Мартин Козловский. Оказало значительную помощь и Римско-католическое благотворительное общество при храме Святой Екатерины.

¹³ Wóycicki A. Zakłady wychowawcze ks. Maleckiego w Piotrogradzie // Наш Край: истор. журнал, издаваемый приходом св. Станислава в Санкт-Петербурге. 2003. № 9, январь. С. 13. Устав приюта был утверждён МВД 19 (31).09.1890 г. (Кгај. 1890. № 5. С. 14).

¹⁴ Полное название: «Приют для мальчиков Римско-Католического Благотворительного Общества при Римско-Католической церкви св. Екатерины в Санкт-Петербурге», школа приюта (открытая в 1907 г.) официально называлась «Частное Римско-Католическое учебное заведение для детей польской национальности».

РЕМЕСЛЕННО-ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

1 июля 1895 г. Благотворительное общество приобрело в историческом районе Пески (Кирилловская ул., 19) дом и значительный участок земли (2400 кв. саж.). Это имущество было отягощено банковским долгом в размере 50 тыс. руб., который предстояло выплатить покупателям. Вскоре Учреждение о. Малецкого переехало на новое место. Чтобы облегчить работу основателя и помочь ему при переезде, митрополит Козловский 17 марта 1895 г. назначил о. Малецкого на должность викария при храме Святой Екатерины, а через несколько месяцев разрешил ему постоянно проживать на Кирилловской улице и заниматься устройством новых помещений приюта, а также воспитанием мальчиков.

В сентябре 1895 г. о. Малецкий взял на себя также содержание приюта для самых маленьких детей. Этот приют был основан еп. Франциском Симоном. С ноября 1894 г. он находился в колонии Гражданка под Петербургом. Долгие годы им безвозмездно руководила Виктория Левандовская. В 1898 г. там находилось четырнадцать детей, каждому из которых было всего несколько лет от роду.

В 1896 г. столярный и переплётный цеха Ремесленно-воспитательных учреждений о. Малецкого принесли 8683 руб. чистого дохода. На вырученные деньги были приобретены школьные материалы (на сумму 6168 руб.). Еще 1721 руб. было потрачено на иные нужды. В том же году была открыта польская школа при приюте. Кроме уже существовавших цехов, о. Малецкий построил и новые: слесарно-механические, кузнечный и чунолитейный. Перестройкой цехов безвозмездно руководил Болеслав Бржостовский.

В 1897 г. в Учреждениях находилось уже 70 мальчиков. 4 ноября состоялся торжественный выпуск первых пяти воспитанников: Петра Ковальского, Ромуальда Бражиса, Густава Хаммера, Александра Жилинского и Эдуарда Христенсона. Ковальскому и Бражису при этом было присвоено звание подмастерья, им были выданы соответствующие дипломы. В 1898 г. мальчиков было 80, и ещё 39 кандидатов ожидали, пока откроется вакансия для приёма новых воспитанников.

Первое, что сделал о. Малецкий при переезде на Пески, было устройство часовни Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии. В октябре 1898 г. состоялось ее торжественное освящение, которое совершил еп. Франциск Альбин Симон. Деревянная часовня могла вместить 700 человек.

В 1900 г. о. Малецкий разделил приют и, соответственно, интернат, на два отделения – школьное и ремесленное. В школьном училось 13 мальчиков, посещавших гимназию св. Екатерины. Остальные воспитанники (мальчики и девочки) учились в профессиональном училище, программа которого соответствовала программе 4 гимназических и 2 основных классов. Это училище в 1900 г. посещало 104 воспитанника, и ещё 27 постоянно жили в интернате при нем. В ремесленном училище обучалась молодёжь в возрасте от 14 до 18 лет (цеха: столярный, механический, слесарный, кузнечный, металлургический и кулинарный). Кроме ремесел, дети изучали катехизис, русский и польский языки, математику, рисунок, черчение, музыку и пение. При этом 54 приходящих ученика вносили плату за обучение.

1 декабря 1900 г. ремесленные цеха были перенесены в новое здание, оборудованное по последнему слову тогдашней техники и обеспеченное электри-

ческим освещением. В этом училище дети из бедных польских, литовских и латышских семей находили сердечное тепло и любовь, а также получали профессиональное образование, которое впоследствии позволяло им самостоятельно содержать себя. Для обеспечения соответствующего уровня обучения учреждение о. Малецкого нанимало 60 рабочих. Ими руководил инженер-технолог Пржездецкий. В 1901 г. доход, который принесло производство в цехах, составил 50 777 руб., а дефицит средств на их содержание – 4672 руб.

В 1901 г. были построены ещё два кирпичных здания – прачечная с сушилкой и катком для глажения белья, а также большим подсобным помещением, и кузница.

26 сентября 1902 г. в Учреждениях состоялся выпускной вечер, в котором участвовал митр. Болеслав Клопотовский. Обучение ремеслу завершили 4 мальчика (2 из них получили свидетельства подмастерья и 2 – подмастерья переплётчика). Ещё два воспитанника поступили в Санкт-Петербургский университет, и один по окончании 7 классов школы поступил в семинарию. В том же году в Учреждениях находилось 125 мальчиков (и было принято еще 20), из них 39 учились ремеслу, 64 находились в младшем отделении и 22 – в возрасте 5–8 лет – в отделении для детей. Общая стоимость недвижимости, принадлежавшей Учреждениям о. Малецкого, составляла уже более 200 тыс. руб. Из 125 мальчиков 109 содержались за счёт Римско-католического благотворительного общества, а 16 – за счет самих Учреждений.

В 1902 г., благодаря пожертвованиям Владислава Бильского, о. Малецкий открыл в Луте (в 140 км от Петербурга) дачное отделение для самых маленьких воспитанников, которые, если этого требовало состояние их здоровья, могли находиться там до 14 лет. В честь своего благодетеля лужское отделение было названо «Владиславовкой». Воспитанники из Петербурга проводили здесь летние каникулы, а самые маленькие жили круглый год под присмотром сестёр тайной монашеской конгрегации, настоятельницей которого была кузина о. Малецкого – с. Паулина Малецкая. В 1908 г. здесь находилось 58 младших воспитанников. В годы Первой Мировой войны при часовне во «Владиславовке» о. Малецким был открыт пункт раздачи одежды для беженцев и жертв войны.

В 1902 г. о. Малецкий организовал в Петербурге духовой оркестр и хор, которые впоследствии участвовали во всех церковных праздниках и торжественных мероприятиях Ремесленно-воспитательных учреждений.

В 1902 г. столярный цех под руководством Станислава Воловского изготовил два дубовых неоготических алтаря для храма Посещения Пресвятой Девы Марии на Выборгском католическом кладбище в Петербурге. Чуть позже под руководством Иосифа Дитриха был изготовлен ещё один дубовый алтарь в том же стиле для часовни Приюта для бедных детей рабочих при Путиловском заводе.

В 1902 г. за заслуги в развитии благотворительности митрополит Георгий Шембек назначил о. Малецкого почётным каноником.

27 сентября 1904 г. в присутствии митрополита в Учреждениях состоялся очередной выпуск, на сей раз окончили обучение 11 воспитанников. В начале сентября 1905 г. о. Малецкий открыл при Учреждениях нелегальную польскую католическую школу. В 1907 г. она была официально зарегистрирована попечителем Санкт-Петербургского учебного округа под названием

«Частная римско-католическая школа для детей польской нации». Число учеников в ней колебалось от 300 до 400 человек. Эта школа была единственной до 1915 г. фактически польской гимназией в собственно русских губерниях империи. Однако все необходимые публичные права она получила только в 1917 г.

В 1905 г. в Учреждениях находилось 142 мальчика, а годом позже – 145. В декабре 1906 г. о. Малецкий вместе с отцами Франциском Бучисом, блаж. Георгием Матуловичем, Александром Акко, а также с директором гимназии при храме Святой Екатерины Стефаном Цыбульским, проф. Корабевичем. Л. Монкевичем, Антонием Лостером, Росновской, Ржешотарской, Сушинской, Заборской и Хаусманом основали Кружок педагогических собеседований, зарегистрированный 26 февраля 1908 г. как Римско-католическое педагогическое общество. В рамках этого общества о. Малецкий прочитал в Петербурге лекцию «Как организовать уроки религии в школе, а особенно в начальной школе».

В 1907 г. обучение в Учреждениях завершили 8 молодых ремесленников. В середине мая того же года Учреждения посетили епископы А. Нововейский и А. Внуковский.

В 1908 г. в Учреждениях призревалося 151 мальчик. В ремесленном отделении преподавали девять учителей, в школьном – восемь. О. Антоний преподавал Закон Божий в ремесленном отделении, а в школьном – немецкий и латинский языки. Свящ. Стефан Войно служил капелланом школы и часовни.

Воспитанием и образованием детей в Учреждениях руководил особый Техничко-педагогический комитет. Инспекторами Учреждений были С. Шанявский, Галлер, Якубовский, Бергер.

В 1908 г. о. Малецкий участвовал в организации Конференции св. Антония, призванной материально помогать бедному населению квартала Пески.

В 1912 г. благодаря пожертвованиям Михаила Кербедзя, сына известного в Петербурге инженера-мостостроителя Станислава Кербедзя, внесшего на счет Учреждений 165 тыс. руб., о. Антоний смог начать строительство четырехэтажного здания, впоследствии названного в честь М. Кербедзя «Домом Кербедзя». В том же году из стен Учреждений вышли 19 мальчиков.

В апреле 1913 г. Ремесленно-воспитательные учреждения о. Малецкого имели следующую структуру:

- 1) санаторное отделение в Луте. Дети в возрасте 2–10 лет, в исключительных случаях – 10–14 лет. В 1913 г. было 52 воспитанника;
 - 2) школьное отделение при Учреждениях в Петербурге для детей старше 10 лет. Призревалося 34 мальчика, еще 17 посещали занятия в гимназии при храме Святой Екатерины (2–8 классы);
 - 3) ремесленное отделение при Учреждениях в Петербурге. Здесь училось 50 мальчиков старше 14 лет.
- Всего было 153 воспитанника.

В 1912–1914 гг. число мальчиков, находившихся в Учреждениях, колебалось между 144 и 152.

Свящ. Антоний Малецкий

12 июня 1913 г. благодаря гостеприимству о. Малецкого во «Владиславове» под Лугой совершал 10-дневные духовные упражнения перед епископской хиротонией назначенный на варшавскую кафедру прелат Александр Каковский, ректор петербургской Римско-католической духовной академии.

13 октября 1913 г. настал долгожданный день: был открыт и освящен «Дом Кербедзя». Кроме четырех классов польской гимназии в нем нашлось место для двух дошкольных отделений и интерната. Кроме того, о. Малецкий разрешал польским организациям города на Неве использовать для своих нужд помещения «Дома» в свободное от уроков время.

20 марта 1914 г. в Доме Кербедзя торжественно праздновали 25-летие Учреждений. Эта годовщина стала настоящим триумфом тихого и скромного священника. Достаточно напомнить, что воспитанники называли его «ба-тюшкой», или, если дословно передать смысл польского слова, «отченькой». Никогда о. Антоний не применял физических наказаний. Самые способные воспитанники непременно получали возможность учиться в гимназии или университете. Выпускников (молодых специалистов по горячей и холодной обработке металла, столяров, слесарей, резчиков) сразу принимали на работу лучшие заводы и мастерские города, такие, как Путиловский, Обуховский заводы, Ижорские фабрики. Каждому выпускнику, покидающему стены Учреждений, дарили комплект одежды и обуви, постельное белье, а также необходимые для работы инструменты и небольшую денежную сумму на первое время. Но важнее всего было то, что воспитанники о. Малецкого выходили из его Учреждений, неся в себе заложенные им высокие нравственные принципы.

В 1914 г. Учреждения выпустили 16 мальчиков, из которых один поступил в Лесной институт, другой – в Академию художеств. Польской школе при Учреждениях было присвоено имя каноника А. Малецкого. В это время царская администрация со своей стороны наградила о. Малецкого за успешную благотворительную деятельность орденом св. Анны III степени.

После открытия военных действий Первой мировой войны 28 июля 1914 г. и успехов германских войск в Петрограде появились первые беженцы с захваченных немцами польских территорий Российской империи. Беженцев военного времени встречали тепло во всех Учреждениях о. Малецкого. Польская школа в «Доме Кербедзя» разрослась – в ней теперь училось 600 детей, а само здание стало центром общественной и культурной жизни польской диаспоры города на Неве.

В 1915 г. в Учреждениях призывалось 200 воспитанников и 100 учащихся учеников. Несколько десятков детей училось в гимназии при храме Святой Екатерины. Многие из выпускников продолжали обучение в высших учебных заведениях. О. Антоний воспитал в своих Учреждениях несколько адвокатов, священников, учителей, а ремесленников высокого класса из стен Учреждений вышло несколько сотен.

В 1915 г. о. Малецкий открыл в Струтах Белых очередное отделение Учреждений – «Сиротское гнездо», впоследствии названное «Станиславовкой» в честь пожертвовавшего на его устройство значительные денежные суммы Станислава Глезмера. Последний подарил о. Малецкому 60 га земли для устройства новой сельскохозяйственной школы. На момент открытия в «Станиславовке» находилось 6 мальчиков, в 1917 г. их было уже 20. В середине ян-

варя 1916 г. в Струтах была освящена католическая часовня для беженцев военного времени.

В марте 1917 г. в России произошла революция. 18 сентября 1917 г. еп. Иоанн Цепляк, администратор Могилевской архиепархии, назначил о. Малецкого инспектором законоучителей и поручил ему контроль за преподаванием Закона Божия и принятием экзаменов по этому предмету.

В 1917 г. архиеп. Эдуард Ропп, только что назначенный новый митрополит Могилевский, произвел о. Малецкого в прелаты Могилевского капитула.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ПЕТРОГРАДЕ (1917-1921)

7 ноября 1917 г. в России произошла Октябрьская революция, повлекшая за собою крушение и уничтожение благотворительных начинаний о. Малецкого, вследствие чего о. Антоний стал наставником страдающих. 6 января 1918 г. архиеп. Ропп назначил прелата Малецкого генеральным викарием Могилевской архиепархии. Он должен был приступить к исполнению своих обязанностей в случае ареста большевиками всех католических епископов. 17 января прелат Малецкий в связи с этим принёс соответствующую присягу. Спустилось несколько дней, 23 января, Совнарком опубликовал Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. В силу этого декрета все имущество религиозных организаций становилось государственным.

К 1918 г. существовало три воспитательных учреждения (Петербург, Луга и Струги Белые), в которых училось 700 сирот и детей из семей бедняков и военных беженцев. В августе 1918 г. прелат Малецкий еще ездил в Струги Белые, Новоселье и Торошино (сейчас – в Псковской обл.) для окормления и духовного призрения тамошних католиков. 19 ноября 1918 г. произошла полная национализация Ремесленно-воспитательных учреждений в Петербурге. В этот день в Учреждения явились четверо польских коммунистов в сопровождении двух вооруженных красногвардейцев и приняли в свое заведование цеха и школу. В связи с этим архиеп. Ропп поручил о. Малецкому не оставлять без помощи верующих и в случае необходимости поселиться непосредственно при часовне Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии. О. Малецкий на время поселился в архиепархиальной курии на набережной р. Фонтанки и оттуда ежедневно ходил в часовню на Песках, чтобы служить Святую Мессу для своих прихожан.

С декабря 1918 г. по апрель 1920 г. в Петербурге прошло 13 собраний духовенства петербургского деканата, на которых рассматривались вопросы защиты церковного имущества, противостояния большевистским властям, отношения к государственной антирелигиозной пропаганде и проч. Активным участником этих собраний был прелат Малецкий. 9 января 1919 г. архиеп. Ропп назначил пять своих заместителей на случай ареста епископов новыми властями. На первом месте среди этих пятерых значился прелат Малецкий.

19 февраля 1919 г. большевистские власти издали Декрет о конфискации церковных ценностей. Несмотря на это, с марта 1919 г. до начала сентября 1922 г. прелат Малецкий несколько раз выезжал из Петербурга для духовного окормления

католиков в разных местах Петербургской (Луга, Струги Белые, Новоселье, Гатчина, Ямбург) и Псковской (Торошино) губерний. По просьбе архиеп. Цепляка прелат Малецкий несколько раз ездил в Москву: в августе, в сентябре и октябре 1919 г. Видимо, это было связано с арестом 29 апреля 1919 г. архиеп. Роппа, которого в конце года выслали в Польшу, после чего его замещал еп. Цепляк.

В январе 1919 г., чтобы избежать национализации некоторых часовен в Петрограде, архиеп. Ропп изменил их статус, подняв до ранга приходских храмов. В числе их была и часовня Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии. Прелат Малецкий был назначен настоятелем нового прихода. 21 мая 1919 г. прелат Малецкий неожиданно получил документ, подписанный неким поляком Пилавским. Документ обеспечил будущее прихода на несколько лет вперёд: в нем отмечалось, что храм существует уже 20 лет, имеет отдельный от школьного вход, боковые двери наглухо закрыты, храм невозможно перенести в другое место, а бывший директор школы А. Жилко сообщал, что со стороны прихода не было никакого нарушения закона и религиозной пропаганды. В связи с этим отдел юстиции петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов не видел никаких законных или нравственных причин для перенесения храма в другое место.

Благодаря этому документу приход о. Малецкого смог действовать до ноября 1930 г., когда уже рукоположенный во епископа о. Малецкий был выслан в Сибирь. Число прихожан составляло в 1919 г. 4000 человек, к пасхальной исповеди подходили три тысячи верующих. В 1920 г. в приходе было уже три тысячи человек, из которых 1500 исповедовались в пасхальное время.

В 1918 г. Первое Причастие приняло 80 детей, в 1919 г. – 75, в 1920 г. – 58.

20 октября 1919 г. 271 прихожанин подписал «договор», согласно которому община принимала храм под свою ответственность, поскольку неожиданно появилось подобное требование со стороны властей.

3 апреля 1920 г. архиеп. Цепляк был арестован большевиками, в связи с чем прелат Малецкий стал генеральным викарием Могилевской архиепархии. Спустя три дня прошло общее собрание петроградского духовенства, на котором прелат Малецкий зачитал распоряжение архиеп. Роппа о порядке передаче власти в архиепархии. Тогда же было решено направить в Москву делегацию с протестом и организовать в Петрограде процессию с участием духовенства и прихожан. Чтобы поставить в известность о происходящем польского консула Штарка, прелат Малецкий встретился с сотрудниками дипломатического представительства Лисовским и Погорельской в ризнице храма Святой Екатерины на Невском проспекте. Спустя три недели архиеп. Цепляк был освобожден из заключения.

18 марта 1921 г., после окончания советско-польской войны, был заключен Рижский мирный договор. В той части, где говорилось о религиозных правах польского меньшинства в Советской России, договор был плохо отредактирован польской стороной. В тексте говорилось о том, что вероисповедные права российских поляков будут обеспечены «в рамках законодательства» РСФСР. В 1921 г. о. Малецкий пережил ещё одну трагедию: власти национализировали «Станиславку» в Стругах Белых (с 1921 г. – Струги Красные).

В декабре 1921 г. прелат Малецкий составил отчёт о деятельности вверенного ему прихода. Он ставил архиепархиальную курию в известность о том, что в приходе числится 2000 человек, каждую неделю совершается Святая Месса, на которой собирается около тысячи человек. В воскресные дни око-

ло 70 прихожан исповедуется. Детей же в приходе немного – кроме учащихся школы, которые уже поголовно принадлежат к Коммунистической партии. Для приходских детей в течение года проходят занятия по катехизису. В 1920 г. первое Причастие приняло 67 детей. Раз в году о. Малецкий устраивал лекции с показом «туманных картинок» о жизни Спасителя (с помощью нехитрого приспособления и лампы было возможно проецировать изображение на стену или на белое полотно). На такие собрания приходило от 300 до 400 человек. В 1919 г. было 12 венчаний (из них 4 смешанных), в 1920 г. – 24 (6 смешанных). В течение пяти лет при приходе служили священники: Эдуард Швейниц, Эдуард Дибель, Викентий Аржемыцкий (последние два умерли). На момент составления отчёта настоятелю прихода помогал о. Мечислав Шавдинис.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕЛАТА МАЛЕЦКОГО

В ЭПОХУ ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ

(1922–1930)

В октябре 1921 г. архиеп. Иоанн Цепляк обратился к прелату Малецкому по вопросу открытия новой тайной духовной семинарии и в ноябре того же года назначил его ректором. Семинария действовала в 1921–1925 гг. Она находилась в бывшей семинарской больнице в 1-й Роте Измайловского полка (с 1923 г. 1-я Красноармейская ул.). В семинарии училось восемь слушателей, из них двое – Юлиан Цимашкевич и Болеслав Юревич впоследствии были рукоположены во священника. Они были рукоположены еп. Антонием Церром в апреле 1926 г. в одной из немецких колоний рядом с Одессой. Других кандидатов – Станислава Барановского, Станислава Козловского, Александра Кржижановского и Павла Саргевича – послали в Польшу, где они завершили семинарское обучение и впоследствии работали в Виленской епархии.

В январе 1922 г. прелат Малецкий получил от городских властей письмо, в котором его предупреждали, что советское законодательство запрещает проповеди в храме без разрешения Советской власти и что, если он не подчинится этому требованию, будет наказан.

7 февраля 1922 г. была предпринята попытка закрытия храма Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии. На короткое время это удалось. В день закрытия храма о. Малецкого не было на месте, руководил закрытием комиссар Бобиков. Протесты викарного священника о. Швейница ничего не дали. Это событие хотела использовать в своих частных целях дирекция школы, в ведение которой перешли не только бывшие здания Учреждений о. Малецкого, но и их воспитанники. В тот же день администрация школы писала городским властям: «Община польских коммунистов при 37-й советской трудовой школе (11-й польской) и 28-м доме ребёнка сообщает администрации, что церковь на Кирилловской ул. мешает детям в том, что: 1) дети часто ходят в церковь, что ослабляет дух коммунистического воспитания; 2) калитку, ведущую во двор, часто приходится открывать в 7.00 утра, поскольку верующие приходят на службу по звуку колокола; 3) поскольку церковь деревянная и примыка-

Свящ. Антоний Малецкий.

ет к школе, это может вызвать пожар; 4) проповеди ксёндза воздействуют на детей и противодействуют воспитанию в духе коммунизма». Вместе с тем коллектив школы № 37 просил администрацию передать дрова для отопления, находившиеся при церкви, поскольку школа в этом смысле оказалась в критическом положении.

9 февраля 55 прихожан о. Малецкого в связи с неожиданным закрытием их приходского храма написали протест в Губисполком, в результате чего храм был открыт вновь. 10 мая 1922 г. большевики изъяли из храма Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии все церковные ценности, которых было уже немного.

В начале декабря 1922 г. все католические храмы Петербурга были закрыты и опечатаны на полгода (до июня 1923 г.). Это касалось также храма о. Малецкого. Это была акция советских властей, желавших «наказать» католиков за отказ подписать предложенные органами власти «договоры» или – позже – «расписки» (см. об этом в статье об о. К. Будкевиче).

После того как властям удалось расправиться с Православной Церковью, советское правительство стало готовиться так же уничтожить католическое духовенство, для чего собирали любые свидетельства «антисоветского поведения» священников. В ноябре 1922 г. был подписан обвинительный акт на архиеп. Цепляка. Власти выждали ещё несколько месяцев, чтобы начать общероссийский судебный процесс против духовенства. Для этого 3 марта 1923 г. Верховным революционным трибуналом архиеп. Цепляк был вызван в Москву вместе с 14-ю другими священниками во главе с прелатом Константином Будкевичем (петроградским деканом и настоятелем прихода Святой Екатерины) и прелатом Антонием Малецким.

4 марта 1923 г. петербургские прихожане с плачем попрощались на вокзале со своими пастырями, и те выехали в Москву. Священники поселились в приходском доме при храме Святых Апостолов Петра и Павла (настоятель о. Петр Зелинский). 10 марта они были арестованы и помещены во временно устроенной в одном из особняков тюрьме. Спустя три дня их перевезли в Бутырскую тюрьму. 21–25 марта в бывшем особняке Дворянского собрания, превратившемся в Дом красного союза труда, прошёл судебный процесс. Главным судьёй был Галкин (поп-расстрига), а председательствовали Немцов и Чельшев. Адвокатами духовенства были Бобрищев-Пушкин и Комодов.

На суде советского ревтрибунала в Москве 25 марта 1923 г. были приговорены:

1. Архиеп. Иоанн Цепляк – к исключительной мере наказания (смертная казнь), впоследствии замененной 10 годами тюремного заключения;
2. Прелат Константин Ромуальд Будкевич, настоятель прихода Святой Екатерины в Петрограде, – к исключительной мере наказания. Через несколько дней, 31 марта, в ночь на Святую Субботу, он был расстрелян.

3. Свящ. Станислав Эйсмонт, настоятель прихода Святого Казимира в Петрограде, – к 10 годам лишения свободы.
4. Свящ. Эдуард Юневич, администратор прихода Святого Станислава в Петрограде, – к 10 годам лишения свободы;
5. Свящ. Лукиан Хведько, администратор прокафедрального храма Успения Пресвятой Девы Марии в Петрограде, – к 10 годам лишения свободы;
6. Свящ. Павел Ходневич, викарий прихода Святого Иоанна Крестителя и прихода Святой Екатерины в Петрограде, – к 10 годам лишения свободы;
7. О. Леонид Фёдоров, экзарх католиков византийско-славянского обряда в России, – к 10 годам лишения свободы;
8. Прелат Антоний Малецкий, настоятель прихода Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии в Петрограде, – к 3 годам лишения свободы;
9. Свящ. Антоний Василевский, настоятель прихода Непорочного Зачатия в Петрограде, – к 3 годам лишения свободы;
10. Свящ. Пётр Янукович, настоятель прихода Святого Франциска Ассизского в Лесном под Петроградом, – к 3 годам лишения свободы;
11. Свящ. Феофил Матулёнис, настоятель прихода Пресвятого Сердца Иисуса в Петрограде, – к 3 годам лишения свободы;
12. Свящ. Иоанн Тройго – к 10 годам лишения свободы;
13. Свящ. Доминик Иванов, преподаватель духовной семинарии в Петрограде, – к 3 годам лишения свободы;
14. Свящ. Франциск Рутковский, администратор прихода в Колпино (создатель прихода для рабочих в пригороде Петрограда), – к 3 годам лишения свободы;
15. Свящ. Августин Пронцкетис, викарий прихода Успения Пресвятой Девы Марии в Петрограде, – к 3 годам лишения свободы;
16. Яков Шарнас, мирянин, органист прихода Успения Пресвятой Девы Марии в Петрограде, – к 6 месяцам лишения свободы условно, освобождён.

Петроградское духовенство было сразу заключено в Бутырскую тюрьму. Потом священников разделили на две группы: приговорённые к 10 годам лишения свободы попали в Лефортово, а другие, с меньшими сроками заключения, – в исправительный дом в Сокольниках. Во второй группе был и прелат Малецкий, у которого 26 декабря 1923 г. случился апоплексический удар. 9 января 1925 г. по амнистии о. Малецкий вышел на свободу. В начале июля 1925 г., после поправления здоровья, он вновь приступил к исполнению обязанностей генерального викария архиепархии и одновременно продолжил служение в должности настоятеля храма Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии, организовав при своём маленьком храме детскую семинарию и кружок польской католической молодёжи.

Из-за недостатка священников о. Малецкий в 1925–1930 гг. много трудился в качестве священника целого ряда петроградских храмов. Исповедовав прихожан в одном храме и отслужив для них Святую Мессу с проповедью, он тотчас спешил в другой храм, чтобы повторить там все, что только что сделал. После полудня он шёл в третий приход и служил там вечерню, укрепляя присутствующих Словом Божиим. Поздно вечером он совершал богослужение ещё и в одной из часовен. Так он трудился до самого ареста и высылки в Сибирь в 1930 г.

АПОСТОЛЬСКИЙ АДМИНИСТРАТОР ЛЕНИНГРАДА

С 29 марта по 15 мая 1925 г. в Советском Союзе находился руководитель Понтификальной комиссии „Pro Russia“ еп. Мишель д'Эрбиньи, иезуит. Перед второй поездкой, состоявшейся весной 1926 г., он был тайно хиротонисан во епископы Илиона. Во время третьей поездки в августе 1926 г. еп. д'Эрбиньи, используя данные ему полномочия, разделил Могилевскую архиепархию на пять временных округов, во главе которых поставил назначенных им трех епископов и двух священников. Во главе Могилёвского округа был поставлен еп. Болеслав Слосканс, Харьковского – свящ. Викентий Ильгин, Ленинградского – прелат Антоний Малецкий, вскоре после этого, 15 августа 1926 г., тайно хиротонисанный во епископа. Во главе Казанско-Самарско-Симбирской администрации был поставлен свящ. Михаил Йодокас, Московской – еп. Пий Невё, августинец-ассумпционист.

Почти сразу после назначения, в октябре 1926 г., еп. Малецкий принял вторую попытку организации тайной духовной семинарии. Она нашла себе приют на квартире о. Антония Василевского, настоятеля прихода Святой Екатерины. Он же стал ректором этого тайного учебного заведения. Инспектором был о. Доминик Иванов, прелат Станислав Пржирембель преподавал польский язык, священную и всеобщую историю, а также историю Церкви. Литовский и латышский языки преподавал о. Августин Пронцкетис. Сам еп. Малецкий проводил занятия по немецкому и французскому языкам. На первый курс было принято шесть слушателей. Однако эта тайная семинария была ликвидирована ГПУ уже 14 января 1927 г., спустя всего один день после обыска в квартирах католического духовенства. Ректора и воспитанников арестовали, четверо вскоре были выпущены на свободу, а два других (Тысовский и Воронко) приговорены к пяти годам заключения в Соловецком лагере.

В феврале 1927 г. ГПУ провело обыск у еп. Малецкого, а в конце апреля его вызвали в здание Управления, где предложили добровольно покинуть Ленинград и выехать в Архангельск. Епископ согласился, но просил назначить ему выезд на 9 мая, чтобы была возможность посетить приход Святого Станислава, где 8 мая должен был состояться престольный праздник.

В назначенный день еп. Малецкий передал управление Ленинградской администрацией прелату Станиславу Пржирембелю и выехал в Архангельск, где находился три недели. Спустя несколько дней после его отъезда 79 прихожан направили протест председателю Леноблисполкома Н. Комарову. Прихожане в своём письме говорили о неожиданном исчезновении их пастыря. Делегация католиков несколько дней пыталась выяснить судьбу «пропавшего» епископа. В результате выяснили, что он выехал из Ленинграда «добровольно», а значит, может «добровольно» вернуться. В конце мая еп. Малецкий смог возвратиться в город из своего краткого изгнания. Он поселился на Кирилловской ул., 19. Ему помогали ризничий Альбиковский и Мария Марциновская из Струг. В приходском храме он трижды проповедовал по воскресеньям: после votивного богослужения, после приходской Мессы и после вечерни. Каждое второе воскресенье он служил Святую Мессу с проповедью в приходе Святой Екатерины. 16 июня 1927 г. там прошло торжественное богослужение с участием еп. Малецкого. В притворе храма епископа приветствовали и поднесли

митру несколько священников. В процессии, сопровождавшей его к алтарю, прошло около 100 детей в белой одежде.

В 1928 г. здание архиепархиальной курии в Ленинграде (наб. реки Фонтанки, 118) было национализировано. В сентябре того же года прошла конспиративная встреча еп. Малецкого с еп. Невё, который позже писал в своих воспоминаниях, что уже тогда еп. Малецкий плохо себя чувствовал после перенесённых двух инфарктов.

В начале декабря 1928 г. еп. Малецкий рукоположил в низшие священнические чины двух семинаристов, Андрея Рыбалтовского и Юзефа Ковальского, подготовленных прелатом А. Наскренцким, администратором Житомирской епархии. Через несколько дней он рукоположил их и в следующие степени священства. В ближайшие полгода молодые священники были выявлены ГПУ и арестованы. Позже их сослали в северные лагеря.

9 февраля 1929 г. еп. Малецкий с согласия Святого Престола рукоположил свящ. Феофила Матулёниса во епископы. Новый епископ был назначен суффраганом в Ленинград. Он получил титулярную кафедру Матреги.

22 мая 1929 г. была принята поправка в Конституцию СССР, согласно которой преподавание и распространение религиозных взглядов стало преступлением против государства. Продолжилось закрытие храмов, усилилась жестокая борьба с духовенством.

В 1929 г. еп. Малецкий предпринял третью попытку устройства тайной духовной семинарии. С этой целью он приблизил к себе трёх юношей: Юзефа Мержицкого, Каэтана Шиккера и Леона Буйновского. Они часто собирались в доме Яна Ляуса (Старорусская ул., 5/20, кв. 3). Один из юношей поселился вместе с еп. Малецким в бывшем семинарском здании (1-я Рота Измайловского полка, 11, кв. 30). Но все семинаристы были арестованы ГПУ в 1930 г. В мае забрали Мержицкого и Шиккера, а в июне – Буйновского и Ляуса. Еп. Малецкого до поры оставили в покое, предложив ему выехать в Польшу. Епископ отказался, и 12 апреля 1930 г. в его квартире был произведён очередной обыск. Тогда же в Политическом управлении ГПУ по Ленинградскому военному округу следователь Сендзёвский провёл первый допрос епископа.

13 октября 1930 г. еп. Малецкий был вызван на допрос в ГПУ. Он показал: «Политикой я никогда не занимался, особенно был в стороне при существующем строе. Я занят только религией и во всех случаях забочусь о том, чтобы народ был религиозным. <...> В своих проповедях я не скрывал перед народом, что в настоящее время тяжело быть епископом, так как над церковью и духовенством нависли страшные бедствия, благодаря чему приходится нести тяжёлый крест. Этим я хотел сказать, что мало священников и очень трудные условия для работы. Я всегда призывал народ быть убеждёнными католиками, так как на мой взгляд без убеждения человек сделать ничего не может; выражал мысль, что в других странах, где есть свобода католической веры, легко работать, можно религию проводить и в школах, тогда как здесь относятся к католикам отрицательно и только в церкви можно проповедовать религию. <...> Пользуясь известными полномочиями, данными мне Римом, я <...> предоставил священникам делать так, как ему подсказывает его совесть, то есть, полную инициативу, не ставя меня в известность. <...> Этим я не хочу сказать, что ксендзы обучали детей закону Божьему. Мне про это неизвестно. Я только скажу про себя: я придерживался того, чтобы было больше религиозных, по-

этому совершенно откровенно говорил всем прихожанам, что их долг своих детей сделать религиозными».

Через месяц состоялся второй допрос, во время которого было сформулировано обвинительное постановление, направленное на рассмотрение Тройки ПУ ГПУ ЛО.

12 ноября 1930 г. еп. Малецкий был обвинён по ст. 58 п. 3 и 58 п. 10 Уголовного Кодекса в том, что:

- «а) В бытность свою епископом Могилевской Римско-католической епархии на протяжении ряда лет был связан в к[онтр]р[еволюционных] целях нелегальным путём через иностранные представительства с высшими духовными сановниками, проживающими за границей, и выполнял их директивы, направленные во вред Рабочее-крестьянскому правительству;
- б) Для своей преступной деятельности снабжался иностранными представительствами и через отдельных лиц, приезжающих из-за границы, материальными средствами и литературой;
- в) Являлся организатором подпольной католической семинарии в 1926 году;
- г) Систематически занимался, а[нти]с[оветской] агитацией во время своих проповедей, возбуждая фанатичные массы против существующего строя;
- д) Вел работу по организации, а[нти]с[оветских] кружков среди католической молодежи и руководил созданием подпольных школ по обучению детей закону божьему, т. е. в пр[еступлениях], пр[едусмотренных] ст. ст. 58 п. 3 и 58 п. 10 Уг[о]ловного] Код[екса]».

Обвинялись также:

«2) Мержицкий Иосиф Иосифович <...>

3) Шиккер Каetan Каетанович <...>

в том, что они по поручению Малецкого, с коим были близко связаны, организовали подпольный кружок из католической польской молодёжи, занимающийся воспитанием их в религиозно-национальном духе, враждебном по отношению к существующему строю, т. е. в пр[еступлениях], пр[едусмотренных] ст. ст. 58 п. 10 Уг[о]ловного] Код[екса]».

ГПУ получило разрешение на внесудебное решение дела.

Наконец, 21 ноября 1930 г. еп. Малецкий в возрасте 70 лет был приговорён к трём годам принудительного поселения в Сибири, в деревне Дубынино Братского района (600 км к северу от Иркутска).

СИБИРСКАЯ ССЫЛКА

25 ноября 1930 г. еп. Малецкий совершил понтификальное богослужение в храме Святой Екатерины по случаю престольного праздника, после чего выехал в направлении Иркутска. Туда он прибыл 7 декабря и первые 20 дней находился в отделении милиции, а затем вновь отправился в путь – в село Братское (ныне г. Братск), более 600 км от Иркутска. Расстояние он преодолел на телеге, верхом, пешком. От с. Братского до деревни Дубынино было ещё 85 км. Туда епископ прибыл 7 февраля 1931 г. Дубынино оказалось заброшенной деревенькой на берегу реки Ангара. Он поселился в одной избушке вместе со ссылкой студентом.

16 февраля 1931 г. еп. Малецкий написал первое письмо своей прежней экономке Марии Марцинковской в Ленинград. Она стала собирать продукты и посылала их епископу. Приведём отрывок из письма епископа Антония того времени: *«Живя в избе высоко в горах, поросших кустарником, где живут одни только медведи, на красивейшем берегу реки Ангары, я могу в полном уединении беседовать с Богом. Я мечтал под конец жизни поселиться где-нибудь в монастырской тиши. И вот нашёл этот уголок, но так далеко, несказанно далеко от всех и от приходского служения, столь любимого мною. Здесь вокруг нет ни одного католика... Да исполнится воля Божия! ... Живи так, как если бы ты был в монастыре».*

Жители деревни полюбили епископа и называли его «дедушкой».

Ленинградские католики не забыли о своём пастыре и отправляли ему посылки – хотя за это их самих репрессировали. Жизнь пожилого епископа в ссылке была очень тяжёлой по причине не только его преклонного возраста, но и различных заболеваний. Еп. Малецкий уже готовился смерти.

20 декабря 1933 года еп. Малецкий письмом просил представителя Польского Красного Креста в Москве, Е. П. Пешкову, помочь ему вернуться в Ленинград: «21 ноября, текущего 1933 года, истёк срок моей ссылки в Братском районе, дер. Падун. Обращаюсь к Вам с нижайшей просьбой оформить мне возвращение в родной Ленинград – там я родился, там окончил учёбу, меня посвятили в священники и в епископы и там я прожил 45 лет. Под старость большой – 73-летний старик, я хотел бы там умереть».

20 марта 1933 г. кард. Александр Каковский написал письмо министру иностранных дел Польши, прося помощи в деле освобождения еп. Малецкого из ссылки в Советской России. Похожее по содержанию письмо направил в МИД и Апостольский нунций в Варшаве 1 февраля 1934 г. В начале февраля 1934 г. закончился срок трёхлетней ссылки епископа. В связи с этим он имел право выехать из Братского района, но состояние его здоровья серьёзно ухудшилось. Случалось, что он терял память. Несмотря на это, епископ в одиночку отправился назад, в Ленинград. Он проехал половину расстояния верхом и половину прошёл пешком, прежде чем в середине февраля оказался в Иркутске, на железнодорожном вокзале, где оставался десять дней, не зная, что с ним в действительности происходит. В таком состоянии его здесь нашёл сотрудник польского консульства, который затем (в конце февраля 1934 г.) сопроводил епископа в приходский дом иркутского католического храма, к отцу Антонию Жуковскому.

Епископ прожил там ещё неделю, а затем в сопровождении польского консула отправился в Ленинград, куда прибыл 6 марта. Еп. Малецкий остановился у знакомых в Поварском переулке и часто приходил в консульство Польши (Английская наб., 14), где работал консул Збигнев Беллина-Пражмовский.

В ПОЛЬШЕ

20 апреля 1934 г. еп. Малецкий в сопровождении советника польского посольства Станислава Эска выехал из Ленинграда в Москву и оттуда, 28 апреля, в Варшаву, где вышел из поезда в 21.30 на Восточном вокзале. Епископа встречали Апостольский нунций архиеп. Франческо Мармаджи и председатель Делегатуры по делам репатриации при МИД Вильгельм Куликовский.

Архиеп. Мармаджи сообщал статс-секретарю Ватикана кардиналу Э. Пачелли: «Бледный, измождённый, почти с выражением тупости в глазах, волоча ноги и передвигаясь медленно, держась за мою руку и за руку г-на аудитора, представлял вид человека, чьи силы исчерпаны более, чем лета (73) мучительными обстоятельствами – длительным голоданием и отсутствием ухода, – в которые он был поставлен. Уже в нунциатуре я предвидел необходимость срочного спасения старика-мученика, которого надо было поместить в конвент церкви Святого Креста или отправить в новую и красивую больницу Сестёр св. Елизаветы в Мокотове, и, видя Малецкого в столь плачевном состоянии, мы, не колеблясь, решили срочно поместить в Мокотов...».

Еп. Малецкого сразу доставили в больницу (ул. Гоштинского). Во время пребывания в больнице его посетили кард. Александр Каковский, кард. Августин Хлонд и нунций Мармаджи.

20 мая состояние здоровья еп. Малецкого настолько ухудшилось, что он принял елеопомазание больных. В торжество Сошествия Духа Святого (26 мая) папа Пий XI через кард. Пачелли передал епископу телеграмму с поздравлениями и благословением.

В конце июня 1934 г. еп. Малецкому стало значительно лучше, и он смог несколько раз отслужить Святую Мессу. Во время пребывания в больнице его посещали также старые знакомые из Петербурга – Ст. Островский, инженер Ирена Цывинская, Конрад Недзвецкий, Юзеф Чопский, Ян и Станислав Малецкие из Вильно, Юзеф Стубеда, Чайковские, Болеслав Лейша (майор Войска Польского), Любомирова-Дымша и монахини-францисканки миссионерки.

6 сентября 1934 г. епископат Польши направил еп. Малецкому благодарственное письмо, в котором заверил его в своей молитве. Под письмом стояли 24 подписи польских епископов.

КОНЧИНА И ПОХОРОНЫ ЕПИСКОПА МАЛЕЦКОГО

Наступил день 17 января 1935 г., и в 9.40 утра епископ-мученик отошел к Богу в возрасте 73 лет. 19 января (между 16.00 и 19.00) по улицам Варшавы от больницы сестер св. Елизаветы до кафедрального собора Святого Иоанна прошла траурная похоронная процессия с гробом почившего епископа. Прощальное слово произнёс о. Александр Фаенцкий, варшавский декан. Собственно в день погребения, 20 января, собравшиеся услышали прощальное слово нунция Мармаджи, говорившего на латинском языке. Нунций также зачитал телеграмму с соболезнованиями, присланную Св. Отцом Пием XI. Проповедь во время Святой Мессы произнес прелат Казимир Наскреньский, Апостольский администратор Житомирской епархии (в своё время также претерпевший преследования в СССР).

Гроб еп. Малецкого был помещен в крипте варшавского кафедрального собора рядом с гробами варшавских архиепископов, изгнанников и борцов за веру – Сигизмунда Щенного Фелинского, Викентия Хостяк-Попеля и Антония Фялковского.

В 1960 г., во время перестройки варшавского кафедрального храма, останки еп. Малецкого были перенесены на кладбище Повонзки в Варшаве и по-

гребены в 11-м квадрате, в 3-м ряду, под № 28 в общем склепе, где покоились останки других варшавских епископов.

Кроме наперсного креста без украшений, после смерти еп. Малецкого не осталось никаких вещей. Крест был отослан в Рим, к папе Римскому, в согласии с последней волей покойного.

«Прелат Малецкий, вернувшийся из заключения в Сибири, естественно, не обладал ничем, за исключением нескольких книжечек карманного формата, трёх брошюр (Подражания Иисусу Христу, Дневника и Канонического кодекса), и золотого наперсного креста; он содержался здесь как частное лицо во время его пребывания в больнице; и добрый епископ попросил меня передать этот крест Святому Отцу, как последний залог своей безграничной преданности и сыновней любви».

НАСТАВНИК СТРАДАЮЩИХ

Еп. Антоний Малецкий (1861–1935) жил в Советской России во времена, весьма трагические для Церкви, для духовенства же – исполненные страданий.

После большевистского переворота 1917 г. из Петербурга, опасаясь жестокой тирании, выехали многие священники, но о. Малецкий об этом даже не помышлял. Он хотел до конца оставаться на своём священническом посту.

Летом 1919 г. большевики национализировали Ремесленно-воспитательные учреждения для мальчиков, основателем которых он был и которыми руководил долгие годы. В продолжение всего лишь одного дня были совершенно уничтожены плоды его многолетних трудов на ниве благотворительности, которой он отдал тридцать лет своей жизни. Им была создана огромная фабрика-школа (так называли его Учреждения), где перед национализацией обучалось почти 800 мальчиков и девочек. Потому-то он так страдал, исхудал, болезненно переживал, что его лишили возможности руководить заведениями, основанными им для блага юношей и детей. Несмотря на это, о. Малецкий принял вызов времени. Не опустил рук, поселился в комнатке при часовне, прежде служившей воспитанникам его Учреждений. Желание быть ближе к детям, собирать их у себя и учить истинам веры руководило им. Трудясь во благо вверенных ему детей, он никогда не щадил своих сил. Почти совершенно не думал об отдыхе, повторяя: «Отдохнуть – что ж, может быть, это и добрый совет, но сейчас нужно работать. Однажды настанет время вечного отдыха, если такова будет воля Божия».

После 1917 г. он сознательно вступил на путь мученичества, поскольку того требовало его священническое служение. Не страшился подвергать свою жизнь опасности преследований, даже смерти. Был свидетелем того, как многих священников репрессировали, сослали в ГУЛАГ и лишили жизни. Он организовал

Свящ. Антоний Малецкий.

тайное обучение молодёжи истинам веры, несмотря на изданный 21.01.1921 г. Советской властью декрет, запрещавший изучение религии до 18 лет. Религиозное обучение детей и молодежи было объявлено государственным преступлением, причём жестоко каравшимся. Он же совершенно сознательно не подчинился столь безбожным требованиям большевиков и был готов отправиться в лагерь или на смерть, ежеминутно защищая веру и христианскую нравственность.

Ещё в царское время, будучи в 1886 г. приходским викарием, о. Малецкий за защиту прав Церкви был приговорён к шестимесячному заключению в доминиканский монастырь в Аглоне. После смерти настоятеля своего прихода Александра Сипайлло о. Малецкий не счёл возможным отдать ключи от храма Пресвятой Девы Марии в Минске новому настоятелю, назначенному на должность не митрополитом, а светскими властями.

Его нестигаемая воля и пастырские труды в период, предшествовавший 1917 г., привели к тому, что он вместе с другими обвиняемыми оказался в 1923 г. на скамье подсудимых во время московского процесса католического духовенства Петербургского деканата. За свою «контрреволюционную деятельность» был приговорён к 3 годам лишения свободы. После освобождения из тюрьмы и возвращения в Ленинград не оставил священнического служения. Престарелый пастырь, выпущенный из подвалов ЧК, нашёл в себе достаточно сил для труда и борьбы в Винограднике Господнем.

В 1921–1928 гг. трижды, стремясь пополнить ряды священников, пытался организовать тайную семинарию и не переставал материально помогать духовенству, заботясь о собратях по служению, так же, как и он сам, переживавших трудные дни. Для всех был опорой, не страшился поддерживать связи со священниками и епископами за рубежом, был неизменно послушен своим настоятелям и поддерживал их решения, даже если и имел своё собственное, отличное от них, мнение.

В 1926 г. принял (причём добровольно, видя в этом прежде всего волю Божию) ещё один крест на свои плечи, тем самым увеличив свои страдания, – был хиротонисан во епископы и назначен Апостольским администратором Ленинграда.

Свою собственную жизнь, без остатка, с самого начала своего служения, он посвятил служению детям из бедных семей и сиротам. После большевистского переворота отдал своё сердце прихожанам и всем нуждающимся. Его пастырская ревность не была подорвана: в продолжение многих часов подряд он исповедовал, служил Святую Мессу в разных храмах и часто проповедовал, несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье: он уже перенёс два инфаркта.

Все четыре года своего епископства он прожил, ожидая ареста и заключения в тюрьму. За ним следили, производили обыски и постоянно устраивали провокации, сопровождавшиеся унижением, но он не давал себя сломить и мужественно шёл своим крестным путём. Советские власти просили его покинуть Ленинград «ради его же блага», но он не хотел сделать этого по своей воле. Неоднократно ему предлагали выехать за границу, но он неизменно отказывался.

Большевики боялись его необычайной активности, которая не давала ему опускать руки, но заставляла вновь и вновь браться за работу, несмотря на систематическое и постоянное разрушение его трудов безбожным режимом.

Он был настоятелем прихода Пречистого Сердца Пресвятой Девы Марии в Ленинграде (ул. Кирилловская, 19), особенно внимательно относился к духовным нуждам своих прихожан и очень переживал, видя, как много верующих отдаляется от Бога. Из всех сил он защищал свой маленький храм от закрытия. В проповедях настаивал на соблюдении церковного права, в особенности ратовал за возможность обучения детей основам веры. Сознательно занимался таким образом «антисоветской деятельностью», отдавая первенство закону Бога перед законом человеческим. Не желал подчиниться безбожным законам, что могло для него завершиться трагически.

После своего последнего ареста в 1930 г. всю «вину» за свою «антисоветскую деятельность» он взял на себя. Никого из тех, кто в тот момент ещё был жив, он не подверг опасности ареста, ибо не назвал их имён. Во время допросов в прокуратуре держался очень достойно. Был приговорён к ссылке в отдалённый край в Восточной Сибири, населённый бурятами. Ссылка была самым лёгким наказанием в СССР, но для 70-летнего священника, пережившего два инфаркта, она могла оказаться невыносимой.

Он жил в крестьянской избе, был болен и тратил много сил, чтобы выжить ради блага других. Чтобы заработать на хлеб и кров над головой, ему приходилось трудиться. В письмах из ссылки он писал, что думает о смерти, что хочет здесь завершить свою деятельную жизнь, но во всем предаётся воле Божией. Одиночество лишь усилило в нем любовь к Богу и, несмотря на чрезвычайно трудные условия жизни (страдая от холода в суровые зимы, от гнуса – летом), он не роптал. Постоянное ощущение голода, помноженное на личные переживания и унижения, – страшное мучение, но он переносил его достойно. Необходимы сильная вера и пламенная любовь, чтобы вынести все это и не сломаться. К жизни еп. Малецкого очень подходят слова ап. Павла: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность...» (Рим. 8. 35).

Тяжёлые бытовые условия не смогли лишить его душевного равновесия и доброжелательности, и он во всем полагался на Провидение Божие. Скорее он позволил бы себе забыть обо всем и все потерять, лишь бы только принадлежать Христу. На все он смотрел глазами вечности. Ему выпало жить в непрестанном страдании, как и Христу, и подобно Христу, постоянно пребывать в своём Гефсиманском саду. В сердце носил он жертву Христову и «сораспался Христу» (Гал. 2. 19).

Можно быть уверенным, что еп. Малецкий принёс себя в жертву и за поруганную Церковь в Советской России, и за вверенное ему Богом стадо. Он был готов умереть в одиночестве и изгнании. Все что имел, он отдавал Богу: здоровье, силы и память, которую постепенно начал терять.

После трёх лет ссылки, в январе 1934 г., он смог возвратиться в Ленинград. Там он хотел продолжить своё служение и мечтал умереть среди своих прихожан. Однако польские власти, как церковные, так и государственные, захотели, чтобы епископ приехал в Польшу. Они надеялись, что там он поправит своё здоровье и выступит свидетелем гонений на Церковь в большевистской России. Епископ же не хотел оставить свою паству, говоря, что не может оставить верующих, поскольку у них не осталось священников. И все же согласился на выезд, когда ему сообщили, будто сам папа просит его прибыть в Рим и дать отчёт о положении Католической Церкви в России. Пойдя на этот небольшой обман, его вывели,

спасая от преследований и гонений. Ненадолго его приютило Отечество, чьим верным сыном он был, хотя и родился в Петербурге. Уже будучи тяжело больным, до предела истощённым, все заметнее теряя память (часто он уже не узнавал знакомых), епископ в течение восьми месяцев находился в варшавском госпитале сестёр св. Елизаветы. Он был уже так слаб, что не мог служить Святую Мессу, и лишь несколько раз, с помощью других людей, совершил ее.

Епископ Малецкий – свидетель жертвы, принесённой без остатка за ближних. Он умер 17 января 1935 г. как узник Христов и мученик за веру. Свои страдания, как физические, так и нравственные, он переносил, имея перед собой цель – возможно более совершенное исполнение воли Божией, чтобы тем самым раскрыть свою истинную любовь. Такой христианский образ жизни делает его истинным исповедником и мучеником, поскольку нужно значительно больше героизма, чтобы в продолжение ряда лет трудиться сверх меры, переносить страдания и муки Христовы, одиночество, голод, чем превозмочь краткое страдание, связанное с пролитием крови.

Восемнадцать лет страданий и опустошения, иногда настоящего нищенства, не сломили героического старца. Его апостольское рвение сочеталось с неизреченной мукой и страданиями, которые подорвали только его физические силы и здоровье. Прекрасны были последние мгновения этого мученика и исповедника Христова, как прекрасна была его жизнь, полная трудов, героической святости и многочисленных страданий. Он отдал Богу все, в молодости отказавшись от службы царю, но избрав служение Царю Небесному. Всю свою мученическую жизнь он оставался самим собой. Неизменно спокойный, кроткий, умиротворённый, не ропщущий на судьбу, он приходил к ближним со словами утешения. Для многих он стал образцом человеческого достоинства и христианского отношения к страданию. В своё время кто-то назвал епископа Антония Малецкого «наставником страждущих», пусть он таким и останется в нашей памяти.

о. Христофор Пожарский

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

Нет оснований сомневаться в том, что именно перенесённые физические и нравственные страдания, в первую очередь – переживания за паству, усиленные тяжёлыми условиями изоляции и голода в ссылке, при том, что на момент ее начала епископ Малецкий уже дважды перенёс инфаркт, привели 70-летнего епископа к полному истощению и многочисленным заболеваниям, а впоследствии – к смерти. В пользу этого свидетельствует также тот факт, что по освобождении из ссылки он прожил всего около года, причём так и не восстановил подорванного здоровья.

В дореволюционный период апостольская деятельность священника А. Малецкого была известна за пределами Петербурга, его активность и самоотверженность во имя служения ближним и, в особенности, детям и подросткам были по достоинству оценены его собратьями по служению, верующими и самой молодёжью. Его самоотдача и решительность в деле основания благотворительных учреждений для детей и молодёжи, и его педагогический дар неоднократно отмечались петербургской католической и польской прессой. Когда в 1926 г. Святой Престол рассматривал кандидатуру

священника Малецкого в связи с предполагавшимся назначением Апостольского администратора Ленинграда, положительную оценку его деятельности и характера дали архиепископ Могилевский митрополит Э. Ропп, суффраган архиепископ И. Цепляк, бывший канцлер Могилевской архиепархиальной курии В. Плоскевич, Апостольский нунций Лаури и др. Архиепископы Цепляк и Лаури отметили особо, что священник А. Малецкий по праву заслуживает называться «русским» или «митрополитальным» отцом Боско (это именование по отношению к священнику Малецкому было принято в среде клира и верных).

Священники и миряне подчёркивали его стойкость в перенесении испытаний и верность Богу и Церкви во время гонений. Уже во время сибирской ссылки еп. Малецкого называли «мучеником» (в частности, еп. д'Эрбиньи и католический журналист С. Цат-Мацкевич), принимая во внимание условия жизни в ссылке, и в особенности – причины этой ссылки, а также нравственные страдания, которые претерпевал еп. Малецкий как ревностный пастырь в ситуации открытых и жестоких гонений на Церковь и веру в тогдашнем СССР, в ситуации прямого запрета на публичную проповедь и в особенности – ввиду невозможности продолжения служения обездоленным и малолетним детям, служения, бывшего его главным занятием на протяжении почти 23 лет и составлявшего значительную часть жизни епископа.

После приезда еп. Малецкого в Польшу его также продолжали именовать мучеником. В письмах нунция Мармаджи еп. Малецкий постоянно именуется «героическим епископом», «мучеником». В связи с этим примечательна поздравительная телеграмма членов епископата Польши на имя еп. Малецкого, направленная ему 6 сентября 1934 г. и прямо указывающая на признание 24 польскими епископами мученического характера его подвига: «...Пастырь Достойнейший, Божий воин, несущий в душе своей вместе со св. Павлом славу мученичества, которое Ты претерпел ради Церкви, славу, возвращаемую сегодня нами, всеми польскими епископами, Тебе, вместе с братским искренним и горячим приветствием и благодарностью...».

Папа Пий XI также называл еп. Малецкого «святым старцем». Католические журналисты Польши поспешили выразить своё уважение к «епископу-мученику» в связи с его приездом в страну в 1934 г.

Мнение о том, что еп. Малецкий претерпел мученическую смерть, было широко распространено в Церкви, особенно в Польше. В телеграммах, отправленных по случаю смерти еп. Малецкого нунцием Мармаджи и в газетных статьях, опубликованных в первые дни после смерти епископа в польской, французской прессе и в ватиканской газете «Оссерваторе Романо», говорилось о его страданиях за паству и подвиге веры и мужества. Подобную точку зрения высказал, произнося речь на Святой Мессе во время похорон еп.а Малецкого, генеральный викарий Житомирской епархии прелат К. Наскреньский, который также прошёл через гонения в СССР. Прелат Наскреньский подробно и обстоятельно рассмотрел духовные и нравственные страдания пастыря, лишённого своей паствы, обращая внимание на молитвенную жизнь епископа во время гонения и ссылки, отмечая ее интенсивный характер и огромное упование еп. Малецкого на милость и премудрость Божию и особо подчеркнул постоянную заботу еп. Малецкого о подготовке новых священников, столь необходимых по время

гонений, когда власти постоянно арестовывали пастырей, стремясь обезглавить приходы. Епископ П.-Э. Нёвё, Апостольский администратор Москвы, приехавший в 1935 г. во Францию, узнав о смерти своего собрата, 26 января 1935 г. написал в Ватикан: «Газеты, пришедшие сегодня из Франции, сообщили мне о смерти монс. Малецкого, последовавшей 17-го сего месяца в Варшаве: это истинный исповедник веры, прелат, обладавший великим милосердием, которое добрый Бог сообщил ему, и он с высоты небес будет молиться за нас».

Лица, придерживавшиеся этой точки зрения, единодушно отмечали стойкость и верность еп. Малецкого во время его пребывания в СССР, как среди паствы, так и в заключении или ссылке. Краткое повествование с теми же выводами приводит в своей книге, посвящённой еп. Малецкому и опубликованной в год его смерти, и священник Ф. Рутковский – собрат епископа по священническому служению в Петрограде, а после переезда еп. Малецкого в Польшу – неоднократно с ним встречавшийся.

Сами похороны епископа происходили при огромном стечении верующих, выражавших таким образом своё уважение героическому пастырю. Статс-секретариат Ватикана прислал от имени Святого Отца Пия XI соболезнования, подписанные кардиналом Э. Пачелли, в которых отметил героизм еп. Малецкого и его заслуги перед Церковью.

28–29 января 1935 г. ватиканская газета «Оссерваторе Романо» поместила материал о еп. Малецком, подготовленный в Апостольской нунциатуре Варшавы. Важно отметить, что соответствующие разделы статьи носили следующие подзаголовки: «Апостольство», «Мученичество», «Последнее очищение» и «Смерть и триумф». В тексте статьи говорится о «свете веры», излучавшемся «неутомимым директором» детских приютов, о «святом служении» священника Малецкого во время советских преследований; еп. Малецкий называется «исповедником веры», цитируется выражение прелата Наскреньского, сравнивавшего о еп. Малецкого со светильником, светящим во тьме, и приводятся свидетельства его верности воле Божьей и Святому Сердцу Иисуса посреди сильнейших человеческих страданий, которые он претерпевал.

Ещё раньше была опубликована статья петербургского знакомого еп. Малецкого, профессора А. Осендовского. Автор статьи подробно рассказывал о жизни и служении еп. Малецкого, особенно о ее дореволюционном периоде, делая акцент на том, как покойный близко к сердцу принимал все нужды ближних, в первую очередь – своих воспитанников-сирот. В статьях «По следам мучеников» и «Будет канонизирован, будет святым» столичная польская газета «Trybuna Warszawska» и виленский журнал «Słowo» отмечали, что еп. Малецкий опередил своё время, воплощая в жизнь идеи энциклики Льва XIII «*Rerum novarum*» задолго до опубликования энциклики Пия XI «*Quadragesimo Anno*», когда большинство едва только начинало понимать их глубокий смысл.

В советском Ленинграде, в условиях продолжавшихся гонений на Церковь, за еп. Малецкого было совершено заупокойное богослужение в храме Святой Екатерины.

Профессор А. Вуйчицкий, ранее бывший преподавателем Римско-католической духовной академии в Петербурге, назвал труд священника Ф. Рут-

ковского неоценимым источником свидетельств о жизни епископа, прямо именуя последнего святым и ставя его в один ряд со священником Е. Святополк-Мирским, прелатом К. Будкевичем, которые погибли во время преследований в советское время, и архиепископом И. Цепляком, приговорённым к расстрелу советским судом.

В 1938 г. кардинал Мармаджи, бывший нунций в Польше, передал в ватиканскую Комиссию Pro Russia документы, оставшиеся после смерти еп. Малецкого. Эти материалы представляли собой черновики проповедей и катехетических наставлений. Священник Филипп де Режис из Коллегии «Russicum» назвал эти документы «реликвией <...> героических времён гонений под большевистским игом».

В СССР невозможно было открыто вспоминать о подвиге духовенства и верных. В послевоенной коммунистической Польше также началось притеснение Католической Церкви, и официально был провозглашён курс на дружбу с СССР, что не могло способствовать сохранению памяти о католиках, замученных советским режимом. Также нужно отметить, что о еп. Малецком в Польше знали достаточно мало, поскольку в живых осталось немного тех, кто лично был свидетелями его жизни.

Воспоминания о еп. Малецком в Польше сохраняли члены семьи его брата Станислава и их потомки. Эти люди передавали изустно также воспоминание об исцелении от тяжёлой формы туберкулёза монахини, которая работала в госпитале сестёр св. Елизаветы на Мокотове, где провёл свои последние дни еп. Малецкий и где он скончался, когда она обратилась с молитвой к Богу по заступничеству только что почившего епископа. От профессора И. Малецкого известно, что после 1939 г. распространялась информация о намерении епископата Польши инициировать открытие беатификационного процесса в отношении еп. Малецкого.

Станислав Козлов-Струтинский

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПАМЯТИ О ЕПИСКОПЕ-МУЧЕНИКЕ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ВАРШАВЕ

В СССР период религиозной свободы наступил лишь в середине – конце 1980-х гг., а до этого момента память о еп. Малецком сохранялась лишь в среде его оставшихся в живых бывших воспитанников и членов их семей, а также бывших прихожан еп. Малецкого, однако, в связи с глубоко укоренившимся страхом преследований, практически не выходила за рамки этого круга. В настоящее время часть таких воспоминаний опубликована.

Возрождение памяти о еп. Малецком в Санкт-Петербурге началось в 1990-х гг. В значительной мере этому способствовал бывший офицер Советской Армии Леон Пискорский. Именно он стал собирать архивные свидетельства и воспоминания о епископе и его деятельности от ещё живших в то время свидетелей. Так возрождающаяся польская община города узнала о необычайном героизме еп. Малецкого и о подвиге его служения. В 1992 г. из польского общества «Полония» выделился Союз Поляков Санкт-Петербурга, принявший имя еп. А. Малецкого.

В 1991 г. А.К. Шикер, сын К.К. Шикера, осуждённого в 1930 г. по одному с еп. Малецким следственному делу, получил доступ к документам своего отца в архиве управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской обл. До этого времени архивы КГБ были закрыты даже для ближайших родственников тех, кто был репрессирован в сталинскую эпоху. А.К. Шикер ознакомился со следственными и обвинительными документами по делу еп. Малецкого.

Первым российским изданием, кратко сообщавшим о деятельности еп. Малецкого в Санкт-Петербурге-Петрограде-Ленинграде, был выпущенный в 1994 г. справочник С. С. Шульца «Храмы Санкт-Петербурга. История и современность». С того же 1992 г. в Петербурге ежегодно проходит торжественное воспоминание дня смерти еп. Малецкого.

В 1995 г. священник Роман Дзвонковский, занимающийся историей гонений на Католическую Церковь в СССР, выразил мнение о том, что пришло время приступить к открытию процесса канонизации «мучеников с Востока», подобно тому, «как это уже было сделано в отношении епископов Слоскана и Матулёниса».

18 ноября 1997 г. в ответ на обращение в прокуратуру Санкт-Петербурга еп. Малецкий был реабилитирован по делу 1930 г.

Примас Польши кард. Юзеф Глемп во время визита в город на Неве, после повторного освящения храма Святого Станислава 14 июня 1998 г., познакомился с жизнью и деятельностью еп. Малецкого и выразил пожелание, чтобы информационный процесс ленинградского епископа был открыт в качестве подготовки к началу процесса его беатификации, т.е. причисления к лику блаженных.

В августе 1998 г. над могилой еп. Малецкого и еще одной соседней могилой на варшавском кладбище Повонзки был установлен памятник варшавским вспомогательным епископам.

В 1998 г. найденные Л. Л. Пискорским материалы были переданы им о. Х. Пожарскому, с 1999 г., с одобрения архиепископа Т. Кондрусевича, собиравшему свидетельства о еп. Малецком.

Биографические и источниковедческие сведения о жизни и судьбе Слуги Божьего епископа Антония Малецкого в разное время помещали в своих публикациях отечественные и польские историки: И. И. Осипова, М. В. Шкаровский, Н. Ю. Черепнина, А. К. Шикер, профессор Р. Дзвонковский. Огромную роль сыграл труд по выяснению судеб сотен тысяч репрессированных на территории СССР советских и иностранных граждан, проделанный в рамках программы Научно-исследовательского просветительского центра «Мемориал», по сей день продолжающего нелёгкую работу по описанию истории лагерей и тюрем советского времени и собравшего значительный фонд документов, касающихся католического духовенства и мирян, пострадавших в годы гонений. Книга И. И. Осиповой была подготовлена в рамках исследовательской работы «Мемориала» в архивах ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ СССР. Следует назвать также выпущенную в Польше книгу Т. Мадалы о пострадавших в СССР священниках, в которой также содержится биография Слуги Божьего Антония Малецкого.

17 января 1999 г., в день воспоминания о смерти еп. Малецкого, представители польских обществ Петербурга и настоятель прихода Святого Станислава

о. Пожарский обратились к примасу Польши кардиналу Ю. Глемпу с прошением об открытии беатификационного процесса в отношении еп. Малецкого.

23 марта 1999 г. архиеп. Тадеуш Кондрусевич, Апостольский администратор европейской части России с резиденцией в Москве, назначил настоятеля прихода Святого Станислава в Петербурге о. Христофора Пожарского делегатом для распространения почитания еп. Малецкого.

29 марта 1999 г., учитывая, что образ еп. Малецкого «неизменно жив в памяти верующих, особенно в польском рассеянии в Петербурге», архиеп. Т. Кондрусевич со своей стороны поддержал прошение польских организаций Петербурга, обращённое к кардиналу Ю. Глемпу.

25 июля 1999 г. в российской католической газете «Свет Евангелия» в разделе Мартиролог-2000 была опубликована статья о. Пожарского «Епископ-мученик Антоний Малецкий».

В 1999 г. в Петербурге в пользование Католической Церкви был вновь передан актовый зал бывшего школьного помещения учреждений, основанных о. Малецким на Кирилловской ул. В настоящее время в указанных помещениях действует Центр поддержки детей-инвалидов имени епископа Антония Малецкого.

Выходящий с 2000 г. католический журнал «Наш Край», издаваемый в Петербурге, в первом же номере опубликовал материалы, относившиеся к еп. Малецкому. Номер открывался статьёй под названием, полностью повторявшим название статьи от 3 мая 1934 г. в газете «Слово», выходившей в довоенной Польше: «Будет канонизирован, будет святым».

15–16 января 2000 г., в 65-ю годовщину со дня смерти еп. Малецкого, при храме Святого Станислава в Петербурге состоялся симпозиум «Еп. Антоний Малецкий (1861–1935): жизнь, общественная и благотворительная деятельность, мученичество» посвящённый жизни и деятельности Слуги Божьего. По завершении его работы 150 участников симпозиума направили кард. Юзефу Глемпу письмо, вновь прося его об «открытии процесса» в отношении еп. Малецкого. Материалы симпозиума были опубликованы в первом номере журнала «Наш Край».

30 августа 2000 г. митрополитальная курия Варшавы дала разрешение (имприматур) на использование текста молитвы на польском языке о прославлении праведного епископа Антония Малецкого.

В 2003 году архиеп. Т. Кондрусевич утвердил текст этой молитвы на русском языке, принятый впоследствии в рамках беатификационного процесса архиепископа Э. Профиттлиха и 15 его сподвижников.

В середине декабря 2000 г. администрация города, после нескольких лет борьбы петербургских католиков за здание, передала центру «Каритас» в Петербурге часть помещений 4-го этажа «Дома Кербедзя» (ул. Кирилловская, 19). В апреле 2001 г. «Каритас» открыл там центр воспитания и реабилитации им. еп. А. Малецкого.

17 мая 2001 г. в бывшем «Доме Кербедзя» состоялся симпозиум, посвящённый еп. Малецкому. Во время его работы была отслужена Святая Месса о прославлении епископа и по случаю 140-летия со дня его рождения.

В 2000 году биографические справки о еп. Малецком помещены в мартиролог Католической Церкви («Книга памяти») и в петербургский межконфессиональный мартиролог.

В феврале 2002 г. о. Пожарский предлагал перенести прах еп. Малецкого в Петербург, на родину, что, по мнению автора статьи, должно способствовать возрастанию интереса к личности епископа и его беатификации.

В январе 2003 г. вышел ещё один номер журнала «Наш Край», посвящённый польским благотворительным организациям в Российской империи, большая часть которого отведена освещению деятельности еп. Малецкого.

31 мая 2003 г. в Высшей духовной семинарии в Петербурге архиеп. Тадеушем Кондрусевичем – митрополитом и ординарием архиепархии Матери Божией в Москве – был официально открыт процесс беатификации российских новомучеников. Св. Престол дал ему официальное название «Дело о беатификации, то есть провозглашении мучениками, архиеп. Эдуарда Профиттлиха и 15 сподвижников». В число кандидатов был включён и еп. Антоний Малецкий. С этого момента все кандидаты по делу о беатификации получили титул Слуг Божиих.

В 2006 г. постулатурой процесса был издан перевод на русский язык книги Ф. Рутковского с обширным научным комментарием.

9–10 декабря 2006 г. в храме Святого Станислава прошла очередная конференция, посвящённая еп. Малецкому. 10 декабря после Мессы в храме, отслуженной митр. Т. Кондрусевичем в интенции скорейшей беатификации Слуги Божьего, была торжественно открыта мемориальная доска на Кирилловской ул., 19. Эта доска помещена на стене бывшего «Дома Кербедзя», главного дела Слуги Божьего.

В 2010 году о. Христофор Пожарский в Варшаве (по-польски) и в Санкт-Петербурге (по-русски) издал цветной фотоальбом «Несгибаемый пастырь в Петербурге. Слуга Божий епископ Антоний Малецкий (1861–1935)». Альбом включает в себя несколько сотен исторических фото, связанных с жизнью и деятельностью епископа.

В 2014 г. процесс беатификации был подвергнут реорганизации и получил новое название: «Дело о беатификации или объявлении мучениками Епископа Антония Малецкого, титулярного епископа Дионизианы, апостольского администратора Ленинграда и 14 сподвижников».

1 июля 2017 года настоятель прихода Святого Станислава о. Х. Пожарский стал постулатуром процесса беатификации российских католических мучеников XX века.

Станислав Козлов-Струтинский, о. Христофор Пожарский

ЛИТЕРАТУРА

Печатные издания на русском языке

Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950. М.: Русский путь, 2000.

Белковская В.М. Путь в семинарию: (факты ранней биографии А. Малецкого) // Наш край. 2000. № 2, дек.

Книга памяти: Мартиролог Католич. Церкви в СССР / сост. свящ. Б. Чаплицкий, И.И. Осипова. М.: Серебряные нити. 2000.

Малецкий А., свящ. Убежище для мальчиков Римско-Католического Благотворительного Общества (Пески, Кирилловская, 19) // Призрение и благотворительность в России. 1913. № 4. С 24–25.

Пожарский К., свящ. „Несгибаемый пастырь в Петербурге“. Слуга Божий епископ Антоний Малецкий. 1861–1935. Санкт-Петербург, 2010.

Пожарский К., свящ. Епископ-мученик Антоний Малецкий // Свет Евангелия. 1999. № 30, 25.07.

Пожарский К., свящ. Тихий человек из Песков // Свет Евангелия. 2002. № 9 (358), 24.02.

5 лет вместе! Центр поддержки молодых людей с ограниченными возможностями им. еп. А. Малецкого: Буклет. СПб, 2004.

Радван М. Римско-католические духовные заведения Санкт-Петербурга в XIX веке (1842–1917 гг.). СПб., 1995.

Рутковский Ф. Епископ Антоний Малецкий / пер. с польск. и коммент. С.Г. Козлова-Струтинского; науч. ред. о. Б. Чаплицкий. СПб., 2006.

Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2000.

Фадеев К., Христофоров П. Поляк по происхождению, петербуржец по рождению, гуманист по призванию...: [Конференция памяти еп. А. Малецкого в СПб. 9.12.2006, открытие мемориальной доски 10.12.2006] // Deus Caritas Est. 2006. № 1 (1), 17 дек. С. 1, 10–11. [Прилож. к газ. «Свет Евангелия». 2006. № 47–48, 17 дек.].

Чаплицкий Б., свящ. О. Константин Будкевич. 1867–1923: Жизнь и деятельность. СПб, 2004.

Шкаровский М.В. и др. Римско-Католическая Церковь на Северо-Западе России. 1917–1945 гг. СПб., 1998.

Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994. О епископе Малецком см.: с. 244–245.

Материалы журнала «Наш Край».

Печатные издания на иностранных языках

“Bez sądu, świadków i prawa...”: Listy z więzień, łagrów i zesłania do Delegatury PCK w Moskwie 1924–1937 / pod red. R. Dzwonkowskiego SAC. Lublin, 2002.

Dzwonkowski R. Kościół katolicki w ZSSR, 1917–1939: Zarys historii. Lublin, 1997.

Dzwonkowski R. Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR, 1917–1939: Martyrologium. Lublin, 1998.

Dzwonkowski R. Świadek wiary w Leningradzie: Bp. Antoni Malecki (1861–1935) // Ład. 1995. Nr. 11, 12.03.

Kawalerczyk G. Biskup Antoni Malecki – Apostoł Rosji (1861–1935) // Wiadomości Archidiecezjalne Warszawskie. 1998. № 7(921). S. 486–489.

Konobrodzka B. Matka Paula Malecka: Kalendarium życia. Nowe Miasto n/Pilicą, 2002. S. 34.

Małata T. Polscy księża katolicy w więzieniach i łagrach sowieckich od 1918. Lublin, 1996.

McCullagh Fr. Prześladowanie chrześcijaństwa przez bolszewizm rosyjski. Kraków, 1924.

Mioduszewski J. Wrażenia z procesu Arcybiskupa Cieplaka i 14 księży w Moskwie 20–25 marca 1923 r. Warszawa, 1931.

Nasze Kościoły. T. 1, cz. 2. Diecezja Mińska / pod red. ks. Józefa Żyskara. Warszawa, 2001 (reprint). S. 168–169.

Požarski K. Niezłomny Pasterz w Rosji. Sługa Boży biskup Antoni Malecki. 1861–1935. Warszawa, 2010.

Proces arcybiskupa Cieplaka i 14 księży: Zarys sprawozdawczy z ilustracjami / pod red. J. Leszczyńskiego. M.: Krasnaja Now, 1923.

Rutkowski F. Ks. Biskup Antoni Malecki. 1861–1935. Warszawa, 1936.

Sloskans B. Zeuge Gottes bei den Gottlosen: Gefängnistagebuch. München, 1988. S. 78–80.

Материалы польской прессы конца 19 – начала 20 в.: «Dziennik Petersburski», «Głos Polski» (Petersburg), «Kalendarz Rzymskokatolickiego Towarzystwa Dobroczynności w Petersburgu», «Katalogi hierarchii rzymskokatolickiej w archidiecezji mohylewskiej» (Petersburg), «Kraj» (Petersburg), «Kurjer Nowy» (Piotrograd), «Polski Kalendarz Piotrogradzki».

Материалы польской прессы 1930-х гг.: «Kurjer Warszawski», «Młodzież Akademicka», «Młodzież Katolicka» (Warszawa), «Oriens» (Kraków), «Piński Przegląd Diecezjalny», «Przegląd Katolicki» (Warszawa), «Przewodnik Katolicki» (Poznań), «Słowo» (Wilno), «Wiadomości Archidiecezjalne Warszawskie».

Материалы: Polska Katolicka Agencja Prasowa 1934–35.

Материалы ватиканской прессы 1934–1935 гг.: «Annuario Pontificio», «L'Osservatore Romano».

Также использованы документы следующих хранилищ: РГИА, ЦГИА СПб., НИАБ (Минск), Архив Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб. и ЛО), Научная библиотека Люблинского католического университета, Архив новейшей документации (Archiwum Akt Nowych) в Варшаве, Архив Министерства иностранных дел в Париже, AG FMM, ASV, Архив Польского института и музея им. Ген. Сикорского в Лондоне (Archiwum Instytutu Polskiego i Muzeum im. gen. Sikorskiego w Londynie), Центральный государственный архив кинофонофото документов Санкт-Петербурга, архив о. Х. Пожарского.

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

Дом им. Михаила Кербедзя в Петербурге (ул. Кирилловская, 19), в котором с 1913 г. помещалась гимназия свящ. А. Малецкого.

Общий вид комплекса зданий, в которых располагались мастерские свящ. А. Малецкого.

Свящ. А. Малецкий в столярной мастерской.

Свящ. А. Малецкий в переплётной мастерской.

Свящ. А. Малецкий с группой мальчиков в Луге.

Так все начиналось. Дети, свящ. А. Малецкий и тайные монахини, сотрудницы и воспитатели приюта.

Хор и оркестр из числа воспитанников Учреждений свящ. А. Малецкого (1909 г.).

25-летний юбилей Воспитательно-ремесленных учреждений, 20.03.1914 г.
Свящ. А. Малецкий с епископом И. Цепляком, прелатом К. Будкевичем, ректором Духовной Академии, свящ. Эгидием Радзишевским и другими благодетелями Учреждений на торжественном заседании в день юбилея.

Свящ. А. Малецкий со своими воспитанниками в 25-летний юбилей Воспитательно-ремесленных учреждений, 20.03.1914 г.

Группа священников на одном из торжеств на Песках в Петербурге. Сидят (слева направо): свящ. Мечислав Шавдинис, свящ. Доминик Иванов, свящ. Людвик Борковский, епископ Иоанн Цепляк, свящ. Антоний Малецкий, свящ. Иоанн Тройго. Стоят (слева направо): свящ. Теофил Матулянис, свящ. Иоанн Василевский, свящ. Михаил Бутенис, свящ. Эдвард Юевич, свящ. Лукиан Хвечко, миряне: Григорий Далецкий, Юзеф Стубеда, Стефан Чоповский.

Католическое духовенство в приходе св. Иоанна Крестителя в Царском Селе (в то время – Детское Село, ныне г. Пушкин) 24 июня 1926 г. Сидят (слева направо): свящ. Казимир Величко, свящ. Теофил Матулянис, прелат Станислав Пржирембель, прелат Антоний Малецкий, свящ. Болеслав Слосканс, о. Иоанн-Мария-Феликс Амудрю, ОР. Стоят (слева направо): свящ. Григорий Спасовский, свящ. Владислав Чегис, свящ. Августин Пронцкетис, свящ. Винцент Дейнис, свящ. Эдуард Швейнис.

СЛУГА БОЖИЙ ПРЕЛАТ КОНСТАНТИН БУДКЕВИЧ

1867–1923

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ КОНСТАНТИНА БУДКЕВИЧА

(1867-1886)

УЧЕБА В СЕМИНАРИИ И В АКАДЕМИИ. РУКОПОЛОЖЕНИЕ

(1886-1893)

Константин Ромуальд Будкевич родился в усадьбе Зубры под Краславой (ныне Латвия) 19 июня 1867 г. (ст. ст.) в многодетной дворянской польской семье Юлиана и Марии, урожд. Борковской. Крещен был 25 июня 1867 г. в Краславе. Там же принял первое Причастие. В то время эти земли были частью Российской империи, возможности патриотического и религиозного воспитания были сильно ограничены государством.

Отец Константина был лесничим, мать занималась воспитанием детей. Константин рос в польской традиции. Впоследствии он вспоминал о том, что

любил одиночество и много читал, в основном романы, развившие в нем мечтательность и отдалявшие от реальной жизни.

Константин учился сначала частным образом в Краславе, потом, благодаря помощи графов Платеров, в гимназии в Царстве Польском. Уже в гимназические годы методы обучения, принятые в то время, и направленные на русификацию и деградацию личностного развития молодежи вызывали у него протест.

После окончания пяти классов гимназии (для поступления в духовную семинарию требовалось окончить четыре класса) он, в начале сентября 1886 г., поступил в Римско-католическую духовную семинарию в Петербурге. Призвание к священству осознал с детства. Однако, государство вмешивалось и в программу семинарского воспитания и обучения, ограничивая его.

В семинарии Будкевич учился хорошо. 7 сентября 1890 г. он был принят в Императорскую Римско-католическую Духовную Академию. В то время, после закрытия в 1867 г. Духовной Академии в Варшаве, Академия в Петербурге была единственным высшим католическим духовным учебным заведением в Российской империи. Хотя полный курс был рассчитан на четыре года, Будкевич закончил его за три. В Академии он отличался очень хорошим поведением и успехами в учебе. После сдачи экзамена, на совете Академии 5 июня 1893 г. ему была присвоена степень кандидата богословия. Диякон Константин Будкевич был рукоположен в священники 26 сентября 1893 г.

О. БУДКЕВИЧ – ВИКАРИЙ И ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ

(1894-1903)

5 февраля 1894 г. о. Будкевич был назначен во Псков на должность викария в приходе Святой Троицы и законоучителя (учителя религии).

С 11 октября 1896 г. он служил на тех же должностях в Витебске, в приходе Святого Антония. Там у него начались проблемы со здоровьем на почве переутомления, поэтому он вынужден был выезжать в санатории на лечение, что требовало не только больших средств, но и преодоления административных ограничений, установленных государством. Однако и здесь о. Будкевич посвящал много времени и сил пастырской работе. На выезд в другой приход требовались специальные разрешения, власти следили, чтобы священники не делали ничего по собственной инициативе, однако о. Будкевич поступал так, как требовал его пастырский долг: «...6 января т[екущего] г[ода], по приглашению Ксендза Батура исповедывать его, я был в г[ороде]. Полоцке Витебской губ[ернии] и, так как Ксендз Батура чувствовал себя нездоровым и усталым, помог ему в богослужении. На запрос Господина Витебского Губернатора, на каком основании я выбыл из Витебска и произнес проповедь, я ответил, что выбыл из Витебска на основании 5 пункта правил об отлучках р[имско] к[атолического] духовенства, – утвержденным Министерством Внутренних дел 30 сентября 1892 г., – а произнес проповедь в виду нездоровья и усталости Ксендза Батура. 7 марта 1903 г. за № 1677 Господин Витебский Губернатор пишет, что Ксендз Батура 6 января был здоров и ввел меня в заблуждение; если же я вторично нарушу выше-

указанные правила об отлучках, то будет против меня возбуждено «дисциплинарное производство».

Прожив в Витебске 7 лет, о. Будкевич попросил о переводе. Он нес слишком много обязанностей и чувствовал, что измучен. Он считал, что является более теоретиком, нежели практиком: «Исполнение обязанностей капеллана испортило мне нервы, и врачи советуют мне сменить место на другое, менее беспокойное. Мне остается взяться за приходскую работу, но трудно, если бы и была, найти такую, которая бы не волновала, так как меня все время мучила бы мысль, что я недостаточно хорошо выполняю свои обязанности. Самым главным моим недостатком является то, что я скорее теоретик, нежели практик, живу скорее в мире отвлеченном, нежели в вещном, и склонности, способности мои влекут меня скорее к книжным занятиям, чем к приходским. Исполнение обязанностей капеллана до сих пор мне вполне подходило, но я очень много взял на себя, и это меня измучило, и чувствую себя не в силах хорошо их исполнять, тем более что и до сих пор было много проблем с этим. Я был бы в своей стихии, и это бы не мучило меня, если бы стал профессором в Семинарии. В самом деле, я был бы профессором не хуже других».

О. Константин материально помогал своей матери и родным. Каждый год в отпуске он старался навещать семью. Больших денег требовало лечение. Проблемы со здоровьем были у него и в дальнейшем: постоянная бессонница, сердечная аритмия, головные боли и раздражительность. Медицинские средства не давали ощутимых результатов.

О. БУДКЕВИЧ – ВИЦЕ-НАСТОЯТЕЛЬ, НАСТОЯТЕЛЬ ПРИХОДА СЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ В ПЕТЕРБУРГЕ, ДЕКАН ПЕТЕРБУРГСКОГО-ПЕТРОГРАДСКОГО ДЕКАНАТА (1904-1923)

8 октября 1903 г. о. Будкевич был назначен викарием в самый большой в Могилевской митрополии приход Святой Екатерины в Петербурге, насчитывавший 30 000 верных. Там он проявил себя способным священником и поэтому по рекомендации настоятеля о. Яна Сциславского 13 января 1904 г. получил должность заместителя настоятеля.

Исполняя должность вице-настоятеля, о. Будкевич проявил свои административные способности, особенно, умение сотрудничать с мирянами. 5 сентября 1905 г. в возрасте 38 лет он стал настоятелем. Настоятели храма Святой Екатерины управляли огромным имуществом, состоявшим из завещанных жертвователями сумм и арендной платы за пользование квартирами в приходских домах. Деньги находились на счету прихода в банке. На проценты с этих сумм, по разрешению государственной власти (Департамента духовных дел иностранных исповеданий), осуществлялась различная финансовая деятельность (ремонт, содержание школ и приютов, ремонт и перестройка их помещений, пособия священникам и т. д.). Настоятелю непросто было заведовать

такими разнообразными начинаниями. Необходимо было считаться и с требованиями властей, и с мнением архиепархиального управления, и с синдикатом (мирянами, которые были избраны, чтобы помогать настоятелю решать хозяйственные вопросы), выражавшим волю прихожан, и с финансовыми возможностями.

О. Будкевич внес оживление в приходскую работу. За годы управления приходским имуществом он сумел поднять доходность церковных домов, причем деньги эти не накапливались в банке, но шли главным образом на содержание и расширение учебных заведений прихода (общий расход на эти нужды – около 56 000 руб. ежегодно). В 1907 и 1911 гг. в храме Святой Екатерины были проведены ремонты. В 1907 г. была учреждена ссудосберегательная касса для тех, кто работал в учебных заведениях. В приходе всегда велась большая работа с детьми и молодежью в многочисленных приютах со школами для детей, Доме ремесел, дешевой столовой, в фондах помощи учащейся молодежи. О. Будкевич всячески поощрял развитие в приходе учебных заведений. В 1907 г. были устроены три элементарные школы и четырехклассная профессиональная школа для подготовки сельских учительниц. Настоятель не боялся новых педагогических методов, заботился об учителях, интересовался программами преподавания. К марту 1916 г. в школах при храме Святой Екатерины обучалось около 2000 учеников разных национальностей. О. Будкевич старался, чтобы его молодые прихожане умели самостоятельно думать и опровергать обвинения против веры. У него был дар находить с ними общий язык. Он всячески поддерживал возникающие инициативы и объединения молодежи. Для улучшения воспитательной работы в женском пансионе о. Будкевич пригласил из Кракова Урсуду Ледуховскую (канонизирована 8 мая 2003 г. Папой Иоанном Павлом II). Его заслуги в работе с детьми отметили и государственные власти: «...Постоянная Комиссия С[анкт] Петербургского Совета детских приютов постановила назначить Почетного Каноника Константина Будкевича Почетным Членом названного Совета, с заменой взноса личным трудом по безвозмездному преподаванию уроков Закона Божия воспитанникам и воспитанницам детских приютов римско-католического вероисповедания...».

Уже 2 апреля 1906 г. о. Будкевич получил награду за усердное служение – наперсный крест.

В 1908 г. о. Будкевич был назначен деканом петербургского деканата. Деканат насчитывал в 1914 г. 18 приходов, 13 филиальных храмов, 10 часовен и 101 330 верных. В пригородах Петербурга возникали комитеты по строительству новых храмов, в работе которых также участвовал о. Будкевич. Он опекал существовавшие в деканате тайные (так как официально их существование находилось под запретом) монашеские общины – Дочерей Сердца Марии, Миссионерок Святого Семейства и урсудинок.

Свящ. К. Будкевич.

Свящ. К. Будкевич.

31 мая 1910 г. митрополит В. Ключинский возвел о. Будкевича в звание почетного каноника, с предоставлением права носить дистинкториальный крест. Это накладывало новые обязанности. Митрополит поручал о. Будкевичу присутствовать на заседаниях духовной консистории, кроме того, о. Будкевич сопровождал архиеп. В. Ключинского во многих пастырских визитах в Белоруссию и Латвию.

В начале 1900-х гг. в Петербурге начали издаваться польские газеты. Католики вошли в Государственную Думу, в прессе поднимались социальные и национальные вопросы. О. Будкевич не стоял в стороне от социальных и общественных дел своих прихожан¹⁵. Скорее можно сказать, что он был в авангарде общественной деятельности. Он видел разобщенность польской общины в Петербурге, её проблемы и предлагал объединить и упорядочить деятельность отдельных польских организаций для большей эффективности культурной работы. Он писал: «Чтобы мы не обманулись в наших духовных силах в руководстве общественной работой, я бы предложил в первую очередь собрать общее совещание представителей всех наших организаций, потом, в зависимости от результатов совещания – общее собрание людей доброй воли. Поскольку храм и священник по натуре своей имеют целью общее благо, имею честь сообщить уважаемым представителям здешних польских организаций, что моя квартира и библиотечный зал при храме в их распоряжении».

Проблемой для о. Будкевича как поляка и полностью отдающего себя служению священника было возникшее в Петербурге новое явление – русские католики. В царской России тем, кто родился в православных или наполовину католических семьях, было запрещено становиться католиками. За переход в католичество сурово наказывались и переходившие, и священники, которые содействовали переходу. Кроме того, в течение XIX в. государство стремилось путем русификации обучения Закону Божию и введения дополнительных обрядов в католических храмах постепенно заглушить католический дух и оторвать католиков России от Святого Престола. Поэтому богослужения на русском языке воспринимались католиками как угроза для Католической Церкви. В начале XX в. государство стало терпимее по отношению к «инославным». Благодаря изданному императором Николаем II 17 апреля (ст. ст.) 1905 г. Указу «Об укреплении начал веротерпимости» в это время возникло движение российских католиков восточного обряда.

В деле помощи русским, которые перешли или намеревались перейти в католичество, принял участие и о. Будкевич. Он доброжелательно относился к русским священникам, принимал их в своем приходе, находил для них материальные средства, давал возможность совершать богослужения в своем храме, но при этом не понимал восточного обряда и идеи его исключительности для русских. Скорее, он видел в нем опасность перенесения в Католическую Церковь исходящих частично из язычества и принятых в православной тра-

¹⁵ Например, в римско-католическом просветительском и благотворительном обществе «Просвещение» о. Будкевич исполнял функции вице-председателя.

диции заблуждений. Это движение, которое тайно благословил папа Пий X, о чём не знала католическая иерархия в России, привело ко многим межнациональным и личным конфликтам. Некоторые священники восточного обряда оказались провокаторами. Началась широкомасштабная правительственная ревизия католических учреждений, что привело ко многим арестам, изгнанию из России священников-иностранцев и тайно работавших монахинь. От этой акции пострадал также и о. Будкевич. Расследование деятельности католических учреждений происходило при сильном давлении государственных властей на архиепархиальную власть, которая была не в состоянии защитить священников.

В связи с началом Первой мировой войны в Петрограде образовался центр организации помощи полякам, перебравшимся на территорию России с земель, на которых велась война. В городе появились тысячи беженцев. В учебные заведения при приходе Святой Екатерины принимали молодежь из семей переселенцев. В приходских помещениях разместились центральные учреждения помощи беженцам. С начала войны стало действовать Общество помощи жертвам войны. О. Будкевич был вице-председателем, а затем председателем этого Общества. Он также поддерживал деятельность Польского гражданского комитета, который оказывал материальную и духовную помощь беженцам и военнопленным, раненым и больным солдатам – полякам, оказавшимся на территории России в это время и в начальный период правления большевиков.

О. Будкевичу было не просто управлять приходом во время войны. Обострились возникшие еще в начале 1900-х гг., при подъеме самосознания национальных меньшинств в России, конфликты между прихожанами разных национальностей (латышами, литовцами, белорусами и составлявшими большинство поляками).

Во время войны о. Будкевич предпринял издание еженедельника «Czytania Niedzielne».

В столице России собрались священники, которых война вынудила покинуть места служения. В 1917 г. священники Петрограда из Духовной Академии, семинарии, приходов стали встречаться, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. О. Будкевич протоколировал заседания.

В ходе дискуссий на этих встречах обсуждались вопросы пастырской работы в неспокойное время. Священники решили помочь мирянам создать Католический Союз, целью которого стало бы повышение уровня образования в области политических, экономических и др. вопросов. Обсуждались вопросы национальных групп: белорусов, литовцев, латышей. Итог предреволюционных собраний – рекомендации по организации широкой социальной деятельности Католической Церкви в России в то время, когда исчез гнет царской власти, и такая деятельность стала возможной. О. Будкевич не только активно участвовал в обсуждениях, он включался в работу Общественного комитета и, впоследствии, Общественного совета священников при архиепархиальном управлении. Приход большевиков к власти не приостановил активности духовенства. Общественный совет продолжал обсуждать текущие вопросы жизни архиепархии – в первую очередь, продолжение издания епархиального печатного органа (на собрании 29 ноября 1917 г.), который оповещал бы като-

лическое население, прежде всего приходских настоятелей, о распоряжениях духовной власти¹⁶.

О необходимости обдумать отношение духовенства к Декрету «Об отделении Церкви от государства» от 23 января 1918 г. говорилось на собрании священников в тот же день. Официальной реакции со стороны католиков на этот Декрет не последовало, т. к. Католическая Церковь в России никогда не была связана с самодержавием. Внушало также надежду извещение из Комиссариата Юстиции в Москве, присланное 22 мая 1918 г. в курию, в котором представители Католической Церкви приглашались принять участие в разработке подробной инструкции к Декрету.

Несмотря на сложности военного и революционного времени, о. Будкевич продолжал заботиться о католической молодежи, пока это было возможно. В период правления Временного правительства гимназия при церкви Святой Екатерины стараниями настоятеля уже получила государственный статус. О. Будкевич добился того, чтобы учебные заведения при храме Святой Екатерины в 1917/18 учебном году функционировали в обычном порядке, хотя уже 11(24) декабря 1917 г. появилось Постановление Совета Народных комиссаров о передаче всех церковных школ под управление Комиссариата Просвещения. В это трудное время закрытия духовных школ и вмешательства большевиков в дела просвещения и воспитания у настоятеля возникли конфликты с бывшими сотрудниками-учителями, что привело к закрытию мужской гимназии архиеп. Роппом. Эта участь ожидала и все другие учебные заведения, которые содержал приход. После этого по инициативе о. Будкевича были организованы тайные курсы, которые учителя вели на квартирах. Впоследствии, в 1920 г. о. Будкевич и о. П. Ходневич предложили обратиться к властям с просьбой, организовать учебные заведения для католической молодежи как иностранцев.

Эту позицию поддержал также архиеп. Цепляк, который 20 марта 1920 г. издал воззвание к родителям-католикам Могилевской архиепархии, сообщая, что при каждом храме организованы курсы Закона Божьего. Затем в приходе Святой Екатерины о. Будкевич пытался создать архиепархиальное Общество католических родителей и воспитателей, целью которого была бы забота о детях католиков и создание частных религиозных школ. 18 апреля 1921 г. было избрано правление; попечителем стал настоятель. Однако Комиссариат Просвещения ответил отказом на прошение Общества. В конечном итоге большевистские власти сумели разрушить дело воспитания католической молодежи, которое отстаивал о. Будкевич. Школа при храме Святой Екатерины, преобразованная по распоряжению властей в 8-ю трудовую школу, вышла из подчинения настоятеля, став врагом прихода.

Летом 1918 г. петроградский декан еще смог получить согласие властей на проведение на улицах города процессии в Торжество Божьего Тела, которая 2 июня 1918 г. прошла от храма Святой Екатерины до Выборгского кладбища. Процессию возглавил архиеп. Ропп. В ней приняли участие тысячи католиков и духовенство обоих обрядов из Петрограда. Признанием заслуг о. Будкевича стало пожалование ему Апостольским Престолом 7 июня 1918 г. титула прелата Его Святейшества.

¹⁶ Этот журнал существовал с 1909 г. и назывался «Wiadomości Archidiecezjalne». В 1912 г. название изменили на «Wiadomości Kościelne».

Однако действия большевиков оказались направлены на все большее ущемление прав верующих. В связи с принятием Декрета об отделении церкви от государства и «Инструкцией» о порядке его осуществления – документов, согласно которым все храмы стали собственностью государства, допускавшего пользование ими только при условии взятия на себя ответственности за их сохранность группой граждан соответствующего исповедания, – о. Будкевич по согласованию с архиеп. Роппом издал инструкцию для духовенства, чтобы оно знало, как действовать. В ней он настаивал на соблюдении норм Канонического права, то есть на том, чтобы храмы оставались собственностью Церкви. По мнению о. Будкевича, прихожане могли подписать договор о пользовании храмом с властями в том виде, в каком требовали власти, только в том случае, если в нем будет отмечено, что прихожане уступают давлению и поэтому считают договор фиктивным.

Хотя архиеп. Ропп, считая, что большевистская власть скоро падет, распорядился, чтобы в приходах создавались комитеты, которые подписывали бы такие фиктивные договоры в соответствии с требованиями советской власти, о. Будкевич делал это неохотно, видя в этом несоответствие каноническому праву.

О. Будкевич также предпринял меры для защиты церковного имущества. По просьбе настоятеля 19 сентября 1918 г. генеральный консул Германии в Петрограде выдал храму Святой Екатерины охранное свидетельство. Такое же охранное свидетельство было получено от Представительства Регентского совета Царства Польского в России 11 ноября 1918 г.

Деятельность о. Будкевича мешала большевикам, поэтому над ним нависла угроза ареста. Негласное наблюдение за католическим духовенством велось с 1918 г. С целью ареста о. Будкевича разыскивали в течение нескольких месяцев 1919 г. и всего 1920 г.

Архиеп. Ропп, также опасаясь ареста, 9 января 1919 г. назначил себе на этот случай заместителей, среди которых был и о. Будкевич. Впоследствии, уже после высылки из России, архиеп. Ропп советовал своему генеральному викарию еп. Цепляку в важных делах советоваться с такими священниками, как А. Малецкий, К. Будкевич и Я. Тройго: «Трудно мне отсюда выразить мое мнение, когда оказии в Петербург редкие, ненадежные, через очень долгие и неравные промежутки. Ваше Преосвященство имеет возле себя таких рассудительных и практичных советников, как кс. прелат Малецкий, Будкевич и мой постоянный сотрудник кс. Тройго, что решительно могу сказать: сверх того, что Вы совместно постановите, я ничего лучшего не придумал бы, а потому пишу а priori».

22 января 1919 г. представителями мирян был создан Центральный Комитет католических общин Могилевской архиепархии. Комитет мирян, возникший как следствие действий государственных властей, вызывал у духовенства опасение, что будет поколеблено устройство Католической Церкви, и миряне в дальнейшем возьмут всю власть в приходах. Поэтому о. Будкевич на собраниях священников убеждал настоятелей в том, что не следует признавать созданный нелегально, в нарушение канонического права, Центральный Комитет и что приходские комитеты создавались только из практических соображений, то есть для поддержки и защиты церквей и священников.

8 апреля 1919 г. священники избрали своего кандидата в делегаты на встречи Центрального Комитета. Им стал о. Будкевич. Свою точку зрения декан отстаивал и после ареста архиеп. Роппа, последовавшего 29 апреля 1919 г.

О. Будкевич сумел убедить генерального викария архиепархии архиеп. Цепляка и членов Центрального Комитета католических общин принять его взгляды. 12 сентября 1919 г. архиеп. Цепляк направил письмо к священникам, в котором напоминал, что отстранение настоятеля от управления приходом (что большевики хотели сделать руками прихожан) противоречит Каноническому праву, церковное имущество является освященным и представляет собой неприкосновенную собственность прихода (Церкви). Поэтому архиепископ призывал прихожан выступить с протестом против подписания договоров о пользовании храмами и добиваться справедливости и уважения их прав.

Архиеп. Ропп доверял о. Будкевичу. Перед отъездом в Польшу он дал о. Будкевичу свободу в деле управления церковным имуществом. О. Будкевич, как только мог, поскольку и сам в это время должен был скрываться, пытался помогать архиеп. Цепляку и священникам. Он написал три «исторические записки» – хронику событий, происходивших в России после прихода большевиков к власти, и ответных действий католиков. Эта помощь выражалась также в критических замечаниях, которые о. Будкевич адресовал еп. Цепляку. О. Будкевич защищал права священников и настаивал на сохранении порядка проведения собраний. Он не хотел допустить, чтобы встречи Центрального Комитета стали местом обсуждения священников мирянами.

О. Будкевич продолжал убеждать архиеп. Цепляка и священников, что католические общины должны соблюдать Каноническое право без всяких оговорок и компромиссов. Он уверял, что большевики будут больше считаться с протестующими католиками, чем с уступающими, а поскольку для них важно мнение Европы, они не допустят закрытия храмов.

Свящ. К. Будкевич.

Когда архиеп. Цепляк был арестован, о. Будкевич вместе с другими священниками 11 апреля 1920 г. собрал католиков Петрограда в храме Святой Екатерины. Несколько тысяч человек направились к зданию ЧК. Однако власти использовали этот протест, чтобы арестовать его организаторов. Было сфабриковано так называемое «польское дело», к которому кроме архиеп. Цепляка привлекли 189 мирян.

О. Будкевич составил письмо в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Он настаивал, чтобы власти помнили о своих декретах и о Конституции 1918 г., провозглашавших свободу ис-

поведания всех религий и свободу пропаганды. В конце концов, архиеп. Цепляк был освобожден.

Кончилась польско-советская война. Готовился мирный договор, который должен был защищать права, по крайней мере, поляков-католиков. 8 марта 1921 о. Будкевич разослал по приходам анкету, которая должна была дать картину состояния дел в деканате. Ответы на нее показали, что католики, число которых уменьшилось, несмотря на продолжающееся давление со стороны властей, продолжают сохранять свою веру и традиции, и нравственная атмосфера остается достаточно хорошей.

Гражданская война и советско-польская война формировали отношение большевиков к верующим-католикам, как к представителям польской (в основном) национальности, что дополнительно осложняло отношения Католической Церкви с властями. Формулировки Рижского мирного договора, заключенного между Польшей и Советской Россией 18 марта 1921 г., давали католикам повод надеяться на отмену некоторых правовых актов, репрессивных по отношению к верующим. О. Будкевич был поляком, но превыше всего ставил Церковь и служение ей. Поэтому после подписания договора он подал прошение об оптации (выборе гражданства) в пользу польского государства и получил удостоверение личности польского гражданина, оставаясь в Советской России, но впоследствии, в 1922 г., когда Петроградский Исполнительный комитет объявил, что священники не могут быть гражданами другого государства, о. Будкевич решил отказаться от польского гражданства, чтобы остаться среди верующих, нуждавшихся в пастыре.

О. Будкевич пытался критически осмыслить действия советской власти. Он понимал: бесчинства совершаются большевиками с целью терроризировать население и показать, что они не считаются ни с возмущением народа, ни с духовным саном, ни с мирными договорами. Поскольку вызывающее поведение большевиков оскорбляло религиозные чувства католиков, принадлежавших к тем государствам, которые заключили мир с Советами, о. Будкевич предлагал дипломатический протест против подобных выходов.

Тем не менее, он верил, что на основании Рижского мирного договора можно добиваться возврата национализированного большевиками церковного имущества. Как декан, он обращался в советские учреждения, настаивая на том, что всякое церковное имущество принадлежит епархии, а в епархии должны быть школы и семинарии. Как настоятель прихода, он вел учет конфискованных зданий, которые следовало вернуть приходу Святой Екатерины.

Большевики игнорировали Рижский договор. 24 декабря 1921 г. Народный Комиссариат Юстиции в своем постановлении подчеркивал, что Рижский договор не отменяет положений Декрета об отделении Церкви от государства в отношении Католической Церкви. Ссылки католического духовенства, а также польских дипломатов на этот документ большевистские власти быстро научились использовать в своих интересах, для обвинения Католической Церкви в агентурной деятельности в пользу Польши. Это обвинение было выдвинуто позднее также и против о. Будкевича.

В это время беды и голода о. Будкевич, как глава Комиссии по организации обеспечения Курии средствами к существованию, вместе с другими священниками должен был собирать пожертвования на содержание курии и духовной семинарии.

По причине арестов, выезда преследуемых священников за границу и невозможности приезда священников из-за границы пастырей не хватало, поэтому архиеп. Цепляк создал тайную семинарию. Она начала действовать в 1922 г., в ней было 10 семинаристов, ректором стал о. Антоний Малецкий. О. Будкевич также читал лекции.

Так как большевики угрожали закрыть храмы, если договоры с властями о пользовании церковными зданиями не будут подписаны верующими, архиеп. Цепляк 10 апреля 1922 г. обратился к кардиналу Гаспарри, статс-секретарю Ватикана, спрашивая о возможности подписания договоров. Апостольский Престол отверг советский проект арендных договоров.

О. Будкевич обратил на себя внимание государственных властей, так как неоднократно был направляем церковной властью для переговоров, сам ходил в различные учреждения, а также посылал делегации прихожан. В течение 1922 г. он несколько раз ездил в Москву.

Будучи практичным человеком, о. Будкевич был готов говорить с любыми людьми, но оставался верным учению Католической Церкви. Он неохотно шел на контакт с православными. Однако с целью защиты веры декан разрешал устраивать у него совместные встречи православных и русских католиков. Он также материально помогал священникам восточного католического обряда, принимал у себя в приходском доме русских священников, материальное положение которых было еще хуже, чем у священников латинского обряда.

О. Будкевич был уверен, что в это трудное время, когда Православная Церковь была практически разгромлена большевиками, католическая миссия в России должна быть активной. По его мнению, препятствием к этому была позиция, занятая экзархом Л. Федоровым. Петербургский декан был сторонником взгляда архиеп. Роппа, который, находясь в Польше, не только выдвигал теорию биритуализма, но и готов был организовать подготовку священников-биритуалистов для России. О. Будкевич добавлял: биритуалисты необходимы именно сейчас, когда из-за арестов число священников уменьшается. К тому же он стремился не допустить разделения Церкви, которая переживала тяжелые времена. А биритуализм как раз подчеркивал, что оба обряда равны. О. Будкевич обратил также внимание на то, что раскол в Православной Церкви был спровоцирован как заражением православия духом протеста, так и целенаправленным действием правительства. Он понимал, что священники-иностранны на место арестованных или изгнанных из России католических священников допущены не будут.

Внутренняя политика большевиков вызвала голод в стране, особенно в Поволжье. Католическая Церковь организовала помощь голодающим. Но под предлогом помощи голодающим, а на самом деле – чтобы еще больше ограбить страну и, одновременно, расправиться с Церковью, был издан Декрет «О порядке изъятия ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» от 23 февраля 1922 г., согласно которому в течение месяца следовало изъять из церквей все предметы из золота, серебра и драгоценных камней.

Петроградские католические священники смело вставали на защиту церковного имущества, прихожане поддерживали их. Это сопротивление стало основанием для одного из пунктов обвинения (которого не избежал и о. Будкевич) в будущем, во время московского процесса над духовенством.

О. Будкевич и в ситуации с церковными ценностями пытался апеллировать к Рижскому договору. Свои комментарии к статьям договора он передавал представителям польских властей. О. Будкевич считал, что данный договор дает Польше право определенного протектората над Католической Церковью в России, подобного тому, который имела Франция над Церковью на Ближнем Востоке. Однако представители польского посольства подчеркивали, что договор не дает достаточных правовых оснований для вмешательства в случае ограбления храмов¹⁷.

В своем приходе о. Будкевич решил вопрос о церковных ценностях самостоятельно. Когда он хотел закопать эти ценности на кладбище и посвятил в эти планы о. Бронислава Уссаса, который возглавлял польскую ревиндикационную комиссию, тот посоветовал передать их по дипломатическим каналам в Польшу. Четыре доверенных человека перенесли ценные литургические предметы в представительство Польской Республики. Потом они были тайно доставлены в Варшаву, где первоначально хранились у архиеп. Роппа, а затем были переданы в представительство Ватикана.

О. Будкевич сыграл немалую роль в том, что гонения в Советской России на Церковь и на религию вызвали в мире многочисленные отклики и попытки оказать помощь. Сообщения, мнения, призывы, комментарии о. Будкевича направлялись в дипломатические польские представительства, находящегося в Польше архиеп. Роппу, еп. А. Шелёнжеку, который был сотрудником польского министерства вероисповеданий и членом делегации, вырабатывающей условия Рижского мирного договора, папскому нунцию в Варшаве Лоренцо Лаури.

Церковные иерархи и государственные деятели считались с мнением о. Будкевича. Варшавский нунций Л. Лаури в июне 1922 г. направил о. Будкевичу просьбу передать в Ватикан рапорт о состоянии дел Католической Церкви в Советской России¹⁸. О. Будкевич составил документ, озаглавленный «*Status Ecclesiae in Russia*», в котором затрагивал следующие темы: духовный подъем среди верующих во время гонений, национализация церковной собственности, вследствие этого значительное ухудшение экономического состояния приходов, отъезд священников и верующих из России.

Осенью 1922 г. о. Будкевич узнал о том, что его хотят сделать епископом Могилевской архиепархии. Прелату не понравились эти слухи, так как он осознавал грозящую его жизни опасность.

Католические приходы в Советской России уступили под давлением властей и подписали договоры или расписки о пользовании храмами, и только прихожане в Петрограде, поддерживаемые о. Будкевичем, в ожидании ответа из Ватикана и реакции польского правительства твердо держались принципа, что невозможно брать в аренду от государства собственный храм.

Президиум Петроградского губернского исполнительного комитета 25 ноября 1922 г. принял решение о закрытии храмов до того времени, пока груп-

¹⁷ Удивляет тот факт, что польские дипломаты заняли такую позицию, отказавшись от использования в качестве аргумента Рижского договора. По-видимому, они следовали инструкции польского МИД, целью которого было «заставить» Ватикан, который искал компромиссов с Россией, вести себя более решительно.

¹⁸ «Положение Церкви в России» (лат.).

пы католиков не подпишут договор-расписку согласно форме, установленной Народным комиссариатом юстиции.

5 декабря 1922 г. были опечатаны почти все петроградские католические храмы. Так же, как и при конфискации ценных церковных предметов, во время акции закрытия храмов повторились протесты верующих, которые впоследствии были истолкованы властями как доказательство вины священников.

О. Будкевич осознавал грозящую ему опасность. Друзья уговаривали прелата уехать из России. Но о. Будкевич заявил, что не собирается покидать своих прихожан.

Ища поддержки у зарубежных государств¹⁹, архиеп. Цепляк в то же время послал в Москву делегацию во главе с о. Будкевичем, чтобы тот провел переговоры с советскими властями. Архиепископ позволил прелату принимать решения по своему усмотрению. В этом же письме архиепископ сообщал о. Будкевичу, что священники свободно совершают богослужения в помещениях при храмах, но их уже начинают вызывать в Революционный трибунал. О. Будкевич, находясь в Москве, в сложной ситуации проявлял мудрость и осторожность.

Когда, наконец, пришла инструкция из Рима, и архиеп. Цепляк разрешил приходским комитетам подписывать договоры, чиновник Народного комиссариата юстиции П.А. Красиков изменил текст так, чтобы он был неприемлем для католиков. Власти, которые собрали достаточно материала для обвинений духовенства, не хотели уже никаких переговоров. Однако о. Будкевич продолжал передавать сведения о положении Католической Церкви в России о. Э. Уолшу, руководителю Папской миссии помощи голодающим, с которым он познакомился в Москве.

МУЧЕНИЧЕСТВО

Процесс против католического духовенства Петрограда

Угроза ареста нависла над о. Будкевичем еще в 1919 г. и время от времени возникала снова. Большевики хорошо знали его как активного, упорного и юридически грамотного человека, руководителя петроградских католиков. Для того, чтобы сломить сопротивление верующих, о. Будкевича требовалось устранить.

Судебный процесс против католического духовенства Петрограда подготавливался долго. К нему, кроме архиеп. Цепляка, первоначально было привлечено 16 священников и мирян.

Духовенство обвинялось в создании антисоветской, контрреволюционной организации с целью противодействия Декрету об отделении Церкви от государства и инструкции о порядке проведения в жизнь этого декрета. Основанием для этого обвинения стали протоколы собраний священников, написанные о. Будкевичем, найденные в апреле 1920 г. во время обыска в квартире прихожанина церкви Святой Екатерины С.А. Пусевича, где скрывался о. Будкевич.

¹⁹ В это время проблемой закрытия католических храмов заинтересовались немецкое и английское консульства, что пробудило надежды архиепископа Цепляка.

В декабре 1922 г. после возвращения из командировки в Москву был допрошен о. Будкевич. На допросе он указывал на противоречия между законодательством и его практическим применением. В показаниях декана прослеживается логика, отсутствовавшая в советском законодательстве. Большевики не считались ни с христианскими, ни с человеческими законами. Они стремились уничтожить людей, осмелившихся иметь собственное мнение, оставшихся верными своим идеалам и защищавших их. Дело против петроградского духовенства 30 декабря 1922 г. было назначено к слушанию в открытом судебном заседании с вызовом свидетелей и допущением сторон, а священникам запретили покидать город.

Дав подписку о невыезде, Будкевич уже не мог куда-то скрыться. Он ждал, как ждали все, кто проходил по данному делу. Священники совершали богослужения для небольших групп верующих, поскольку храмы были опечатаны.

Друзьями о. Будкевича была предпринята попытка спасти его. После вызова в Москву петербургскому декану предложили совершенно безопасный способ выезда за границу. Однако он решительно отказался, сказав, что, спасая себя, он навредит другим священникам, которым отомстят большевики.

2 марта 1923 о. Будкевич вместе с другими священниками получил повестку лично явиться 5 марта в Москву на заседание Высшего Революционного Трибунала РСФСР.

В воскресенье, 4 марта, архиеп. Цепляк совершил последнее богослужение в домовой часовне резиденции Могилевских митрополитов на набережной Фонтанки, 118. В 7 часов вечера духовенство собралось на Николаевском вокзале²⁰. Архиепископа и священнослужителей провожали тысячи верующих.

Вызванные в Москву священники надеялись, что Верховный Трибунал беспристрастно и спокойно рассмотрит обвинения, и священнослужители смогут вернуться к своим обязанностям. О. Будкевич в разговорах допускал возможность высылки архиепископа и некоторых священников за границу, но и это декан считал максимально строгим наказанием. Можно предположить, что о. Будкевич таким образом пытался успокаивать своих спутников. На самом деле он осознавал, что может не вернуться живым с процесса, и готовился к этому: об этом свидетельствует факт передачи им о. Уссасу своих личных документов, рукописей и некоторых документов прихода Святой Екатерины.

В Москве священники разместились в частных квартирах прихожан и дали подписку о невыезде из Москвы. Власти сообщили священникам, что суд состоится через десять дней, и тогда их, вероятно, возьмут под стражу.

Один из подсудимых, блаж. Л. Федоров, 7 марта 1923 г. сообщал митрополиту Шептицкому во Львов, что под влиянием заклятого врага Церкви и Бога П.А. Красикова (с которым о. Будкевич неоднократно вел переговоры по делу Католической Церкви) обвинительный акт, составленный следователем из Петрограда, был изменен, чтобы показать, что духовенство специально не хотело открывать храмы, стремясь еще больше настроить верующих против правительства, то есть вело контрреволюционную агитацию. Экзарх опасался, что архиеп. Цепляку и о. Будкевичу грозит расстрел.

²⁰ Николаевский вокзал – ныне Московский.

Большевистская пропаганда настраивала общество против священников. В центральных газетах печатались статьи о будущем суде над католическими «церковниками», обвиняемыми в выступлении против декретов советской власти об «изъятии» церковных ценностей и отделении Церкви от государства. За несколько дней до начала процесса большевиками был организован митинг с целью повлиять на Революционный Трибунал, чтобы он вынес суровый приговор подсудимым. Разоблачались «преступные» действия петроградских священников, которые не подписывали договоров о пользовании храмами, а сопротивляясь представителям власти, падали на колени. Одновременно во вмешательстве во внутренние дела России был обвинен Ватикан.

Процесс начался 21 марта 1923 г. Председателем суда был бывший православный священник М. Галкин, прокурором – большевик Николай Крыленко²¹. Свидетелями были работники так называемых «церковных столов», т. е. люди, которые участвовали в закрытии храмов в Петрограде. Хотя священники имели профессиональных адвокатов, власти не разрешали адвокатам вызывать свидетелей со стороны обвиняемых и угрожали арестом.

Судебное разбирательство было открытым. Однако большевики организовали враждебную по отношению к обвиняемым атмосферу, специально собирая в зале заседаний коммунистов и комсомольцев, врагов религии.

Большевистское правительство инсценировало этот процесс, потому что любой ценой хотело ликвидировать главные фигуры Католической Церкви в России, прибегнув к ложному обвинению в контрреволюционной деятельности и сохраняя видимость правосудия, так как приговор был заранее подготовлен. Во время процесса, продолжавшегося 5 дней, над священниками издевались и старались их унижить. Особенно часто атаковали архиеп. Цепляка и о. Будкевича. Тем не менее, подсудимые держались с большим достоинством.

Присутствующий на процессе Фрэнсис Маккалаг сравнивал атмосферу, в которой проходил суд, с эпохой Нерона. По его мнению, этот процесс был походом РСФСР против Церкви, войной Антихриста с Церковью Христовой.

Подсудимых обвиняли в создании контрреволюционной организации, которая якобы выступала против претворения в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства, используя религиозные предрассудки, противодействовала Декрету о национализации церковного имущества и передачи актов гражданского состояния в органы государственной власти, возбуждала у верующих враждебное отношение к советской власти и саботировала ее решения.

Во время процесса о. Будкевич вел себя спокойно. Он отвечал обдуманно и тщательно все записывал, ссылаясь на забывчивость, но, по видимости, мучился, часто пил воду, вытирал со лба обильный пот. Можно предположить, что наиболее мучило о. Будкевича. Кажется, что он страдал из-за того, что невольно дал большевикам больше всего «доказательств вины» архиепископа, своей собственной и других священников в виде конфискованных некогда протоко-

²¹ Крыленко Николай Васильевич (1885–1938). Окончил юридический факультет в Петербурге и Харькове. Перед Первой мировой войной был учителем латыни в мужской гимназии в Люблине. Главнокомандующий Красной Армией в начале польско-советской войны. В 1922–1931 гг. председатель Верховного революционного трибунала при ВЦИК.

лов, которые теперь использовались для подтверждения существования «контрреволюционной организации». Другой причиной могло быть то, что он, человек образованный, с логическим складом ума, открытый, ясно выражавший свои мнения в многочисленных письмах и беседах с властями, был вынужден отвечать малообразованным и кипящим ненавистью людям. Предыдущие события – постоянная напряженная работа, угроза ареста, физические²² и нравственные страдания могли сказываться в момент суда, когда требовалось умственное напряжение.

К протоколам собраний священников в качестве доказательных материалов власти добавили два документа, которые должны были подтвердить виновность о. Будкевича. Впоследствии они решили его участь. Это были: копия поздравительной телеграммы, направленной в польский Регентский совет по случаю освящения помещения польского представительства 18 июня 1918 г., которую в числе прочих подписал и о. Будкевич, а также письмо о. Будкевича другому священнику с просьбой к правительству Польши дать гарантию на кредит. Второй документ датирован 1919 г. Оба документа относятся к периоду создания польского государства и были написаны до начала польско-советской войны.

Во время суда была зачитана также нота Г.В. Чичерина польскому правительству, в которой говорилось о преследовании православного населения в Польше и о религиозной свободе католиков в России. Упоминалось о ликвидации 57 православных приходов на Холмщине и о взрыве динамитом польскими властями одной православной церкви в день Пасхи. Хотя в ноте упоминались подлинные факты, защита большевиками православных верующих в Польше в то время, когда в России был арестован патриарх Тихон, и православие уничтожалось так же, как другие конфессии, звучала иронически.

Нота не была связана с процессом, однако ее прочтение повлияло на судей, защитников и атмосферу в зале суда, а также и на настроение самих обвиняемых.

Свое враждебное отношение к священникам выражал прокурор, который любыми способами старался заманить обвиняемых в ловушку. Прокурор Крыленко вел себя вызывающе, к архиепископу и священникам обращался на «ты». Он словно упивался злостью и мучил жертвы вопросами. Крыленко высмеивал веру в кару Божью, вечную жизнь, богохульствовал, постоянно старался представить священников как низких и подлых людей. Тогда о. Будкевич ответил: «Вы говорите так, словно мы шарлатаны или авгуры». Крыленко не был исключением. Вся большевистская пропаганда именно таким образом представляла веру, Церковь, духовных лиц.

²² С 1919 г. о. Будкевич страдал болезнью почек. В 1920 г. он перенес операцию по удалению аппендикса.

Свящ. К. Будкевич.

Мучительным для священников было ежедневное приведение их в зал суда под охраной, допросы, обратная дорога, возвращение в полночь в мрачные тюремные камеры.

Арестованных опекала председатель делегатуры Польского Красного Креста в Москве Екатерина Павловна Пешкова – бывшая жена писателя Максима Горького. Она заботилась о заключенных, следила, чтобы они получали еду, белье, выполняла их просьбы; позаботилась об организации питания в зале суда. Кроме того, заключенных в тюрьме священников посещали тайные монахини францисканки миссионерки Марии.

Обвиняемые не могли рассчитывать на то, что власти поймут их духовные переживания, связанные с несоответствием советских законов с их совестью и убеждениями. В рамках советского законодательства, основанного на атеизме и ненависти к религии, у обвиняемых не было никаких шансов. Они не могли доказать ни свою правоту, ни свою невиновность.

О. Будкевич все переносил безропотно. Он говорил медленно, почти тихо, иногда оправдываясь, словно разрешая себе что-то вспомнить: «Выше всего я ценил покой, я никогда не любил споров и ссор. Я посвятил себя работе».

Прокурор Крыленко потребовал смертной казни для еп. Цепляка и о. Будкевича.

В своем последнем слове о. Будкевич, опираясь на свои записи, аргументированно отверг все обвинения, дав своим поступкам и поступкам других обвиняемых объяснение, согласное учению Католической Церкви и доводам обычной логики. Он отдавал себе отчет, что дело идет о его жизни и смерти, однако верил, что можно разговаривать с людьми. Даже Красикову, по всей видимости, автору сценария процесса, человеку, которого экзарх Федоров называл «известным пьяницей», о. Будкевич нигде в своих документах не дал отрицательной характеристики.

О. Будкевич перед лицом смерти

Высший Революционный Трибунал признал о. Будкевича виновным «...в сознательном руководстве (...) контрреволюционными действиями организации петроградских католических священников, направленными к сопротивлению Советской власти, ослаблению пролетарской диктатуры, восстановлению старых имущественных прав церкви и провокации масс прихожан к выступлению против Советской власти, – провокации, приведшей, при наличии религиозных предрассудков этой массы, к таковым выступлениям, а также в отказе выполнять советские законы, что предусмотрено статьями 62, 119 и 121 Уголовного Кодекса» и на этом основании приговорил к высшей мере наказания через расстрел. Амнистии к о. Будкевичу не применили. Все его имущество конфисковывалось.

В своем последнем слове о. Будкевич не признал ни одно из обвинений, отметив только, что он всегда пытался договориться с властями так, чтобы не нарушить принципов существования Церкви в государстве.

По совету защитников о. Будкевич написал во ВЦИК прошение о помиловании. Текст приговора был опубликован на следующий день. Во всем мире поднялась волна протестов против решения суда. 29 марта Президиум ВЦИК, ввиду «крестьянского происхождения» архиеп. Цепляка, за-

менил ему смертный приговор 10 годами тюремного заключения. Прощение о. Будкевича было «оставлено без внимания» потому, что он был якобы государственным изменником в пользу «иностранного буржуазного правительства». Такая формулировка давала оружие в руки советских пропагандистов, которые интерпретировали как заступничество мировой буржуазии за своего человека поступающие со всего мира просьбы о помиловании о. Будкевича.

Ватикан, правительство Польши, церковные деятели из разных стран, мировая пресса пытались по разным каналам влиять на представителей советских властей, чтобы приговор был отменен. Польский посол в Москве Роман Кнолл обратился к высокопоставленному чиновнику в советском комиссариате иностранных дел Якову Фюрстенбергу-Ханецкому с просьбой не приводить в исполнение смертный приговор в отношении о. Будкевича, а обменять его, но получил отказ.

О. Будкевич первоначально оставался в камере вместе с другими заключенными священниками. Он вел себя спокойно, как будто не произошло ничего чрезвычайного. Когда прелат Малецкий по поручению архиепископа в беседе с о. Будкевичем упоминал о подготовке к возможной смерти, тот ответил, что «полностью спокоен и на все готов, что мало кто его понимает, и что только Бог видит его жертву за все его грехи. В этих последних словах, сказанных со слезами на глазах, чувствовалось искреннее и полное доверие воле Божьей».

В Страстную Пятницу, 30 марта, его сокамерники прочли в газете ответ Президиума ВЦИК на прошения о. Будкевича и архиеп. Цепляка о помиловании. В это время о. Будкевича не было в камере. Когда он вернулся, сокамерники умолчали об отклонении помилования; однако через некоторое время сообщили ему об этом и показали газету. Тогда он спокойно сказал, что не стоило этого от него скрывать, поскольку он ко всему готов. Несколько заключенных-мирян, православных русских, которые сидели вместе с католическими священниками и видели, как приговоренный вел себя, отзывались с почтением и восторгом о невозмутимом спокойствии о. Будкевича и называли его счастливым, потому что он страдал и умер за правое дело.

В Великую Субботу, 31 марта, около 10 часов утра, о. Будкевича перевели в одиночную камеру № 42. Он спокойно простился со всеми. Вечером он отправил в прежнюю камеру книгу, которую перед уходом забрал с собой, и в ней написал, что он один сидит в камере № 42, что там чисто и тепло.

Около 11:30 ночи пришли двое, приказали ему собрать вещи и отвели в ожидавший во дворе автомобиль. О. Будкевич сказал этим людям, что ему ночью не дают покоя; сам он был совершенно спокоен. Проходя по коридору, он подарил одному заключенному свои сигары и пошел к машине.

Согласно другой версии, архиеп. Цепляка и о. Будкевича посадили в одиночные камеры строгого режима в тюрьме Госполитуправления после вынесения смертного приговора, т. е. 26 марта. Оба приговоренных несколько раз обращались к начальнику тюрьмы с просьбой разрешить им перед смертью увидеться с другими заключенными. Начальник ответил им следующее: поскольку приговор еще не утвержден ВЦИК и, скорее всего, будет смягчен, любые свидания запрещены. До последнего часа архиеп. Цепляк и прелат Будкевич ничего не знали о своей судьбе. Около 5 часов пополудни 31 марта архиепископу сообщили о замене смертной казни на 10 лет тюремного заклю-

чения. Он спросил о судьбе о. Будкевича. Чекисты грубо ответили, что это его не касается. Прелату Будкевичу начальник сказал, что ВЦИК утвердил смертный приговор, и он должен подготовиться к смерти. О. Будкевич тоже спокойно выслушал это известие и попросил разрешения увидеться с архиепископом и побывать на Святой Мессе. Тюремные власти согласились и обещали свидание в камере архиепископа утром 1 апреля. О. Будкевич успокоился, сделав вывод из ответа, что казнь состоится не раньше, чем через два-три дня. Но через два часа, в восемь часов вечера начальник в сопровождении чекистов вернулся в камеру и заявил, что согласно распоряжению высших властей, смертный приговор должен быть немедленно приведен в исполнение. О. Будкевич молча выслушал начальника и попросил оставить его одного на 10 минут, чтобы помолиться. Через 10 минут его вывели из камеры и повели в подвал смерти. По распоряжению коллегии ГПУ в это время всех охранников заменили. На посту рядом с камерами и в коридорах вместо солдат из специального батальона стояли проверенные агенты ГПУ, которые зорко следили за тем, чтобы никто из арестованных не видел и не слышал, как обвиняемого ведут на расстрел. На месте казни прелат Будкевич перекрестился, благословил палача и двух его помощников, а сам отвернулся к стене, шепча молитву. Выстрел палача прервал молитву священника.

При казни присутствовали члены ГПУ Евдокимов, Бергман (Венникас) и Крумм. Перед смертью Будкевич написал письмо Папе, однако ГПУ это письмо не отправило. Будкевич был совершенно спокоен и обратился к Евдокимову с такими словами: «Прошу передать мой последний привет о. Цепляку и засвидетельствовать ему, что я до последней минуты остался верен Апостольскому Престолу». После этого коммунист Злоткин выстрелил о. Будкевичу в голову.

Согласно еще одной информации, казнь произошла в 4 часа утра.

Хотя приведенные версии немного отличаются друг от друга, все они подчеркивают готовность о. Будкевича принести в жертву свою жизнь и его спокойствие перед лицом надвигающейся смерти.

Тело о. Будкевича, вместе с телами расстрелянных в тот день 10 бандитов отвезли в прозекторскую Яузской больницы. При вскрытии нашли только одну пулю от револьвера, застрявшую в мозгу. Выстрел был произведен в упор. Неизвестно, где был похоронен о. Будкевич. Существует вероятность, что это было в местности Сокольники под Москвой.

1 апреля о. Э. Уолш передал сообщение в Ватикан о том, что о. Будкевич, возможно, уже расстрелян.

В советских газетах о расстреле написали только 3 апреля.

4 апреля варшавский нунций Л. Лаури направил телеграмму о смерти о. Будкевича государственному секретарю Ватикана кардиналу Гаспарри: «...Monsignor Budkiewicz fucilato sabato santo...»²³.

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

Сразу после появления известия о смерти о. Будкевича распространилось мнение, что он стал мучеником за веру. Об этом говорят такие факты: в начале апреля на заседании парламента Польши принята резолюция, в ко-

²³ «...Монсеньор Будкевич расстрелян в Святую субботу...» (итал.).

торой от имени польского народа говорилось о том, что «благодаря своему мученичеству за веру покойный о. Будкевич, последователь святых мучеников, получил право на почитание как новый покровитель нашей Родины».

В Риме, в польской церкви Святого Станислава, в присутствии кардинала Гаспарри и большого количества духовенства была отслужена торжественная Святая Месса за душу о. Будкевича.

В заупокойной Святой Мессе за о. Будкевича в храме Святых Апостолов Петра и Павла в Москве участвовали многочисленные католики из Москвы, а также представители всех иностранных миссий.

Святейший Отец Пий XI на консистории 23 мая 1923 г. говорил о жертве, принесенной о. Будкевичем и другими, самыми стойкими в вере сынами Церкви. Он подчеркнул: «Чудесным образом нас утешает мысль, что они прославили Церковь и католическую веру, и надежда, что казнь и пролитая кровь станут семенем, из которого произрастут многочисленные и замечательные верующие, так, как это происходило в ранней истории Церкви».

Осужденный вместе с о. Будкевичем экзарх русских греко-католиков блж. Л. Федоров писал митрополиту Андрею Шептицкому 25 апреля 1923 г. из тюрьмы о «славной участи бедного, а отныне блаженного о. Будкевича».

О. Бронислав Уссас, которому петроградский декан передал личные документы накануне своего отъезда на суд в Москву, считал смерть о. Будкевича мученической. В конце своей жизни о. Уссас передал эти материалы библиотеке Люблинского католического университета, и впоследствии ими пользовались многие исследователи.

Иезуит Я. Урбан, несколько лет работавший вместе с о. Будкевичем, утверждал вскоре после его смерти, что суд, вынесший смертный приговор, был создан большевиками для того, чтобы терроризировать все католическое духовенство, как было терроризировано все православное, а оказалось, что он создал вокруг священников ореол мучеников, заставив вспомнить гонения на первых христиан. Это возбуждало в верующих возвышенное настроение.

Польское министерство иностранных дел 7 августа 1923 г. переслало примасу Польши копию протокола о последних днях жизни о. Будкевича. Священники, которых судили вместе с ним, свидетельствовали, что смертный приговор о. Будкевича был актом неприкрытой ненависти большевиков к Христу и Его Церкви.

Смерть о. Будкевича, заключение в тюрьму архиеп. Цепляка и священников, а также все другие проявления ненависти к Церкви в России убедили весь христианский мир в безбожности Советской власти. Польские кардиналы Далбор и Каковский написали пастырское послание, в котором просили о помощи для Церкви в России. Свой протест против системы преследований религии в Советской России опубликовало французское духовенство различных конфессий.

Большевистская печать, которая хотела опорочить о. Будкевича, способствовала распространению его известности до самых дальних уголков Советской России. Статьи о событиях в Москве печатали крупнейшие советские центральные газеты: «Правда» и «Известия». Польский коммунист Юлиан Лещинский, описывая московский процесс и подчеркивая руководящую контрреволюционную роль петербургского декана, на самом деле показал о. Будкевича как человека умного и сильного, духовного вождя католиков

и организатора сопротивления большевистским властям. Другой польский большевик Ян Островский издал в Москве книгу «Zza kulis kurii biskupiej w Leningradzie»²⁴, которая должна была показать Католическую Церковь как врага Советской России. Однако книга содержала дневники и письма духовных лиц, современников о. Будкевича, писавших, в том числе, и о нем, и таким образом знакомила читателей с этой фигурой.

О мученической смерти о. Будкевича так много говорилось во всем мире, что Г. В. Зиновьев, член Политбюро ЦК РКП(б), на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. напомнил о том, что большевики, убив о. Будкевича, «...позволили себе, – как этого требовал наш долг, – обезвредить шпиона», в целях защиты Советской республики, и утверждал, что «это дело [то есть Церковь] не проживет 50 лет».

Сразу после смерти о. Будкевича в печати разных стран появились многочисленные статьи о нем. Они подчеркивали героизм и мученическую смерть прелата.

Русские эмигранты, издавшие в 1924 г. на английском и немецком, а в 1925 г. на русском языке «Черную книгу» о борьбе советской власти в России против всех религий, отвели процессу еп. Цепляка и 14 священников одно из центральных мест, подробно обрисовав при этом моральный и политический облик их гонителей. В этой книге напечатаны подробности казни прелата, помещенные ранее в польской печати. Десятая глава посвящена исключительно судебному процессу архиеп. Цепляка и прелата Будкевича.

Мировая печать на английском, французском, немецком языках также способствовала распространению памяти о мученичестве о. Будкевича.

Достойное место о. Будкевичу, особенно его позиции во время процесса, отвел в своей книге англичанин Фрэнсис Маккаллаг, бывший свидетелем процесса. Полная стенограмма судебных заседаний, сделанная им, была издана на польском и английском языках. В 1924 г. он читал лекции в США о преследовании большевиками верующих в России.

Выехавшие из СССР в Польшу священники, очевидцы событий, стремились рассказать правду о гонениях на Церковь в России. Они также распространяли мнение о мученичестве о. Будкевича за веру.

О. Антоний Около-Кулак, который раньше работал в Петербурге и хорошо знал о. Будкевича, между прочим, по работе в Обществе помощи жертвам войны, написал книгу «Kościół Katolicki w Rosji dawniej, obecnie i w przyszłości»²⁵ (Kraków, 1924). В ней он рассказал об активной деятельности петербургского декана. События, связанные с жизнью и смертью о. Будкевича, описал о. Ян Василевский, бывший викарий о. Будкевича, в книге «W szponach antychrysta»²⁶ (Kraków, 1924). Ценным свидетельством очевидца стала книга Яна Миодушевского «Wrażenia z procesu arcybiskupa Cieplaka i czternastu księży w Moskwie 20–25 marca 1923»²⁷ (Warszawa, 1931), который подчеркивал мученичество о. Будкевича.

²⁴ «Из-за кулис епископской курии в Ленинграде» (пол.).

²⁵ «Католическая Церковь в России прежней, нынешней и в будущем» (пол.).

²⁶ «В когтях антихриста» (пол.).

²⁷ «Впечатления с процесса архиепископа Цепляка и 14 священников в Москве 20–25 марта 1923» (пол.).

Память о мученичестве о. Будкевича сохраняла его землячка, поэтесса Казимира Иллакович, приемная дочь Софьи Буйновой (урожд. графини Платер-Зыберк), когда-то опекавшей молодого Будкевича. Иллакович посвятила ему поэму «Сказание о московском мученичестве», написанную в стиле народной баллады и изданную в 1927 г., и стихотворение «Głos księdza Budkiewicza zza grobu»²⁸ (1928).

Выражением сбережения памяти об о. Будкевиче стало возникновение 12 марта 1927 г. в Варшаве, усилиями проживавших там бывших прихожан храма Святой Екатерины, Комитета увековечения памяти мученика, созданного для того, чтобы не исчезла память о священнике, много сделавшем для страны и польского общества. Комитет утвердил следующую программу: 1) вмонтировать памятную доску с барельефом умершего в одном из столичных храмов, либо поставить ему памятник; 2) учредить стипендии имени покойного в народных или общественных учебных заведениях; 3) издать брошюру, описывающую жизнь и смерть этого невинно убиенного церковного и общественного деятеля; 4) написать научно-популярную книгу: «Большевизм и культура христианского мира». Покровительствовал Комитету Варшавский митрополит, кардинал Александр Каковский. Примаас Польши кардинал Август Хлонд также одобрил инициативу и обещал свою поддержку.

Станислав Островский, воспитанник гимназии при храме Святой Екатерины, председатель Общества бывших петербургских гимназий Святой Екатерины в Варшаве, написал брошюру «Śp. Ksiądz Prałat Konstanty Budkiewicz na tle walki w obronie Kościoła Katolickiego i wiary świętej»²⁹, в которой говорилось, что она напомнит католикам о долге благодарности прелату К. Будкевичу, который отдал жизнь, защищая идеалы Церкви и польского народа, проявив необычайное мужество и стойкость, унаследованные от предков. Доход от продажи брошюры предполагалась предназначить на сооружение памятника Будкевичу в храме Святой Анны в Варшаве. Проект памятника уже тогда был исполнен скульптором А. Боравским.

В храме Святой Анны в Варшаве 29 марта 1931 г. архиеп. Ропп совершая богослужение за душу прелата, отметил, что установка памятника о. Будкевичу отложена из-за отсутствия средств. В 1935 г. в газете «Przegląd Katolicki»³⁰ появился цикл статей скульптора, исполнившего проект памятника о. Будкевича, озаглавленный «Из мученической истории католичества в Петербурге». Газета поместила фотографию с надписью: «Проект памятника светл. пам. прелата Константина Будкевича, исполненный скульптором Александром Боравским». В 1936 г. памятник был установлен. В настоящее время в храме Святой Анны его нет. По-видимому, он был уничтожен во время Варшавского восстания 1944 г.

Общество воспитанников и воспитанниц гимназий при храме Святой Екатерины в Петербурге на съезде, прошедшем в 1927 г. в Варшаве, решило издать Книгу памяти в 2-х томах «Z murów Świętej Katarzyny»³¹. В 1933 г. вышел

²⁸ «Голос отца Будкевича из-за гроба» (пол.).

²⁹ «Блаженной памяти отец предат Константин Будкевич в борьбе в защиту Католической Церкви и святой веры» (пол.).

³⁰ «Католическое обозрение» (пол.).

³¹ «Из стен св. Екатерины» (пол.).

только один из запланированных томов. В нем бывшие прихожане, сотрудники и ученики тепло вспоминали своего настоятеля. Многие называли его мучеником.

Священник Франциск Рутковский, осужденный вместе с о. Будкевичем на московском процессе, после освобождения из тюрьмы и приезда в Польшу написал биографии архиепископа Иоанна Цепляка и Антония Малецкого, впоследствии епископа. В этих книгах он неоднократно упоминал о. Будкевича. В 1937 г. он же написал биографию о. Будкевича, которая, по-видимому, существовала только в рукописном варианте и погибла во время Варшавского восстания.

О. Будкевич оставался фигурой, значимой для польской истории. Его имя сохранялось в энциклопедических изданиях. Наиболее полную биографию написал для Польского Биографического словаря о. Чеслав Фальковский. Он использовал заметки, корреспонденцию, рукописи о. Будкевича, находившиеся в то время в распоряжении о. Бронислава Уссаса, а также воспоминания родных и коллег расстрелянного прелата.

В Советском Союзе имя о. Будкевича замалчивалось, и память о нем хранили только верные, в основном все уменьшающиеся в числе из-за преследований и расстрелов католики из переименованного в Ленинград Санкт-Петербурга, остававшиеся в живых священники, монахини.

После Второй мировой войны ни в Польше, ни в других странах Восточной Европы, в том числе и в СССР, не могло быть и речи об упоминании о. Будкевича и роли, которую он сыграл. Имя петербургского декана упоминалось в научных работах, описывавших положение Католической Церкви в Советской России, издаваемых на Западе, а после 1980 г. также в Польше.

В 1952 г. радиостанция «Свободная Европа» транслировала на польском языке цикл передач, посвященных среди прочих о. Будкевичу. Эти передачи были связаны с начатым тогда в Риме процессом беатификации архиеп. И. Цепляка³².

Фамилия петербургского декана упоминалась в биографиях Урсулы Ледуховской, издаваемых в период подготовки процесса ее беатификации³³, и в издании писем Болеславы Ламент, ныне блаженной³⁴. М. Болеслава писала о. Мартину Черминьскому SJ 30 марта 1923 г.: «Я была ужасно подавлена известием о приговоре, вынесенном в Москве архиеп. Цепляку, о. Будкевичу и другим священникам. Все эти священники наделены Богом усердием о спасении душ. Поэтому сердце разрывается от боли, когда я думаю, как католики будут там жить без опеки и помощи священников».

После падения советской системы много усилий к распространению правдивой информации о гонениях на российских католиков приложили польские ученые. Профессор Люблинского католического университета о.

³² Автор книги об о. Будкевиче — о. Б. Чаплицкий располагает текстами передач от 15, 22 и 26 сентября 1952 г., переданных священником Корнелием Палицким SDS. В них имеется множество исторических ошибок, но это не меняет того факта, что о личности о. Будкевича всегда помнили и считали его мучеником.

³³ Юлия Мария, в монашестве Урсула, Ледуховская, основательница конгрегации Сестер урсулинок Сердца Умиряющего Иисуса.

³⁴ Основательница Конгрегации сестер миссионерок Св. Семейства.

Роман Дзвонковский SAC в составленном им Мартирологе католического духовенства в СССР и в других своих работах многократно упоминал о. Будкевича.

О. Будкевич стал известен широкому кругу молодых польских читателей, как мученик за веру, благодаря публикациям в массовых журналах.

В 1965 г. Джеймс Дж. Затко в своей книге, описывающей разгром Католической Церкви в России в 1917–1923 гг., опубликовал латинский текст и английский перевод рукописи «Status Ecclesia in Russia» из собрания о. Б. Уссаса. Сам рапорт, который о. Будкевич написал в сентябре 1922 г. и послал варшавскому нунцию Л. Лаури, пропал вместе с прочими документами нунциатуры в Варшаве в годы Второй мировой войны.

О московском процессе и судьбе о. Будкевича рассказал в своей книге французский исследователь Антуан Венгер, назвавший прелата «первым известным нам мучеником-католиком, пострадавшим от большевиков». Немецкий автор Н. Stehle подробно описал сопротивление католиков Петрограда захвату большевиками церковного имущества, обвинения против о. Будкевича, приговор суда и попытки Апостольской Столицы спасти осужденного. Авторы сборника под редакцией К. Lorenz также не обошли вниманием петербургского декана.

Подобающее место о. Будкевичу отвел Андре Рикарди в своей книге по материалам архива комиссии «Novi Martiri»³⁵ — «Столетие мучеников».

Авторы, описывающие сегодня положение Католической Церкви в Советской России, не могут не вспомнить прелата Будкевича.

В конце 1980-х гг. началось возрождение Католической Церкви в Советском Союзе. Появилась возможность открыто говорить и писать о трагических событиях ее истории. Частично открылись архивы, российские и зарубежные исследователи получили доступ ко многим секретным материалам, и вскоре появились публикации. Тогда и граждане России смогли ближе ознакомиться с объективной картиной исторических событий.

Советские документы, хранящиеся в московских архивах, были опубликованы в книгах и в сети Интернет. Они позволяют ознакомиться с политической ситуацией в Советской России в период деятельности о. Будкевича и показать его значение как организатора сопротивления большевикам.

Отношение советского государства к религии и Церкви показывают материалы, опубликованные русскими и зарубежными учеными, особенно М.В. Шкаровским, Н.Я. Черепениной, А.К. Шикером, Г. Штриккером, О.А. Лиценбергер.

Вышла книга «История Римско-католической Церкви в России и Польше», в которой имя о. Будкевича помещено среди имен епископов и священников, принявших мученическую смерть в России, и там же дана краткая биография прелата.

Документы, касающиеся служения о. Будкевича, хранятся в Российском государственном историческом архиве.

Когда в 1992 г. разрушенный и сгоревший храм Святой Екатерины в Петербурге был передан католической общине, реставратор памятников старины Р. Ханковская, руководившая его восстановлением, провела ряд исследований и по их материалам издала книгу, посвященную истории и архитектуре

³⁵ «Новые мученики» (итал.).

церкви. В этой книге содержится краткий рассказ о жизненном пути о. Будкевича и подробно раскрыта его роль в спасении имущества храма. Краткая биография о. Будкевича есть и в альбоме «Храмы Санкт-Петербурга. История и современность».

Об о. Будкевиче – организаторе единства христиан, католиков западного и восточного обрядов и православных, мученике, судьбе которого завидовал экарх русских католиков блаж. Л. Федоров, подробно говорится в работе диакона Василия ЧСВ (фон Бурмана). Краткие биографии о. Будкевича появились в книге Ирины Осиповой, посвященной судьбам католиков в Советском Союзе, а также в работах других российских авторов.

Память об о. Будкевиче всегда хранили прихожане храма Святой Екатерины в Петербурге, закрытого в 1938 г. Интерес к о. Будкевичу оживился после того, как была найдена принадлежавшая ему когда-то стола. Ее принес о. Евгению Гейнрихсу, тогдашнему настоятелю храма Святой Екатерины, автор популярной в конце 1980-х гг. телепередачи «600 секунд» Александр Невзоров, журналист, ранее связанный с органами госбезопасности. Он не объяснил, как она к нему попала. Она была старой, материалу было много лет, а на изнанке были вышиты большие латинские буквы ХКВ – инициалы ее владельца³⁶ – и ветки терния. Поскольку стола была красной, ее решили использовать в Навечерие Пасхи. Столу повесили на крест ровно через семьдесят лет после смерти о. Будкевича.

Имя о. Будкевича есть во всех курсах истории Католической Церкви в России, изданных в последние годы.

Наиболее обстоятельной научной работой об о. Будкевиче является докторская диссертация о. Б. Чаплицкого, вышедшая на польском языке и затем переведенная на русский и изданная в России.

Свидетельством того, насколько значимым является имя о. Будкевича, является включение статьи о нем в издаваемую впервые в России Католическую Энциклопедию.

На личность о. Будкевича и его мученическую смерть за веру часто ссылался в своих проповедях архиеп. Тадеуш Кондрусевич, ранее Апостольский Администратор Европейской части России, затем митрополит архиепархии Божьей Матери в Москве, ныне архиепископ-митрополит Минско-Могилевский.

Особой формой памяти обо всех священниках, монахинях и мирянах, пострадавших за веру, стала изданная в 2000 г. в Москве «Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР». В эту книгу также вошла биография о. Будкевича. Достойное место о. Будкевич занял и в изданном в 2002 г. совместном Мартирологе представителей различных конфессий в Петербурге.

Когда началась подготовка процесса беатификации католических новомучеников России, была издана книга «Зерно из этой земли», посвященная кандидатам на причисление к лику блаженных, и в нее вошла биография о. Будкевича. Действующее в Петербурге «Радио Мария» в 2002 и 2003 гг. транслировало цикл передач, посвященных кандидатам на беатификацию, в том числе прелату Будкевичу. Сведения о нем находятся на сайте «Католические Новомученики России». Верующие частным образом, особенно в Петербурге,

³⁶ Xiądz Konstanty Budkiewicz (пол.).

обращаются к Слуте Божьему с молитвой о заступничестве. В приходе Святой Екатерины распространяются фотографии с молитвой о прославлении, книги. Постулатурой процесса беатификации был издан буклет с фотографией и молитвой. В постулатуру поступает информация о полученных милостях. Верующие носят образки с фотографией и молитвой в молитвенниках и совершают новенны.

Именем о. Будкевича названа одна из улиц в предместье Варшавы.

Александра Романова

ЛИТЕРАТУРА (ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ)

- Budkiewicz K. Listy z Piotrogradu // *Życie kościelne*. 1915. Nr. 6–7. S. 101–102.
- Budkiewicz K. Sprawy wygnańców // *Życie kościelne*. 1915. Nr. 21–22. S. 274–275. Подпись: X. B.
- Budkiewicz K. W ważnej sprawie // *Dziennik Petersburski*. 1909. Nr. 20, 8(21) grudnia. S. 1–2.
- Budkiewicz K. Wiadomości pastersko-liturgiczne // *Życie kościelne*. 1916. Nr. 4. S. 55–57; Nr. 5. S. 73–74 [P.t. «O zarządzaniu majątkiem kościelnym»]; Nr. 7. S. 105–107.
- Budkiewicz K. [Artykuły] // *Wiadomości Kościelne*. 1912. Nr. 20–21. S. 277–283; Nr. 22. S. 305–308; Nr. 23. S. 330–338; 1913. Nr. 1. S. 1–3; Nr. 2. S. 17–18; Nr. 3–4. S. 33–34; Nr. 5–6. S. 61–64; Nr. 7. S. 89–90; Nr. 11. S. 149–151; Nr. 15–16. S. 207–208; Nr. 18. S. 241–242; Nr. 19. S. 257–259; Nr. 20. S. 273–275; Nr. 20. S. 273–275; Nr. 21–22. S. 292–294; Nr. 23. S. 316–319; Nr. 24. S. 329–331; 1914. Nr. 1. S. 1–2; Nr. 2. S. 17–18; Nr. 3. S. 33–35; Nr. 8. S. 93–94; Nr. 10. S. 126–129; Nr. 12. S. 158–159; Nr. 13. S. 175–177; Nr. 14. S. 192–193; Nr. 15. S. 209–210; 1915. Nr. 6–7. S. 101–102; Nr. 21–22. S. 274–275; 1916. Nr. 4. S. 55–57; Nr. 5. S. 74; Nr. 7. S. 105–107.
- Василий [фон Бурман], диакон ЧСВ. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Львів, 1993.
- Венгер А. Рим и Москва. М., 2000.
- Козлов С.Г. Прелат Константин Будкевич // *Церковный календарь на 2003 год. Зерно из этой земли... Мученики Католической Церкви России XX века / ред. Б. Чаплицкий*. СПб., 2002. С. 100–107.
- Лиценбергер О.А. Римско-католическая Церковь в России. История и правовое положение. Саратов, 2001.
- Мархлевский Ю. К делу архиепископа Цепляка // *Известия*. 1923. 21 мар. С. 3.
- Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня...». Гонения на Католическую Церковь в СССР: По материалам следств. и лагер. дел. М., 1996.
- По поводу процесса католического духовенства // *Известия*. 1923. 23 мар. С. 6.
- «Подвиги христианские»: (Процесс католич. духовенства) // *Известия*. 1923. 23 мар. С. 6.
- Покровский Н. Н., Петров С. Г. Архивы Кремля: Политбюро и Церковь 1922–1925. Новосибирск; Москва, 1997.
- Приговор над католическими попами и международный капитал // *Правда*. 1923. 30 мар. С. 1.
- Процесс католических церковников // *Правда*. 1923. № 93, 22 мар. С. 6.
- Процесс католической контрреволюции // *Правда*. 1923. № 6, 25 мар. С. 9.
- Сорокин В. Санкт-Петербургский Мартиролог. СПб., 2002.
- Ханковская Р. Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.

- Чаплицкий Б. О. Константин Будкевич. 1867–1923. Жизнь и деятельность. СПб., 2004.
- Чаплицкий Б. Доклад 15 октября 2005 г. на встрече с прихожанами храма св. Екатерины Александрийской (С.-Петербург) о новых архивных находках, дополняющих биографию о. Будкевича // www.catholicmartyrs.ru/ru/persons/budkiewicz/article.html
- Чаплицкий Б., Осипова И.И. Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР. М., 2000.
- Черепенина Н.Ю. Гонения на Римско-Католическую Церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 г. // Наш край = Nasz kraj. 2001. № 4, сент. С. 8–26.
- Черная книга. «Штурм небес»: Сб. док. данных, характеризующих борьбу сов. коммунист. власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей / сост. А.А. Валентинов. Париж, 1925.
- Шишова Т. Будкевич (Budkiewicz) Константин Ромуальд // Католическая энциклопедия. Т. 1. М., 2002. С. 776–777.
- Шкаровский М.В., Черепенина Н.Ю., Шикер А.К. Римско-католическая Церковь на Северо-Западе в 1917–1945 гг. СПб., 1998.
- Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга. История и современность. СПб., 1994.
- Bazyłow L. Polacy w Petersburgu. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1984.
- Budkiewicz Konstanty // Encyklopedia Powszechna. Ultima Thule. T. II / pod. red. S. F. Michalskiego. Warszawa, 1928. S. 272.
- Budkiewicz Konstanty Romuald // Nowa Encyklopedia Powszechna PWN. T. I. Warszawa, 1955. S. 592/
- Цыwiński B. Ogniem próbowane: Z dziejów najnowszych Kościoła katolickiego w Europie środkowo-wschodniej. T. 1–2. Lublin; Rzym, 1982.
- Dzwonkowski R. Kościół katolicki w ZSSR 1917–1939: Zarys historii. Lublin, 1997.
- Dzwonkowski R. Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR 1917–1939: Martyrologium. Lublin, 1998.
- Falkowski Cz. Budkiewicz Konstanty // Polski Słownik Biograficzny. T. III. Kraków, 1937. S. 91–93.
- Hankowska R. Kościół św. Katarzyny Panny i Męczenniczki Aleksandryjskiej w Sankt-Petersburgu: Historia. Architektura. Wystrój wnętrza. Problemy rekonstrukcji i konserwacji. Warszawa, 1997.
- Historia Kościoła w Polsce / pod. red. B. Kumora i Z. Obertyńskiego. T. II. Cz. 1. Warszawa, 1979.
- Iłakowiczówna K. Opowieść o moskiewskim męczeństwie // W drodze. 1993. № 3 (235). S. 74–81.
- Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Polacy w Związku Radzieckim 1921–1939. Warszawa; Wrocław, 1991.
- Kucharczyk G. Czerwona gwiazda w walce z krzyżem. Głos Stolicy Apostolskiej // Miłujcie się. 2002. № XI–XII.
- Kumor B. Historia Kościoła. T. VII. Czasy najnowsze 1815–1914. Lublin, 2001; T. VIII. Czasy współczesne 1914–1992. Lublin, 2001.
- Ledóchowska J. Życie i działalność Julii Urszuli Ledóchowskiej. W-wa, 1998/
- Ledóchowska Urszula. Historia kongregacji Sióstr Urszulanek Serca Jezusa Konającego. Pallotinum. Poznań, 1987. S. 15–16.
- Mańkowska H. Katalog ofiarowanych rękopisów // Zbiór rękopisów ofiarowanych przez ks. B. Ussasa Bibliotece Uniwersyteckiej KUL. Lublin, 1979.

- (mb). «Trzeba wciąż przypominać światu» // W drodze. 1993. Nr. 3 (235). S. 69–73.
- Mc Cullagh F. The bolshevik persecution of Christianity. London, 1924.
- Mc Cullagh F. Prześladowanie chrześcijan przez bolszewizm rosyjski. Kraków, 1924.
- Mioduszewski J. Wrażenia z procesu arcybiskupa Cieplaka i czternastu księży w Moskwie 20–25 marca 1923. Warszawa, 1931.
- Ostrowski J. Zza kulis kurii biskupiej w Leningradzie. T. I. M., 1929.
- Ostrowski S. Ś. P. Ksiądz Prałat Konstanty Budkiewicz na tle walki w obronie Kościoła Katolickiego i Wiary świętej. Warszawa, 1929. S. 26–29.
- Petrani A. Budkiewicz Konstanty Romuald // Encyklopedia Katolicka. T. II. Lublin, 1995. S. 1172.
- Pobocza dyplomacji...: Wymiana więźniów politycznych pomiędzy II Rzeczpospolitą a Sowietami w okresie międzywojennym. Dokumenty i materiały / opr. W. Materski. Warszawa, 2000. S. 82–84.
- Polacy w Kościele katolickim w ZSRR / pod red. ks. E. Walewandra. Lublin, 1991.
- Proces arcybiskupa Cieplaka i czternastu księży: Zarys sprawozdawczy z ilustracjami / pod red. J. Leszczyńskiego. M.: Krasnaja Now, 1923.
- Riccardi A. Stulecie męczenników: Świadkowie wiary XX wieku. Warszawa, 2001. S. 42–43.
- Rutkowski F. Arcybiskup... Jan Cieplak (1857–1926): Szkic biograficzny. Warszawa, 1934. S. 158.
- Rutkowski F. Biskup Antoni Malecki. 1861–1935. Warszawa, 1936.
- Skazani jako «szpiedzy Watykanu»: Z historii Kościoła katolickiego w ZSSR 1918–1956 / pr. zb. pod red. R. Dzwonkowskiego. Ząbki, 1998.
- Stehle H. Tajna dyplomacja Watykanu: Papiestwo wobec komunizmu (1917–1991). Warszawa, 1993.
- Wasilewski J. W szponach antychrysta. Kraków, 1924. S. 75–77.
- Wenger A. Rome et Moscou 1900–1950. Paris, 1987. (На рус. яз.: Венгер А. Рим и Москва: 1900–1950 / пер. с фр.; предисл. Н.А.Спрыве. М.: Русский путь, 2000).
- Z murów Świętej Katarzyny: Księga pamiątkowa b. Wychowanek i Wychowanków gimnazjów przy kościele świętej Katarzyny w Petersburgu. T. I. Kościół Św. Katarzyny a życie polskie. Szkoły żeńskie. Szkoły męskie. Warszawa, 1933.
- Zatko J.J. Descent the destrucion of the into Roman Catholic Church in Darkness: Russia 1917–1923. The University of Notre Dame Press, 1965.
- Żaryn J. Budkiewicz Konstanty // Encyklopedia Białych Plam. T. III. Radom, 2000. S. 231.
- Также использовались архивные материалы ЦГА СПб, РГИА, ААН, АСМ, АГ ФММ, АПЛ, АСВ, БКУЛ, ПЛАСМ.

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

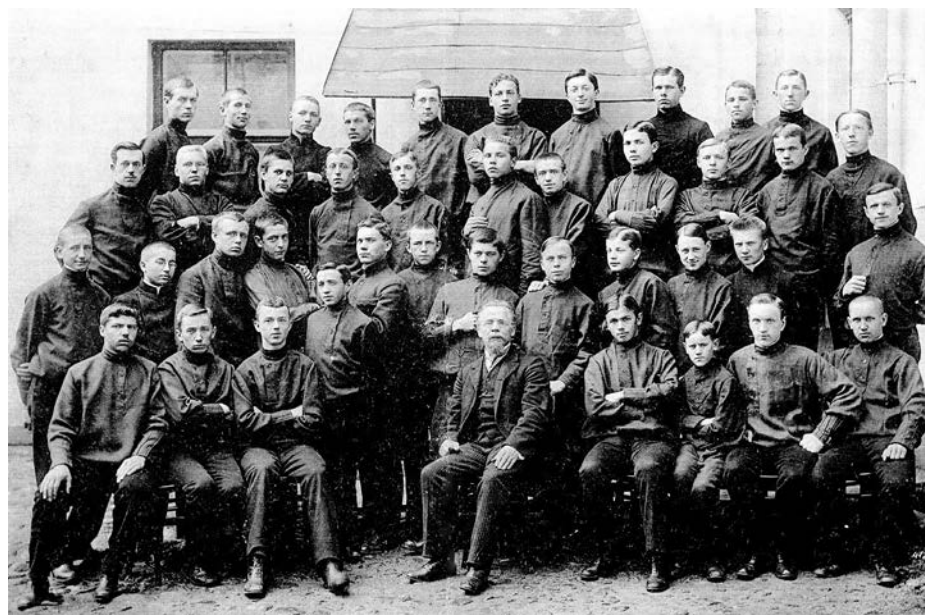
Прелат К. Будкевич перед храмом в Докшицах (сегодня Витебская область в Белоруссии) во время пастырской визитации. В центре сидит архиепископ Викентий Ключинский. 1912.

Прелат К. Будкевич в окружении воспитателей и учениц женской гимназии при храме св. Екатерины в Санкт-Петербурге.

Прелат К. Будкевич в окружении катехизаторов и детей торжественно приступивших к Первому Причастию в храме св. Екатерины в Санкт-Петербурге.

При храме св. Екатерины свящ. К. Будкевич заведовал пятью приходскими школами, в том числе мужской и женской гимназией. На фото – учащиеся последнего класса со своим воспитателем.

СЛУГА БОЖИЙ СВЯЩ. ФРАНЦИСК БУДРИС

1882-1937

БИОГРАФИЯ

Франциск Будрис родился 14 октября 1882 г. в селе Ропейки Бернатовской волости Россиенского уезда Ковенской губернии, в крестьянской семье Франциска Будревича³⁷ и Домитиллы, урожденной Шлягер. Был крещен 3 дня спустя настоятелем местного Мешкуцкого прихода о. Викентием Шлягером. Крестным отцом стал сам о. Шлягер, а крестной матерью – вдова Барбара Раубицкая. О детских и юношеских годах Франциска никаких сведений не сохранилось. Нет документов о его учебе до момента поступления в семинарию. Вероятно, получить необходимые знания ему помогли родственники, может быть, крестный.

В декабре 1902 г., в возрасте 20 лет, Франциск удовлетворительно сдал экзамен на звание аптекарского ученика. Экзамен был по русскому, немецкому и латинскому языкам, а также по географии, истории и математике, что было равноценно окончанию 4 класса прогимназии и давало право поступить в аптекарское училище, а также в духовную семинарию.

³⁷ Так звучала фамилия его отца. В конце XIX в. происходил процесс осознания своей национальной принадлежности среди жителей Литвы, что приводило к изменениям в звучании фамилий.

3 июля 1903 г. Франциск получил от ковенского губернатора свидетельство о благонадежности, которое требовалось для поступления в духовную семинарию. Из этого свидетельства следует, что до этого момента он не покидал родные места и ни в чем предосудительном замечен не был. Франциск представил свое свидетельство о крещении в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию 3 августа 1903 г. Неизвестно, как Франциск учился, но окончание семинарии в положенное время говорит о том, что вполне удовлетворительно. Рукоположен в священники он был весной 1907 г.: в распоряжении управляющего архиепархией прелата С. Денисевича о. Будрис назван «новорукоположенным». Семинарию о. Франциск окончил, очевидно, в мае или первой половине июня 1907 г., так как 19 июня из консистории был отправлен запрос в Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел³⁸ о согласии на назначение его викарием в Иркутский приход, что означало направление молодого священника в очень отдаленный (более 5000 км от столицы), трудный сибирский приход. После рукоположения о. Франциск отправился в родные места (на хутор Резголье Россиенского уезда Ковенской губ.), чтобы навестить родственников, а 27 июля 1907 г. был назначен викарием прихода в Иркутске.

Молодой священник, получив назначение, не имел денег на такую далекую поездку. Поэтому он попросил управляющего епархией прелата С. Денисевича в виде исключения выслать деньги на покупку билета на поезд ему на руки. Однако Департамент духовных дел иностранных исповеданий послал деньги размере 100 руб. к месту назначения, в Иркутск, о чем священника 22 августа известила, по распоряжению прелата Денисевича, митрополитальная канцелярия. В Иркутск викарий прибыл 16 сентября 1907 г. О. Франциск оставался в этом городе до 1909 г., когда 31 января распоряжением архиеп. А. Внуковского был переведен самостоятельным пастырем в Тюмень, город, находящийся в центре Сибири, где до тех пор не было отдельного прихода. Поэтому о. Будрис должен был принимать храм с имуществом от приходских синдиков. 27 февраля 1908 г. архиеп. А. Внуковский также назначил о. Франциска преподавателем Закона Божия в Александровском реальном училище в Тюмени, что означало следующее: в этой школе учились дети католиков, и власти допустили, чтобы католический священник обучал их там религии.

Чтобы немедленно выехать, о. Франциск вынужден был одолжить деньги на дорогу, в надежде на возвращение их консисторией, в чем ему было отказано. После приезда в Тюмень о. Франциск сразу приступил к переучету церковного имущества, и 5 апреля отправил в Духовную Консисторию инвентарную опись Тюменского храма. В Тюмени прихожанами о. Будриса были в основном поляки – бывшие ссыльные (сосланные после польского восстания 1863 г.) и их потомки – дети и внуки.

Чтобы о. Будрис преподавал Закон Божий тюменским учащимся-католикам в государственных школах, управляющий архиепархией еп. С. Денисевич должен был получить согласие на это от государственной власти, т. е., в данном случае, западно-сибирского попечителя учебного округа, что было делом нелегким и часто затягивалось. 10 июля 1909 г. еп. Денисевич распорядился, чтобы о. Будрис преподавал религию в реальном училище, извещая, что пре-

³⁸ Далее ДДЦИИ.

подавание в женской гимназии и 4-классном городском училище еще должно быть согласовано. О решении этих вопросов о. Франциск был уведомлен 5 декабря 1909 г. В городском училище Закон Божий должен был преподаваться безвозмездно.

О. Франциск старался объединить прихожан в разных благочестивых кружках. Так 12 октября 1909 г. он обратился к епископу-суфрагану³⁹ с просьбой о разрешении принимать членов в Братство Розария и в группу Живого Розария. На письме нет никаких помет ни о разрешении, ни об отказе в этой просьбе, однако 2 октября 1910 г. он снова, обращаясь уже к митрополиту В. Ключинскому, просил разрешения записывать желающих в Братство Святого Розария. Вероятно, в этот раз он получил разрешение, так как на письме есть помета: «Отвечено 10.X.1910 г.»⁴⁰.

После трех лет службы в Сибири, в 1910 г., о. Франциск попросил о полторамесячном отпуске в родные края, в с. Стульги Россиенского уезда Ковенской губернии, чтобы повидаться со стариком отцом и другими родственниками. Разрешение было дано митрополитом В. Ключинским на период с 11 июля по 25 августа. Однако ввиду каких-то семейных обстоятельств 24 августа о. Франциск телеграммой, высланной из поселка Немошты, просил о продлении отпуска на 10 дней.

Тюменский приход был бедным, весь полученный сбор расходовался на содержание храма, капеллану оставалась ничтожная сумма на жизнь, прихожане не давали пожертвований на Святые Мессы. Поэтому 25 февраля 1911 г. о. Франциск просил консисторию о денежной помощи. Консistorия Могилевской архиепархии рассматривала это прошение в течение почти 10 месяцев и, наконец, постановила выделить о. Франциску пособие в размере 25 рублей ежемесячно.

О втором отпуске о. Будрис просил только через три года после первого. Вероятно, отсутствие денег и необходимость получения разрешения через Министерство внутренних дел, при невозможности найти священника на замену, не способствовали ежегодным поездкам на столь отдаленную родину. И в этот раз он на полтора месяца собирался к отцу и другим родственникам, в Ковенскую и Курляндскую губернии. О. Франциск сообщал митрополиту Ключинскому, что церковь не будет оставлена без попечения, так как каждое второе воскресенье и по вызову будет приезжать (за 300 км) настоятель из Екатеринбургa, о. И. Вилкас. Разрешение на отпуск с 15 июля по 1 сентября было получено. Это был последний в жизни о. Будриса отпуск.

Сохранился только один документ, отражающий деятельность о. Будриса в годы войны и относящийся к 1916 г., – телеграмма представителя польского Центрального гражданского комитета Антоновича еп. И. Цепляку. Антонович жаловался на «неуместное влияние» о. Будриса на поляков-беженцев и для подробного разъяснения направлял к епископу уполномоченного от Комитета. Жалобы такого рода польский комитет неоднократно составлял на свя-

³⁹ Суфраганами (викарными епископами) были тогда епископ С. Денисевич и епископ И. Цепляк.

⁴⁰ В царской России даже молитвенные братства прихожан запрещались, и поэтому, если епископ и давал разрешение, то неофициальным письмом. Сам о. Франциск, отправившись сразу после семинарии в Сибирь, мог не знать изменились ли государственные требования на этот счет или нет.

щенников, которые желали оставаться пастырями всех католиков, невзирая на национальность⁴¹.

В конце 1916 – начале 1917 г. на Урале резко ухудшилось экономическое и политическое положение. Нарушились связи с центром, обострилась продовольственная проблема.

После революции в 1917 г., когда Первая мировая война еще не была закончена, некоторые территории российского государства были заняты войсками европейских государств. Войска большевиков поначалу контролировали только часть территории государства. Некоторые народы, угнетавшиеся в царской России, готовились бороться за свою независимость (в том числе башкиры, населяющие территорию Предуралья, где позже служил о. Будрис).

На Урале раньше, чем в других регионах страны, большевики начали проводить политику военного коммунизма, что привело к голоду и государственному распределению продуктов. Духовенство было поставлено в ситуацию лишенцев, то есть людей без прав.

Политика большевиков вызвала возмущение населения, развернулась Гражданская война также и на Урале, куда пришли части Белой армии, поддерживавшей свергнутое большевиками Временное правительство и союзников (Антанту) и под руководством адмирала А.В. Колчака ведшей ожесточенные бои с большевистской Красной армией.

Прихожанами о. Будриса были в основном жившие на Урале поляки, немцы, литовцы, а также работавшие на уральских предприятиях иностранные специалисты (инженеры, управляющие) – французы, итальянцы и др. и их семьи. После начала Первой мировой войны здесь оказались десятки тысяч военнопленных австро-венгерской армии, в основном католиков, и беженцев из Польши, Украины, Белоруссии. После большевистской революции в 1917 г. и приобретения Польшей независимости в 1918 г. не только большинство беженцев, но и местных поляков, особенно среди людей состоятельных и интеллигенции, не видели возможности жить при новой власти. После заключения в 1921 г. Рижского мирного договора, остановившего войну между Польшей и советской Россией, поляки уезжали в Польшу. Военнопленные поляки, чехи и словаки на Урале и в Сибири организовали военные формирования и сражались против большевиков. Многие погибли, другие попали в плен.

Оставшиеся в Сибири немногочисленные католические священники не знали, какой юрисдикции принадлежат, так как в 1921 г. был создан апостольский викариат Сибири, впоследствии практически распавшийся. Незвестной для них была также ситуация в Петрограде, где в 1919 г. был арестован архиеп. Ропп.

⁴¹ Центральный гражданский комитет Царства Польского во время первой мировой войны был перенесен в Петроград. Включал представителей различных крестьянских организаций (кружков, товариществ, союзов, комитетов приютов и т. д.). – См.: Wiadomości Kościelne. 1916. № 7. S. 102–105. Комитет был создан для защиты интересов беженцев и оказания им различной помощи. Хотя церковные власти в России старались организовать духовную опеку беженцев, она не полностью удовлетворяла Комитет, пытавшийся склонить священников служить польским национальным целям, что приводило к конфликтам не только со священниками других национальностей, ставившими религиозные задачи выше прочих, но и со священниками-поляками, которых Комитет требовал назначить капелланами учреждений для беженцев, на что российские церковные власти не соглашались (См.: Spustek I. Polacy w Piotrogradzie 1914–1917. Warszawa, 1966. S. 190–201).

О. Будрис был вынужден оставить Тюмень⁴², вероятно, потому, что она была занята большевиками. Иркутский декан о. Ю. Гронский⁴³ посоветовал ему переехать в Пермь, занятую армией белых⁴⁴, где с 22 февраля 1919 г. о. Будрис стал настоятелем и деканом, имея лишь назначение от омского декана о. Х. Пржемоцкого. Новоназначенный настоятель даже не знал, какие приходы относятся к пермскому деканату. Не было возможности приобрести вино для Святой Мессы, католическую литературу, новый литургический календарь.

Приехав в Пермь, о. Будрис еще застал в городе больше тысячи прихожан, которые были в состоянии на свои пожертвования содержать священника и заботиться о храме. Когда 1 июля 1919 г. власть в Перми окончательно перешла к большевикам, они национализировали церковные дома, а с настоятеля потребовали платы за квартиру. Более обеспеченные прихожане уезжали на родину. Оставались бедные, которые не могли содержать священника. К тому же все стало дорого, наступил голод. Несмотря на трудности, о. Франциск старался окормлять католиков в Вятке (426 км от Перми), в Екатеринбурге (312 км от Перми), Тюмени (еще 300 км от Екатеринбурга), Тагиле (132 км от Екатеринбурга), а также в окружающих деревнях и поселках. Доехать было трудно по причине высокой стоимости билетов, дороги были плохими, а главное, требовались пропуска.

О. Будрис не знал, кто управляет епархией после выдворения митрополита Э. Роппа. Ему ничего не было известно ни о судьбе еп. Цепляка, ни о судьбах петроградских священников. Поэтому он обратился к знакомому священнику в Петрограде и описал свою ситуацию, с надеждой на получение ответа. 13 февраля 1920 г. о. Будрису ответил еп. Цепляк.

Даже в условиях революционной и военной неразберихи, разрухи и голода о. Будрис самоотверженно исполнял свои обязанности. Он просил разрешения на введение торжественных богослужений с выставлением Пресвятых Даров в умилоствление Бога за обиды, наносимые Его Святейшему Имени. Сильно удручала его невозможность достать вино для Святых Месс или найти, из чего его приготовить⁴⁵. Хотя не хватало денег, он старался найти органиста, чтобы службы были более торжественными, особенно во время праздников.

Вокруг царили голод и разруха, но о. Будрис старался аккуратно возместить все расходы на книги и образки, которые просил прислать ему, отказываясь от вознаграждения за рассылку по деканату присланных из курии материалов. Так как в Петрограде ситуация была еще труднее, по поручению курии он собирал в деканате пожертвования сухарями и деньгами на нужды руководства архиепархии.

8 июня 1920 г. еп. Цепляк назначил о. Будриса Пермским деканом, а также временно, вплоть до прибытия настоятеля, поручил обслуживать католиков Екатеринбургской губернии. С этого времени о. Франциск должен был заботиться, чтобы священники деканата посещали все приходы, но священников на огромной территории по обеим сторонам Урала осталось очень мало. О. Бу-

⁴² С этого момента составитель текста во многих случаях опирается на письма о. Будриса.

⁴³ Юлиан Гронский (1877– после 1936).

⁴⁴ Войска адмирала Колчака захватил Пермь 24 декабря 1918 г. и удерживали до конца апреля 1919 г., затем город снова переходил из рук в руки.

⁴⁵ Письмо о. Ф. Будриса к епископу И. Цепляку]. 05.03.1920. (ответ из курии от 27.03.1920, черновик которого находится на обороте листа, гласит, что вино надо бы делать самому из винограда).

дрис постоянно думал о том, как организовать пастырское служение в приходах, делился своими соображениями с архиеп. Цепляком, предлагал наилучшие, с его точки зрения, способы решения возникавших проблем. Организовал он и ежемесячную материальную помощь курии, заботился о священниках-литовцах, оказавшихся в тюрьме в г. Тагиле, так как большевики арестовали их, чтобы использовать в качестве заложников в переговорах с литовским правительством.

Он старался, чтобы его прихожане не жили в грехе, без венчания. В обстоятельствах революции, гражданской войны, большевистской пропаганды нравственность подвергалась многочисленным искушениям. Увеличилось количество межконфессиональных и гражданских браков. Многие католики не могли заключить церковный брак по причине отсутствия священников, из-за атеистической пропаганды, а также в силу таких канонических препятствий, как разница религий или браки с атеистами.

О. Будрис, наверное, знал о принятии в Католической Церкви нового Кодекса Канонического права, но самого этого Кодекса не имел и не знал, как поступать в конкретных случаях, в которых в нормальное время священник не вправе был благословить брак. Поэтому он задавал вопросы архиеп. Цепляку. В связи увеличением количества смешанных браков и переходами в католичество просил прислать ему катехизисы и религиозные книги на русском языке. Раньше такой необходимости не было, потому, что католики пользовались церковными книгами на родных языках, а в настоящее время эти языки уже стали неизвестными, и надо было готовить к Таинствам по-русски. О. Будрис заботился не только о традиционно исповедовавшихся в России католическую веру поляках, литовцах, немцах, но также и о русских, которые приходили в Католическую Церковь.

В 1921 г. католические приходы Урала обезлюдели, в каждом оставалось по несколько десятков верных прихожан, которые не могли содержать священников. Не было также и священников. Одни уехали по причине преследований, другие были арестованы, третьи, не видя смысла своего пребывания в России, выехали вместе с репатриировавшимися прихожанами.

О. Будрис, видя, что католики, хотя и разрозненные, остались, решил остаться и служить им. Однако, так как с 1913 г. он не был на родине, то попросил епископа об отпуске, чтобы навестить престарелого отца. Кроме этого, ему необходимо было восстановить свое здоровье, подорванное недостаточным питанием и нехваткой одежды (из-за того, что он простужался во время поездок зимой по приходу, у него развилась ревматизм). Кроме того, он был вынужден, как и другие, спасаться от голода, выменивая свою одежду и обувь на продукты⁴⁶. У него не осталось даже шубы, чтобы зимой, в морозы совершать пастырские поездки в другие города.

14 июля 1921 г. архиеп. Цепляк назначил о. Будриса, кроме Пермского, управлять Вятским приходом, т. е. периодически посещать его. Однако у о. Франциска не было денег на такие дальние поездки (432 км) и не было зимней одежды, поэтому он снова просил об отпуске на родину, чтобы при-

⁴⁶ Голод в Советской России в 1921–1922 гг. был вызван политикой военного коммунизма (введение продразверстки) и охватил все губернии и уезды. В пищу употреблялись суррогаты (хлеб в основном изготавливался из травы, соломы, гнилого картофеля, коры деревьев), мясо павших животных, крыс, собак, кошек. Сельские жители могли собирать грибы и ягоды, выкапывать корни. Жители городов были практически лишены такой возможности. Помощь мирового сообщества и урожай 1923 г. прекратили эту волну бедствия.

обрести одежду. Тогда же он интересовался в курии, не содержит ли мирный договор, заключенный в марте 1921 г. между Советской Россией, Украиной и Польшей, каких-либо пунктов, относящихся к Церкви и церковному имуществу. Архиеп. Цепляк не разрешил о. Будрису выехать в отпуск, потому что в архиепархии остро не хватало священников, а выехавший за границу священник, несомненно, уже не мог бы вернуться в Советскую Россию.

О. Франциск согласился с этим решением. Он отказался от отпуска «до лучших времен», нашел возможность съездить в Вятку и, кроме того, предложил архиеп. Цепляку назначить его управлять еще и Екатеринбургским приходом, только просил найти какой-либо способ помочь ему оплачивать проезд, так как оставшиеся прихожане уже не могли собрать нужную сумму на билет. Помета на письме свидетельствует, что архиепископ распорядился позаботиться об исполнении его просьбы, но до о. Будриса ни его ответ, ни средства не дошли, так как через некоторое время он снова обратился в курию с просьбой о денежной помощи на оплату проезда и о присылке пожертвований на Святые Мессы. Он просил также прислать хотя бы одну бутылку вина, которого по-прежнему было совершенно негде достать, и какой-нибудь религиозный журнал, потому что не знал ничего о том, что происходит в католическом мире.

18 октября 1921 г., согласно предложению, самого о. Франциска, архиеп. Цепляк назначил его, кроме должностей в Перми и в Вятке, управлять Екатеринбургским приходом. Такие назначения ему были необходимы как командировочные удостоверения. С тех пор о. Франциск постоянно находился в пути между тремя приходами, проводя по одной-две недели, а по большим праздникам старался успеть побывать во всех приходах, чтобы не обижать прихожан ни одного из них. О. Будрис нигде не имел постоянного жилья, ночевал в комнатах, которые находились в зданиях храмов, обедал у прихожан. Он должен был сам прибираться в храмах и даже звонить, созывая на Святую Мессу, потому что у него нигде не было помощников – ни ризничего, ни органиста.

В начале декабря 1921 г. о. Будрис получил известие об отъезде на родину священника из Челябинска, о. Пашкевича. В этом городе оставалось довольно много прихожан, поэтому они были в состоянии содержать священника. В силу этого, 13 декабря 1921 г. о. Будрис попросил архиеп. Цепляка назначить его в Челябинск и Екатеринбург (расстояние между которыми составляет 212 км), а в Пермь и Вятку, которые находятся ближе друг к другу, но далеко от Екатеринбурга, предлагал назначить другого священника. Управлять тремя приходами ему было, как он деликатно выразился, «немного трудновато». Приход в Челябинске в то время был самым большим на Урале по числу оставшихся прихожан. Там проживали не только поляки и литовцы, но и немцы-колонисты. Кроме того, много католиков жило и в Западной Сибири, где не было священника: в Кургане, Златоусте, Троицке, Кустанае (расположенных соответственно в 243, 120, 117 и 264 км от Челябинска). Прихожане из челябинского прихода вызвали о. Будриса для отпевания умерших уже через неделю после отъезда о. Пашкевича. 18 декабря 1921 г. о. Будрис снова направил письмо в курию, в котором предлагал назначить в Челябинск уже не одного, а двух священников, один из которых знал бы немецкий язык и мог служить для немцев. О. Франциск, понимая, как много сил у священника отнимают постоянные поездки, предлагал, чтобы один священник оставался в Челябинске, а второй объезжал другие местности, а потом они сменялись, давая друг другу

отдохнуть. Понимая нужды католиков, он, не дожидаясь ответа, добровольно включил Челябинск в схему своих разъездов.

По причине задержек доставки почты предложение о. Будриса пришло в курию уже после того, как архиеп. Цепляк принял другое решение: в декабре 1921 г. он освободил о. Будриса от управления приходом в Вятке, но назначил управлять Тюменским приходом. Епископ распорядился, чтобы о. Будрис позаботился об избрании приходского комитета в каждом из приходов, с тем, чтобы комитет принял на себя ответственность за сохранение храма и церковного имущества. Возможно, что о. Франциск этих распоряжений не получил, потому что 4 января 1922 г. он телеграммой запрашивал, кто назначен в Челябинск⁴⁷. 18 января 1922 г. вице-канцлер курии о. Д. Иванов дополнительно проинформировал о. Франциска, что тот назначен в Тюмень, а Челябинск и Вятку по совместительству должны были окормлять другие священники. 8 февраля 1922 г. архиеп. Цепляк выдал о. Франциску удостоверение о том, что он является деканом, настоятелем Пермского храма и управляющим Екатеринбургским и Тюменским храмами.

29 апреля 1922 г. большевики провели в Екатеринбурге акцию по изъятию ценностей из католического храма под общим для всей страны предлогом помощи голодающим Поволжья. О. Будрису удалось спасти серебряный крест (золотых вещей в храме не оказалось), но всю остальную церковную утварь большевики описали.

Так как недавно назначенный челябинский настоятель о. Л. Тучко вскоре заболел, о. Будрис снова «временно» должен был окормлять и этот приход, включая немецкие колонии, в которых по-прежнему не было священника, знающего немецкий язык, и «близлежащие» Курган и Златоуст. Вскоре в Челябинск, Курган и Златоуст был назначен о. И. Сенвайтис, а о. Будрису последовало распоряжение управлять, кроме прежних прочих, тобольским храмом.

О. Франциск продолжал создавать в приходах, где он служил, всевозможные молитвенные группы. В 1922 г., например, он просил прислать ему не только розарии, но и разные скапулярии.

О. Будрис, утомленный постоянной работой, еще раз попробовал просить об отпуске хотя бы летом будущего 1923 г. Архиеп. Цепляк разрешил о. Франциску выехать, но только после возвращения священников в оставленные приходы. Однако никто не вернулся, а оставшиеся священники оказались в тюрьмах и впоследствии должны были покинуть Советскую Россию.

Во время голода в Екатеринбурге было открыто отделение Французского Красного Креста, представители которого помогали также местным католикам, поэтому о. Будрис просил, чтобы архиепископ написал французам благодарственное письмо.

Свящ. Ф. Будрис.
Рисунок художника
Лучинца В.А.
1927 г.

⁴⁷ Внизу листа канцелярист Курии о. Д. Иванов написал черновик ответа, что в Челябинск назначен о. Л. Тучко из Ташкента.

Весной 1923 г. о. Будрис в очередной раз попросил об отпуске на родину, чтобы навестить своего старого и больного отца, – уже обращаясь не к архиепископу, который находился в тюрьме, а к администратору архиепархии о. С. Пржирембелю. Однако его письмо попало в курию только в марте 1924 г., а еще в июне 1923 г. о. Будрис получил распоряжение снова заведовать, кроме прежних, Вятским храмом.

В последнем сохранившемся письме от 6 июня 1924 г. о. Будрис отказался от возможности выехать в отпуск на Родину, опасаясь запрета вернуться обратно в СССР. Он предпочел остаться с теми, ради кого служил, и исполнять обязанности настоятеля и декана.

После разгрома Католической Церкви в Советской России большевистские власти изъяли архив Могилевской архиепархиальной курии, поэтому он сохранился в Государственном архиве.

В апреле 1925 г. о. Франциск был арестован в Екатеринбурге, как заложник. Власти старались использовать его по делу об убийстве польской жан-дармерией агентов ГПУ А. Вечоркевича и В. Багинского, которые выезжали по обмену в СССР. О. Будрис был через месяц освобожден.

МУЧЕНИЧЕСТВО

О последних 13-ти годах жизни о. Будриса сохранилось мало свидетельств. Он остался служить в стране, где большевики преследовали верующих любого исповедания. За теми, кто посещал католические храмы, следили, священников и активных прихожан под разными вымышленными предлогами арестовывали, судили, заключали в тюрьмы и лагеря, ссылали в отдаленные районы страны. Постепенно прихожане переставали посещать храмы, боясь репрессий. Велась массированная антирелигиозная пропаганда, направленная, прежде всего, на воспитание детей-атеистов, на разрушение института семьи и брака.

Когда о. Франциск был молодым священником, ему было трудно жить в далеких от родины местах. Он желал посетить родных, получить помощь от близких. Однако ему это не удалось из-за войны, революции и возникновения границы между СССР и Литвой. Решение о. Франциска остаться в СССР, когда других католических священников уже почти не оставалось, было, по сути, готовностью к мученической смерти. Письма о. Будриса 1920–1924 гг. позволяют судить о том, как ему было трудно. Однако он не отказался от служения, не старался выехать на родину, не согласился на сотрудничество с безбожной властью. Его мученичество в 1937 г. – естественное следствие его решения.

О. Франциск продолжал ездить между приходами, стараясь охватить прихожан пастырской опекой – крестить, венчать, исповедовать, учить детей катехизису. Но, понимая создавшееся положение, он не хотел подвергать прихожан излишнему риску. Поэтому некоторые богослужения проводились не в храме, а на квартирах. В Екатеринбурге до 1924 г. это была квартира настоятеля на ул. Гоголя, 9, с домашней часовней, где бывали крещения и венчания.

После 1924 г. о. Франциск обслуживал католические общины Тобольска, Тюмени, Перми, Екатеринбурга, Челябинска, Златоуста, Кургана, Уфы, Самары, Ка-

зани и Вятки⁴⁸. Хотя большевики к 1930 г. закрыли храмы в Тобольске и Тюмени, Кургане и Ишиме, о. Будрис продолжал посещать живших там католиков, служа на квартирах. В 1934–1937 гг. он был практически единственным священником, обслуживавшим католиков на огромной территории между Волгой и Обью.

Сам о. Будрис был не в состоянии подготовить к таинствам людей во многих городах, поэтому он старался при помощи наиболее надежных прихожан организовать катехизацию под видом дружеских встреч в квартирах и «пикников» за городом, куда выезжали взрослые и дети.

Несмотря на трудную, полную опасностей жизнь, о. Будрис держался бодро. Для тех, кто боялся ходить в храм в 1920-е гг., совершал обряды в своей квартире.

О. Будрис, как всегда, стремился поддерживать веру в душах прихожан, серьезно относился к вопросам нравственности и говорил об этом в проповедях. Он не боялся призывать родителей оберегать своих детей от вступления в коммунистические организации (комсомол, пионеры), в личных беседах с прихожанами высказывал мнение, что Советская власть долго просуществовать не может, потому что у власти стоят неграмотные люди.

В 1937–1938 гг. сталинский аппарат разрабатывал систему репрессий («национальных» дел) против представителей национальных меньшинств (поляков, немцев, эстонцев, литовцев и т. д.). Они обвинялись в создании тайных организаций, задачей которых якобы был шпионаж в пользу других государств, в саботаже и диверсиях⁴⁹, в предательстве Родины и т. д. Первым было осуществлено «польское» дело⁵⁰, так как Польша считалась врагом № 1 на западных границах. О. Будрис был арестован в рамках этого дела, сфабрикованного с целью разгромить католиков в Советской России.

В связи с этим планом, о. Будрис был «назначен» «резидентом» шпионской сети ПОВ⁵⁰ в Предуралье и арестован в Уфе вместе с членами приходского совета

⁴⁸ Приходы в Тюмени, Перми, Казани, Вятке были закрыты в 1930–1933 гг. В Уфе некоторое время жили и другие католические священники. О. М. Йодокас, ранее служивший в Симбирске, Казани и Самаре, в 1929 г. был осужден на 3 года ссылки в Уфу и с декабря 1929 г. по ноябрь 1933 г. возглавлял Уфимский приход. С начала 1930 г. по ноябрь 1930 в Уфе также находился престарелый о. П. Зелинский.

⁴⁹ «...польская операция» 1937–1938 гг., одна из составных частей так называемого Большого террора, формально основывавшегося на оперативном приказе НКВД № 00447, направленном против «враждебного элемента» (бывших кулаков, контрреволюционеров, духовенства, бывших членов различных политических партий), а также на ряде приказов о проведении «национальных» операций. Согласно приказу № 00485 от 11 августа 1937 г. аресту подлежали: члены Польской организации войсковой – ПОВ (в то время уже не существовавшей), – оставшиеся в СССР после 1922 г. поляки – бывшие военнопленные, все перебежчики, политэмигранты и политобмененные из Польши, бывшие члены Польской социалистической партии и других партий, активисты из польских районов на территории СССР, члены их семей. [...] Число поляков, репрессированных за 2 года Большого террора, оценивают в 118–123 тысячи человек (почти каждый пятый из проживавших в СССР)». – См.: Обзор советских репрессивных кампаний против поляков // <http://www.memo.ru/history/POLAcy/vved/obzor.htm>.

⁵⁰ ПОВ (в соответствии с польским названием) или ПВО (Польская Военная Организация) возникла в конце 1914 – начале 1915 г. по инициативе Ю. Пилсудского с целью ведения борьбы за создание самостоятельного Польского государства. Когда Республика Польша была создана, необходимость в ПОВ отпала. Советские исторические энциклопедии утверждали, что последние ее ячейки на территории России, Украины и Белоруссии, занятой большевиками, были раскрыты чекистами и уничтожены уже в 1921 г. (см.: Гражданская война и военная интервенция. М., 1998. С. 473). Однако вплоть до конца эпохи сталинизма чекистам было выгодно помнить об этой организации и поддерживать миф о том, что она продолжает существовать. 9 сентября 1937 г. ЦК ВКП(б) принял тайное постановление № 564 (протокол 51) «О ликвидации диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ».

17 июня 1937 г. Он лично обвинялся, в том, что «по заданию французского разведчика епископа Невэ⁵¹ занимался шпионажем в пользу французской разведки и Ватикана» и организовал повстанческую деятельность против советской власти под видом религиозной работы, используя религиозный фанатизм прихожан. Богослужения были названы встречами повстанческой группы. Руководителем выдуманного чекистами отделения ПОВ в Уфе был якобы католический священник о. М. Йодокас, а после его отъезда организацию возглавил о. Будрис. Чтобы показать широкомасштабность «шпионской организации», которой руководил о. Будрис, чекисты арестовывали прихожан, прежде всего членов приходских комитетов, Тобольска, Тюмени, Ишима, Омска, Свердловска (быв. Екатеринбург), Перми, Кирова (быв. Вятки), Челябинска, Уфы и др. городов.

По воспоминаниям А.Я. Янсона, уфимского прихожанина, арестованного годом раньше и сидевшего в одной камере с о. Будрисом, о. Франциска сильно били на допросах, требуя признания в том, что он шпион, и даже держали на снегу, так что он отморозил ноги и получил воспаление легких. Однако каждый раз, возвращаясь в камеру, о. Будрис постоянно молился и всячески поддерживал сокамерников, повторяя: «Бог нас не оставит...».

В то время приговоры выносили не суды, а специальные «тройки», то есть группы трех чекистов, задачей которых было вынести, как правило, смертный приговор. Постановлением такой тройки от 11 ноября 1937 г. о. Будрис был приговорен к расстрелу. Его расстреляли 16 декабря 1937 г. в тюрьме г. Уфы. Вместе с о. Франциском в это время погибли еще 189 прихожан из разных городов. Захоронение расстрелянных в Уфе в то время осуществлялось на Сергиевском кладбище города, но точное местонахождение могил расстрелянных не фиксировалось.

После смерти Сталина в 1953 г. и разоблачения культа его личности дела осужденных в эпоху сталинизма людей стали постепенно пересматриваться. Неправедливые приговоры отменялись. Определением Военного трибунала Южно-Уральского военного округа от 14 января 1958 г. решение тройки НКВД БАССР от 11 декабря 1937 г. в отношении о. Ф. Будриса было отменено и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, то есть он был признан полностью невиновным в том, что ему ранее инкриминировалось.

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

К моменту смерти о. Будриса многие католики выехали из России или из-за репрессий и закрытия храмов отошли от активной церковной жизни, а те, кто был готов нести страдания, были расстреляны. Приходы были уничтожены. Но, хотя в местах служения о. Будриса католические приходы возродились только после перестройки, он не был забыт. Память о нем сохранили, прежде всего, немногие дожившие до наших дней католики тех приходов, где он служил.

Когда Католическая Церковь в России стала возрождаться, восстанавливались приходы и в местах прежнего служения о. Ф. Будриса. В статьях, посвященных возрождению и истории католических приходов в Екатеринбурге, Перми, Вятке, опубликованных в печати или помещенных на интернет-сайтах, упоминается личность о. Ф. Будриса. Краткие биографии о. Будриса содержат-

⁵¹ Пий Эжен Нёвё – Апостольский администратор Москвы в 1926–1936 гг.

ся в таких изданиях, как «Книга памяти» и «Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR 1917–1939: Martyrologium» Р. Дзвонковского. Уфимские католики предложили о. Ф. Будриса как кандидата для беатификации.

Когда 9 августа 1998 г. был заново освящен отреставрированный после возвращения приходу храм Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Перми, предстоятельствовавший на Святой Мессе архиеп. Тадеуш Кондрусевич, в то время Апостольский администратор Европейской части России, служил в том орнаменте, который принадлежал когда-то храму, затем был изъят и хранился в местном краеведческом музее, а накануне праздника был возвращен приходу. Для верующих это стало символом связи времен и напоминанием о последнем настоятеле.

После начала подготовки процесса беатификации католических новомучеников России биография о. Будриса вошла в книгу «Зерно из этой земли», посвященную кандидатам на прославление в лике блаженных.

Сведения об о. Будрисе находятся на сайте «Католические Новомученики России».

Постулатурой процесса беатификации был издан буклет с фотографией и молитвой. В постулатуру поступила информация о полученных милостях: после чтения молитвы о прославлении Слуги Божьего мужчина излечился от тяги к курению; прошла боль в коленях у пожилой женщины. Верующие читают молитву о прославлении Слуги Божьего, напечатанную на образке с его фотографией.

Александра Романова

ПИСЬМА О. ФРАНЦИСКА БУДРИСА 1920-Х ГГ.

1. Письмо о. Ф. Будриса к неизвестному (петроградскому настоятелю). 16.01.1920⁵².
16/1 1920 г.
г. Пермь

Уважаемый о. Настоятель!

Недавно я получил сведения из Москвы, что наш Митрополит выехал в Польшу, поэтому не знаю, кто сейчас управляет нашей Архиепархией и остается ли Е[го] В[ысокопреосвященство] о. епископ Цепляк в Петрограде? Мне о. Гронский, нынешний Иркутский декан, предложил принять управление Пермским приходом, и я согласился на это, но до настоящего времени не имею никакого подтверждения от своей законной власти. Я живу в Перми и исполняю обязанности настоятеля с 22 февраля 1919 г., до того жил в Тюмени.

Сейчас в Перми у нас вообще нет вина, я обращался в Москву, в Екатеринбург, в Челябинск, но ниоткуда не получил, в русских церквях имеют вино, однако не из винограда, а из винных ягод. Что я должен делать в таком случае? Также не имею рубрицелли, если они изданы в Петрограде, то просил бы выслать ее и написать, сколько денег я должен послать за нее.

Церковь до сих пор не тронута, только церковные дома были отобраны в пользу города и мне велели платить за квартиру 250 р[ублей] в месяц. [...]

Нельзя ли найти в Петрограде польские книги по истории Церкви, догматике, нравственному богословию и другие, потому что у нас их нет вообще.

⁵² Все письма находятся в деле: РГИА, ф. 826, оп. 1, д. 1737. Оригиналы на пол. яз.

Очень прошу простить меня, что затрудняю своим письмом, но мне не к кому обратиться, потому что уже два года у меня не было никаких известий из Петрограда и не знаю, кто и где живет. [...]

[Помета на л. 31]: Исп[олнено] 19 марта 1920 г. за № 202⁵³ приложена рубрицель за 1919 года⁵⁴.

2. Письмо о. Ф. Будриса к епископу И. Цепляку. 05.03.1920.

Высокочтимый Отец Пастырь!

Спешу с ответом на Ваше письмо от 13/III, которое меня очень обрадовало и подкрепило духовно. Я доехал до Перми таким способом. О. Гронский, после взятия Перми войсками белых, телеграфировал мне, не согласился бы я занять место в Перми, а на свое место в Тюмени пригласил бы одного из священников из Ишима. Я согласился на занятие поста в Перми, на что получил назначение от омского декана о. Пржемоцкого, а на мое место в Тюмени был тем же деканом назначен о. М. Домбровский. В Пермь я приехал 22 февраля, о. Гронский выехал в Иркутск 11 января 1919 г. Когда я приехал в прошедшем году в Пермь, я застал больше тысячи прихожан, однако теперь есть гораздо меньше, поскольку очень много эвакуировалось с белыми, почти вся интеллигенция. Что касается поветов⁵⁵, у меня нет достаточных сведений, потому что по причине плохого состояния дорог и затрудненного выезда я не мог их посетить, был только несколько раз в 19 г. в Кунгуре, там сейчас должно быть около 300 прихожан. Материальное положение прихода удовлетворительное, прихожане стараются поддержать храм и не скупятся на пожертвования. Сейчас власть забрала два дома и я плачу за свою квартиру 250 р. Город также запросил список церковного имущества, что и было сделано. Других изменений не было. Что касается Екатеринбург и Тюмени, то, насколько мне известно, там происходит то же самое. Интеллигенция выехала с белыми, а остались менее богатые. В Екатеринбурге настоятель о. И. Вилкас был задержан как литовский заложник и остается на свободе, только с него была взята подписка о невыезде из города. Мои прихожане – это в основном беженцы поляки и литовцы. Большинство их успело в 1918 году выехать на родину, а также и все священники, которые были в Перми, остальные беженцы со дня на день ожидают этого момента, чтобы вернуться на Родину. Военнопленных почти нет, а если и встречаются, то такие, которые здесь хорошо устроились.

Что касается о. Томашевского, если Глубокоуважаемый Отец сочтет меня подходящим для Перми, то временно по некоторым причинам прошу задержать пока возвращение о. Томашевского.

Что касается отдаленных приходов, то у меня нет никаких известий, если узнаю какие-нибудь важные сведения, то поспешу написать.

Письмо Вашего Высокопреосвященства на тему «festa suppressa[?]» я получил и уже послал Челябинскому и Екатеринбургскому настоятелям. Не знаю наверно, какие приходы относятся к Пермскому деканату, прошу информации.

Иногда бывают смешанные браки между католиками, православными и лютеранами, что я должен в таких случаях делать, обращаться ли каждый раз за диспенсацией; иногда нет времени ждать, чтобы только что обвенчанные полу-

⁵³ Далее зачеркнуто: с

⁵⁴ Так!

⁵⁵ Повет – часть области или губернии, со своим управлением.

чили диспенсацию, так как они выезжают в другой город, где нет католического священника, или идут к некатолическому священнику и заключают брак.

Что надо делать при недостатке натурального вина? Сейчас возможно только добыть сок из ягод. От 10 %, которые были перечислены в письме, как вознаграждение за труд при рассылке[?] дел «festa suppressa[?]» и интенций, я отказываюсь в пользу Духовной Семинарии. Кончая письмо, прошу о Пастырском благословении.

Преданный Сын во Христе О. Фр. Будрис
5 Марта 1920 г.
г. Пермь.

3. Письмо о. Ф. Будриса к неизвестному (петроградскому священнику). 16.03.1920. 16/III 1920 г. г. Пермь.

Дорогой Отец!

Обращаюсь к Дорогому Отцу с просьбой, нельзя ли случайно в Петрограде найти органиста, молодого неженатого парня; так как мой прежний органист еще в прошлом году уехал с белыми, а в то время был приходящий, который немножко умел играть на фистармонии, но и он в последние дни был арестован и я не знаю, как быстро его освободят, а без органиста очень грустно в храме, а тем более во время праздников. Зарплаты бы платить 1000 р., а еще дать светлую квартиру и дрова. Кроме того, он мог бы получить какую-нибудь обязанность. Если бы нашелся, то прошу телеграфировать. Затраты я верну. Желательно было бы, чтобы приехал на праздники.

Заканчивая письмо, прошу прощения, что утруждаю своими проблемами, и присоединяю выражения моего уважения и пожелание удачи

Слуга О. Фр. Будрис

4. Письмо о. Ф. Будриса к о. Яну Тройго⁵⁶. 28.05.1920.

Уважаемый о. Ян!

Посылаю две посылки с сухарями, одну на имя Е[го] В[ысокопреосвященства] Епископа и вторую на Ваше имя. Прошу прощения, что сухари из черной муки, потому что белой муки у нас нет – нигде не достать. Обращался к священникам Пермского деканата с просьбой о пожертвовании и получил ответ, что постараются как-нибудь удовлетворить мою просьбу. Я бы просил выслать мне официальную бумагу о моем назначении в Пермь, так как это необходимо для получения пропуска на объезд прихода. Было бы хорошо, чтобы в этой бумаге были перечислены районы, которые принадлежат к Пермскому приходу, с обозначением, что это целая Пермская губерния, потому что теперь при разделении Пермской губернии на Пермскую и Екатеринбургскую целая новая губерния относится к пермскому приходу.

Телеграмму от Е[го] В[ысокопреосвященства] Епископа я получил и, как только время позволит, постараюсь доехать до Екатеринбурга. О. Иосиф Вилкас мне говорил, что они отправили телеграмму в Красноярск, так как там находятся несколько священников, с просьбой, чтобы один из них занял место настоятеля в Екатеринбурге, однако я еще не знаю, получили ли прихожане какой-нибудь ответ. Если кто-нибудь поедет из Петрограда через Пермь, то прошу послать вина,

⁵⁶ Адресат устанавливается по письму о. Ф. Будриса в митрополитальную курию от 21.06.1920.

потому что у меня совершенно нет. Прошу также выслать, если бы возможно достать, пару десятков образков для первого Причастия или каких-нибудь других (штук 50). Затраты я возьму с благодарностью. Денежные пожертвования мы будем стараться пересылать по мере возможности каждый месяц.

Присоединяю выражения чести и уважения.

Слуга О. Ф. Будрис

P.S. Посылаю интенции св. Месс, посланные мне настоятелем Челябинским и прошу передать в Митрополитальную Курию. Извиняюсь, что утруждаю.

О. Ф. Будрис.

5. Письмо о. Ф. Будриса в митрополитальную курию. 21.06.1920.

21/VI

При сем посылаю 7000 р. в распоряжение Митрополитальной Курии, 500 р. за присланную метрическую книгу и 55 р. за пересылку книги. В мае месяце были высланы две посылки с сухарями, одну я послал на имя о. Я. Тройго, другую на имя Е[го] В[ысокопреосвященства] О. Епископа, не знаю, были ли они получены.

В других приходах нашего деканата также были устроены сборы, но из Екатеринбурга по причине выезда священника еще не высланы. На этой неделе я еду в Екатеринбург и вышлю как за свой [приход], так же и за [1 нрзб.].

Пермский настоятель О. Фр. Будрис

6. Письмо о. Ф. Будриса архиеп. И. Цепляку. 19.12.1920.

Глубокоуважаемый Пастырь!

Только вчера я вернулся из Тагила, и мне снова ничего не удалось сделать для облегчения участи заключенных. Я виделся лично с оо. Рудисом, Грашисом и Ожелом, о. Балудь был на службе. Здесь в Тагиле им гораздо лучше, чем в Екатеринбурге. Они обращались в Москву в Литовское представительство, потому что они как Литовцы, согласно послевоенному договору, параграф 15, должны быть освобождены. Неизвестно, какой должен был быть ответ, хорошо бы было, чтобы местный настоятель в Москве присмотрел за этим делом. Я в Тагиле был в Рев[олюционном] трибунале и в особом отделе, однако они объясняли это тем, что еще не получили их дел. Я также просил в Екатеринбурге о. Я. Булло и знакомых принять участие в этом деле.

Что касается материальной помощи, то мы постараемся что-нибудь сделать. Завтра пораньше высылаю немного сухарей и немного белья.

В одном из своих писем к Вашему Высокопреосвященству я просил разрешения на введение торжественных богослужений с выставлением Пресв. Даров в каждое первое воскресенье после первого [числа] каждый месяц, удовлетворение за обиды, нанесенные Святейшему Имени и умилоствление, однако до сих пор не имею никакого ответа, вероятно письмо пропало.

Также просил бы о присылке нового breviария и дополнения. Стоимость возьму.

Из Екатеринбурга я послал письмо по делу о. Я. Буллы, который теперь занимает место настоятеля в Екатеринбурге.

Заканчивая письмо, присоединяю выражения глубочайшего уважения и прошу о пастырском благословении.

Слуга о. Фр. Будрис.

19/XII 1920 г. г. Пермь.

7. Письмо о. Ф. Будриса архиеп. И. Цепляку. 23.04.1921.

Достойнейший Пастырь!

В мае месяце у нас в Перми должна начаться репатриация выходцев из Литвы. Почти все выезжают. Так что прихожан останется чуть больше десятка семей поляков, которые также уедут, за исключением некоторых, когда пойдут эшелоны в Польшу. Остальные прихожане будут не в состоянии содержать храм, придется священнику заведовать несколькими соседними приходами, потому что писали мне священники из Вятки и Екатеринбурга, что будут вынуждены уехать по причине малого числа прихожан.

Теперь, когда должны отправить эшелоны в Литву, и поэтому есть возможность с ними уехать, прошу Глубокоуважаемого Пастыря предоставить мне отпуск на 2–3 месяца, считая таковой с 1-го Июня. Причины, которые вынудили меня просить об отпуске, следующие: во-1-х, уже 8 лет я не был на родине, и пишет мне старик-отец (75 л[ет]), что хотел бы еще перед смертью повидаться со мной, а если отстану от эшелона, то быть может, что потом и не удастся быстро выехать. 2-е На родине у меня есть возможность себе что-нибудь сделать из одежды, белья и обуви. Здесь надо иметь большой капитал, чтобы что-нибудь себе сшить, а я, по правде говоря, ничего уже не имею, что имел лучшего, то все выменял на продукты, потому что приходских доходов недостаточно на содержание. Сутана у меня совершенно изорвана (ношу третий год). Белья совсем не имею. А также и с обувью.

Я не могу также похвастаться своим здоровьем, потому что в зимнюю пору, езда по приходу, а до Рождества в Екатеринбург и Тагил, от недостатка одежды и обуви простыл несколько раз и поэтому приобрел ревматизм, который сейчас сильно мучит меня, хотелось бы дома немного полечиться.

Я бы поехал с последним эшелоном, отправляющимся в Литву, а такой должен быть в конце мая или начале июня.

Надеюсь, что Глубокоуважаемый Пастырь не откажет мне в моей справедливой просьбе и не откажет мне в законном отпуске.

Заканчивая, присоединяю выражения глубочайшего почтения и прошу о пастырском благословении, как для себя, так и для всех уезжающих.

Покорный слуга О. Фр. Будрис

23 апреля 1921 г.

г. Пермь.

8. Письмо о. Ф. Будриса архиеп. И. Цепляку. 31.07.1921.

Достойнейший Пастырь!

Распоряжения Вашего Высокопреосвященства от 14 июля <его> года я получил 28 июля. Поехать в Вятку, чтобы принять храм, сейчас не могу по причине железнодорожных тарифов (билет стоит около 70 тысяч), по этому делу написал о. Ибианьскому, чтобы он, не ожидая моего приезда, сделал список имущества в двух экземплярах и один из них выслал в Курию, а другой оставил на месте.

Еще в апреле я нижайше просил Ваше Высокопреосвященство о предоставлении мне отпуска, чтобы я мог поехать на родину и что-то сделать для себя, потому что [1 нрзб.] все сносил и выменял, итак что даже не во что мне одеться. Тем более не имею на зиму шубы, а при разъездах при здешних морозах это необходимо, поэтому еще раз прошу Ваше Высокопреосвя-

шенство не отказать моей просьбе. Кончая письмо, присоединяю выражения наиглубочайшего уважения и прошу о Пастырском благословении

Покорный слуга О. Фр. Будрис
31/VII 1921 г.
г. Пермь

Вверху листа слева рукой архиеп. И. Цепляка: «Что касается отпуска, кажется, что он не может быть оплачен (полезен?)».

Вверху листа справа рукой о. Д. Иванова: «Резолюция сообщена. 13/VIII 1921 № 1448 Д. Иванов».

9. Письмо о. Ф. Будриса архиеп. И. Цепляку. 26.08.1921.

+

Достойнейший Архипастырь!

Вчера я вернулся из Вятки. Храм с инвентарем принял и о. Ибианьский должен был на именины [день рождения?] выехать в Жембин⁵⁷.

Из письма Вашего Высокопреосвященства к о. Ибианьскому я знаю о состоянии нашей Архиепархии и вижу из него, что у нас огромная нехватка священников, поэтому отказываюсь от отпуска до лучших времен. Если Ваше Высокопреосвященство сочтет полезным и нужным, то я согласен еще заведовать и Екатеринбургом, потому там также с выездом беженцев количество прихожан уменьшится и будет не в состоянии содержать священника.

Вопрос этот сравнительно трудный для решения, а именно [нрзб.] и особенно разъездов, сейчас с введением нового железнодорожного тарифа проезд довольно дорогой, и оставшиеся прихожане не в состоянии оплатить затраты на поездку, как это было сейчас с Вяткой (билет туда и обратно до Вятки стоил 205[?] тысяч), а прихожане собрали только 176 тыс[яч], и то благодаря тому, что их сейчас еще довольно много, но через две-три недели число их значительно уменьшится, потому что в ближайшее время должен выйти эшелон в Польшу. Я также не имею средств и не знаю, откуда их взять, а выезды необходимы; не могло бы представительство Польши в России прийти на помощь и исходатайствовало бы билет для бесплатного проезда, тогда можно было бы намного чаще посещать церкви, остающиеся без священников, а может, еще какой-нибудь источник нашелся бы для погашения затрат на разъезды?

Случайно нельзя ли получить выписку 7 параграфа договора Польши с Россией in extenso, заверенную польским консулом. Она мне нужна по делу домов и церковного имущества, если бы такая была, то я просил бы прислать как можно скорее.

В заключение письма всячески прошу прощения достойного Архипастыря, что я его утруждал своими письмами, [2 нрзб.] но я это делал, не зная хорошо нужд нашей Архиепархии. Прошу благословения.

Преданный сын О. Фр. Будрис
26/VIII 21 г.

Сбоку листа рукой архиеп. И. Цепляка: «Позаботиться об этом».

⁵⁷ Ziembin.

10. Письмо о. Ф. Будриса канцлеру курии о. И. Тройго. 13.12.1921.

13/XII 1921 г.
г. Екатеринбург.

Уважаемый о. канцлер!

Когда я приехал в Екатеринбург, то там нашел письмо о. Пашкевича, Челябинского настоятеля, в котором он меня извещает, что через несколько дней выезжает из Челябинска на родину и предлагает мне занять его место. О своем выезде на родину он также написал Архипастырю. В своем письме ко мне он пишет, что прихожан остается еще довольно много и что они берутся содержать священника, и пока нужен там священник, поэтому если бы можно было кем-нибудь заменить меня в Перми, я поехал бы в Челябинск и мог бы также заведовать и Екатеринбургом. Что касается Перми и Вятки, то ими также мог бы заведовать один священник.

Пишу это не для того, что я бы желал проживать в Челябинске, а только единственно для того, что решил остаться в России, и Архипастырь не будет иметь проблем со мной, а также теперь мне немножко трудновато управлять тремя приходами, потому что не могу угодить всем, [нрзб.] Праздника Рождества, я составил такое расписание на праздники: само Рождество в Екатеринбурге, Новый Год в Перми и праздник Трех Королей в Вятке, Пермь недовольна, почему [у них] не Рождество? я им объясняю, что в Екатеринбурге в два раза, а может и больше, прихожан, но трудно убедить, каждый приход хотел бы на праздники иметь у себя священника; это то, что касается праздника Рождества, а что касается Пасхи, то уже не знаю, как и распорядиться. Я должен просить Вас, Ваше Высокопреосвященство, чтобы Вы назначили, где мне быть во время Святой недели и Пасхи.

Теперь все время я в разъездах: так как больше всего прихожан теперь в Екатеринбурге, поэтому два раза теперь езжу в Екатеринбург, раз в месяц в Вятку и Пермь; постоянного жилья не имею нигде, в церкви занимаю одну комнатку, обедаю у прихожан, сам готовлю, а также и сам должен прибирать в храме и даже и звонить на мессу, потому что некому, т[о] е[сть] у меня нигде нет ни сакристиана, ни органиста.

Поскольку сейчас метрические книги ведутся на латинском языке, поэтому я бы просил выписать мне формы, подтверждающие соответствие экстрактов с подлинными книгами, а также, как по латыни надо вписывать в метрические книги русские имена напр[имер] «Любовь, Надежда, Вера»⁵⁸ и т[ому] п[одобное].

Прошу прощения, что утруждаю Вас своими письмами.

Заканчивая письмо, присоединяю выражения почтения и уважения и еще раз добавляю, что не навязываю себя, что касается Челябинска.

Слуга О. Фр. Будрис

На полях неуставленной рукой: «Сообщено [?] ли ему о назначении в Челябинск о. Будриса? [Подпись нрзб.]».

Внизу листа неуставленной рукой: «Соликамская ул. 36 кв. 2».

⁵⁸ Имена в кавычках написаны по-русски.

II. Письмо о. Ф. Будриса архиеп. И. Цепляку. 18.12.1921.

+
Глубокоуважаемый Архипастыр!

15 декабря [сего] г[ода] телеграммой из Челябинска я был вызван местными прихожанами, чтобы как можно быстрее приехать к ним. Я был также в Екатеринбурге. 16 [сего] м[есяца] вечерним поездом я выехал в Челябинск. По приезде я застал в церкви четыре трупа, троих из них убили грабители и один умер от тифа. Был убит бывший синдик, который наиболее содействовал постройке храма и содержанию храма. После отъезда о. Пашкевича (он выехал 8 декабря) уже умерло 9 человек. Когда я приехал, прихожане очень обрадовались и хотели совсем меня задержать, однако, имея еще другие приходы, я не мог на это согласиться, тем более что без разрешения Вашего Высокопреосвященства. Нужда в постоянном священнике в Челябинске – настоятельная, потому что католиков осталось довольно много: поляков и литовцев в городе и окрестностях будет около 3 тысяч, немцев также будет столько, а кроме того нет священника ни в Кургане, ни в Златоусте, Троицке, Кустанае. В течение нескольких дней я был вызван к 5 больным: к двоим в городе и к трем за город.

Осмеливаюсь выдвинуть такое предложение: Челябинский приход довольно состоятельный, может обеспечить полное содержание священнику (они мне всерьез обещали на одежду 18 т[ысяч] р[ублей]), поэтому в Челябинске может постоянно жить один священник и ему дать в помощь священника, который бы знал более-менее немецкий язык, потому что много католиков немцев-колонистов; тогда, когда будут два священника, один из них должен постоянно ездить (могут меняться). Таким образом, более-менее удалось бы удовлетворить религиозные нужды остальных католиков: в Перми, Екатеринбурге, Кургане, Златоусте, Троицке и Кустанае, и это было бы менее утомительно и для священника, потому что, один другого заменяя в разъездах, мог бы немного и отдохнуть. Опять же, с другой стороны, должен быть священник помоложе, который бы не ленился ездить в сегодняшних условиях, а езды будет много.

Очень прошу прощения, что осмеливаюсь выдвигать предложение, однако меня к тому принуждает желание удовлетворения религиозных нужд католиков.

Если Ваше Высокопреосвященство дали бы мне какие-нибудь распоряжения телеграфом, то посылаю план моих разъездов на время праздников: с 23 до 29 Екатеринбург, с 30 декабря по 4 января Пермь, с 5 января по 12 Вятка, с 14 января по 18 Екатеринбург и с 19 до 25 Челябинск и из Челябинска в Пермь.

Заканчивая письмо, прошу Глубокоуважаемого Архипастыря о благословении.

Нижайший слуга о. Фр. Будрис
18/XII 1921 г.
г. Челябинск

P.S. Число прихожан сообщил со слов оставшихся прихожан.

Вверху слева, неуставленной рукой: «Нужно [2 нрзб.] Челябинск] – Златоуст, Курган и [1 нрзб.] ([2 нрзб.])».

12. Письмо о. Ф. Будриса к вице-канцлеру курии о. Д. Иванову. 22.06.1922.

22/VI 1922 г.
г. Челябинск.

+
Уважаемый отец!

Ваше письмо от 1/VI я получил в Челябинске, однако оно мне мало объяснило, так как я не понимаю из него, должен ли я заведовать только Челябинском, или также и Курганом и Златоустом, поэтому я бы просил о пояснении. Прошу также о уведомлении, как долго должен оставаться Челябинск без постоянного настоятеля, потому что мне это нужно для расчета своих разъездов, так как кроме самого города Челябинска обязательно надо посетить и немецкие колонии, а это занимает времени по меньшей мере три недели. Желательно, чтобы новоназначенный в Челябинск настоятель знал немецкий язык, потому что немцев около 2 тысяч.

Если настоятеля не будет долго, то в любом случае постараюсь каждый месяц приезжать в Челябинск, в противном случае прошу уведомить меня телеграммой, [3 нрзб.]. Теперь передаю приблизительный план своих разъездов: с 14 июня до 30 Челябинск, с 30 – 4 июля Златоуст, с 6 – 12 июля Курган, с 13 – 18 июля Челябинск, с 19 – 1 августа Екатеринбург, от 2 – 10 августа или с 10 – 17 Тюмень, с 18 – 30 Екатеринбург, 31 до 9 сентября Челябинск, с 9 – 30 немецкие колонии, 30 до 4 октября⁵⁹ Челябинск⁶⁰ и [1 нрзб.] [л. 71 об.] с 5 – 18 октября Екатеринбург, с 19 – 25 Пермь, с 26 – 3 ноября Екатеринбург, с 3 – 15 Челябинск, 16 – 22 Курган, 23 – 30 Челябинск, с 1 – 14 Екатеринбург.

[...]

Прошу также прислать, если это возможно, «*facultates*»⁶¹, образки Св. Розария, скапулярии: кармелитанс[кий] Непороч[ного] Зачат[ия], Св. Сердца Иисуса, а также и парочку[?] Св. Франциска⁶².

[...]

Корреспонденции прошу присылать в Екатеринбург. Очень прошу прощения, что так надоедаю моими письмами. Заканчивая письмо, присоединяю выражения самого глубокого почтения и уважения.

Слуга о. Фр. Будрис

13. Письмо о. Ф. Будриса к прелату С. Пржирембелю. 25.05.1923.

25/V 1923 г.
г. Екатеринбург.

+
Глубокоуважаемый о. Прелат!

На днях я узнал, что Вы, уважаемый о. Прелат, управляете нашей Архиепархией. Поэтому обращаюсь с нижайшей просьбой. Хотелось бы в этом году летом поехать на Родину, чтобы навестить своего старого отца (ему 75 л[ет]), которого я не видел больше 10 лет, и как видно из его писем в последнее время, у него уже часто бывает плохо со здоровьем и он бы обязательно хотел встретиться со мной. Умоляю Вас, уважаемый о. Прелат, дать мне отпуск на 2–3

⁵⁹ Далее зачеркнуто: Екатеринбург

⁶⁰ Вписано над строкой.

⁶¹ полномочия (лат.).

⁶² На полях помета неизвестной рукой: «Полное отсутствие»

месяца в Ковенскую губ[ернию] г. Студыги. Поскольку кроме[?] ⁶³ разрешения Вашего, уважаемый о. Прелат, еще нужен и заграничный паспорт, а чтобы достать паспорт, это потребует нескольких недель, поэтому прошу об ответе побыстрее. 12 июня выезжаю в Тюмень и Тобольск, где останусь до июля, а потом еду в Пермь. Перед выездом на объезд приходов хотелось бы обратиться с заявлением о паспорте в местный Исполком ⁶⁴. Во время моего отсутствия несколько раз Екатеринбург мог бы навестить Челябинский настоятель.

К моей просьбе присоединяю выражения самого глубокого почтения.

Слуга о. Фр. Будрис,
Пермский Декан.

**14. Письмо о. Ф. Будриса к неизвестному священнику в курию
(вероятно, к о. С. Пржирембелю). 06.08.1924.**

+
Глубокоуважаемый Отец!

От предполагаемой поездки на родину я отказываюсь, хотя мне очень хотелось повидаться с отцом, однако меня задержала неуверенность в возвращении, подожду будущего года. О. Алексей ⁶⁵ был переведен в Тобольск, однако я не знаю, останется ли он там; я в Тобольск выезжаю 20 августа и напишу обо всем.

Какие facultaty имеет о. Алексей? Если он останется в Тобольске, имеет ли он право исполнять все функции настоятеля?

Прошу об ответе в Тобольск, потому что я там останусь до 10 сентября.

Заканчивая письмо, присоединяю выражения самого глубокого почтения.

Слуга О. Фр. Будрис
6/VIII 1924 г.
г. Екатеринбург.

ЛИТЕРАТУРА

Мосунова Т.П. Под покровительством Св. Анны: К 120-летию основания прихода римско-кат. церкви г. Екатеринбурга. Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1996. С. 18–19.

Мосунова Т.П. Последний пастырь эпохи гонений // Свет Евангелия. 2004. № 12–13 (458–459), 21–28.03.

О. Франциск Будрис / Без подписи // Церковный календарь на 2003 год. Зерно из этой земли...: Мученики Католич. Церкви России XX века / ред. Б. Чаплицкий. СПб., 2002. С. 115.

Обухов Л. «Будриса объявили главарем» // Пермские поляки. Пермь, 2001. С. 66–73.

Попова Н. Воспоминание о храме [в г. Уфе] // Свет Евангелия. 2003. № 34 (431), 14.09.

Симонов В.В. Католическая церковь в Башкирии: История и современность. Уфа: Изд. центр «Орел», 2003. 64 с.: ил.

Филь С.Г. Губернские костелы и польская католическая община Тобольска // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея. 1997. С. 26–33.

Филь С.Г. Губернские римско-католические храмы Тобольска (1847–2000 гг.) // Филь С.Г. Польские страницы Тюменского краеведения. Тюмень, 2005. С. 59–118.

⁶³ Слово осталось ниже границы снимка, восстановлено по смыслу.

⁶⁴ Исполнительный комитет.

⁶⁵ Зерчанинов, находившийся в ссылке.

Филь С.Г. Польский приходской костел в Тюмени // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея 1993. Новосибирск, 1997. С. 74–95.

Филь С.Г. Римско-католическая церковь Тюмени: История прихода // Сибирская католическая газета. 2000. № 11. С. 18–19; № 12. С. 29–30.

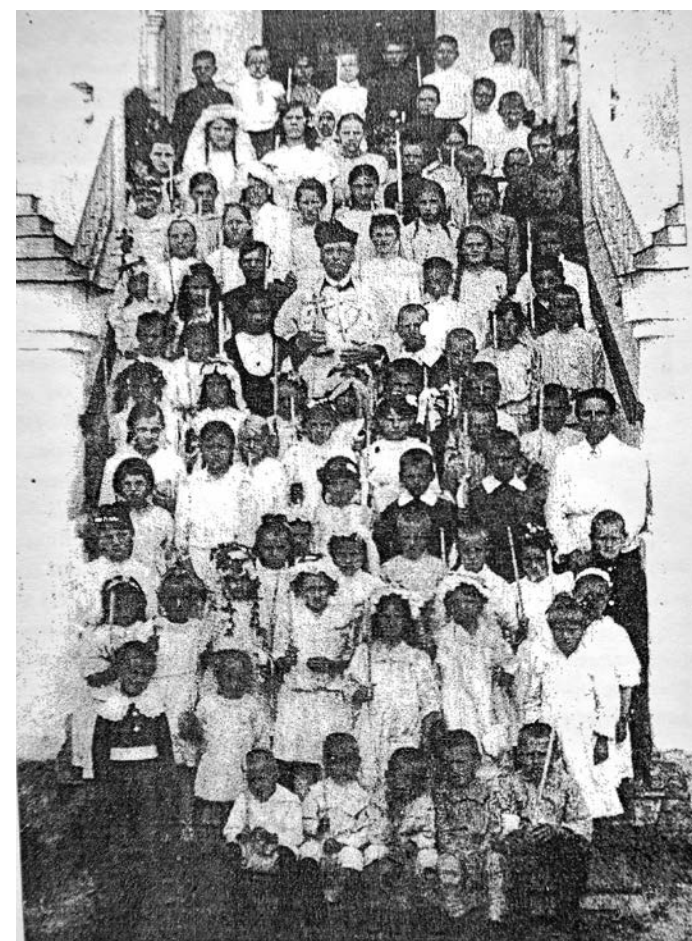
Филь С.Г. Римско-католический приход св. Иосифа в Тюмени (минувшее и настоящее). Тюмень: Вектор Бук, 2004. 88 с.: цв.ил.

Чаплицкий Б., Осипова И.И. Книга памяти. Мартиролог Католической Церкви в СССР. М., 2000. С. 35.

Dzwonkowski R. Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR 1917–1939: Martyrologium. Lublin, 1998. S. 179.

Также использованы материалы архива постулатуры и РГИА.

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

После торжественного Первого Причастия детей в храме в Шимске.
В центре – свящ. Ф. Будрис. 1920-е гг.

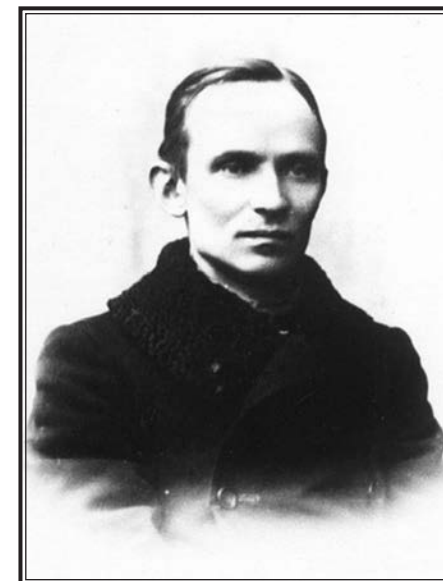

Свящ. Ф. Будрис во время прогулки с прихожанами Свердловска.
Выезд на озеро Шарташ. 1924 г.

«В 50-ю годовщину Январского восстания (1863-1864).
Слева направо: Феликс Юриневич, Иосиф Карнацевич, о. Франциск Будрис,
Александр Малиновский, Станислав Борковский, Франциск Юриневич. Тюмень. 1913 г.
Перевод с польского языка подписи на обороте фотопортрета.

СЛУГА БОЖИЙ СВЯЩ. ЯН ТРОЙГО

1881-1932

БИОГРАФИЯ

Ян Янович⁶⁶ Тройго родился 28 (17 по старому стилю) декабря 1880 г. в колонии Поргалино, прихода Домброва, Сокульского уезда Гродненской губ. в семье крестьянина. Учился первоначально дома. В августе 1892 г. поступил в первый класс Гродненской гимназии, остался на второй год в третьем классе, августа 20 дня 1897 г. выбыл из гимназии по прошению его опекуниши Вольской, по домашним обстоятельствам. Учился, при отличном поведении, не очень хорошо: за 1896/97 учебный год получил единственную оценку «4» («хорошо») по истории, остальные – тройки и двойки («удовлетворительно» и «не совсем удовлетворительно»), причем греческий и латынь пересдавал после каникул.

В мае 1900 г. поступил в Санкт-Петербургскую Римско-католическую Духовную Семинарию, для чего получил свидетельство о благонадежности.

⁶⁶ Родным языком Тройго был польский. По-польски его имя звучит как Ян. В документах, относящихся к его учебе и к службе в курии, его имя было русифицировано и звучало традиционно для священников-русских: Иоанн. В документах, составленных советскими органами, следователями и т.д., оно звучало просто как русское имя: Иван. В дальнейшем мы будем пользоваться именем Иоанн.

14 сентября 1904 г. Тройго окончил четыре курса семинарии, где «при отличном поведении, оказал отличные успехи в науках, в числе коих выдержал испытание из полного курса Русского языка и Отечественной Истории». Он сразу поступил в Римско-католическую Духовную Академию, учился хорошо при отличном поведении, был рукоположен 10 августа 1906 г. в Вильно епископом виленским Эдуардом фон Роппом и окончил Академию 30 мая 1908 г., будучи священником и кандидатом богословия (экзамен состоялся 29 мая 1907 г.).

2 августа 1908 г. митрополит назначил о. Иоанна законоучителем Закона Божия римско-католического исповедания в Могилевской мужской гимназии и в реальном училище, 25 февраля 1909 г. – также в могилевских частных гимназиях Лучины (мужской) и Залеской (женской), по приглашению учебного начальства, 9 марта – в могилевской частной женской гимназии Коссович, также по приглашению учебного начальства.

В конце марта 1909 г. и в середине апреля 1910 г., в пасхальные каникулы, о. Иоанн с разрешения митрополита ездил в Петербург по личным делам, летом 1909 и 1910 гг., на каникулах, ездил в отпуск, вероятно, на родину.

В дополнение к предыдущим назначениям, 23 февраля 1910 г. митрополит назначил о. Иоанна законоучителем могилевского Коммерческого училища.

14 июня 1910 г. митрополит начал процедуру переписки с государственными властями о назначении о. Тройго преподавателем Могилевской архиепархиальной римско-католической Духовной семинарии. 21 июля назначение состоялось, причем о. Тройго был освобожден от всех прежних должностей. Он также работал библиотекарем семинарии, получая за все 500 руб. в год.

Работая в семинарии, о. Тройго ездил в отпуск «внутри Империи на время каникул» летом 1911 г., летом 1912 г., на пасхальных каникулах 1913 г. Также в 1913 г. о. Иоанн получил разрешение на заграничный отпуск для лечения в г. Ахен (18 июня – 31 июля). Но проблемы со здоровьем нарастали («сильное воспаление вен на почве ревматизма»), поэтому в 1914 г. о. Иоанн получил уже более длительный отпуск для лечения, на курорт Пиштиан (Pistyen) в Венгрии, с 1 мая до конца августа, и 200 руб. пособия. Когда срок его пребывания на курорте подходил к концу, началась Первая мировая война. Вероятно, возвращение в Петербург было для о. Иоанна связано с трудностями.

Возможно, в связи с заболеванием управляющий Могилевской архиепархией еп. И. Цепляк перевел о. Иоанна на другую работу, не связанную с необходимостью много стоять, и 10 сентября 1914 г. назначил его в митрополичью канцелярию – исполняющим обязанности письмоводителя при митрополите, с вознаграждением 250 руб. в год. Вскоре, 19 сентября, о. Иоанн получил предписание преподавать Закон Божий римско-католического исповедания в петроградских женских гимназиях – Александровской, Екатерининской и императрицы Марии Александровны, а 22 сентября – в «Петроградском учебном заведении 1 разряда Валерии Петровны Лазаревой», что давало ему дополнительные средства – поурочное вознаграждение.

Известно, что, по крайней мере, в 1914 г. о. Тройго был членом правления Петроградского римско-католического общества охранения женщин, созданного для помощи женщинам, ищущим в столице знаний и занятий, а также беженкам.

Летние каникулы 1915 г. о. Иоанн провел в Полтаве. Также он получил отпуск летом 1916 г. Больше сведений об отпусках не имеется.

В 1916–1917 гг. о. Тройго был редактором-издателем выходившего в Петербурге двухнедельного журнала «Церковная жизнь», который заменил существовавшие с 1909 г. «Архиепархиальные ведомости».

Продолжалась Первая мировая война, количество беженцев из западных губерний России нарастало, в Петроград прибывали раненные из районов боевых действий. 16 марта 1917 г. Петроградский Отдел Особой Комиссии Верховного Совета по призрению семей лиц, призванных на войну, просил управляющего Могилевской архиепархией еп. И. Цепляка о назначении римско-католических священников для удовлетворения духовных нужд увечных воинов-католиков, помещавшихся в убежищах Отдела. Обязанностью назначенных священников было посещение убежища не реже одного раза в неделю, для духовно-нравственного собеседования и исполнения духовных треб (вознаграждение – 25 руб. от каждого убежища в месяц). 21 марта еп. Цепляк назначил о. Тройго окормлять увечных воинов-католиков, находившихся в убежищах на Моховой улице, д. 10, в Демидовом переулке, д. 18 и на Гороховой улице, д. 57/81.

После прихода к власти в России большевиков и окончания Первой мировой войны беженцы начали уезжать из Петрограда и губернии, возвращаясь в свои родные края. Бывшая Российская империя – «тюрьма народов» – распадалась. Вместе с беженцами уезжали поляки, литовцы, латыши, представители других национальностей, а также священники. Некоторые священники желали возрождения своей национальной государственности (польской, литовской и т. д.), но большинство уезжало потому, что подвергалось преследованиям. Поэтому архиепископ был вынужден поручать окормление прихожан оставшимся священникам. Так, о. Тройго 6 сентября 1918 г. получил от архиепископа-митрополита Эдуарда фон Роппа предписание отправиться на станцию Струги Белые (ныне Струги Красные) Петроградской губернии для исполнения треб в тамошнем приходе.

В 1918–1920 гг. о. Тройго участвовал в собраниях священников Петрограда, обсуждавших текущее положение дел в архиепархии и способы сопротивления распоряжениям большевистской власти.

Предвидя свой скорый арест, митрополит Ропп в начале 1919 г. передал свои функции архиеп. И. Цепляку и назначил пять священников, которые могли бы стать администраторами епархии по очереди, в случае ареста предыдущего. 29 апреля митрополит был арестован (и 17 ноября 1919 г. выслан из страны)⁶⁷. Арест архиепископа вызвал волну протестов католиков. 25 мая в Петрограде прошло стихийное шествие католиков от храма Святой Екатерины к зданию на Гороховой ул., д. 2, где располагалась Петроградская Чрезвычайная комиссия. О. Тройго участвовал в этом шествии и по окончании сделал распоряжения, чтобы участники мирно разошлись⁶⁸.

Известно, что после ареста архиеп. Роппа о. Иоанн писал ему в тюрьму, время от времени пользуясь каким-то способом, чтобы передать письмо. К сожалению, оригиналы текстов, если они сохранились в государственных архивах России, ныне недоступны. Существует книга большевика, активного деятеля Союза воинствующих безбожников Яна Островского, поляка по национальности,

⁶⁷ Архиепископ фон Ропп выехал из России, не имея в дальнейшем возможности вернуться.

Управляющим Могилевской архиепархией, а затем архиепископом стал его бывший викарный епископ Иоанн Цепляк.

⁶⁸ Ostrowski J. Zza kulis kurii biskupiej w Leningradzie. M., 1929. S. 134–137.

«Из-за кулис епископской курии», где, после вступительной статьи – антирелигиозного памфлета, «разоблачающего» деятельность католических священников в Петрограде, помещены «дневники» о. Тройго и его переписка с архиеп. Роппом⁶⁹. Тексты эти, очевидно, были обнаружены при последнем аресте, в 1927 г., потому что в документах процесса 1922–1923 гг. о них нет ни слова. И записи о. Тройго, и переписка относятся к 1919–1922 гг. Но возникает вопрос: если записи и письма архиепископа могли храниться у о. Тройго, а письма о. Тройго, заканчивая последней датой до отъезда Роппа в Польшу – 12 октября, могли быть у архиепископа отобраны в тюрьме или при отъезде, – то каким образом оказались в распоряжении следствия более поздние письма о. Тройго, которые он, как указывал во вступлении, отправлял тайно? Возможно ли, чтобы о. Тройго, зная об арестах и обысках, хранил черновики своей корреспонденции? Кроме того, мы не знаем, в какой степени тексты записок и писем подверглись сокращениям или изменениям. Но следует заметить, что, даже опубликованные в том виде, в каком мы их сейчас читаем, записи о. Тройго в корне противоречат памфлету Я. Островского. Написанные живым, богатым языком, они показывают верность о. Тройго, других священников и мирян делу Церкви, стойкость в испытаниях, рассудительность, способность сопротивляться давлению властей, намерение выстоять в испытаниях. Подробности, приведенные в них, слишком сложны, слишком переплетены между собой, чтобы кто-то посторонний мог нарочно выдумать их.

2 апреля 1920 г. был арестован и провел три недели в тюрьме управляющий Могилевской архиепархией архиеп. И. Цепляк. Католики Петрограда были возмущены этим и требовали его освобождения. Протест прихожан был мирным, однако власти воспользовались этим, чтобы спровоцировать столкновение и обвинить во всём католиков. 6 апреля один из пяти назначенных заместителей, прелат Антоний Малецкий, во время встречи священников прочел им рекомендации митрополита Роппа и объявил, что, по воле митрополита, в вопросах, касающихся управления Церковью, он будет консультироваться с отцами Будкевичем и Тройго.

В качестве помощника прелата Малецкого, а также, по-видимому, благодаря качествам своего характера о. Иоанн был несколько раз командирован для участия в драматических событиях, происходивших в Петрограде, когда советские органы власти целенаправленно стремились оболгать, лишить возможности служения и церковного имущества, и, в конечном счете, уничтожить Католическую Церковь в столице и во всей России.

13 апреля о. Тройго было поручено расследовать подробности происшествий, имевших место в храме Святой Екатерины в Петрограде 11 и 12 апреля.

«ЕГО ВЫСОКОПРЕПОДОБИЮ
Г. УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОГИЛЕВСКОЙ АРХИЕПАРХИЕЙ
Р.-Католич. священника
Иоанна ТРОЙГО

РАПОРТ

Согласно поручению Вашего Высокопреподобия от 13 сего Апреля за № 521, расследовать подробности происшествий, имевших место в Костеле Св. Екатерины в Петрограде 11 и 12 сего Апреля, мною произведен опрос

⁶⁹ Ostrowski J. Zza kulis kurii biskupiej w Leningradzie. М., 1929.

многочисленных свидетелей, находившихся в эти дни в названном Костеле и бывших очевидцами всего там происходившего.

Из показаний свидетелей выяснилось нижеследующее:

11 Апреля, на торжественное дневное богослужение, в костеле Св. Екатерины собралось народа больше обыкновенного и из разных приходов, так как все католики Петрограда были взволнованы и возбуждены происшедшим недавно (в ночь на 2-е Апреля) арестом Заместителя Могилевского Р.-Кат. Митрополита, Высокопреосвященного Иоанна ЦЕПЛЯКА и все желали узнать, от высланных ими в разные Правительственные Учреждения делегаций, о результатах их ходатайства. Поэтому, после упомянутого богослужения присутствовавшие ждали перед костелом, на паперти и прилегающей площади, что им сообщат делегаты. Так образовалось довольно многочисленное собрание. По словам свидетелей, некоторые из участников собрания, во избежание недоразумений и неправильных предположений относительно целей собрания выставили плакат с надписью: «Мы, католики, требуем освобождения нашего Епископа». На собрании говорило довольно много лиц, на мои вопросы, не было ли каких-нибудь политических, а тем более антиправительственных или контрреволюционных речей, все опрошенные мною участники собрания бы дали отрицательный ответ, категорически заявляя, что все ораторы говорили только об аресте и стараниях об освобождении Епископа. Равным образом все свидетели категорически утверждают, что среди собравшихся католиков не было ни у кого оружия. Во время собрания два раза являлся представитель Милиции спрашивая, имеется ли разрешение на устройство митинга, причем в первый раз ему ответили, что это не митинг, а собрание для заслушивания отчета делегатов, и, что одной из делегаций тов. Трилиссер заявил, что они могут сообщить народу то, что им он передавал; при вторичном обращении представителя Милиции ему указали, что собравшиеся не имеют другого, более удобного места для собрания, а в костеле ни разговаривать, ни устраивать собраний нельзя. Впрочем собравшиеся начали сейчас же понемногу расходиться, так как к этому времени отчеты были закончены и принята резолюция и дан наказ делегатам. В это время Милиция начала рассеивать собравшихся, предлагая расходиться. Часть собравшихся разошлась по домам, часть же с пением молитвы направилась в костел, двери которого, закрытые после дневного богослужения, к этому времени были уже открыты для обычного вечернего богослужения, которое должно было начаться через 15 минут, именно в 5 часов. К вечернему богослужению собралось довольно много народа. Несмотря на то, что Милиция, после окончания собрания, не оставила площади перед костелом и старалась мешать входить в костел приходящим на богослужение, многим однако удалось проскользнуть и войти в костел. Вышедших из костела милиционеры задерживали, требуя предъявления документов, и некоторых арестовывали. Во время вечерни в костел вторглись трое людей с револьверами в руках, из которых один был высокого роста, худой и бледный казавшийся сильно взволнованным громко закричал: «Граждане, выходите». Кучка близ стоящих женщин окружила его, прося уйти и не мешать молящимся. Он отошел к двери, однако несколько времени спустя вторично вошел крича чтобы все расходились. и угрожал стрелять, после он в третий раз прокричал: «Граждане предупреждаю в последний раз, расходитесь». Сопровождавший его какой то в штатском, говоривший по-польски, метался в это время по костелу заглядывая на хоры и

ругаясь. Третий стоял у дверей. Некоторых узнали в них служащих Чрезвычайной Комиссии. По указанию многих свидетелей двое из упомянутых лиц вели себя особенно грубо и не подобающим образом, хотя входя в храм сняли шапки. Их крики, ругань и угрозы производили в костеле панику и даже те, которые хотели выходить из костела, боялись выйти. Помимо этого во время всего богослужения отдельные милиционеры входили в костел, вытаскивая молящихся, находившихся близ дверей, выбирая по преимуществу мужчин. Под конец богослужения, толпа в 20-30 вооруженных преимущественно револьверами ворвалась в костел и начала выгонять молящихся. При этом милиционеры ругались, толкали, били, угрожали стрелять, приставляя револьверы к грудям. Свидетели указывали, что на полу в костеле лежали в бесчувственном состоянии и в разорванных платьях женщины. Многие испугавшись криков и угроз расстрела, падали на пол и милиционеры пытались вытаскивать их из костела. Бесчинства нападавших и милиции прекратились только тогда, когда пришедшему к этому времени кс. Ивицкому удалось уговорить тов. Кишкина вывести милицию из костела. По выходе людей из костела и вынесении находившихся в бесчувственном состоянии, двери костела были закрыты. На паперти был составлен находившимся там представителем Петроградского Совдепа тов. Каплуном протокол, подписанный им и кс. Ивицким. Протокол составлен поверхностно и без спроса присутствовавших. Пробовали было составить список пострадавших, но удалось записать только несколько человек, которые тут же находились. Во время этого происшествия арестовано несколько сот человек из среды молящихся, часть из них после отпущена на свободу.

В общем из опроса многочисленных свидетелей я пришел к следующим выводам:

1) собрание после богослужения, многочисленное обыкновенных, наблюдавшихся каждое воскресенье перед костелом, произошли исключительно из желания верующих узнать от делегатов о результатах хлопот об освобождении Епископа. При том никто из участников не думал, законно оно или нет. Никаких вопросов или речей, кроме интересовавшего всех вопроса о судьбе Епископа не произносилось.

2) собрание произошло в общем спокойно. Никаких эксцессов со стороны милиции, ни арестов среди участников собрания не было.

3) Нападение на костел и бесчинства в костеле и аресты имели место, при близительном, полчаса – час после окончания собрания, причем никакого повода к нападению молящиеся не давали. Собрание, имевшее место ранее послужило, по-видимому, предлогом для нападения.

4) Несомненен факт, что милиция, на которой лежит обязанность поддерживать порядок на улице, с представителями Чрезвычайной Комиссии во главе вторглась в костел во время богослужения и учинила там формальный погром, принудительно удаляя и вытаскивая молящихся, ругаясь, крича, угрожая расстрелами и избивая.

5) Подобные поступки являются поруганием Святыни в самой грубой форме и издевательством над религиозными чувствами верующих.

6) Несомненно вполне корректное поведение молящихся. Никто даже не защищался. Выйти из костела было почти невозможно, так как единственный выход был занят вооруженной, разъяренной толпой милиционеров, а на паперти производились аресты.

Когда 13 Апреля, мною производился опрос свидетелей воскресного происшествия в костеле Св. Екатерины, явился какой то человек и вручил под расписку адресованное на имя Настоятеля Римско-Католической церкви, просп. 25 Октября, отношение Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, от 12 Апреля за № 3564. Из этого отношения видно, что руководителями Милиции в происшествиях имевших место 11 апр. в костеле Св. Екатерины, были представители Чрезв. Коми. но самый факт происшествия, не говоря об измышленных речах побуждавших к активному выступлению против Советской Власти, произносимых, якобы, на собрании, представлен в столь извращенном виде, что виновники погрома в костеле, представлены здесь пострадавшими, молящиеся же люди оказались вооруженными и оказывающими сопротивление «пуская в ход кулаки, ножи и палки». отношение это находится в противоречии даже с протоколом, подписанным, на месте происшествия, тов. Каплуном; при чем тогда оказалось множество пострадавших среди молящихся, и никто из нападавших (милиции и предст. Ч.К.) не заявил о получении им ушибов или ранений. Вообще, приведенное отношение производит впечатление, что Ч.К. пытается путем решительного и смелого извращения фактов создать видимость своей невинности и обвинить за одно ею же избитых и арестованных ни в чем не повинных людей.

При сем прилагаю: 1 – Протокол составленный на месте происшествия и подписанный кс. Ивицким и тов. Каплуном, как представителем Петрогр. Совдепа.

2 – Копию отношения Ч.К. от 12 апр. за № 3564

3 – Протоколы свидетельских показаний опрошенных мной очевидцев происшествий.

[подпись] Кс. Тройго
Петроград, 15 Апреля 1920 года.»

3 мая 1919 г. о. Иоанн был назначен канцлером Курии (для советских властей, которые требовали оформлять удостоверения личности служащих, это звучало как «секретарь Могилевского архиепархиального управления»).

Наступление на Церковь продолжалось, возникали все новые провокации. 17 мая того же года о. Иоанну было предписано присутствовать на похоронах на Успенском православном кладбище в Парголово останков покойников, изъятых из склепа храма Посещения Пресвятой Девой Марией Святой Елизаветы (на Выборгском католическом кладбище).

«ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
Г-ну Заместителю Могилевского Архиепископа Митрополита
Католического священника Иоанна ТРОЙГО
РАПОРТ

Согласно предписания Вашего Высокопреосвященства от 18-го сего Мая, я присутствовал при похоронах на Успенском кладбище в Парголово останков умерших, временно покоившихся, впредь до перевезения их в родные края, в склепе Петроградского костела Посещения Пресвятой Девы Марии, что на Выборгской стороне по Арсенальной улице № 8. Похороны совершились в течение трех дней 18, 19 и 20 сего Мая, по распоряжению Петроградской Губернской Чрезвычайной Комиссии. Не имея возможности быть все это вре-

мя в Петрограде, я просил кс. Ф. Рутковского присутствовать 19 Мая, но вместо него был викарный названного костела кс. Владислав Мажонович, а 20 мая кс. Михаил Бутенис, имевшие письменное полномочие заместить меня.

Так как о предполагавшихся похоронах не было сделано никакого оповещения, местное же духовенство узнало о времени и месте похорон только когда начали нагружать гробы в вагоны, притом настоятель костела Посещения Пресвятой Девы Марии кс. Петр Янукович, в связи с предполагавшимися похоронами был заранее (14 мая) арестован по распоряжению Ч.К., то почти никто из родных не мог присутствовать при похоронах.

Когда после прибытия в Парголово 18-го Мая, где уже находился прибывший ночью поезд с останками покойных, несколько лиц из случайно узнавших о похоронах родных обратились к присутствовавшему представителю Ч.К. гр. Монтвилло с вопросом, почему похороны совершаются без оповещения родных, то названный представитель Ч.К. пытался ответственность за это сложить на местное духовенство, на мое же возражение, что Ч.К. не озаботилась своевременно оповещением о предстоящих похоронах даже местное духовенство и что духовенство не имеет в своем распоряжении газет – представитель Ч.К. ничего не ответил.

После прибытия комиссара по кладбищам гр. Габера, выяснилось, что родные могут похоронить своих покойников на католическом кладбище в отдельных могилах, остальные же будут похоронены в общей могиле уже вырытой ближе к вокзалу на православном кладбище. Прежде предания земле все гробы по распоряжению Ч.К. будут вскрыты для проверки не хранятся-ли в них драгоценное имущество или оружие, причем, по заявлению комиссара по кладбищам, металлические гробы будут изъяты, а трупы положены в деревянные гробы. При этом выяснилось, что в зависимости от результатов ревизии гробов находится освобождение настоятеля костела кс. Януковича, подозреваемого в сокрытии в гробах каких-то предметов. На мое предложение составить протокол о происходящих похоронах, ком. Габер заявил, что таковой будет составлен, но присутствовать при составлении протокола меня не допустили и копия ни мне, ни замещавшим меня в другие дни священникам не была вручена.

Хотя самый вид гробов, при погрузке в вагоны сильно попорченных и поломанных, но запаянных, исключал всякие подозрения об использовании их для хранения посторонних предметов, что, по-видимому, разделяли и представители власти, тем не менее в начале все гробы ранее предания их земле вскрывались и проверялись представителем Ч.К. После за недостатком времени и отказом рабочих от беспечной работы, часть гробов была похоронена не вскрытыми. В первую очередь хоронили тех, чьи родственники лично присутствовали на кладбище. Такие гробы хоронили на католическом кладбище в отдельных могилах, всего там похоронено в течение 18, 19 и 20 Мая – 32 гроба, остальные же 86 гробов были похоронены в общей могиле, посвященной 19-го Мая кс. В. Мажоновичем. Похороненных в общей могиле было 86 гробов, (список лиц при сем прилагается). Из них не удалось выяснить, чьи были гробы только 20-ти, так как при перевозке были сорваны дощечки с надписями. Всего же перевезено и похоронено 118 гробов, причем, хотя по заявлению комиссара, все металлические гробы должны были быть изъяты – удалось это сделать только с 17 гробами, остальные же покойники оставлены в своих гробах, главным образом потому, что рабочие отказались перекладывать их в другие гробы.

Поскольку мне удалось выяснить из разговоров с представителями местных органов Власти, единственный разумный повод преждевременного погребения хранившихся в костельном склепе гробов – санитарный не был принимаем во внимание. В данном случае местные власти руководствуясь какими-то неразумными подозрениями и алчными побуждениями не остановились перед надругательством над покойниками бесцельно нарушая покой их останков.

[подпись] Кс. Тройго.
Петроград, Мая 21 дня 1920 года.»

14 июня того же года еп. Цепляк направил о. Тройго присутствовать при расследовании представителем Отдела юстиции Петросовета дела о расхищении имущества и поругании часовни при здании Римско-католической духовной академии, а также, в случае надобности, заявить от его, еп. Цепляка, имени протест против захвата храма.

В 1919–1923 гг. о. Иоанн также был членом Административного Совета Курии и председателем Хозяйственного Совета Духовной Коллегии.

Управляющий Могилевской архиепархией еп. Цепляк 31 декабря 1921 г. назначил о. Иоанна профессором Духовной семинарии. От этой обязанности он был освобожден 1 декабря 1922 г.

Поручения, которые о. Тройго получал от архиеп. Цепляка, становились все более сложными, требовавшими мужества, твердости, силы духа, самоотверженности. В 1922 г. наступление Советов на Католическую Церковь усилилось. Была сделана попытка отобрать храмы у верующих, предложив такие условия, которые католики не могли выполнить (см. об этом в статье о прелате К. Будкевиче). О. Тройго присутствовал на совещании 6 апреля у архиеп. Цепляка, в котором участвовали также прелат К. Будкевич, некоторые священники, адвокаты, представители польского посольства (польский консул из Гельсингфорса и первый секретарь посольства⁷⁰). На совещании обсуждалось усиление преследования Католической Церкви в России, изъятие церковных ценностей в пользу голодающих, статья 7-я Рижского мирного договора, не дававшая достаточных юридических оснований для серьезного вмешательства польского посольства в отношения Церкви и советского правительства, а также позиция Ватикана. Архиепископ был готов сопротивляться действиям советской власти вплоть до вынужденного закрытия храмов, но в данный момент это было политически невыгодно. На разъяснения представителей посольства архиепископ и священники выразили свое удивление, но вынуждены были согласиться с тем, что при переговорах с властями следует буквально придерживаться 7-й статьи Рижского мирного договора и стараться настаивать на ее выполнении противной стороной.

Архиеп. Цепляк 5 августа отправил о. Иоанна на переговоры: «Уполномочиваю Ваше Преподобие войти в сношение с Центральными гражданскими Властями в Москве, для урегулирования отношений католической церкви в России и гражданской Власти». Ему же было поручено составить проект договора о пользовании храмами, приемлемого для католиков и при этом не нарушающего основные декреты советской власти.

⁷⁰ Mikołaj Samson Himmelstjerna, Tomasz Morawski.

МУЧЕНИЧЕСТВО

В этот период католики пассивно сопротивлялись действиям властей, в надежде, что Святой Престол сможет договориться с правительством Советской России о возможности для верующих свободно исповедовать веру и отправлять культ. Все руководство архиепархии, уже фактически приговоренное к уничтожению, получило обвинительное заключение, хотя никакого суда еще не было. В заключении относительно о. Тройго и других священников было сказано: «...ОБВИНЯЮТСЯ в том, что с конца 1918 года по 5-е декабря 1922 года в гор. Петрограде по предварительному между собой соглашению образовали контр-революционную организацию, имевшую своей определенной целью, путем возбуждения прихожан, пользуясь религиозными предрассудками последних, противодействие и сопротивление законам и постановлениям Рабоче-Крестьянского Правительства и в частности Декрету Совета Народных Комиссаров от 23-го января 1918 г. об отделении церкви от Государства и последующих к нему узаконений и распоряжений, в том числе и декрету об изъятии церковных ценностей от 23-го февраля 1922 года, при чем, организация эта, зафиксировавшая свое явно враждебное отношение к Советской Власти в своих протокольных постановлениях, проводила в жизнь, путем пропаганды и агитации среди прихожан и с церковной кафедры принципы „провоочки“ неисполнения и уклонения от предписаний Советских Законов по церковным делам и вопросам, последствием чего были уклонения представителей всех Петроградских костелов от подписания договоров и расписок, согласно формы, установленной Народным Комиссариатом Юстиции на аренду церковных зданий, а также частичные противодействия изъятию церковных ценностей, имевшие место летом 1922 года в костелах Св. Екатерины, Св. Станислава и Св. Казимира в гор. Петрограде, то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 16, 62, 1-й частью 69 и 119 Уголовного Кодекса».

В декабре 1922 г. в Петрограде были закрыты все храмы. Открытие их ставилось в зависимость от подписания незаконных, с точки зрения Канонического права и юриспруденции, «договоров» не с церковноначалием, а с прихожанами. Вслед за этим архиеп. И. Цепляк, 14 священников, в том числе о. Тройго, и один мирянин были вызваны в начале марта 1923 г. на судебный процесс в Москву. Первоначально священники разместились, по распоряжению московского декана Зелинского, в квартирах поляков, в двух домах в Милютинском пер., и несколько дней отдыхали и принимали посетителей, однако 15 марта были арестованы и помещены в Бутырскую тюрьму. 21–26 марта 1923 г. в Доме Союзов (бывшем здании Дворянского собрания) прошел судебный процесс (см. об этом в статьях о еп. А. Малецком и о прелате К. Будкевиче). О. Иоанн, по свидетельству очевидца, выглядел так: «сломленный болезнью, хромым, ссылался на свое письменное объяснение, приложенное к делу». Согласно другому свидетельству, исходящему от чрезвычайно враждебного Церкви и клиру автора книги о процессе над еп. Цепляком и др., «Тройго был сотрудником епископской канцелярии. Постоянное отирание о знатные пурпуры оставило на его облике и характере неустрашимые следы. Личность, действительно достойная жалости, так мало в ней человеческого достоинства. Когда ему задают вопрос, поспешно срывается с места, кланяется почти в пояс, дает показания голосом, так полным почтительности и страха, как если бы выслушивал

епископские распоряжения. Представляется, что этот человек никогда уже не сможет выпрямить спину и говорить с другим человеком, как равный с равным. Типичный случай забитого прислужника духовной аристократии». По-видимому, нервная натура о. Тройго сильно страдала от несправедливости происходящего.

Последнее слово о. Тройго также было зафиксировано: «Священник Тройго в свое оправдание привлекает три аргумента, из которых, якобы, должно вытекать, что если бы даже он хотел, то не мог бы заниматься политикой и быть контрреволюционером. Во-первых, потому, что католическая церковь не может ожидать ничего хорошего от контрреволюции. Если при власти Советов и произошли некоторые „недоразумения“, то по крайней мере есть надежда на их улаживание. А в прошлом – известно, что было. Во-вторых – священники вообще не могут заниматься ни политикой, ни контрреволюцией, поскольку им это определено запрещают каноны. В-третьих – обвиняемый является поляком, польским подданным и как таковой „не мог вступать в российские дела“. Пока он пребывает в России, признает и выполняет местные законы».

Суд признал о. Иоанна виновным «в помощи Цепляку и Будкевичу в их преступлениях, в отказе в исполнении законов, в агитации против советской власти, что выразилось в действиях, указанных в описательной части акта и предусмотренных в ст.: 68, 69 ч. 1, 119 и 121 Уголовного Кодекса».

26 марта 1923 г. о. Иоанн по постановлению Военного Трибунала был приговорен по ст. ст. 40, 68, 69-1, 119 и 121 УК РСФСР к трем годам тюремного заключения. Наказание он отбывал в Москве, в Сокольниковской тюрьме.

Польское министерство иностранных дел в письме 2 мая 1923 г. предлагало польскому послу в Москве предпринять шаги по освобождению о. Тройго как опланта (т. е. предполагалось, что он сменит гражданство России на гражданство Польши). Вероятно, такие шаги не были осуществлены, и о. Иоанн гражданство не менял.

В период пребывания о. Иоанна в тюрьме, 23 апреля 1923 г., экзарх российских греко-католиков о. Леонид Фёдоров, находившийся там же, с осуждением писал о нем митрополиту А. Шептицкому как об одном из «самых ярых представителей именно польского клира», и выражал желание, чтобы вслед за архиепископом были удалены из России священники-поляки, мешавшие, по мнению экзарха, греко-католической миссии среди русского населения. Однако уже 7 июня экзарх Фёдоров сообщил представителю католической миссии помощи голодающим в России о. Эдмунду Уолшу сведения о преследованиях католических священников в России, предоставленных ему канцлером Курии о. Тройго, а в письме 8 июня к о. Владимиру Абрикосову, находившемуся в Риме, называл о. Тройго наиболее информированным «по вопросу о большевиках».

23 мая 1923 г. в своей аллокуции⁷¹ папа Пий XI назвал имя о. Тройго наряду с именами архиеп. Цепляка и других священников, подвергшихся суду в Москве.

Через месяц прелат Антоний Около-Кулак писал в Варшаву председателю по репатриации Куликовскому о содержащихся в тюрьмах и лагерях в СССР священниках, которым необходимо помочь, упомянув среди других о. Тройго – «совершенно больного закупоркой вен».

⁷¹ Обращение папы римского к коллегии кардиналов с речью относительно какого-либо церковного или политического обстоятельства.

В «Памятной записке» польского посольства в Москве, составленной после 1 апреля 1923 г., рассказано об условиях содержания католических священников в московских тюрьмах. О. Тройго попал в Сокольническую тюрьму: «Священники с процесса Петербургского (13) заключены в исправительном доме в Сокольниках под Москвой. Они живут все вместе в одной камере, кроме свещ. Рутковского <...>. Жалуются на общий коридор с уголовниками. Встают утром в 6 часов и принудительно трудятся физически с 8 до 12 и с часу до 5 пополудни. Сначала имели право выбора работы, поэтому работали в аптеке, в амбулатории, в мастерских, но сейчас, вследствие ужесточения тюремного режима, уже не имеют выбора и принуждены работать в саду. Эта работа для них очень мучительна, как для людей, совершенно не привычных к физическому труду. <...> Как одно из следствий ужесточения тюремного режима, сейчас запрещены частые свидания, есть раз в неделю, в зале свидания по одному (Руководителю Папской миссии свещ. Уолшу до сих пор не разрешено навестить заключенных). Тюремные служители обходятся с заключенными священниками, по-видимому, хорошо, когда те платят им за это. Три раза в неделю получают они <священники> от о. Зелинского горячие обеды, а также продукты на следующий день, из которых на „примусе“ готовят себе обеды. О. Рутковский совершает у себя в камере ежедневно св. Мессу, другие священники имеют намерение делать то же самое, не ожидая даже разрешения тюремной администрации; на данный момент, однако, им недостает „литургических интенций“. <...> Присмотром за всеми заключенными священниками⁷² занимается о. декан Зелинский, который получает для этой цели деньги: 1-е. от прихода (в последние 2 месяца прихожане по поводу возрастающей дороговизны перестали подавать помощь), 2-е. от Папской миссии, которая дает продукты в натуре (муку, американский жир, сахар, какао, сгущенное молоко, кашу) и которая пожертвовала одномоментно 130 долларов по просьбе о. Зелинского; 3-е. из польского посольства 50 долларов ежемесячно. <...> Для приготовления обедов для о. архиепископа Цепляка и священников в исправительном доме в Сокольниках послал о. Зелинских двух монахинь с 14-й линии, из Петербурга, которые готовят обеды для заключенных и стирают их белье. Кроме того, частные лица, навещая заключенных священников, также часто приносят им продукты для пропитания. Все заключенные священники получают поровну продуктов и денег <...> три раза в неделю. <...> Администрация тюрем выдает заключенным три раза в день горячую воду и 12 граммов сахара, в 12 часов мясной суп, вечером кашу, сверх того 1 фунт черного хлеба. Все заключенные священники сильно нервничают, главным образом из-за неосведомленности о своей дальнейшей судьбе. Желанием их является возвращение в свои приходы, или, может быть, выезд на родину».

О. Тройго был освобожден 13 декабря 1924 г.

Вернувшись в Ленинград в январе 1925 г., он сразу стал администратором храма Святого Станислава. Также он был постоянным членом Курии.

13 января 1927 г. о. Иоанн вновь был арестован в Ленинграде, вместе с тремя другими священниками (Павлом Хомичем, Домиником Ивановым и Антонием Василевским) по обвинению в преступной связи с ксендзами и польскими представителями, а также за обучение детей в религиозном духе. Содержался в тюрьме на Шпалерной ул. Был обвинен в шпионаже в пользу

⁷² Т. е. за всеми во всех московских тюрьмах.

иностранных государств и заочно приговорен 18 июля 1927 г. Коллегией ОГПУ Ленинградского Военного округа по ст. ст. 58-10 и 122 УК РСФСР к пяти годам концлагеря (окончание срока 3 июля 1932 г.).

О. Тройго был отправлен на Соловки, куда прибыл 30 июля 1927 г. В июне 1929 г. переведен на о. Анзер. В лагере о. Иоанн служил Святые Мессы и исповедовал заключенных так же, как и другие священники. Кроме того, он был одним из старост «коммуны ксендзов» на о. Анзер, наряду с о. Павлом Хомичем. Это подтверждается показаниями многих людей, отбывавших заключение вместе с ним: прежде всего о. Хомича, затем о. А. Багратьяна, Ю.И. Рымашевского, о. Б. Савицкого, о. В. Дейниса, о. М. Шавдзиниса, зубного врача Шалацкого. О. Петр Барановский впоследствии говорил следователю: «Считаю себя как ранее, так и сейчас твердым защитником католицизма и никогда не могу быть и не буду сторонником Власти, которая что-либо предпринимает против Католицизма. С 1930 года я живу в коммуне ксендзов на о. Анзер. Никакими политическими вопросами, касающимися жизни Советской страны, я не интересуюсь, и интересоваться не буду. Если бы я сейчас имел возможность – я занялся бы интенсивным распространением католицизма. Я был все время членом тесно с собой спаянной группой ксендзов на командировке Троицкая. Организатором нашей коммуны был ксендз Тройго. Нас соединяла общая идея и Католицизм». К.К. Шикер подчеркивал: «Прежде всего могу сказать что главными руководителями коммуны ксендзов являются ксендзы: Новицкий, Тройго и Хомич. Они держали всех ксендзов в своих руках. Мне говорил Новицкий, что по программе, выработанной упомянутым советом ксендзов, происходили еженедельно общие собрания ксендзов и там велись диспуты и дебаты на религиозные темы, а также обсуждались организованно те или другие мероприятия сопротивления влиянию со стороны администрации. Когда присылали нового человека на командировку – созывали совет старейшин на тайное совещание (т. е. Хомич, Тройго и Новицкий)».

О. Тройго еще до того, как попал в лагерь, в течение многих лет был болен, у него были проблемы с сердечно-сосудистой системой, что, как мы увидим ниже, послужило одной из причин смерти. Несомненно, пребывание в лагере, унижения, плохое питание, постоянное нервное напряжение, тяготы лагерного быта подорвали его здоровье. Он числился инвалидом и, по-видимому, на общие работы не направлялся (нетрудоспособные заключенные обычно назначались дневальными, убирали бараки и т. п.). Из более позднего документа (см. ниже) известно, что к концу срока заключения он уже был болен расстройством нервов.

По окончании срока, в начале июля 1932 г., о. Тройго ожидал освобождения. Но вместо этого он подвергся одной из пыток, которые применялись к заключенным. Напряженно ожидающего освобождения человека не выпускали, арестовывали в лагере, следовало новое обвинение, следствие, суд и новый срок. Многие заключенные при этом тяжело заболели, были духовно сломлены.

В начале июля 1932 г. о. Иоанн был арестован в лагере по групповому делу католического духовенства на о. Анзер, которое обвинялось «в создании антисоветской группировки, ведущей антисоветскую агитацию, тайно совершавшей богослужения и религиозные обряды и осуществлявшей нелегальную связь с волей для передачи за границу сведений шпионского характера о по-

ложении католиков в СССР». На следствии о. Иоанн, судя по документам, держался мужественно. 6 июля он говорил: «За время моего пребывания в Соловках я имел связи в Ленинграде с нижеследующими лицами, прихожанами моего прихода по Мастерской ул. Д. 9: СУТУЛО, ПОДВИНСКИМ, ЖЕЛОБОВСКОЙ <...> и др.⁷³. Я потерял память и других фамилий не помню. Например, Подвинского не помню. Я получаю постоянно посылки от разных даже мне неизвестных лиц из прихожан-католиков, а также от Польского и Международного Красного Креста. За 5 лет я писал в среднем раз в месяц лицам, приславшим мне посылки или деньги. Мои письма были деловые, но я им в письмах советовал жить по-католически, придерживаться законам религии и благодарил за посылки. Все эти лица не были связаны со мной родственными узами, все люди чужие, просто католики <...>. Считаю себя глубоко убежденным твердым католиком и священником. Я готов за свои католические убеждения даже пожертвовать своей жизнью. Все директивы и предписания костела и папы – как его начальника обязательны для всех священников, в том числе и для меня. Булла „Quatragezimo Anno“⁷⁴ мне неизвестна, но если бы я ее получил, то ее выполнение для меня обязательно».

О. Иоанн особенно мучился оттого, что ему приписывались некие «дневники», якобы изъятые при обыске в его квартире и опубликованные. Он дал об этих «дневниках» такие показания: «Никакого дневника я, будучи ксендзом на воле и вообще в своей жизни, не вел. Было одно время, что я делал митрополиту Роппу доклады в письменном виде. Эти доклады были чисто деловые, касающиеся только костельной жизни. Ничего политического я не преследовал. Я всегда относился в своих письмах, речах, поступках и проч. лояльно к Советской Власти. Составление приписываемого мне дневника контрреволюционного, шпионского и антисоветского характера я категорически отрицаю. В письмах архиепископу Роппу и в докладах ему я представлял только правду текущего момента – для его сведения».

9 июля датировано постановление о предъявлении о. Тройго обвинения по ст. 58-10 УК и о направлении его в распоряжение ОГПУ Ленинградского военного округа. 10 июля обвинение было предъявлено.

О. Донат Новицкий вспоминал: «Семеро из 32 отцов арестованных в Анзере 13 июля 1932 г. были отправлены из Соловков в Ленинградскую тюрьму. Это: кс.-каноник И. Тройго, кс. В. Дейнис, кс.-каноник Т. Матулянис, кс. П. Хомич, кс. И. Савинский, кс. Ф. Буяльский и я. По словам следователя Паукера, были отобраны вожаки, которые слишком смело и якобы дерзко руководили коммуной ксендзов. Пять ксендзов из оставшихся на Соловках двадцати пяти членов бывшей коммуны и два из привезенных в Ленинградскую тюрьму были отправлены в конце августа в Ярославский изолятор, а оттуда в Польшу. <...> В наиболее тяжелом положении из сидящих в Ленинградской тюрьме находится кс.-каноник Тройго. В руках ГПУ оказалась его переписка с преосв. Эдуардом Роппом. В письмах кс. Тройго есть неудачные места, которые ГПУ несомненно используют для серьезного обвинения».

Следующий по хронологии документ в деле зафиксировал смерть о. Тройго:

⁷³ Возможно, о. Тройго было известно, что эти люди уже арестованы.

⁷⁴ Так в тексте (очевидно, тот, кто вел протокол, не знал латыни). Quadragesimo anno – Апостольское послание Папы Пия XI на тему социального учения Церкви.

«ЗАМ НАЧ ОО ОГПУ - тов. ДЬЯКОВУ
ОСОБЫЙ-1
19 Августа 1932
№ 157850и
гор. Москва

Настоящим сообщаем, что прибывший в числе 8 чел. из Соловков ксендз ТРОЙГО Иван Иванович (след. дело № 1967-32 года, см. доклад о раскассировке „коммуны“ ксендзов в Соловках) скончался в больнице ДПЗ ПП 11/VIII-32 г. вследствие кровоизлияния в мозг⁷⁵. У Тройго в СССР никаких родственников нет. С 22-го Июля, т.е. со дня его приезда в Ленинград, до его перевода в больницу, куда он прибыл в бессознательном состоянии, ксендз Тройго был совершенно изолирован от внешнего мира. Тройго пробыл в больнице всего несколько часов, так как он заболел в ночь с 10-го на 11-е августа с.г.

Во избежание антисоветской деятельности и нежелательных слухов, в связи со смертью ТРОЙГО, нами приняты меры к захоронению его в известном нам месте⁷⁶ и под фиктивной фамилией – САЛАМАХИНА Петра Семеновича⁷⁷.

Однако этот документ – не все, что известно о последних днях о. Иоанна. В деле содержится и другой:

«ТОЛЬКО ЛИЧНО. СОВ. СЕКРЕТНО
ОСОБОУПНОМОЧЕННОМУ ПП –
тов. ДЕНИСЕВИЧУ
СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА
I ОТД ОО ЛВО
16 сентября, 1932
№ 159780К

Препровождая при сем подлинник акта вскрытия тела умершего 11/VIII в больнице при ОДПЗ-2 заключенного ксендза ТРОЙГО И.И., сообщаем, что ксендз ТРОЙГО прибыл в Ленинград 22/VII в числе других ксендзов (след. дело № 1967-32 г.) и содержался под стражей сов. секретно. Когда он умер во избежание разных толков среди к-р католического населения, а также зарубежом, было дано распоряжение Уполномоченному III Отд. ОО тов. Паукер о принятии мер к сов. секретному захоронению тела умершего после предварительного вскрытия тела. Вскрытие тела было обставлено также весьма секретно. ТРОЙГО захоронен на Преображенском кладбище под фамилией САЛАМАХИНА Петра Семеновича.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Акт вскрытия

ПОМ НАЧ I ОТД ОО
(Озолин)
Оперуполномоченный:
(МАКСИМОВ)».

То, что происходило с о. Иоанном в ленинградской тюрьме, в точности неизвестно, но вряд ли он не подвергался новым допросам. Тело о. Тройго было

⁷⁵ В другом документе подборки Мемориала – «в 17 ч. 30 мин. при явлениях упадка сердечной деятельности», что зафиксировал дежурный врач Кенигсберг.

⁷⁶ Преображенское кладбище в Ленинграде.

⁷⁷ Резникова И.А. Католики на Соловках. СПб., 1997. С. 19.

направлено в прозекторскую Военно-медицинской академии для вскрытия: «Покойный роста 184 см. ... Волосы на голове короткие, темно-белокурые с заметной проседью. Усы и борода короткие, того же вида. ... Кости и хрящи носа целы, на спинке носа незначительная, небольшого размера, поверхностная ссадинка. Несколько подобных же ссадинок в левой скуловой области. Соответственно ссадинам, видны расширенные сосуды. ... В области правого локтя на точке его сустава группа небольших ссадин. На передней наружной поверхности правой голени ближе границы нижней и средней 1/3 пузырь как бы от ожога с отслоившимся эпидермисом и расширением сосудов на дне пузыря. Общее пространство занимаемое означенным изменением 9х4,5 см., края этих изменений ровны и общий вид места ожога овальный. Соответственно головке малолберцовой кости справа на коже осаднения на пространстве 2х1,2 см.». Т. е. протоколом, как можно предположить, зафиксирован, по крайней мере, один удар по лицу в левую скулу и следы падения о. Тройго на правый бок после этого удара, а также след недавнего сильного ожога на ноге.

Заключение судмедэксперта гласит: «Смерть ТРОЙГО И.И. последовала от нарушения деятельности жизненно-важных центров головного мозга, вследствие кровоизлияния в области 4-го и правого бокового мозговых желудочков, при размягчении правого полосатого тела мозга. Сверх означенного у покойного явление общего артериосклероза при значительном перерождении сердечной мышцы и признаках недостаточности сердца. Также изменены обе почки, где обнаруживаются признаки хронического почечного страдания в форме хронического нефрозо-нефрита. Надпочечники неполноценны, в печени застойные явления. Смерти предшествовали явления значительного общего повышения кровяного давления. Причина смерти естественная».

Акт вскрытия был взят уполномоченным Особого отдела ОГПУ в Ленинградском военном округе Паукером (который вел допросы о. Тройго) и возвращен не сразу. Является он первоначальным вариантом или был переделан, мы не знаем. Однако фраза «Смерти предшествовали явления значительного общего повышения кровяного давления» говорит о том, что о. Иоанн перед смертью подвергался моральному и физическому давлению, а даты в документах – о том, что его организм не выдержал почти трехнедельных издевательств.

Об аресте и смерти О. Тройго за рубежом стало известно не сразу. В хранящемся в архиве Ватикана документе от августа 1933 г. «Список католических священников в СССР (неполный)» о. Тройго охарактеризован так: «Очень энергичный и сильный. Нервно больной, под угрозой нового процесса и расстрела». 29 апреля 1934 г. апостольский нунций в Варшаве со слов прибывшего в польскую столицу больного епископа А. Малецкого, писал государственному секретарю Ватикана епископу Э. Пачелли о том, что о. Тройго находится в ссылке.

Имеются сведения о том, что о. Тройго («impazzito in carcere» – «сошедший с ума в тюрьме») был упомянут 24 января 1938 г. в итальянской радиопередаче о положении духовенства в СССР – «Elenchi Makabri: preti morti in prigione» («Списки убитых: священники, умершие в тюрьме»; подпись под текстом: Т. N.)

Согласно справке архивного фонда Управления ФСБ РФ по СПб и АО, по заключению Прокурора Ленинграда от 3 июня 1991 г. о. Тройго попал под действие ст. I Указа Президента СССР от 13 августа 1990 г. «О восстановлении прав всех жертво политических репрессий 20-х–50-х гг.».

Александра Романова

ЛИТЕРАТУРА

- Верую... в общение святых / Без подписи // Свет Евангелия. 2003. № 12 (409), 16.03. [Заметка об о. Я. Тройго – выпускнике Рим.-кат. Дух. академии в СПб. – Слуге Божьей] // Nasz Kraj = Наш Край. 2007. № 26–27 (сент. – дек.): Rzymsko-katolicka Akademia Duchowna w Petersburgu (1842–1918). С. 22.
- О. Ян Тройго / Без подписи // Церковный календарь на 2003 г. Зерно из этой земли... СПб., 2002. С. 126.
- Слуга Божий отец Ян Тройго 1881–1932: [Буклет]. СПб., 2004.
- Чаплицкий Б., Осипова И.И. Книга памяти: Мартиролог Католической Церкви в СССР. М., 2000. С. 167–168.
- Dzwonkowski R. SAC. Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR, 1917–1939: Martyrologium. Lublin, 1998.
- Маракоў Л. Тройга Ян Янавіч // Маракоў Л. Рэнрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі, 1917–1964. Мінск, 2009. С. 189, 404–405, 692, 695.

Также использованы материалы архива постулатуры, НИЦ «Мемориал», Польского института и музея им. ген. В. Сикорского (Лондон), РГИА (личное дело о. И. Тройго), ААН, ARSI, ASV, BKUL, Russicum.

Материалы об о. Иоанне Тройго содержатся на сайте Постулатуры: www.catholicmartyrs.org, а также на сайте прихода Святого Станислава в Петербурге: <http://www.ststanislas.sp.ru/Foreign%20part/Duhovenstvo1.htm>

СЛУГА БОЖИЙ СВЯЩ. ПАВЕЛ ХОМИЧ

1893-1942

БИОГРАФИЯ

Павел Семенович Хомич родился 17 октября 1893 г. в Волковыске Гродненской губ. Его отец – присяжный счетчик Волковыского уездного казначейства, Семен Флорианович Хомич, был православный. Мать, Марьяна Людвиговна, урожденная Зуделевич, была римско-католического вероисповедания. Павла окрестили в православной волковыской Петропавловской церкви 24 октября 1893 г. Восприемниками были крестьянин Павел Людвилович Зуделевич и крестьянка Елена Фоминична Карпович. Таинство крещения совершил священник Константин Павлович. Кроме Павла, в семье было еще три сына и дочь.

22 октября 1905 г. на основании Указа о религиозной веротерпимости от 17 апреля 1905 г. распоряжением Виленского р.-к. епископа Павел Хомич был присоединен к Римско-Католической Церкви и зачислен прихожанином Волковыского костела.

Хомич учился с 1907 по 1910 г. в Волковыском четырехклассном городском училище так хорошо, что, оканчивая его, получил некоторые льготы⁷⁸. После

⁷⁸ В городское училище поступали дети, получившие начальное образование дома или в начальной школе и прошедшие вступительные испытания.

чего поступил в петербургскую Духовную семинарию в Петербурге-Петрограде и окончил ее. Затем учился в Духовной Академии в Петрограде до ее закрытия в 1918 г., окончив три курса. В 1916 г., еще учась в Академии, Хомич был рукоположен.

24 апреля 1918 г. по распоряжению Могилевского митрополита-архиепископа фон Ропша о. Павел был командирован для удовлетворения духовных нужд католиков, проживающих в районе станции Вырица Царскосельской железной дороги, во время предстоящих летних каникул. С этого момента он перемещался по Северо-Западу России, окормляя католиков – местных жителей, беженцев, работников железнодорожного транспорта. Следует учитывать, что в это время шла гражданская война, и Вырица в 1919 г. некоторое время была занята войсками генерала Юденича. 18 февраля 1919 г. к Вырице добавилась станция Дно Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, где была католическая часовня. 8 июня 1920 г. о. Павел состоял в должности капеллана часовен на станциях Вырица, Дно и Старая Русса, а также был командирован на станцию Чолово той же дороги. Эти разъезды требовали удостоверений личности и командировочных предписаний, которые регулярно выписывала курия в Петрограде. 2 сентября 1920 г., ввиду болезни псковского настоятеля, о. Павел был освобожден от обслуживания Вырицы и назначен временно заведовать храмом и приходом в г. Псков, оставшись при этом заведующим часовни на станции Дно⁷⁹. 4 октября он просил еп. Иоанна Цепляка позволить ему «каждое воскресенье и в праздники, насколько это будет необходимо, совершать две св. Мессы <...>. Здесь во Пскове это было бы очень полезным для тех, которые вследствие различных обстоятельств <...> не могут быть на сумме». В том же письме он сообщал о судьбе арестованного по несправедливому обвинению псковского настоятеля о. Юрайтиса и замечал: «Я пока что цел, но возможны разные сомнительные события в роде ревизии, допросов и т. д.»⁸⁰. В следующем письме в Петроград, 10 декабря, о. Павел снова рассказывал о том, что происходит с настоятелем в ссылке в Вологде, а для себя просил только оформить командировочные удостоверения в окрестные населенные пункты, каждое в нескольких экземплярах, так как этого требовали власти.

13 декабря 1920 г. он был командирован также в города Остров и Опочку.

28 января 1921 г. в письме о. Павел благодарил за присланные рубрицелли и сожалел о том, что не может послать в голодный Петроград никаких продуктов, так как сам не имел ничего существенного; рассказывал о том, что квартиру о. Юрайтиса наконец разрешили открыть и что она ограблена. Снова просил оформить командировочные удостоверения в окрестные населенные пункты, так как тамошние католики просили его приехать.

15 марта о. Павел в письме спрашивал, как ему следует поступать в случае, когда в брак хотят вступить католики с не католиками. Сообщал, что церковная утварь, изъятая из квартиры о. Юрайтиса, стараниями его, Хомича, и прихожан возвращена, но только та, которая значилась в инвентарной описи, а вещи, не внесенные в инвентарь, считаются личными вещами о. Юрайтиса

⁷⁹ Хотя в документах причиной названа болезнь, из дальнейших писем о. Хомича становится ясно, что о. Юрайтис был арестован.

⁸⁰ Здесь и далее цитируются, и упоминаются письма, оригиналы которых – на польском языке. Пер. с пол. – Ред.

и поэтому не возвращены. Проблемы возникли также с возвращением денег, изъятых у о. Юрайтиса, – требовалось документальное подтверждение, что это деньги прихода, а не лично настоятеля, – документального подтверждения не было, и деньги приходу не были возвращены.

В письме архиеп. Цепляку 18 марта о. Павел писал уже о том, что о. Юрайтис освобожден, находится в Москве и должен будет выехать в Литву. О. Павел благодарил Христа за то, что окончились муки Его слуги. Подробно описывал борьбу прихода за возвращение церковной утвари и денег. Сообщал, что, несмотря на многочисленные встречи с представителями ЧК, пока не имел больших неприятностей и что Господь хранит его; что посещал Остров, два раза – Дно и Старую Руссу, которая хотя и не относится к Псковскому приходу, но тамошние католики очень просили приехать, так как не имели священника с марта 1920 г. О. Павел пожалел их, приехал и служил в Старой Руссе целую неделю, исповедовал, проводил реколлекции. Писал, что должен еще поехать в Остров, но уже после Пасхи, так как сейчас не может оставить Псков, работы очень много.

15 апреля 1921 г. о. Павел снова поехал в г. Остров.

6 июня он писал о том, что хочет основать во Пскове братство Святых Даров, делился радостью, что псковские прихожане ревностны в вере, что праздники прошли торжественно, хотя ЧК оказывало противодействие.

В этот период переписка о. Павла с курией была довольно регулярной. Он постоянно просил присылать ему командировочные удостоверения для поездок в окрестные города, так как продолжал обслуживать католиков Северо-Запада России. Возможно, летом 1921 г. он ездил в Петроград, чтобы выяснить вопросы, касавшиеся окормления прихожан. Он также отправлял в курию деньги на нужды архиепархиальных властей.

14 июня и 14 июля 1921 г. – снова в Опочку, 14 июня – также в г. Порхов. 18 марта 1922 г. архиеп. И. Цепляк подтвердил назначение о. Павла настоятелем храма в г. Пскове и заведующим часовней в г. Дно.

В марте 1923 г. в Москве прошел процесс католического духовенства, после которого был расстрелян о. Константин Будкевич и заключены в тюрьму прочие священники, которые были вызваны в Москву на процесс, во главе с архиеп. И. Цепляком.

В начале лета 1923 г. о. Павел уехал из Пскова, и с ним, вероятно, что-то случилось, так как 13 июня псковский приходской комитет запрашивал курию о состоянии его здоровья. 21 июня о. Павел был освобожден от прежних должностей настоятеля Псковского костела и заведующего Островской, Дновской и Порховской часовнями, и назначен исполняющим должность настоятеля петроградского прихода Святого Казимира (где настоятелем раньше был арестованный в марте о. Станислав Эйсмонт) и заведующим Лиговской часовней. Он переехал в Петроград и поселился на Ушаковской ул., 22.

В приходе Святого Казимира о. Павел принимал прихожан в Третий орден св. Франциска до самого своего ареста в 1927 г. Группа терциариев насчитывала до 40 человек.

Кроме того, в 1925 г. о. Павел был командирован для исполнения треб местным католикам в Кронштадт.

В 1926 г. о. Хомич был одним из кандидатов на должность епископа. Но избран для епископского служения был о. Антоний Малецкий. О. Павел стал

вместо него руководителем всех терциариев-францисканцев Ленинграда, которых насчитывалось несколько сот человек.

В храме Святого Казимира о. Павел устроил новый алтарь, посвященный св. Терезе.

МУЧЕНИЧЕСТВО

3 декабря 1926 г. о. Павел был арестован в Ленинграде. Он обвинялся «в проведении контрреволюционной религиозной деятельности среди молодежи и верующих прихода, а также в создании нелегального антисоветского братства членов Третьего ордена терциариев-францисканцев». 27 июня 1927 г. ПП КО ГПУ по Ленинградскому ВО он был приговорен по ст. 58–10 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, куда прибыл 3 июля.

Первыми на Соловках оказались католические священники восточного обряда. В 1925 г. они добились от администрации лагеря разрешения служить в часовне Святого Германа. Летом 1926 г. на Соловках появился латинский священник о. Леонард Барановский, который также стал служить Святые Мессы в часовне. Вскоре группа католических священников увеличилась. С большими трудностями они получили с воли литургические облачения, богослужебную утварь, миссалы. Умелец-заключенный сделал для них приспособление для выпечки облаток. Лагерные власти всячески затрудняли богослужения, однако все священники, предпринимая всяческие ухищрения, старались служить ежедневно, как это предписывалось правилами, – или в часовне, или в камерах. О. Павел произносил в часовне проповеди по воскресеньям как польски, так и по-русски.

В 1928 г., 2 августа, в день францисканского праздника Матери Божией Ангельской, по предложению о. Павла Хомича было устроено выставление Святых Даров. Оно продолжалось с раннего утра до завершения последней Святой Мессы, приблизительно до полудня.

В конце 1928 г. католикам было запрещено служить в Германовской часовне «в наказание за состоявшиеся там тайные посвящения священников и неумеренное пользование ею». В январе 1929 г. у священников были изъяты все религиозные книги и церковная утварь. Несмотря на это, священники продолжали тайно служить Святые Мессы. О. Павел время от времени служил в помещении рядом с дезинфекционной камерой, которой заведовал его знакомый. Иногда в этой комнатке служили и другие священники.

В июне 1929 г. был переведен на остров Анзер, на штрафную командировку «Троицкая», попав в «коммуны ксендзов». Священники жили в отдельном бараке: «23 священника находились теперь скученными в комнате 3–4 метра длины и около 2-х метров ширины. Часть спала на полу, а часть – на нарах, на высоте около метра от пола, совсем как „седелки в бочке“». До октября 1930 г. во главе «коммуны» стоял еп. Болеслав Слоскан, переведенный затем в Восточную Сибирь, после чего старшими в коммуне стали несколько священников, в том числе о. Хомич.

29 июня 1930 г. священник Адольф Филипп, соловецкий заключенный, направил в адрес правительства СССР письмо, в котором подробно описал

гонения на Церковь и верующих в СССР, а также тяжелые условия жизни и труда в лагере. Филипп настаивал на том, что эти гонения незаконны. В конце письма он перечислил своих свидетелей, среди которых назвал о. Хомича.

Священники «коммуны» искали способ служить Литургию. Место для служения было найдено в лесу, где лежал большой камень. Потом служили в бараке, на чердаке, всю Литургию отстаивая на коленях, так как помещение было очень низкое.

В 1931 г. по инициативе о. Павла 7 священников (5 латинских и 2 восточных) решили совершать Литургии со специальной интенцией удовлетворения Господу Богу за все совершаемое в России зло и об обращении русского народа. Каждый из этих семи священников служил в этой интенции в свой день недели.

Как вел себя о. Павел в лагере, нам известно из показаний заключенных.

Священник Мечислав Шавдзинис: «Помню, что в нашей коммуне, насчитывающей за последнее время 33 человека ксендзов – был случай коллективного отказа от подписки на какую-то общественную цель. Самыми большими крикунами в нашей коммуне были ксендзы Новицкий, Тройго (за последнее время сдал), Хомич и Буяльский, как старосты».

Священник Иван Жаврид: «Среди нас ксендзов была часть стойких и спокойных, которые относились лояльно к Советской власти. Другая часть ксендзов иногда оказывала сопротивление мероприятиям и распоряжениям представителей власти на острове. К таким лицам, которые безусловно пытались оказать влияние на нас ксендзов, были Буяльский, Новицкий, Хомич. Были случаи, когда они отказывались работать, вели анитсоветскую заядлую агитацию и пр.».

Священник Казимир Сивицкий: «Среди ксендзов были более тверды к сопротивлению властям это такие как Тройго, Хомич, Буяльский и Новицкий. Когда организовывалась подписка на заем, то они не подписались. Наше мнение выражал тогда кто-то из старост, не помню Буяльский или Хомич».

Священник Викентий Дейнис: «В нашей группе ксендзов на о<строве> интересы защищали ксендзы: Хомич, Буяльский, Тройго. Они были старостами группы. Они были посредниками между группой ксендзов и администрацией лагеря».

Заключенный Шалацкий: «...отличались своими, а<нти>/с<оветскими> настроениями кс. Тройго, Новицкий, Хомич (их староста) и Буяльский».

Из других протоколов известно, что когда за отказы священников от работ составлялись акты, то после этого о. Хомич и о. Новицкий приходили к лагерному начальству и всегда удачно урегулировали эти неприятности без административных взысканий для священников.

Однако главным было то, что о. Павел оставался стойким католиком и священником.

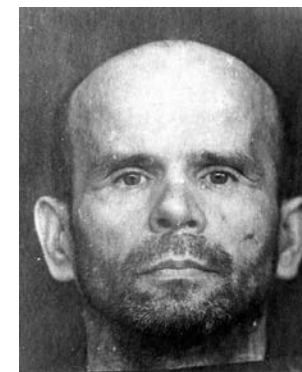
Ю.Д. Чужбинов (чекист): «...РОМАНОВСКАЯ меня просила устраивать ей свидания с ксендзами: ПРЖИРЕМБЕЛЕМ, НОВИЦКИМ и ХОМИЧЕМ на предмет совершения тайной исповеди. <...> Из разговоров с ксендзами МАРКУШЕВСКИМ, ХОМИЧЕМ и САВИЦКИМ мне стало известно, что они, несмотря на строгое запрещение совершать какие бы то ни было религиозные обряды, ксендзовская коммуна все-таки это делала регулярно, т. к. имела постоянно в наличии как вино, облатки, так и необходимое облачение из ба-

тиста. По их рассказам эти предметы они получили в посылках с воли и когда на Анзере работали в ИСЧ САЗОНОВ и ДУРАКОВ, то последними эти вещи пропускались беспрепятственно. Когда же происходили у ксендзов в их помещении обыски, то всегда САЗОНОВ лично сам один ходил производить обыск на чердаке занимаемого ксендзами помещения, где хранились: вино, облатки, облачение и молитвенники и всегда заявлял обыскивающим, что ничего не нашел».

Заключенный Рымашевский: «Однажды Хомич сделал мне намек, что по складу моего характера с меня вышел бы хороший ксендз».

Самое подробное свидетельство оставил заключенный Каetan Шикер: «Я работал в учетно-распределительной части Соловков в качестве контролера и по делам службы – вместе с врачебными комиссиями выезжал иногда на командировку „Троицкая“, где находилась коммуна ксендзов. Кроме того, я встречался с некоторыми ксендзами в Кремле, куда они приходили по вызову врача и по вызову из <нрзб>. Прежде всего могу сказать, что главными руководителями коммуны ксендзов являются ксендзы: Новицкий, Тройго и Хомич. Они держали всех ксендзов в своих руках. Мне говорил Новицкий, что по программе, выработанной упомянутым советом ксендзов, происходили еженедельно общие собрания ксендзов и там велись диспуты и дебаты на религиозные темы, а также обсуждались организованно те или другие мероприятия сопротивления влиянию со стороны администрации. Когда присылали нового человека на командировку – созывали совет старейшин на тайное совещание (т. е. Хомич, Тройго и Новицкий) и там новый человек „прощупывался“ путем соотв. вопросов. <...> Из связей ксендзов в Кремле мне известны: Панквич Станислава Станиславовна, работающая в аптеке Кремля. Она получала письма от епископа Нэвэ из Москвы и их секретно передавала ксендзам. Кроме того, она снабжала ксендзов изюмом, из которого ксендзы тайком у себя на командировке выделяли вино для тайных богослужений <...>. Кроме <того> ксендзы занимались тайком выделкой оплатков для причастия из белой муки. У них, по словам ксендза Новицкого, нашелся какой-то механик из их среды, который им смастерил машинку для выпечки оплатков. Таким образом <будучи> снабжены вином и оплатками – ксендзы служили ежедневно регулярно у себя на чердаке богослужения, начиная с 12 ч. ночи и до утра, с таким расчетом, чтобы все ксендзы могли обедню отслужить. Одним словом, коммуна была настоящим монастырем, организованным по всем правилам конспирации по римским канонам. Ксендзы завязали связи со многими католиками, находящимися на острове, дабы <нрзб> «охранять этих людей от большевистского влияния». В Кремль приезжали кс. Хомич <и> Пржирембел, где они под видом больных ходили в госпиталь, а в действительности устраивали встречи с католиками, исповедывали их тайно, причащали и безусловно агитировали.»

Священникам, заключенным на Соловках, удалось передать на волю сведения о том, в каких условиях содержатся заключенные.

Тюремное фото
свящ. П. Хомича.

Заключенный Тысовский: «Я воспользовался случаем пребывания в Соловках гр-на Шикера, Генриха Каетановича; посетившего своего брата, заключ. Шикера Каетана Каетановича и прибавляя свою лепту в общий котел Коммуны, т.е. желая помочь ксендзам, по их поручению, в частности по поручению ленинградских ксендзов, т.е. Хомича, Матуляниса, Дейниса и проч., передал нелегально список всех находящихся в Соловках ксендзов, которых я знал и указывая их тяжелое материальное положение – просил передать список и мои просьбы ленинградским ксендзам, в том числе и аббату Амудрю. Я представлял себе эту помощь таким образом, что ксендзы, в том числе и Амудрю, путем соотв. отчислений из сумм, пожертвованных верующими – будут присылать соловецким ксендзам помощь».

Заключенный К. Шикер: «Мне известный один случай передачи сведений ксендзами представителям зарубежа нелегальным путем. В августе 1931 г. ко мне приезжал из Ленинграда на свидание мой брат Генрих Каетанович Шикер. К нему подошел клирик Тысовский и передал ему тайно список всех находящихся в Соловках ксендзов, а также и „замученных большевиками“ как он выразился, т.е. умерших в Соловках. Просил передать список французскому подданному, монаху-доминиканцу Амудрю, прож[ивающему] в Ленинграде для дальнейшей отправки за границу и рассказа устно о тех переживаниях и страданиях, голоде и проч., которые ксендзы перенесли и переносят в настоящее время. „Нужно бить за границей тревогу и набат“ – выразился Тысовский. <...> Что сделал со списком мой брат – я не знаю, но он заверил Тысовского, что все выполнит. Список ксендзов спрятал Шикер Г. К. в пустую фотокассету».

В июле 1932 г. было начато следствие по делу коммуны ксендзов на о. Анзер. Заключенные священники были арестованы. В общей сложности в качестве обвиняемых по делу проходило 35 заключенных, в большинстве – католических священников.

5 июля 1932 г. на о. Анзер о. Павел был арестован по групповому делу католического духовенства⁸¹. На допросе 14 июля он сказал, что выражает «недовольство к Соввласти по вопросам ее политики к религии и культам». В пункте протокола «По существу дела» записано: «С момента когда ксендзы стали жить вместе а в особенности на командировке Троицкая <...>⁸² и тесно спаянной коммуной, создавшие условия сделали нас твердыми и непоколебимыми в своих религиозных убеждениях. В связи с ограничениями в некоторых религиозных потребностях (как например лишение права служить молебны) мы враждебно были настроены к Советской власти, что между собою высказывали. Из нашей среды всегда выделялся староста из более энергичных ксендзов и стойких который руководил бы нами и мог защитить наши интересы перед представителями власти. За последние годы функции старшин выполняли самые стойкие ксендзы как то: Тройго, Слоскан, Буяльский и я. Нами ксендзами поддерживалась связь с внешним миром т.е. с советским материком и за границей откуда получали материальную помощь. Из заграничных организаций мы были связаны с международным обществом Красного Креста, за последние годы оказывал в большой мере помощь польский Красный Крест.

⁸¹ У о. Павла при обыске 14 июля были изъяты: «1) рясы черные 2 штуки 2) подрясник черный 3) пояс черный 4) четки черные из хлеба с дерев<янным> крестом 6) <так! № 5 пропущен. – Ред.> икон 2 тряпочные с крестом 7) книг 4 шт. на иностранном языке 8) разная переписка».

⁸² Дефект края листа.

Я лично поддерживал связь примерно с 40 моими бывшими прихожанами в Ленинграде которые присылали мне посылки и денежные переводы. Большинство из этих лиц были членами религиозного братства Святой Евхаристии, которого я состоял патроном в костеле святого Казимира на Ушаковской улице. Мои письма к прихожанам носили религиозно-агитационный характер, который закалял их в вере и морально поддерживал. Я к ним обращался, называя братьями и сестрами как к членам братства и третьего ордена святого Франциска которого я также был руководителем при костеле святой Екатерины по распоряжению епископа Малецкого. В своих письмах я подчеркивал о том, что я доволен своей участью т.е. что бог меня отметил тем что переношу страдания укрепляя чувства верующих».

Католическое духовенство на этом следствии обвинялось «в создании антисоветской группировки, ведущей антисоветскую агитацию, тайно совершавшей богословские и религиозные обряды и осуществлявшей нелегальную связь с волей для передачи за границу сведений шпионского характера о положении католиков в СССР». Следствие ходатайствовало о необходимости его перевода «в распоряжение СО ПП ОГПУ ЛВО» как одного из «вожаков, которые слишком смело и дерзко руководили группой ксендзов». В Ленинграде о. Павел снова подвергался допросам и повторил сказанное раньше, добавив: «Относительно моей деятельности как ксендз<а> в самих Соловках (исповедь, причастие заключенным католикам) и вообще пропаганды католицизма я отказываюсь говорить. Это касается тайны исповеди. Никакой пропагандой не занимался. Я совершал на чердаке общежития нелегальные богослужения».

27 мая 1933 г. о. Павел был приговорен к одному году штрафного изолятора (ПП КОГПУ), а 22 июля вывезен в Ленинградскую тюрьму и в августе отправлен в лагерь в Комсомольск-на-Амуре.

Между тем сведения о содержании священников в лагерях – те, что были переданы с Соловков, и те, которые собирались у еп. Нёвё, – были переданы в Ватикан 20 декабря 1933 г. Сведения были объединены в два документа: «La lutte des Soviets contre l'Eglise Catholique» («Борьба Советов с Католической Церковью») и «Liste de prêtres catholiques en URSS (incomplète). Août 1933» («Список католических священников в СССР (неполный). Август 1933»). В списке упоминался о. Хомич: «Очень энергичный и отважный, весьма любимый священниками, сильная личность».

Во французской газете «Le Pays Porrentruy» 22 января 1934 г. появилась заметка (без подписи) «Les martyrs des Soviets» («Мученики Советов»), в которой, со ссылкой на варшавский источник, рассказывалось о том, как страдают в советских лагерях и тюрьмах католические священники, причем об о. Хомиче сказано, что из-за угроз, пыток, моральных страданий, которые воздействовали на его душу в течение стольких лет, его нервная система так распалась, что находится в плачевном состоянии. Поскольку тогда же, в январе 1934 г., еп. Т. Матуленис писал еп. Б. Слоскану о нервном расстройстве о. П. Хомича, информация «из Варшавы», по-видимому, исходила от него. В апреле того же года апостольский нунций в Варшаве вместе с письмом государственному секретарю Ватикана еп. Э. Пачелли о прибытии в Варшаву еп. Малецкого, освобожденного из ссылки в СССР, прислал список сосланных священников, где упомянут о. Хомич.

В августе 1935 г. о. Павел был возвращен в Соловецкий лагерь особого назначения, а 10 ноября 1936 г. – освобожден из лагеря с запрещением про-

живания в 12 крупнейших городах и пограничных областях. Есть сведения о том, что в 1937 г. (в марте) о. Хомич жил в ссылке в Уфе, где, возможно, встречался с о. Франциском Будрисом. Проживал в Костроме, позднее переехал в Калугу. Установил нелегальную связь с ленинградками – францисканскими терциарками К.С. Калыгиной, А.Л. Игнатович, Е.Б. Орло и М.И. Кошко. Его доверенным лицом стала К.С. Калыгина, которая привозила о. Павлу деньги от о. Мишеля Флорана, апостольского администратора Ленинграда, служившего в единственном не закрытом властями храме Французской Божией Матери в Ковенском переулке. В августе 1939 г. о. Павел вернулся в Ленинград. Он надеялся, что «в Ленинграде – большом городе <...> будет легче устроиться жить и подготовить почву для получения возможности служить в костеле». О. Павел жил в разных квартирах францисканских терциарок (А.Л. Игнатович, Е.Б. Орло, М.И. Кошко, Т.В. Папшель, П.М. Урбанович, Я.А. Козаковой и др.) на нелегальном положении. Р. Стацевич вспоминала: «Нашу бабушку попросили пустить на квартиру приезжего ксендза по фамилии Хомич. Это было очень рискованно из-за доносов, но бабушка говорила: „Воля Божья – будь что будет“. Пару месяцев ксендз жил у нас, и каждое утро в 8 часов была служба. Приходили люди (обычно пожилые), но каждый день менялись, чтобы не было подозрения у посторонних лиц. Служба была такая же, как в костеле (вино, облатки и др.). Это все доставали где-то верующие пожилые люди. Мы с сестрой <Э. Стацевич. – Ред.> прислуживали ксендзу».

О. Павел поддерживал связь с о. Мишелем Флораном, которому, однако, сообщил о том, что живет в Ленинграде, только через полтора года после переезда. В июле 1941 г., перед высылкой из СССР, о. М. Флоран передал ему функции Апостольского администратора. На суде о. Павел описал это так: «В июле 1941 г., когда Флоран уезжал из Ленинграда, он через Орло передал Калыгиной, чтобы она зашла к нему. Калыгина поехала к Флорану, и он передал ей предложение на мое имя – принять у него администраторство, так как в случае прихода немцев в Ленинград придется легально служить и руководить богослужением. Когда Калыгина известила меня об этом предложении, я передал через Калыгину Флорану, что я согласен принять его функции и считаю, что в случае прихода немцев в Ленинград сумею стать на легальное положение и буду представлять римско-католическую церковь».

15 июля 1942 г. о. Павел был арестован в Ленинграде по доносу. Это было групповое дело католического духовенства и мирян – «Хомич и др.». В деле фигурируют сведения о «пораженческой пропаганде» и «антисоветских беседах», которые вели о. Павел и преданные ему прихожанки: «В беседе <...> я пытался доказывать, что в скором времени немцы возьмут Ленинград и, что с приходом их сюда будет лучше, я с КАЛЫГИНОЙ легализуем свое положение, немцы разрешат нам открыть костел, дадут мне и всем верующим свободно молиться...» (из протокола 13 августа 1942 г.). Очевидно, причиной таких взглядов был недостаток информации о военных действиях и надежда на то, что не отказавшиеся от веры немцы победят неверующих большевиков, уничтоживших Церковь в СССР. На судебном заседании 1 сентября о. Павел пояснял: «Мое отношение к войне СССР с Германией было таково. Я вообще антифашист и был за союз СССР с Англией и Америкой. Когда началась война СССР с Германией, я считал, что возможен приход немцев в Ленинград,

и с их приходом я связывал свою надежду на то, что немцы разрешат свободу католической церкви и что я смогу открыть легально костел, и в этом смысле я желал прихода немцев в Ленинград, хотя вообще окончательной победы Гитлера над Россией я не желал».

В обвинительном заключении 26 августа говорилось, что о. Хомич «с августа 1939 года по момент ареста проживал в Ленинграде на нелегальном положении. Являясь враждебно-настроенным к ВКП(б) и Советской власти, организовал подпольный костел, вокруг которого совместно с нелегалкой КАЛЫГИНОЙ, группировал антисоветски настроенное католичество, среди которых систематически проводил антисоветскую пораженческую пропаганду, т. е. в пр. пр. ст. ст. 58-10 ч. II и 58-11 УК РСФСР. Виновным себя в предъявленном обвинении ХОМИЧ признал <...>».

На закрытом судебном заседании Военного трибунала войск НКВД СССР Ленинградского округа 1 сентября он показал: «Я – глубоко религиозный человек. При мне при всех моих переездах был чемодан с самым необходимым для свершения служения, и я, следуя нашему обычаю, при всякой возможности, проживая в Ленинграде, <...> устраивал богослужения, на которых присутствовали хозяйки тех квартир, где я проживал, а также <...> и другие. <...> Я был недоволен и высказывался против таких мероприятий советской власти, как отношение к церкви. Я был против национализации церковных земель и экспроприации церковной собственности, которую провела советская власть. <...> В 1930 г., будучи в ссылке, я в журнале „Безбожник“ прочитал буллу папы римского, который объявил крестовый поход молитв – призыв ко всем верующим мира молиться за то, чтобы в СССР была признана свобода церкви. И я признаюсь, что был за этот поход».

1 сентября 1942 г. о. Хомич был приговорен к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, без конфискации имущества, за отсутствием такового (ПП ВТ войск НКВД ЛО), и 10 сентября – расстрелян в Ленинграде.

О. Хомич был реабилитирован дважды: 4 августа 1989 г. – прокурором Архангельской области по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов», и 26 мая 1993 г. по ст. 3, пункт «а», и ст. 5, пункт «а» Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

Память о нем сохраняется среди прихожан.

Александра Романова

ЛИТЕРАТУРА

- Василий [фон Бурман], диакон ЧСВ. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. Львів, 1993.
- Маракоў Л. Хоміч Павел Сямёнавіч // Маракоў Л. Рэпрэсаваныя каталіцкія духоўныя, кансэкраваныя і свецкія асобы Беларусі, 1917–1964. Мінск, 2009.
- Стацевіч Р. Бог нас хранил... // *Gazeta Petersburska*. 1999. № 2(3). С. 15.
- Фатеев М. Католики в годы блокады // *Свет Евангелия*. 2005. № 6 (490), 13 февр. С. 5.
- Фатеев М. О. Павел Хомич // *Церковный календарь на 2003 г. Зерно из этой земли...* СПб., 2002. С. 127–135.
- Чаплицкий В., Осипова И.И. Книга памяти: Мартиролог Католической Церкви в СССР. М., 2000.

Dzwonkowski R. SAC. *Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR, 1917–1939: Martyrologium*. Lublin, 1998.

Tukonek J. Chomicz Paweł Хоміч Павел (1893–1942) // Garlinski J., Tukonek J. *Białoruski ruch chrześcijański XX w.: Sb. biogr.-bibliogr.* Warszawa, 2003. S. 64–65.

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

После торжественного Первого Причастия детей в храме св. Казимира в Петрограде.
В центре – свящ. П. Хомич. 1920-е гг.

СЛУГА БОЖИЙ СВЯЩ. АНТОНИЙ ЧЕРВИНСКИЙ

1881–1938

БИОГРАФИЯ

Антоний (Антон) Червинский родился 8 (20) октября 1881 г. в польском городе Билгорай, в то время входившем в состав Российской Империи (Царство Польское, Люблинская губерния). Его родители были поляками. Отец – рожденный в г. Любар (ныне Украина) Кароль Червинский, мещанин, ситник (ремесленник, занимавшийся изготовлением волосяных сит и решет), матерью – Марианна, урожденная Зеневич (в первом браке Кжос⁸³). Антоний был крещен на следующий день после рождения в приходе Успения Пресвятой Девы Марии г. Билгорая священником по фамилии Мех (Miech), восприемниками были органист Антоний Пахуцинский и Саломея Скочинская.

Свидетельств о жизни семьи Червинских в Билгорае не сохранилось.

Известно, что у Антония были брат Иосиф и сестра Эмилия, причем сестра родилась в 1892 г. в г. Ялте, в Крыму, куда, вероятно, переехала семья.

Семья Червинских стала одной из многочисленных польских семей, переезжавших в Крым в поисках лучшей доли. На рубеже 1880–1890-х гг. в Ялте

⁸³ Отец и мать о. А. Червинского оба овдовели в первом браке.

насчитывалось около 500 католиков, но храма не было, службы совершались в маленьком молитвенном доме⁸⁴.

В это время в Ялте действовало католическое благотворительное общество, в круг деятельности которого входило начальное обучение детей Закону Божьему и грамоте. Кроме того, тайная монашеская конгрегация сестер францисканок Семьи Марии организовала на вилле, подаренной кн. И. Гагариной, детский санаторий, в котором была часовня, куда могли приходить католики из Ялты и других мест Крыма. В часовне служил о. Дзевульский, ранее отбывший 25-летнюю ссылку в Сибири. Таким образом, там, где поселилась семья Червинских, у Антония была возможность укрепиться в вере.

Антоний принял решение стать священником, судя по всему, довольно рано. В 1894 г., т. е. в 13 лет, он поступил в подготовительное 4-классное училище (Малую семинарию) при Тираспольской римско-католической семинарии в г. Саратове, окончил его в 1898 г. и там же поступил в Духовную Семинарию, где обучался с 1898 по 1902 г. Большинство католиков в этой епархии составляли немцы, и обучение в семинарии велось на немецком языке, поэтому все кандидаты должны были знать немецкий язык.

Каждая католическая епархия России могла посылать в год одного (иногда двоих) своих лучших выпускников, даже до рукоположения во священники⁸⁵, в Императорскую Духовную Академию в Петербурге. В 1902 г. был послан туда и семинарист Антоний Червинский. Академию он окончил со степенью магистра богословия в 1906 г. Из этого можно сделать вывод, что Антоний был способным студентом и образцовым клириком. В 1904 г. в Петербурге он был рукоположен в диаконы. Рукоположение во священника он получил, учась в Академии, 2 апреля 1905 г., от митрополита Могилевского, архиеп. Георгия Шембека, в Петербурге. Стоит отметить, что митрополит Шембек был бывшим выпускником саратовской семинарии, а в Академию о. Червинского послал тогдашний епископ тираспольский Э. Ропп.

Сразу по окончании Академии, с 1 августа 1906 г. о. Червинский был назначен викарным священником Саратовского кафедрального храма и одновременно духовным секретарем и капелланом Тираспольского епископа Йозефа Алоизия Кесслера. Возможной причиной такой быстрой карьеры о. Антония могло быть то, что молодого, образованного и, видимо, старательного священника также молодой (44 года, род. в 1862 г., рукоположен во епископы 28 октября 1904 г.) еп. Кесслер мог знать раньше, в бытность свою администратором прихода в г. Симферополе, недалеко от Ялты, в 1891–1895 гг., когда Антоний был подростком⁸⁶.

Правление еп. Кесслера было отмечено значительным развитием Тираспольской епархии. Он посещал все приходы епархии, совершал миропомзания, освящал новые храмы. Он расширил Малую Семинарию и духовную семинарию, основал издательство и типографию, способствовал работе мужских и женских орденов. Очевидно, работа его секретаря также была достаточно напряженной. С 1 августа 1907 г. о. Червинский также был назначен законоучителем для детей-католиков, обучавшихся в средних учебных заведениях

⁸⁴ Разрешение на строительство храма было получено в 1898 г.

⁸⁵ А. Червинский был еще слишком молод для рукоположения во священники, когда окончил семинарию, так как лиц моложе 24 лет обычно не посвящали.

⁸⁶ В симферопольском приходе также работали сестры францисканки Семьи Марии.

Саратова. Кроме этого, некоторое время он был законоучителем в находящемся недалеко от Саратова уездном городе Николаевске.

28 сентября 1908 г. о. Антоний был избран председателем Правления Саратовского римско-католического церковного благотворительного общества, которое содержало богадельню, где проживали старики (5 мужчин и 9 женщин), детский приют (в 1908 г. – 5 детей, в 1909 и 1910 – по 10) и приходскую школу. На посту председателя Правления Общества о. Антоний пробыл до 19 сентября 1910 г.

Из вышеперечисленных назначений видно, что о. Антоний делил свое время между службой в канцелярии епископа, служением приходского священника (викария), законоучителя в нескольких школах и благотворительной деятельностью.

Еп. Кесслер 23 августа 1911 г. освободил своего бывшего секретаря от всех занимаемых им до тех пор должностей и с 1 сентября 1911 г. назначил его администратором прихода и законоучителем средних учебных заведений (мужской и женской гимназий) г. Владикавказа на Северном Кавказе⁸⁷.

В то время во Владикавказе разгорелся скандал по причине того, что предшественник о. Антония женился⁸⁸. Чтобы спасти прихожан от возможной потери веры, нужен был священник во всех отношениях безупречный, и таким оказался о. Червинский, который был человеком скромным, добросовестным пастырем и ценил пастырскую работу на приходе.

Владикавказские католики принадлежали к разным национальностям: поляки, литовцы, итальянцы, немцы, армяне, потомки ссыльных и переселенцы. В 1913 г. количество католиков во Владикавказе и окрестностях составляло 2100 человек. Во Владикавказе при храме действовало приходское училище. О. Червинский преподавал в нём закон Божий.

О. Антоний взял в качестве экономки свою сестру Эмилию. Он заботился о храме, о приходе, об обучении детей прихожан, был человеком добрым, честным, великодушным, милосердным, умным, образованным, обходительным в обращении, справедливым. Когда он делал прихожанам замечания, то объяснял их ошибки, но никогда не кричал. Вкладывал в свое служение всю душу. Был очень отзывчивым человеком, всегда приходил на помощь тем, у кого случалось какое-то горе. О. Червинский заботился о внутреннем убранстве храма, о цветниках вокруг него и о большом фруктовом саде.

Количество прихожан во Владикавказе сократилось в результате I мировой войны за счет солдат и офицеров, отправившихся на фронт. В 1917 г. приход насчитывал 1550 человек. После большевистской революции и возникновения на землях бывшей Российской империи независимых государств – Польши и Литвы, прихожан стало еще меньше, так как многие предпочли выехать на историческую родину. С приходом к власти большевиков на Кавказе, как и по всей стране, начались гонения на Церковь и верующих. Поэтому после окончания польско-советской войны и заключения Рижского мирного

⁸⁷ В 1931 г. Владикавказ был переименован в Орджоникидзе.

⁸⁸ Священник Франц Бояркинский 17 марта 1911 г., в г. Вене, с ведома Российского консула, не переходя в протестантизм, присоединился к старо-католицизму и при соблюдении всех установленных правил женился 26 марта 1911 г. на старо-католичке Ванде Войткевич. После его увольнения епископ Кесслер назначил настоятелем Владикавказского прихода капеллана Сухумской римско-католической часовни священника Ансельма Мгеброва.

Свящ. А. Червинский.

договора (18 марта 1921 г.) отъезд католиков с Кавказа продолжался. Погибли или уехали и многие священники Тираспольской епархии. О. Червинский продолжал служить на своем месте.

В 1921 г. о. Антоний взял на воспитание детей-сирот – двух мальчиков, которых хотел подготовить к тому, чтобы они стали священниками. Приютил он также сироту-девочку. Одним из сирот, которых воспитывал о. Червинский, был Валериан Обухович, сын уборщика из г. Полоцка, попавший на Кавказ после смерти своих родителей. О. Антоний кормил, воспитывал и учил его, видимо надеясь, что приготовит к рукоположению. В доме о. Червинского Обухович изучил языки (польский, французский, немецкий и латынь), научился играть на органе у тогдашнего органиста и до самого своего ареста в 1936 г. был органистом в храме. Хотя Обухович женился, о. Антоний с радостью принял в свой дом молодую семью, а затем радовался появившемуся у них сыну. Когда мальчик умер, не прожив и года, о. Антоний «плакал как ребенок».

В 1926 г. на основании декрета папы Пия XI «Quo aptius» от 10 марта территория Тираспольской епархии была разделена на несколько апостольских администратур. Среди них была администратура на Северном Кавказе. Апостольским администратором был назначен о. Иоанн Рот, настоятель прихода в Пятигорске.

О. Антоний остался единственным католическим священником восточной части Северного Кавказа и вынужден был обслуживать все католические общины. Кроме Владикавказа, в 1931 г. переименованного новой властью в Орджоникидзе, были общины в Моздоке, Пятигорске, Грозном, в Хасавюрте, а до 1932 г. – также на хуторе Минском, и др. общины. В силу преследований эти группы уменьшились (перед арестом о. Антония католиков, посещавших богослужения, насчитывалось приблизительно 300–400 человек). Есть также свидетельство о том, что о. Антоний по просьбе прихожанки побывал после 1927 г. в Буйнакске, где совершил молебен за умершую мать просительницы, на кладбище молился над могилами католиков. В ситуации, когда большинство священников были арестованы или, спасаясь, уехали, о. Антоний, рискуя своей жизнью, ездил по разным общинам, которые без его заботы скоро бы распались. Надо также помнить об унижительных процедурах получения пропусков на эти поездки.

Большевики охватили антирелигиозной агитацией прежде всего детей и молодежь. Поэтому о. Антоний много занимался с детьми. Преподавая Закон Божий, он учил детей терпеливо принимать страдания, нести крест, чтобы соединиться со Христом. В тяжелое время он наставлял людей, чтобы молились и не ослабевали в вере, сам подавал пример молитвы. Он много беседовал с детьми о том, как вести себя в семье, в школе, на улице, воспитывал в них дружелюбие, запрещал мучить животных. Водил в городской парк, устраивал игры, танцы, организовал хор.

Все прихожане очень уважали своего настоятеля. Он со всеми разговаривал, все к нему тянулись и окружали его. Призывал родителей приводить де-

тей в храм, порицал тех, кто на время службы оставлял детей играть в парке при храме. Он посещал семьи прихожан, навещал больных, подолгу беседовал с людьми.

Власти национализировали приходской дом, поэтому о. Антоний проживал в «сторожке» при храме, где жили еще его сестра и семейство органиста. При этом в 1936 г. он принял на квартиру еще одного человека – только что вернувшегося из ссылки священника с Украины, о. Болеслава Блехмана⁸⁹, который, отбыв свой срок, не мог вернуться на место прежнего служения, в Киев.

Прихожан становилось все меньше, люди боялись ходить в церковь. О. Червинский продолжал служить на своем месте и готовился к своему возможному аресту. В саду он закопал главный (напрестольный) храмовый крест, чтобы сберечь его.

МУЧЕНИЧЕСТВО

Советская власть прикрывала свое намерение уничтожить религию лозунгом борьбы с контрреволюцией и антисоветской агитацией. Особенно по Католической Церкви ударили репрессии против представителей национальных меньшинств (поляков, немцев, эстонцев, литовцев и т. д.). Они обвинялись в создании тайных организаций, задачей которых являлся шпионаж в пользу других государств, в организации саботажа и диверсий, в предательстве Родины и т. д. Таким же образом НКВД подготовило и уголовное дело против о. Антония Червинского.

О. Антоний был арестован 2 декабря 1936 г. в г. Орджоникидзе.

Вместе с ним были арестованы священники – о. Б. Блехман и о. Иоанн Рот, которые уже ранее подвергались репрессиям⁹⁰, а также сестра о. Антония, органист и бывший сторож при храме – старик, и несколько старух-прихожанок, полек и немок, которые иногда заходили к священнику.

Во время ареста о. Антоний попросил, чтобы ему разрешили зайти в храм и принять Причастие, чтобы Святые Дары не подверглись поруганию при национализации храма.

Архивные документы показывают, что власти для уничтожения о. Антония поступили так же, как и в случаях с другими священниками в других приходах. Арестовали лиц, с которыми о. Антоний встречался, назвали их контрреволюционной группировкой и держали в тюрьме до полного истощения сил и психического расстройства, а затем требовали подтверждения вымышленных обвинений.

О. Червинского обвинили в контактах с архиеп. Адрианом Сметсом и его помощником о. Антонио Фрагалли. Сметс в 1921 г. был Апостольским делегатом в Персии и апостольским визитатором в Грузии. Так как Закавказье вскоре вошло в состав СССР, архиепископ больше не мог посещать эту территорию. Неизвестно, были ли эти контакты полностью вымышлены сотрудником НКВД или в действительности имели место в самом начале 1920-х гг.

⁸⁹ В 1933 г. был осужден Коллегией ОГПУ по ст. 58/6 Уголовного Кодекса (шпионаж).

⁹⁰ О. Иоанн Рот был осужден Коллегией ОГПУ в 1930 г. по ст. 58/6 Уголовного Кодекса (шпионаж) к трем годам высылки. В точности неизвестно, когда именно он был арестован во второй раз.

15 декабря 1936 г. о. Антонию было предъявлено обвинение по ст. 58, пп. 6, 8, 10 и 11 УК РСФСР. П. 6 – это «шпионаж», п. 8 – «совершение террористических актов» и «участие в выполнении таких актов», в п. 10 преступлением называлась «пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву, ослаблению советской власти», а также «распространение, изготовление или хранение литературы того же содержания», и определено как отягчающее обстоятельство «использование религиозных или национальных предрассудков масс»; в п. 11 объявлена преступной «всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных [...] преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки и совершения» этих преступлений; оба пункта предусматривают одинаковое наказание в соответствии с п. 2 этой же статьи 58, т. е. «высшую меру социальной защиты – расстрел, или объявление врагом трудящихся» с конфискацией имущества». О. Червинского обвинили в том, что он «создал и руководил контрреволюционной фашистской националистической группировкой [...], проводил активную контрреволюционную работу среди польского населения города Орджоникидзе». Такими преступными делами о. Антония в Орджоникидзе и окрестностях было то, что он служил Святые Мессы, исповедовал, причащал, навещал больных. Участниками преступной группировки были названы те, с кем он жил в квартире, несколько старушек-прихожанок, заходивших за чем-либо к настоятелю или к его сестре, и церковный сторож. О. Червинский не признал себя виновным ни на судебном заседании, ни вне его.

Во время следствия он был якобы готов оказать помощь следователям в разоблачении «врагов народа», но, очевидно, никакой помощи не оказал. О. Антоний уже до ареста терял зрение (был слеп на правый глаз) и в тюрьме совсем его потерял – на прогулке передвигался, держась за стенку. Поэтому он не мог проверять протоколы своих допросов.

О. Червинский, отвечая на вопросы следователя о своих контактах, не желая ни на кого навести подозрение, называл фамилии только тех своих знакомых и прихожан, которые были уже недостижимы для следствия, так как в 1920 – начале 1930-х гг. выехали из страны.

Ему предлагали отречься от веры, отказаться от обязанностей священника, но он не согласился.

1–2 ноября 1937 г. Военный трибунал СевероКавказского военного округа приговорил о. Червинского и о. И. Рота к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 16 или 17 января 1938 г. в 20 часов. По другим сведениям – 26 января 1938 г. Эта же дата указана в письме Консульского отдела Посольства Республики Польша в Москве от 28 июня 1938 г. в МИД Польши. Место захоронения о. Червинского неизвестно.

О. Б. Блехман и миряне, проходившие по делу, были отправлены в тюрьму, ссылки и лагерь.

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

Наиболее активные прихожане после ареста о. Червинского писали письма с просьбой о его освобождении. За это они также подвергались репрессиям. Но никто ни в чем не винил своего настоятеля. Если им удавалось выжить

в лагерях и ссылках, они не могли сразу вернуться на родину. Во Владикавказе остались немногие запуганные бывшие прихожане. Католики из других населенных пунктов Кавказа также были арестованы и расстреляны.

Сестра о. Антония Эмилия была сослана на Север, а потом проживала на Украине, поэтому даже если она знала о том, как умер её брат, то никому этого не сообщила, кроме семьи Обуховичей и своей подруги М.В. Любвицкой.

Однако память продолжала существовать. М.В. Любвицкая в ссылке берегла фотографии, другие сохраняли веру, хотя не имели священника и храма, и каждый день молились за упокой о. Антония и о возвращении храма. Сохранению веры способствовала память об о. Антонии как о добром пастыре, который готовил своих прихожан к принятию страданий и постигал сам. После смерти Сталина и возвращения из ссылки Э.К. Червинская ходатайствовала о пересмотре дела брата. Приговор в отношении о. Червинского был отменен и дело прекращено определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 27 мая 1958 г., т. е. он был реабилитирован.

Когда служивший на Кавказе с 1991 г. о. Б. Чаплицкий стал собирать католиков Владикавказа, он стал также искать сведения о судьбе последнего настоятеля и о судьбе храма. Из свидетельств возникал образ священника, но никто не знал точно, что с ним случилось. Свидетели были в 1920–1930-е гг. детьми, они очень хорошо помнили о. Антония или сами, или со слов своих родителей, и отзывались о нем как о светлом, добром, даже святом человеке. Местный правозащитник А.Г. Лебедев сделал запрос на тему смерти о. Червинского в Министерство внутренних дел Северной Осетии, и таким образом удалось получить некоторые архивные материалы его дела.

После возрождения в 1993 г. католического прихода во Владикавказе богослужения проводились в разных помещениях: на квартирах, в Доме культуры, в храме Армянской апостольской Церкви. Первая служба в собственной часовне, устроенной вблизи бывшего католического храма, прошла 14 октября 1996 г.

На основании архивных документов получилось восстановить основные события жизни о. А. Червинского. Свидетельства и архивные документы давали основание считать, что владикавказский настоятель отдал жизнь за Христа и Церковь, как и многие другие священники и миряне в период гонений за веру. Поэтому, обсудив дело со специалистами, о. Б. Чаплицкий, зная, что Апостольская Администрация в Москве не в состоянии начать процесс беатификации, предложил Апостольскому Администратору для католиков латинского обряда Европейской части России еп. Т. Кондрусевичу обратиться за поддержкой в деле организации процесса беатификации о. А. Червинского к архиепископ-митрополиту Катовицкому Д. Зимоню (епископу епархии, к которой принадлежит о. Б. Чаплицкий). Письмо с просьбой начать информационный процесс по делу о. А. Червинского было выслано 25 сентября 1993 г.

В памяти людей сохранились слова проповеди о. Антония, особенно о несении креста. Многие прихожане взывают о заступничестве своего пастыря-мученика. Они помнят, как он заботился о них и помогал при жизни: приютил сирот, отговорил девушку от неудачного замужества. Прихожане уверены, что заступничество о. Червинского помогает им и теперь. Семья арестованного по делу о. Антония органиста Обуховича, прошедшего лагерь и ссылку на Севере СССР, была уверена, что это молитвы священника спасли его бывшего воспитанника от смерти в тюрьме, а затем в лагере и ссылке. Эта семья поселилась

впоследствии в Грозном, в Чечне, где в 1990-е годы разгорелась война, и погибло много мирных жителей. Члены семьи Обуховича уцелели. Они приписывают опеке о. Антония свой благополучный отъезд из дома в Грозном в начале января 1995 г. Дом этот через несколько дней сгорел. Верующие убеждены, что заступничество о. Антония помогало в таких случаях, как поиск потерянных вещей, исполнение желания посетить Сибирь, где когда-то страдали в лагерях и ссылке сотни тысяч христиан. Его молитвенной помощи просили прихожане владикавказского прихода, когда тяжело заболел о. Б. Чаплицкий.

А. Боровская, опрашиваемая по поводу о. Антония, сказала: «Я сразу подумала, что это для того, чтобы его объявить святым». Прихожанка Е.С. Обухович самостоятельно составила молитву о прославлении о. Червинского. Католики Владикавказа уверены, что в восстановлении самого прихода проявилось заступничество о. Червинского.

Об о. Червинском было опубликовано несколько статей в газете «Свет Евангелия». Его биография опубликована в книге о. Р. Дзвонковского. Он же упоминал о. Червинского в своих рассказах о гонениях на Католическую Церковь, выступая на радио Ватикана. Статья об о. Червинском содержится в церковном календаре на 2003 г. Упоминания о последнем настоятеле Владикавказского прихода эпохи гонений есть на нескольких интернет-сайтах, в том числе на сайте Постулатуры.

Издан буклет с фотографией и молитвой о прославлении о. А. Червинского. Он распространяется не только во Владикавказе, но и в других местностях России, например, в Петербурге, Москве и т. д.

Александра Романова

ЛИТЕРАТУРА

Дзуцева-Мягкова К.А. Храм во Владикавказе: Воспоминания очевидцев // Свет Евангелия. 1999. № 13, 29 мар. С. 3.

Обухович Е.В. Свидетельство // Свет Евангелия. 2000. № 43 (298), 26.11.

Чаплицкий Б. о. Антоний Червинский // Церковный календарь на 2003 г. Зерно из этой земли... СПб., 2002. С. 136-142.

Чаплицкий Б., Осипова И.И. Книга памяти. Матриолог Католической Церкви в СССР. М., 2000.

Dzwonkowski R. Z historii kościoła katolickiego w ZSRS 1917-1991: pogadanki w Radiu Watykańskim. Ząbki: Apostolicum, 2005. S. 99, 141.

Dzwonkowski R. Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR 1917-1939: Martyrologium. Lublin, 1998.

При написании статьи использованы также материалы архивов: личного архива о. Б. Чаплицкого; архива постулатуры; архива прихода Успения Божьей Матери (Билгорай, Польша); архива Управления ФСБ по республике Северная Осетия – Алания; Государственного архива Северной Осетии; Российского государственного исторического архива; Archiwum Rodziny Maryi w Warszawie; материалы сети Интернет.

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

Свящ. А. Червинский отвечает усопшего Константина Любоксицкого. Владикавказ 1923 г.

СЛУГА БОЖИЙ СВЯЩ. ЕПИФАНИЙ АКУЛОВ

(ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ АКУЛОВ)

1897-1937

БИОГРАФИЯ

Игорь Александрович Акулов родился 13 апреля 1897 г. в селе Ново-Никитское Корчевского уезда Тверской губернии, в православной русской крестьянской семье. Известно, что его мать была доброй христианкой. Игорь Акулов вырос добрым и набожным человеком. В 1918 г. он окончил реальное училище. Работал конторщиком на Николаевской железной дороге. В июне 1919 г. был мобилизован и служил в Красной Армии. В январе 1920 г. был демобилизован и вернулся в Петроград. Попытался заняться торговлей, открыл мелочную лавку, но вскоре оставил это дело.

В 1920 г. Игорь Акулов, чувствуя призвание к монашеству, стал послушником Александро-Невской Лавры в Петрограде, с апреля 1920 по август 1922 г. учился в православном Петроградском Богословском институте, 2 июля 1921 г. в церкви Федоровского подворья в Петрограде был пострижен в монахи с именем Епифаний, а 1 ноября рукоположен в сан иеромонаха.

Время, в которое о. Епифаний принял постриг, было очень сложным для религиозной жизни в России, в том числе и для жизни Русской Православной

Церкви. Помимо давления на нее со стороны властей, она была раздираема внутренними раздорами и проблемами. В 1922 г. начался «обновленческий» раскол, активисты которого, в том числе священники, в церковной жизни допускали кощунственное нарушение церковных установлений.

По воспоминаниям современников, о. Епифаний был «простой человек, набожный и чистой души, скромного поведения. [...] Разграбленная большевиками лавра представляла картину полного разложения; дисциплина в монастыре рухнула совершенно. Старики или поуходили в затвор или вымерли; молодые же монахи совсем опустились. При поступлении в монастырь, о. Епифаний ничего об этом не знал. После рукоположения, монахи считали его уже равноправным; менее достойные стали даже посвящать его в секреты своих походов, высмеивая его набожность и душевную чистоту. Ошеломленный виденным и слышанным, о. Епифаний бежал из Лавры».

О встречах католиков восточного обряда о. Епифаний узнал, по-видимому, случайно. Посещая эти встречи, он познакомился с экзархом Леонидом Федоровым (ныне блаженным). О. Епифаний присоединился к Католической Церкви (вместе со своей престарелой матерью) летом 1922 г. Тогда же, летом 1922 г., он был рукоположен архиеп. Иоанном Цепляком во священники восточного обряда.

С августа 1922 г. о. Епифаний был назначен викарием прихода Сошествия Святого Духа на Апостолов в Петрограде (византийского обряда). Приход в то время уже располагался в домовая церкви, находившейся на втором этаже двухэтажного деревянного дома на углу Бармалеевой и Большой Пушкарской улиц, № 48/2, на Петроградской стороне (здание не сохранилось). О. Леонид и Ю. Н. Данзас (монахиня Иустина) занимались с о. Епифанием славянским и латинским языком.

Экзарх Леонид Федоров, который стал духовником о. Епифания, писал своему начальнику, Львовскому греко-католическому митрополиту Андрею Шептицкому: «Бесконечная милость Божия и тут не оставила нас, послав нам молодого иеромонаха Епифания. Попал он к нам в самый разгар борьбы за Церковь, но не испугался и не отступил. Протестантство и рационализм его не коснулись. Служит он прекрасно, недурно проповедует и вполне разделяет наши идеи: восточник чистой воды».

31 июля 1922 г. настоятельница московской общины доминиканок Третьего Ордена м. Екатерина (Абрикосова) писала своей подруге, русской католичке кн. М.М. Волконской в Италию: «На фоне нашей тяжелой, мрачной жизни большое радостное событие – присоединение у отца Леонида Федорова двух иеромонахов, одного очень пожилого⁹¹, другого совсем молодого, полного сил отца Епифания. Еп. Цепляк и ему не преминул предложить латинский обряд, но он ответил: „Русский народ бритого священника никогда не примет, что я буду делать в латинском обряде“». 14 ноября 1922 г. она писала мужу, высланному из России о. Владимиру Абрикосову: «Амфилохий оказался никуда негодным, а Салафиил сбежал, так как был обличен в некрасивом обращении с деньгами [...] Остался пока приличным один Епифаний».

О. Епифаний служил в церкви прихода Святого Духа до момента ее закрытия 5 декабря 1922 г. Служил он также в латинском приходе Святого Бони-

⁹¹ По-видимому, речь идет об о. Алексее Зерчанинове.

фация (Церковная ул.⁹², д. 9; здание не сохранилось), с сентября 1922 г., видимо, нелегально, с начала ноября – легально до момента закрытия 5 декабря 1922 г., затем после открытия в июне 1923 г. – видимо, до момента ареста. Время было очень сложным, гонения нарастали. 28 декабря 1922 г. экзарх русской Греко-Католической Церкви Леонид Фёдоров писал м. Екатерине (Абрикосовой): «Так как единственным живым человеком из числа священников останется только о. Епифаний, то нужно будет позаботиться о содержании его и сестер, если таковые еще останутся, также придется позаботиться о том убежище, куда будут собираться наши верные». Заботу об о. Епифании экзарх поручил прихожанке, своей помощнице К. Н. Подливахиной.

Весной 1923 г. в Москве должен был состояться открытый процесс против католического духовенства. Экзарх Леонид Федоров, предчувствуя свой скорый арест, накануне выезда в Москву, 4 марта, в письме о. Алексею Зерчанинову, до того назначенному им временным управляющим северной части экзархата, назначил о. Епифания несменяемым заместителем настоятеля закрытой церкви Сошествия Святого Духа⁹³, причем указал: «...перед властями он должен фигурировать только в качестве священника, которого Вы наняли, чтобы совершать службу в храме... Это делается для того, чтобы сберечь его от большевистских посягательств». Вскоре экзарха арестовали и после московского процесса католического духовенства, 25 марта, приговорили к 10 годам тюрьмы.

После ареста о. Леонид о. Епифаний поселился на квартире⁹⁴ у Ю.Н. Данзас (сестры Иустины), греко-католической монахини, которой о. Леонид поручил заботу о нем и которая до закрытия церкви Сошествия Святого Духа исполняла в ней обязанности псаломщика. После ликвидации церкви о. Епифаний тайно служил в этой квартире для нескольких ревностных прихожан. Алтарь помещался в приемной и был заставлен ширмой, чтобы не бросаться в глаза посторонним посетителям. Ежедневные службы продолжались вплоть до марта 1923 г. Во время крещенского богослужения, 6 января, в квартиру пришли милиционеры с обыском, но формальных причин для разгона молящихся не было, и они ушли.

О. Болеслав Слоскан, будущий епископ, стал духовником о. Епифания вместо арестованного экзарха.

С весны 1923 г. о. Епифаний присутствовал каждый вторник на собраниях католического духовенства, которые устраивал викарий архиепархии, прелат С. Пржирембель. На собраниях обсуждались текущие организационные вопросы.

В мае 1923 г. о. Епифания арестовали в Петрограде приблизительно на месяц, но выпустили.

С июня 1923 г. о. Епифаний участвовал в заседаниях кружка «боголюбцев», организованного Дмитрием Крючковым⁹⁵, который познакомился с экзархом Леонидом Федоровым осенью 1922 г. Инициатива создания кружка принадлежала экзарху. Кружок был неофициальным, т. е. не зарегистри-

⁹² С 6 октября 1923 г. – ул. Блохина.

⁹³ Службы на тот момент совершались на квартире у Ю.Н. Данзас (монахини Иустины) на углу Подрезовой ул. и Малого пр. Петроградской стороны.

⁹⁴ П.С., Малый пр., д. 76–78, кв. 19.

⁹⁵ Крючков Дмитрий Александрович (26 апреля 1887 – после 1936) – поэт, переводчик издательства «Всемирная литература», был псаломщиком в православной церкви, в католичество официально перешел 19 августа 1923 г.

рованным. Участвовали в нем прихожане церкви Сошествия Святого Духа, девять мирян и о. Епифаний. Заседания проходили на квартирах прихожан. Собравшиеся после вступительной молитвы читали толкования Иоанна Златоуста и богословские книги. Когда о. Епифаний присутствовал на заседании, он был председателем. Кроме этого, в приходе была конференция св. Викентия (председатель – Л. Гильдебрандт (сестра Екатерина)), которую также окормлял о. Епифаний. Члены конференции заботились о храме Святого Бонифация, где по воскресеньям служил о. Епифаний, убирали, чистили, стирали церковное белье.

С о. Леонидом Федоровым о. Епифаний поддерживал переписку. Накануне ареста все эти письма были им уничтожены. В архивном деле сохранилось ответное письмо экзарха о. Епифанию, об участии в католических процессиях. Но одно из писем о. Епифания, на шести страницах, было обнаружено при обыске у м. Екатерины (Абрикосовой) в Москве. В следственном деле были процитированы две фразы из него: «...что дело нашей пропаганды, правда очень медленно, но движется вперед <...> Конференция Св. Викентия растет и работает, кружок боголюбцев <...> при нашем приходе процветает».

Несколько русских католиков Петрограда ходатайствовали во ВЦИК об освобождении экзарха Л. Федорова 25 октября 1923 г. Текст прошения был составлен Ю.Н. Данзас, а среди пяти подписавших его был о. Епифаний.

10–18 ноября 1923 г. о. Епифаний служил в приходе в Витебске, затем вернулся в Петроград.

Известно, что у о. Епифания была духовная дочь – О.М. Фоминцева, которая после его ареста перешла к о. Болеславу Слоскану. Она скончалась в 1929 г., а ее дневник попал в 1936 г. к о. М. Флорану.

МУЧЕНИЧЕСТВО

В конце 1923 – начале 1924 г. в Москве и Петербурге были арестованы все греко-католические священники, многие монашествующие и миряне. Власти сфабриковали «дело» русских католиков, так как боялись, что Греко-Католическая Церковь в России широко распространится и привлечет множество людей из Православной, к тому времени, в силу исторических причин, уже основательно потерявшей влияние в обществе, расколотой после Октябрьской революции на несколько частей и во многом подконтрольной властям. Секретарь Петросовета Ларионов сказал Ю.Н. Данзас при разговоре о ликвидации храма в начале июня 1923 г.: «...в подлую фёдоровскую церковь пойдут миллионы, пойдут в католическую интернациональную организацию!»

Сразу после ареста членов московской Абрикосовской общины в начале ноября 1923 г., ОГПУ решило арестовать петроградских греко-католиков, пока они не узнали о московских событиях: «В виду того, что в Петрограде имеется аналогичная <московской. – Ред.> католическая община имени Св. Духа, не имеющая самостоятельной Церкви, а пользующаяся церковью св. Екатерины: Невский проспект, 39, и еще где-то, адрес неизвестен, – считаем необходимым в самом срочном порядке (раньше, чем до них <дойдут> слухи о ликвидации в Москве), произвести самые тщательные обыски: 1) в приходах Общины,

2) у лиц, упомянутых в прилагаемом при сем списке и 3) у лиц, возглавляющих Общину. По нашим сведениям, главарями являются: св[ященник] АКУЛОВ ЕПИФАНИЙ <...>. Главарей необходимо арестовать <...>».

13 ноября арестовали Ю.Н. Данзас и К.Н. Подливахину, других петроградцев – в основном в ночь с 17 на 18 ноября. О. Епифания в этот момент не было в Петрограде, т. к. он выехал в Витебск. Его взяли под стражу по возвращении, 29 ноября, по обвинению в проведении контрреволюционной деятельности. Существует версия, что он сам пришел в ГПУ, чтобы разделить участь своих прихожан.

О. Епифаний подтвердил на допросе, что экзарх назначил его заместителем настоятеля церкви Сошествия Святого Духа и что после закрытия храма он проводил богослужения для прихожан в храме Святого Бонифация, а также на квартирах. У о. Епифания была изъята при обыске брошюра «Директивы священникам Парижской епархии» в переводе Ю.Н. Данзас. Брошюру, распечатанную в Москве, в общине м. Екатерины (Абрикосовой) в нескольких экземплярах, передал о. Епифанию о. Н. Александров, заверив ее печатью митрополита Андрея Шептицкого.

24 апреля 1924 г. о. Епифанию было предъявлено Обвинительное заключение, где утверждалось, что он «являлся активным членом незарегистрированной Ленинградской католической общины, председателем нелегальных богословских кружков, поддерживал связь с осужденными ранее представителями католического духовенства».

Постановлением Коллегии ОГПУ от 19 мая 1924 г. о. Епифаний был приговорен по ст.ст. 61 и 66 Уголовного Кодекса РСФСР к 10 годам тюремного заключения (ПП КОГПУ) «за участие в организации, содействующей международной буржуазии в свержении Советской власти».

Церковные власти не выпускали о. Епифания из виду. Прелат А. Около-Кулак писал 26 июня 1924 г. в Комиссию по репатриации в Варшаву, что «...15 и 20 июня сего года Его Высокопреосвященство Архиепископ Ропп письменно обратился к министрам по делам религий и по иностранным делам, а также к британскому и итальянскому послам, обращая их внимание на печальное положение духовенства в большевистской России и прося о вмешательстве с целью облегчения их <т.е. представителей духовенства. – Ред.> участи <...> В тюрьме ГПУ трое католических священников восточного обряда: Ян Дейбнер, уже осужденный на 10 лет ссылки, Епифаний Акулов, Александров. Их нужно обменять персонально».

Однако это не помогло, и о. Епифаний был отправлен в ссылку в Иркутск. Ехал в поезде в одном вагоне с А.И. Абрикосовой (м. Екатериной, до Екатеринбург), с. Люцией Чеховской, Г.Ф. Енткевич (с. Розой Сердца Марии) и Е.В. Вахевич (с. Агнесой). В Александровском изоляторе в Иркутске женщин определили на работу, а о. Епифанию начальство не доверяло, поэтому он оказался в худших условиях – ему не разрешали работать. Он получал небольшую денежную помощь от Красного Креста. В 1927 г. он был досрочно освобожден и отправлен в ссылку в Назимовский район Сибири. Из заключения, находясь в тяжелых условиях, о. Епифаний переписывался со своей престарелой матерью. В письмах он убеждал ее пребывать всегда в твердом исповедании католической веры. Из ссылки о. Епифаний был освобожден 22 мая 1933 г.

Вероятно, еще не зная об этом, еп. Пий-Эжен Нёвё, Апостольский администратор Москвы и опекун католиков восточного обряда, писал в Ватикан 16 июня 1933 г.: «...До меня также доходят очень тревожные слухи из Ленинграда: к сожалению, я не смог их проверить; но я боюсь, что они слишком реальны. Мне сказали, что отец Епифаний Акулов, монах-конвертит, арестован. Он был единственным, кто помогал оо. Амудрю и Флорану. Добавляют, что многие католики, особенно те, которые составляли списочные группы (двадцатка) верующих каждой церкви, заключены в тюрьму...»⁹⁶. Он же называл о. Епифания «очень активным деятелем для объединения» Церквей.

О. Епифаний, освободившись, поехал в Москву и встретился с еп. Нёвё, который отправил его в Ленинград, в распоряжение Апостольского администратора еп. Иоанна Амудрю.

В переписке членов доминиканского ордена, к которому принадлежал еп. Амудрю, упоминается, что у о. Епифания Акулова тогда было слабое здоровье – видимо, в результате заключения и ссылки.

Со слов сестры из общины м. Екатерины Абрикосовой, Филомены (С.В. Эйсмонт), которая 21 августа 1933 г. отвечала на вопросы следователя о судьбе ее знакомых священников, известно о тех условиях, в которых находился о. Епифаний в заключении: «Акулов И.А. рассказывал о своей жизни в концлагерях, о мучениях и условиях заключения осужденных. Он говорил, что условия содержания в лагере исключительно суровые и жестокие: созданы тяжелые условия работы и содержания, установлены непосильно и чрезмерно высокие нормы работы, приводящие к полнейшему истощению заключенных. Практикуются следующие методы: поздней ночью заключенных поднимает стража, и в мороз, грязь их гонят в лес. В лагерях бытовые условия таковы, что эпидемии, паразиты и грязь – обычное явление. Он говорил о системе произвола администрации лагеря, мучениях и избиениях заключенных прикладами. В общем, отношение бесчеловечное. В заключение Акулов говорил, что он удивляется, как он остался жив и не сошел с ума».

О. Епифаний после возвращения в Ленинград служил в нескольких храмах, т. к. в это время большинство священников, оставшихся в городе и отбывших сроки заключения, покинули Россию и вернулись в Польшу⁹⁷. Апостольский администратор о. Иоанн Амудрю затруднялся допустить его к служению, так как богослужение по восточному обряду тогда уже было совершенно запрещено, а латынь о. Епифаний знал очень плохо. Все же о. Амудрю разрешил ему служить в храме Святейшего Сердца Иисуса (26 июля 1933 – июнь 1937 г.). Жил о. Епифаний по адресу: Смоленский переулок, д. 45, кв. 2.

В 1934 г., по поручению еп. Нёвё, о. Епифаний ездил в Вятку, где тогда находился в ссылке экзарх Леонид Федоров, чтобы навестить его, передать материальную помощь и узнать о состоянии его здоровья. Здоровье о. Леонида, измученного тюрьмами и ссылкой, было очень плохим. 7 марта 1935 г. о. Леонид скончался. Получив телеграмму от Польского Красного Креста,

⁹⁶ Пер. с фр. – Ред.

⁹⁷ К началу 1934 г. в Ленинградской Апостольской администрации было всего два священника – о. Иоанн-Морис Амудрю и о. Акулов.

о. Епифаний выехал для похорон экзарха в город Вятку (Киров), где тот перед смертью жил. К сожалению, телеграмма в Ленинград пришла уже после похорон, и о. Епифаний не мог сразу добраться до Кирова. Он молился на могиле усопшего, заказал для нее крест и ограду на средства, предоставленные Красным Крестом.

С 1934 г. о. Епифаний служил также в храмах Посещения Пресвятой Девы Марией св. Елизаветы (обслуживал с января 1934 по 26 июля 1937), Святого Казимира (обслуживал с января 1934 по 26 июля 1937), Святого Алексея (обслуживал с января 1934 по 25 октября 1935) и Святого Франциска Ассизского (обслуживал с января 1934 по август 1935).

В апреле 1935 г. о. Епифаний снова был арестован на короткий срок, но вскоре освобожден и еще более двух лет окормлял немногочисленных русских католиков Ленинграда.

26 июля 1937 г. о. Епифаний был вновь арестован. Ему инкриминировали то, что он якобы «по указаниям Польского консульства в Ленинграде и Ватикана с 1935 г. развернул активную антисоветскую деятельность». Также его обвиняли в стремлении сохранить костелы, в получении денег от Польского консульства на ремонт храмов и в воспитании польских националистических кадров. Вместе с ним были арестованы и репрессированы 25 человек, в основном поляки, рабочие ленинградских заводов, так как это дело, как и многие другие, имело, кроме религиозного, национальный характер. 19 августа 1937 г. было составлено обвинительное заключение, где говорилось: «Акулов – являлся одним из руководителей антисоветской польской организации, проводящей на территории СССР шпионско-диверсионную и террористическую деятельность» (статья обвинения – 58 п 1-А (УК РСФСР). 25 августа 1937 г. Комиссией НКВД и прокурором ЛВО о. Епифаний Акулов был приговорен по ст.ст. 58-6 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. 27 августа на основании предписания заместителя начальника Ленинградского Управления НКВД и телеграммы из центрального аппарата НКВД его расстреляли в Ленинграде (вероятно, под Ленинградом – на Левашовской пустоши). Похоронен он на Левашовской пустоши.

Преемник высланного из страны о. Иоанна Амудрю, о. Мишель Флоран, в своем отчете за 1937 г., посланном в Рим, писал: «О. Акулов был арестован 27 или 28 июля 1937 года. На этот раз его приговорили к десяти годам принудительных работ и отправили, судя по всему, на север, в колымские лагеря». Но о. Мишель не знал всей правды. На самом деле в это время о. Епифания уже не было в живых.

Судя по документам, о. Епифаний был реабилитирован дважды: 31 мая 1989 г. – Военным прокурором ЛВО на основании с. 1 Указа Президиума Верховного Совета и 30 августа 1996 г. – заключением прокуратуры Санкт-Петербурга.

Среди верных в Санкт-Петербурге существует память о мученичестве о. Епифания и убеждение в его святости. По воспоминаниям прихожан, он читал очень хорошие проповеди на русском языке, был добрым и сердечным; уделяя Святые Дары каждому причастнику, всегда полностью говорил на латыни: «Тело Господа нашего Иисуса Христа да сохранит тебя для жизни вечной».

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

Работа по восстановлению биографии о. Е. Акулова началась в 1995 г. директором ЦГА СПб Т.А. Зерновой. 24 октября 1995 г. из Федеральной службы контрразведки РФ, Управления по Санкт-Петербургу и области пришел ответ на ее запрос о католических священниках, служивших в Ленинграде, в том числе об о. Акулове.

В 1997 г., 27 октября, о. Бронислав Чаплицкий, на тот момент преподаватель Католической Высшей Духовной семинарии «Мария – Царица Апостолов», занимавшийся составлением Книги памяти – мартиролага Католической Церкви в СССР, послал прокурору г. Санкт-Петербурга просьбу о реабилитации нескольких священнослужителей, среди которых был о. Епифаний Акулов. 3 декабря того же года был получен ответ о том, что о. Епифаний был реабилитирован 30 августа 1996 г.

М.В. Шкаровский, Н. В. Черепенина и А.К. Шикер в 1998 г. издали книгу «Римско-католическая Церковь на Северо-Западе России» (СПб., изд-во «Нестор»), где есть краткая биография о. Епифания.

В «Книге памяти: Мартирологе Католической Церкви в СССР» о. Б. Чаплицкого и И.И. Осиповой биография о. Епифания дана с максимально возможной на тот момент точностью.

В 2002 г., 22 апреля, о. Б. Чаплицкий, на тот момент – координатор процесса беатификации католических новомучеников России, послал запрос в Управление ФСБ по СПб и ЛО с просьбой уточнить данные об о. Епифании. 8 мая был получен ответ, в котором указывалось, что сведений после освобождения из ссылки 22 мая 1933 г. не сохранилось. 23 июля о. Б. Чаплицкий в ответном письме указал на книгу М.В. Шкаровского, содержащую сведения о приговоре и расстреле о. Епифания, и просил уточнить данные. 8 августа в ответе из Управления ФСБ просьба была удовлетворена.

Существует почитание иеромонаха Епифания Акулова в Спасо-Преображенской общине монахов Святого Василия Великого (т. е. василиан), выражающееся в поминовении на проскомидии и служении литии по субботам.

Материалы об о. Епифании содержатся на сайте Постулатуры: www.catholicmartyrs.org (с 2002 г.).

Биография содержится в «Церковном календаре на 2003 г. ...».

16 марта 2003 г. в российской католической газете «Свет Евангелия» появилась публикация «Верую... в общение святых», содержащая краткие биографии кандидатов для прославления в будущем процессе беатификации российских католических новомучеников.

В 2004 г. был выпущен образок с фотографией о. Епифания и молитвой о прославлении.

В 2005 г. о. Р. Дзвонковский упомянул о. Епифания как погибшего в Ленинграде в 1937 г.

В 2010 г. вышел сборник «Материалы к истории Римско-католического прихода во имя Посещения Пресв. Девой Марией св. Елизаветы и к истории католического кладбища Выборгской стороны в Санкт-Петербурге», составленный С.Г. Козловым-Струтинским, где рассказывается о служении о. Акулова в этом храме.

Александра Романова

ЛИТЕРАТУРА

Василий [фон Бурман], диакон ЧСВ. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. Львів, 1993.

Венгер А. Рим и Москва 1900-1950. М.: Русский путь, 2000.

Материалы к истории Римско-католического прихода во имя Посещения Пресв. Девой Марией св. Елисаветы и к истории католического кладбища Выборгской стороны в Санкт-Петербурге: Сб. / сост. С.Г. Козлов-Струтинский; ред. И.М. Шейнман. [Гатчина: СЦДБ], 2010.

Осипова И.И. «Возлюбив Бога и следуя за Ним...». Гонения на русских католиков в СССР. М., 1999.

Парфентьев П.А. О. Епифаний Акулов // Церковный календарь на 2003 г. Зерно из этой земли... СПб., 2002. С. 108-114.

Чаплицкий Б., Осипова И.И. Книга памяти: Мартиролог Католич. церкви в СССР. М.: Серебряные нити, 2000.

Шкаровский М.В. и др. Римско-Католическая Церковь на Северо-Западе России. 1917-1945 гг. СПб., 1998.

Юдин А.В. «Россия и Вселенская Церковь»: судьбы российского католичества // Религия и демократия. На пути к свободе совести. Вып. 2. М., 1993.

Dzwonkowski R. Z historii kościoła katolickiego w ZSRS 1917-1991: pogadanki w Radiu Watykańskim. Zabki: Apostolicum, 2005. S. 141.

При написании статьи были использованы также документы архива постулатуры, ГАРФ, РГИА, ААН, ASV, Russicum.

СЛУГА БОЖИЙ

СВЯЩ. ПОТАПИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

(ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ЕМЕЛЬЯНОВ)

1884-1936

БИОГРАФИЯ

Петр Андреевич Емельянов родился в 1881 (или 1884) г. в деревне Нагапкино Уфимской губернии, Уфимского уезда, Дмитриевской волости (ныне территория Республики Башкортостан)⁹⁸, в семье старообрядцев. Отец его был начетчиком, т. е. хорошо знал тексты Священного Писания, богослужебных книг и т. д. Известно, что у Петра была сестра Анна (?-1958).

14 июля 1900 г. в Уфу приехал вновь назначенный еп. Антоний (Храповицкий). Одним из основных направлений его деятельности было миссионерство среди старообрядцев, которых было очень много в губернии. Еп. Антоний был деятельным человеком и талантливым проповедником. Под влиянием его проповеди многие старообрядцы присоединились к Русской Православной Церкви. Так произошло и с Петром Емельяновым.

27 апреля 1902 г. еп. Антоний был переведен на кафедру архиепископа Вольнского с пребыванием в Почаевской Лавре. Он взял с собой Петра в качестве

⁹⁸ Деревня ныне не существует.

послушника, и тот больше в Уфимскую губ. не возвращался⁹⁹. До 1908 г. Петр был послушником Почаевской лавры, с 1908 г. – служил в царской армии, но по состоянию здоровья из армии был уволен. Вернулся в монастырь, где был пострижен в монахи под именем Потапий, о чём сообщил своим родным.

Затем брат Потапий был направлен в Житомир на пастырские курсы, организованные архиеп. Антонием, а в 1911 г. – рукоположен в иеромонахи. К этому времени относится единственная, очень плохо сохранившаяся его фотография небольшого формата, которая требовалась при поступлении в учебное заведение. На ней мы видим совсем молодого человека с чистыми, правильными чертами лица. Уже на пастырских курсах он стал склоняться к католицизму и, хотя не был знаком ни с одним католическим священником, самостоятельно пришел к намерению соединиться с Католической Церковью. Это тем более вызывает удивление, что о. Потапий был, с одной стороны, воспитанником еп. Антония, всегда настроенного резко антикатолически, а с другой стороны, был тесно связан с монахами Почаевской лавры, форпоста Православной Церкви на границе с Польшей, в католическом окружении. Не обнаружено свидетельств о том, что на о. Потапия повлиял кто-либо из католиков. Вероятно, он самостоятельно шел к своему решению путем чтения богословской литературы, особенно творений свв. Отцов. Позже он сказал: «... [я] узнал о нахождении себя в неправоте, а в принципе моей души не противился истине». Однако о. Потапий не сразу присоединился ко Вселенской Церкви. С 1914 г. он служил в Свято-Покровском монастыре, в марте 1917 г. был временно направлен Епархиальным Управлением для службы в единоверческом¹⁰⁰ храме в с. Нижняя Богдановка под Луганском, в Донецкой губ. Большое – до 50000 жителей – село было населено русскими, там было три прихода – православный, единоверческий и старообрядческий. О. Потапий своим строгим исполнением церковной службы и горячими проповедями завоевал любовь прихожан, которые обратились к епископу с прошением утвердить о. Потапия в качестве настоятеля, вместо прежнего, бездеятельного. Епископ утвердил это назначение.

Став настоятелем прихода, О. Потапий умел «...с любовью, приспособившись к умственному развитию паствы, показать ей истину католицизма, внушить любовь к Святому Престолу¹⁰¹». Прихожане решили всем приходом присоединиться ко Вселенской Церкви. О. Потапий не знал, как им следует действовать. При этом он не хотел заранее ставить свое церковное начальство, митр. Храповицкого, в известность о своих намерениях, так как предвидел, что ему будут чиниться всякие препятствия. Поэтому он предпочел «без всякого посредничества [...] направиться к свету истины». В первой половине 1918 г. он обратился за советом к римско-католическому священнику в г. Луганске о. Михаилу Ягулову, который направил его в Харьков к римско-католическому священнику о. А. Квятковскому. О. Квятковский направил о. Потапия в Петро-

град к о. Леониду Федорову, недавно избранному экзарху русских католиков. Прихожане снабдили о. Потапия деньгами на дорогу. По пути в Харьков он сообщил еп. Антонию о своем решении и желании его прихожан перейти в католичество, за что был им проклят. Экзарх Федоров принял от о. Потапия прошение о принятии его и его прихожан в лоно Католической Церкви. Присоединение о. Потапия состоялось 29 июня 1918 г. в храме Святой Екатерины в Петрограде. Затем о. Потапий вернулся в Нижнюю Богдановку с благословением и посланием о. Федорова прихожанам, которые очень обрадовались совершившемуся событию: «Когда я вернулся в приход от Экзарха с благословением католическим, грамотой и посланием и прочитал его после молебного пения, то духовной радости и словам умиления не было границ, ибо послание было исполнено самой горячей отеческой любви и назидания», – писал о. Потапий митр. Шептицкому впоследствии (13 июля 1924 г.). Посетивший Нижнюю Богдановку в начале августа 1918 г. о. Глеб Верховский привез о. Потапия антиминс, освященный митр. Шептицким.

Затем о. Потапий поставил обо всем в известность митр. Антония Храповицкого. Митрополит некоторое время не предпринимал никаких действий. Затем, 15 августа 1918 г., в Нижнюю Богдановку приехали два миссионера РПЦ из Харькова в сопровождении полиции. Миссионеры сначала пытались в личной беседе увещать о. Потапия и склонить его к отказу от заблуждений и возвращению в лоно Православной Церкви, но им это не удалось. Поэтому 18 августа 1918 г. миссионеры вызвали о. Потапия на публичный диспут, на котором присутствовало до 5000 слушателей. Миссионеры пытались оторвать народ от о. Потапия и оклеветать католиков, пользуясь апокрифическими сказаниями против них и показывая малообразованным людям, что эти тексты находятся в старинных книгах, которые внешне производили очень внушительное впечатление, но на самом деле не были авторитетными источниками. Однако их действия оказались безуспешными.

6 октября 1918 г. греко-католический митрополит Галицкий Андрей Шептицкий поручил о. Потапию продолжать окормлять приход в с. Богдановка, ставший греко-католическим.

Сведения о следующем периоде в жизни о. Потапия отрывочны. Не сохранилось даты его заключения в тюрьму г. Луганска, но, судя по всему, это произошло вскоре после приезда миссионеров РПЦ в Нижнюю Богдановку. Очевидно, решение об аресте о. Потапия было принято местными светскими властями под влиянием действовавшего до 1905 г. закона об уголовной ответственности за переход из православия в иное исповедание. Несмотря на его отмену, власти на местах нередко продолжали препятствовать тем, кто выражал намерение перейти в католичество. Когда о. Потапий находился в тюрьме, к нему приехал прокурор, объезжавший тюрьмы в порядке прокурорского надзора. Прокурор спросил, почему русский священник оказался в тюрьме. О. Потапий чистосердечно рассказал о событиях, предшествовавших аресту. Прокурор не мог понять, как русский человек мог по своей воле, присоединиться к Католической Церкви, и предполагал, что о. Потапий серьезно заблуждается. Прокурор предложил о. Потапию письменно заявить о своей ошибке, для того, чтобы его дело было пересмотрено, и его могли бы выпустить на свободу. О. Потапий твердо отвечал, что действовал сознательно, без всяких политических намерений, в стремлении «содействовать распространению Царства Христова и указывать

⁹⁹ Переписка с ним велась до начала революции. Потом семья считала, что он погиб в 1920-х гг.

¹⁰⁰ Единоверцы – старообрядцы, которые принимали священников от православных епископов, но сохраняли старинные обряды.

¹⁰¹ Епископ Болеслав Слосканс впоследствии писал: «На юге России вместе с о. Потапием Емельяновым воссоединился с Католическою Церковью его приход. О. Потапий умел положительным образом с любовью, приспособляясь к умственному развитию паствы, показать ей истину католицизма, внушить ей любовь к Св. Престолу».

желающим войти в него – тот камень, на котором оно основано» (т. е. Папу Римского). О. Потатий заявил: «...если бы мне пришлось, и укрепил бы Господь, пострадать, то я не только не откажусь от этой политики, но согласен тысячу раз подписать ее своей кровью». Однако прокурор продолжал утверждать, что идея о. Потатия внушена ему иезуитами, на что о. Потатий ответил, что «в Царстве Христовом нет ни русского, ни германца, никакого бы то ни было привилегированного человека, но все во Христе новая тварь».

Во время отсутствия о. Потатия митр. Храповицкий прислал в Нижнюю Богдановку православного священника, который усиленно распространял среди прихожан антикатолическую литературу и склонил нескольких человек вернуться к православию. Однако основная масса народа осталась верна Католической Церкви.

Когда о. Потатий был выпущен из тюрьмы, его прихожане очень обрадовались. Но митр. Храповицкий настаивал на том, что храм больше не может принадлежать отделившемуся от РПЦ приходу. Чтобы не нарушать христианских заповедей, о. Потатий с согласия прихожан уступил храм, и приход стал собираться на молитву в маленьком частном доме. Впоследствии они надеялись построить новый храм.

Тем временем на Украине разворачивалась Гражданская война, в которой участвовали белогвардейцы, Красная Армия, немецкие оккупационные войска, различные украинские повстанцы. Населенные пункты часто переходили из рук в руки, каждая власть устанавливала свои порядки. Православное духовенство при лояльной к нему власти доносило о противоправных, с точки зрения старого законодательства, действиях о. Потатия, и он неоднократно в течение 1918 г. арестовывался немцами, украинцами, 30 октября 1918 г. вновь был арестован белыми, 27 декабря – освобожден большевиками. 20 августа 1919 – опять арестован белыми, 24 декабря снова освобожден из Луганской тюрьмы большевиками.

В первой половине декабря 1919 г. о. Потатий писал о. Глебу Верховскому: «А о том, что нас гонят и мучают, не беспокойтесь: мы твердо стоим на скале Петровой».

Прихожане о. Потатия также подвергались оскорблениям и избиениям¹⁰²

В июле 1924 г. о. Потатий представил отчет обо всех событиях, начиная с момента перехода в унию, митр. А. Шептицкому.

По окончании Гражданской войны о. Потатий продолжал служение в Нижней Богдановке. Он познакомился с настоятелем римско-католического прихода в г. Макеевке, ассумпционистом о. Пием-Евгением Нёвё. Их контакты были не только человеческими, но и хозяйственными. О. Пий, например, снабдил о. Потатия ульями для приходской пасеки. О. Пий доверял о. Потатию. 8 октября 1926 г., будучи уже настоятелем храма Святого Людовика и Апостольским администратором Московским, о. Пий подробно, как другу, писал о. Потатию о своем недавно состоявшемся рукоположении во епископа Китросского и просил его передать прихожанам Нижней Богдановки архипастырское благословение и просьбу о молитве. 15 октября 1926 г. еп. Нёвё послал о. Потатию «Полномочие» принять общую исповедь некоего иеромонаха Мельхиседека при присоединении последнего к Католической Церкви.

¹⁰² Епископ Б. Слосканс впоследствии писал: «Его прихожанам пришлось много пострадать за веру. Были даже физически изувеченные побоями».

Кроме того, некоторые православные священники письменно обращались к о. Потатию с просьбой принять их в Католическую Церковь.

В конце 1926 г. о. Потатий ездил в Москву по вызову еп. Нёвё, по просьбе которого затем отвез секретный пакет к еп. Александру Фризону в Крым.

В 1920-х гг., вследствие политических катаклизмов, прокатившихся по Украине, – Первой Мировой войны, революции, Гражданской войны, – положение населения было в материальном отношении очень сложным. Враждующие армии и отряды одинаково требовали у населения, чтобы оно предоставляло им провиант, лошадей и т. д. Сельское хозяйство и промышленность находились в упадке, дефицитом стали не только продукты питания, но и так называемая «мануфактура» – одежда, обувь, простейшие бытовые вещи. Установившаяся власть большевиков довершила разорение населения, установив высокий продналог, а затем продразверстку.

В этих условиях о. Потатий, получая от еп. Нёвё помощь, раздавал деньги прихожанам в виде ссуд (с возвратом или без), помогал покупать одежду, обувь и хозяйственный инвентарь, а также имел намерение приобрести трактор для коллективной обработки земли, организовать проведение электричества в домах, способствовать организации кооперативной торговой артели.

О. Потатий не просто помогал прихожанам решать хозяйственные вопросы. Он отговаривал крестьян, особенно молодежь, от сотрудничества с новой, безбожной властью: от вступления в партию, в комсомол, в комитеты бедноты, объясняя народу, что коммунисты грабят его. В течение некоторого времени он был убежден, что советская власть скоро падет.

Следует отметить еще один важный момент в деятельности о. Потатия. Впоследствии еп. Б. Слосканс рассказывал: «У него не было обрядового сепаратизма. Напротив, он учил и на деле показывал, что он и латинские священники – это одно. (...) И вот после его ареста прихожане оказались сознательными католиками и, вместо того чтобы идти на восточную православную службу в храм, имеющийся в том же селе, они ездили, кажется, за 50 километров на латинскую, для них непонятную мессу».

Еп. Нёвё постоянно находился под наблюдением ГПУ, все его контакты отслеживались и отсекались. О. Потатий, как священник, также находился под постоянным наблюдением властей с момента прихода большевиков в Нижнюю Богдановку. Все это послужило причиной ареста о. Потатия, хотя поводом был факт переписки новоизбранного епископа со священником.

27 января 1927 г. комендатура Луганского Окружного отдела ГПУ УССР выдала ордер на обыск и арест о. Потатия. Однако, так как срок заключения, к которому его приговорили впоследствии, считался с 25 января 1927 г., можно предположить, что о. Потатий был арестован именно в этот день.

Его дело вел уполномоченный 1-го Отделения Киевского районного отдела ГПУ УССР Новаковский. О. Потатий был обвинен в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 70 и 73 Уголовного Кодекса (старой редакции). Содержался он в Харьковской тюрьме.

По мнению ГПУ, о. Потатий проповедовал унию и старался привлечь православных крестьян в католичество исключительно по заданиям еп. Нёвё, а также занимался антисоветской агитацией. Также, по мнению следователя, о. Потатий за присоединение к Католической Церкви давал священникам и крестьянам деньги, полученные от еп. Нёвё, который, в свою очередь, получал

деньги из Ватикана, через Французское посольство. Кроме того, закупку о. Потатия вина для совершения Литургии следователь интерпретировал как спаивание крестьян. В дополнение к этому, о. Потатий обвинялся в доставке секретного пакета из Москвы в Крым, от еп. Нёвё к еп. Фризону.

10 августа 1927 г. по делу о. Потатия было вынесено заключение. Затем следственное дело и сам о. Потатий были отправлены в Москву.

МУЧЕНИЧЕСТВО

12 сентября 1927 г. на судебном заседании Коллегии ОГПУ дело о. Потатия было заслушано. Оно рассматривалось в порядке постановления Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 9 июня 1927 г. О. Потатий обвинялся по ст.ст. 70 и 58, пункт 5 Уголовного Кодекса СССР. Подсудимый признал себя виновным в предъявленном обвинении, однако объективных доказательств его вины в деле не имеется. Он был приговорен к заключению в концлагерь сроком на десять лет, считая с 25 января 1927 г.

О. Потатий был отправлен в Белбалтлаг и в дальнейшем отбывал наказание в разных отделениях этого лагеря. На Беломорско-Балтийский канал он прибыл 8 октября 1927 г.¹⁰³, затем оказался на Соловках¹⁰⁴.

Когда он уже находился в лагере, вышло еще одно постановление. На заседании той же московской Коллегии ОГПУ 24 марта 1928 г. было решено не применять в отношении о. Потатия амнистию.

В лагере о. Потатий получал материальную помощь от Политического Красного Креста.

К тому моменту, как он оказался на Соловках, там уже было много заключенных священников как латинского, так и восточных обрядов (русские, грузины, армяне). Находился там и экзарх русских католиков, о. Леонид Федоров. О. Потатий быстро сдружился с собратьями. У него был прекрасный характер.

Он был назначен сторожем при музее, устроенном в одном из бывших соловецких храмов. Там были и другие сторожа, обычные ссыльные. О. Потатий постоянно просил оставить ему ночные дежурства, что, конечно, приветствовалось его товарищами. На самом же деле во время дежурства он мог спокойно служить литургию в охраняемой им церкви. В целом во время пребывания в лагере о. Потатий, как и многие другие священники, старался совершать литургию по возможности ежедневно (явно или тайно). Это было связано с большими трудностями, т. к. приходилось разными способами добывать необходимые для этого вещи. Например, о. Потатий, который был неплохим портным, в 1928 г. своими руками сшил белое священническое облачение, трудясь над ним «с особенным усердием и поистине детским увлечением», причем сшил так хорошо, что оно использовалось им и другими священниками как праздничное.

Священники, с разрешения лагерного начальства, в течение одного недолгого периода существования лагеря могли открыто служить церковные службы. Каждый раз они вынуждены были подавать заявление об этом зара-

¹⁰³ Точное место, куда сначала был привезен о. Потатий, установить не удалось. В воспоминаниях о. Доната Новицкого ошибочная дата прибытия о. Потатия: июнь–июль 1927.

¹⁰⁴ Соловецкий лагерь особого назначения был отделением Белбалтлага.

нее и перечислять тех, кто будет присутствовать на службе, и священников, и мирян. О. Потатий открыто служил сразу после своего приезда, в 1928–1929 гг. В какой-то момент начальство лагеря изменило свое решение и сделало режим более строгим. В апреле 1929 г. о. Потатий вместе с отцами Леонидом Федоровым и Николаем Александровым участвовал в Пасхальном богослужении. Вскоре после этого они и еще несколько священников были переведены в одно из отделений Соловецкого лагеря – 12-ую роту, по определению о. Доната Новицкого – «кошмарную соловецкую клоаку», откуда они не могли выходить в свободное от работы время. Затем все заключенные на Соловках католические священники в июне 1929 г. были переведены в очередное отделение лагеря – на остров Анзер – и изолированы от других заключенных на самой северной оконечности острова – в командировке¹⁰⁵ «Троицкая». Туда попал и о. Потатий.

Католические священники разных обрядов – римо-католики, русские католики, армяне, грузины – организовали своеобразную «коммуну». В диалоге с лагерной администрацией они выступали единой группой – например, вместе не работали в воскресные и праздничные дни, отработывая свои задания в другое время, вместе отказались подписаться на государственный заем, так как государство могло использовать собранные таким способом деньги, в том числе, на антирелигиозные цели. За внутренним распорядком в «коммуне» следил избираемый среди священников «староста».

Члены коммуны, несмотря на постоянные обыски, сумели сохранить необходимые для совершения богослужений облачение, иконы, утварь, богослужебные книги. Вино и хлеб для богослужения они получали в посылках с воли. Им нужно было тайное место для совершения литургии, и усилиями о. Потатия, о. Н. Александрова и о. Д. Новицкого оно нашлось в лесу, недалеко от барака.

Для устройства алтаря и службы на нем в соответствии с разными обрядами необходимо было передвинуть большие камни. О. Потатий, обладавший большой физической силой и сноровкой в работе, сумел справиться с этой задачей. Он и служил на этом алтаре одним из первых. Но совершать литургию в лесу в холодную погоду было нельзя, поэтому служили также на чердаке барака, в котором жили. Так как потолок был низкий, всю службу приходилось проводить, стоя на коленях. Лишь к концу пребывания на о. Анзер стало возможно проводить богослужения в более удобном помещении, где можно было стоять в полный рост.

Члены «коммуны» вели общее хозяйство, отдавая все продукты, получаемые по лагерным пайкам, и все продовольственные посылки в один общий фонд, который расходовался на общее питание. О. Потатий по крайней мере в 1932 г., до ареста, официально был поваром командировки Троицкой и готовил пищу для всех заключенных из лагерных пайковых продуктов (из продуктов, получаемых в посылках, пищу для «коммуны» готовил другой человек).

В октябре 1931 г. о. Потатий находился в лазарете на центральном острове Соловков (в Кремле). Ему была сделана операция по поводу геморроя. В это же время в лазарет был привезен священник из «коммуны», о. Феликс Любчинский, заболевший в августе, но все еще не имевший официального диагноза, хотя его состояние становилось все более тяжелым. О. Потатий стал са-

¹⁰⁵ Этим словом называлось небольшое лагерное подразделение.

моотверженно заботиться об о. Любчинским и добился, чтобы врач, наконец, поставил тому диагноз¹⁰⁶. Однако санитар грубо обращался с о. Любчинским и отказывал ему в элементарных услугах, так как считал его симулянтом. Тогда о. Потапий добился перевода в палату о. Любчинского и ухаживал за ним, как мать, утешая его своими разговорами. Видя, что о. Любчинский умирает, о. Потапий напомнил ему об исповеди. О. Любчинский был глубоко благодарен ему за это и после исповеди целовал его руки. 17 ноября 1931 г. о. Любчинский тихо скончался в лазарете. О. Потапий знал, что тело немедленно отправят на вскрытие, поэтому, не докладывая о смерти начальству лазарета, он сразу же совершил над о. Любчинским обряд отпевания, который знал наизусть. Затем, после выноса тела, о. Потапий стал хлопотать о похоронах. С помощью о. Д. Новицкого, также оказавшегося в лазарете, он достал необходимую одежду для покойного. Кроме того, он сшил из полотенца столу и поставил на ней кресты химическим карандашом. О. Потапий и о. Новицкий пришли в мертвецкую, помолились у гроба, благословили покойного и собственноручно заколотили крышку гроба.

5 июля 1932 г. о. Потапий был арестован по групповому делу католического духовенства, которое обвинялось «в создании антисоветской группировки, ведущей антисоветскую агитацию, тайно совершавшей богословские и религиозные обряды и осуществлявшей нелегальную связь с волей для передачи за границу сведений шпионского характера о положении католиков в СССР». На допросе 9 июля 1932 г., который вел следователь А.Л. Каценберг, о. Потапий заявил: «Время, проведенное мною в лагере, не поколебало мои религиозные убеждения, и здесь я стал еще более стойким католиком, и в дальнейшем меня ничто не может поколебать». Относительно него судом было вынесено постановление: «Содержать на островах отдельно от прочих ксендзов до конца срока изоляции».

В августе 1933 г. в приложении к памятной записке о преследованиях Католической Церкви в СССР – списке находившихся на тот момент в России католических священников – архиеп. Нёвё сообщил в Рим, что в Соловецком лагере, на о. Анзер, заключен «Аббат Емельянов Потопей, русский, из Богдановки, арестованный в 1927 (10 лет). Очень энергичный, решительно настроенный против коммунизма»¹⁰⁷.

Где именно содержался о. Потапий, неизвестно, однако до конца срока он не дождался. 4 августа 1936 г. он был освобожден. Наиболее вероятно, что его выпустили из-за плохого состояния здоровья, однако в имеющихся документах причина не названа. Из лагеря он направлялся по железной дороге на родину, в Уфу. Через 10 дней, 14 августа 1936 г., о. Потапий скончался на ст. Надвоицы Мурманской железной дороги. Место его захоронения неизвестно.

27 января 1994 г. о. Потапий был реабилитирован Генеральной прокуратурой Украины в ходе пересмотра дел тех лиц, на которых распространялось действие ст. 1 Закона Украинской ССР «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине» от 17 апреля 1991 г. При этом было указано, что в его деле «отсутствует совокупность доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения его к ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду».

¹⁰⁶ Воспаление мозга.

¹⁰⁷ Так архиепископ Нёвё представлял себе написание имени «Потапий». Пер. с фр. – Ред.

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

Память об о. Потапии осталась, в основном, в воспоминаниях его товарищей по заключению – еп. Б. Слоскана, о. Д. Новицкого. В тексте реколекций епископа Слоскана, сохранившемся в архиве Руссикума, подчеркнуто стремление о. Потапия к личному единению со Святым Престолом и к тому, чтобы его паства, прихожане Нижней Богдановки, также осознанно стремились к такому единению. Воспоминания о. Новицкого, части которых были опубликованы в разных изданиях, подчеркивают высокие личные качества о. Потапия – стремление в любых условиях служить Богу, доброту, заботу о ближних, физическую силу и ловкость, умение решать практические проблемы, обладание трудовыми навыками. Воспоминания о. Новицкого были использованы диаконом Василием (фон Бурманом) при составлении его капитального труда об экзархе русских католиков Леониде Федорове, вышедшего впервые в 1966 г. и переизданного в 1993 г. Затем отрывки из текста воспоминаний о. Новицкого неоднократно перепечатывались.

Поиск материалов о мучениках-католиках на территории бывшего СССР вели польский священник о. Р. Дзвонковский SAC и украинец А. Соколовский, рассказавшие затем об о. Потапии на страницах своих книг.

После возрождения структур Католической Церкви в России, когда началось восстановление истории приходов и собирание мартиролога католиков, пострадавших от безбожной власти в XX в., документы следственного дела о. Потапия были изучены и скопированы И.И. Осиповой, использовавшей их в своей книге «В языках своих сокрой меня...», переведенной позже на испанский и английский языки.

Материалами И.И. Осиповой воспользовался в своей работе А. Венгер, кратко рассказав об о. Потапии в своих работах «Catholiques en Russie d'après les archives du KGB 1920–1960» и «Rome et Moscou», переведенной затем на русский язык.

Параллельно этому сведения об о. Потапии нашлись в Башкирии, где уфимский краевед В.В. Симонов нашел материал о нем. В.В. Симонов включил найденные им сведения в свою книгу «Католическая церковь в Башкирии: история и современность».

Краткая биография о. Потапия вошла в «Книгу памяти: Мартиролог Католической Церкви в СССР» о. Б. Чаплицкого и И.И. Осиповой.

Биография о. Потапия содержится в «Церковном календаре на 2003 г. ...».

Материалы об о. Потапии помещены на сайте Постулаты: www.catholicmartyrs.org.

29 ноября 2003 г. настоятель Спасо-Преображенской общины монахов Святого Василия Великого игумен Ф. Майзеров направил письмо в постулатуру: «...наша монашеская община почитает иеромонаха Епифания Акулова и иеромонаха Потапия Емельянова. Частное почитание выражается в поминовении на проскомидии и служении литии по субботам. Выражаем надежду, что эти кандидаты для беатификации будут прославлены в лике местночтимых святых».

В 2004 г. выпущен образок с фотографией и молитвой о прославлении.

Александра Романова

ЛИТЕРАТУРА

Василий [фон Бурман], диакон ЧСВ. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. Львів, 1993.

Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950. М., 2000.

Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня...». М., 1996. Пер. на англ. яз.: Osipova I.I. *Hide Me Within Thy Wounds: The Persecution of the Catholic Church in the USSR* / transl. by M. Gilbert. Fargo (North Dakota), 2003. Пер. на исп. яз.: Osipova I. *Si el mundo os odia / If The World Is What You Hate: Martires por la fe en el regimen sovietico*. Madrid: Encuentro, 1998.

Парфентьев П.А. Жизнь о. Потания Емельянова: «...О том, что нас гонят и мучают, не беспокойтесь: мы твердо стоим на скале Петровой...» // Слово истины. 2004. № 1 (октябрь). С. 30–36; № 2 (ноябрь). С. 32–36.

Симонов В.В. Католическая церковь в Башкирии: история и современность. Уфа: Изд. центр «Орел», 2003.

Соколовский О.К. Церква Христова. 1920–1940: Переслідування християн в СРСР. Київ, 1999.

Чаплицкий Б., Осипова И.И. Книга памяти: Мартиролог Католической Церкви в СССР. М., 2000.

Dzwonkowski R. SAC. *Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR, 1917–1939: Martyrologium*. Lublin, 1998.

Wenger A. *Catholiques en Russie d'après les archives du KGB 1920–1960*. Paris, 1998.

Wenger A. *Rome et Moscou. 1900–1950*. Paris, 1987.

Также использованы архивные материалы архива постулаты, архива историка И.И. Осиповой, НИЦ «Мемориал», Руссикума, ЦГАООУ (дело о. П. Емельянова).

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

Единственное фото свящ. П. Емельянова.

РАБА БОЖЬЯ

МАТЬ ЕКАТЕРИНА СИЕНСКАЯ

(АННА ИВАНОВНА АБРИКОСОВА)

1882–1936

ДЕТСКИЕ ГОДЫ, УЧЕБА И ЗАМУЖЕСТВО

Анна Ивановна Абрикосова родилась в Москве 23 января 1882 г. (по другим данным – 22 декабря 1881 г.) в старинной купеческой семье, традиционно принадлежавшей к Русской Православной Церкви. Мать (имя установить не удалось) умерла, рожая Анну; отец – Иван Алексеевич Абрикосов – умер на десять дней позже. Анна Ивановна и ее четверо старших братьев воспитывались в семье дяди – Николая Алексеевича Абрикосова. По всей видимости, религия не играла важной роли в этой семье.

Анна Ивановна в детстве получала домашнее образование, включавшее изучение иностранных языков, после этого она поступила в Первую женскую гимназию в Москве и в 1899 г. окончила ее с золотой медалью. В 1901 г. поступила на учебу в Гайртон Колледж Кембриджского университета (Англия), где изучала историю. Во время учебы в Гайртоне дружила с Дороти Джорджаной Ховард из старинного английского католического рода. Анна Ивановна в эти годы уже очень любила свою родину и русский народ, живой отклик вызвала у нее как социальная несправедливость, так и бедствия, переносимые

простыми людьми, она испытывала симпатии к социалистам и была далека от религии. В 1903 г. она окончила учебу в Гайртоне, получив вторую степень на кембриджском экзамене (соответствует степени бакалавра).

В 1903 г. Анна Ивановна вернулась в Москву. Там она вступила в брак со своим двоюродным братом, Владимиром Владимировичем Абрикосовым¹⁰⁸, принадлежавшим к Русской Православной Церкви, однако к тому времени не практиковавшим веры, более того, склонным критически относиться к религии. Благополучие семьи позволяло супругам не заботиться о пропитании, и с 1905 по 1910 г. они путешествовали по Франции, Италии и Швейцарии.

ОБРАЩЕНИЕ

Находясь за границей, супруги Абрикосовы знакомились с европейской христианской культурой, что породило в них интерес к вере. В этот же период, в Риме, Анна Абрикосова прочла «Диалог» св. Екатерины Сиенской, который произвел на нее глубокое впечатление. Особенно, по собственному признанию, ее затронули слова «мужественно познавать и следовать за истиной». В результате этого чтения у Абрикосовой возник интерес к католичеству и любовь к доминиканской духовности. В результате более глубокого знакомства с католичеством она приняла решение о присоединении к Католической Церкви, с просьбой о котором обратилась к настоятелю прихода святой Мадлен в Париже о. Морису Ривьеру в 1908 г. После надлежащей подготовки под руководством викария прихода о. Турнадра и настоятельницы

общины сестер св. Винсента де Поля, существовавшей при приходе, 20 декабря 1908 г. Анна Ивановна была принята в том же приходе в полное общение с Католической Церковью. О. Морис Ривьер подчеркивал, что в этом общении она должна сохранять свою принадлежность к византийско-славянскому обряду, хотя она высказывала желание принадлежать к латинскому.

Став католичкой, Анна продолжала путешествовать со своим мужем. Однако центром ее интересов стал Бог, христианская вера и духовная жизнь. Она начала с большим вниманием изучать творения св. Екатерины Сиенской, а также книги доминиканских авторов – о. Луи-Жака Монсабра и о. Анри Лакордера. Муж Анны, Владимир Абрикосов, остался православным. Демонстрируя свое несогласие с решением жены, он начал активно посещать православные храмы, чего ранее не делал.

В 1909 г., находясь в Риме, супруги беседовали на богословские темы с генеральным прокуратором сульпициан¹⁰⁹ – о. Франциском-Ксаверием Герцо-

¹⁰⁸ Род. 22 октября 1880 г. в Москве.

¹⁰⁹ Сульпициане – Общество священников св. Сульпиция – общество апостольской жизни, основанное в 1641 г. французским священником Жан-Жаком Олье.

гом. В результате общения, богословских бесед и влияния супруги Владимир Абрикосов также принял решение стать католиком. 23 ноября 1909 г. в приходе святой Мадлен в Париже Владимир Абрикосов был принят в полное общение с Католической Церковью. Это обращение вначале было не вполне глубоким, однако постепенно вера Владимира Абрикосова углублялась, как и его интерес к доминиканской духовности. Супруги сохранили желание принадлежать к латинскому обряду и обратились с просьбой об этом к Папе Пию X через того же о. Франциска-Ксаверия Герцога. Папа ответил отказом, указав на возможность временной практики латинского обряда, пока нет возможности практиковать восточный. В это время Анна Абрикосова была уверена, что только проповедь латинского христианства может привести к успеху в России. Однако полученный от Папы ответ она приняла в послушании. Вскоре после этого она и ее муж были вызваны на родину телеграммой от родных и к Рождеству по юлианскому календарю 1910 г. вернулись в Москву.

АПОСТОЛЬСКАЯ РАБОТА

И ПОЯВЛЕНИЕ ДОМИНИКАНСКОЙ ОБЩИНЫ В МОСКВЕ

По возвращении в Москву Анна и Владимир Абрикосовы посвятили себя апостольской работе среди соотечественников. Будучи достаточно обеспечены материально, они имели возможность не заботиться о быте. В Москве они поселились в большой квартире под номером 34 на Пречистенском (ныне Гоголевском) бульваре, 29. Их дом стал центром распространения католической веры среди жителей Москвы. На квартире у Абрикосовых регулярно устраивались различные собрания на религиозные темы – для интеллигенции, для друзей и новообращенных, где под руководством Анны Абрикосовой разбирались догматические, философские и духовные вопросы. На этих собраниях бывали представители разных кругов общества, в том числе и православные священники. Анна Абрикосова также занималась и общалась с отдельными людьми, содействуя их обращению в католичество. В апостольской деятельности супругов поддерживал сперва иезуит о. Феликс Вирцинский (викарий католического прихода латинского обряда святых Апостолов Петра и Павла в Москве), а после его высылки из страны – о. Игнатий Чаевский (настоятель того же прихода).

Принятие Абрикосовыми католичества и их апостольская работа вызвали неприятие их прежнего окружения. С ними разорвала отношения большая часть прежних знакомых, родные также неодобрительно относились к их шагу.

Поскольку прихода славяно-византийского обряда в то время в Москве не было, так как уния была полностью ликвидирована в Российской империи в XIX в., супруги посещали латинский приход святых Апостолов Петра и Пав-

ла. По свидетельствам современников, их отличала глубокая духовная жизнь, ежедневное участие в Святой Мессе и частое причащение.

В это время в жизни Анны Абрикосовой преобладают сверхъестественные мотивы и интересы, забота об обращении душ к истине. Она была доброй и отзывчивой, в ней сочетались здравый смысл и принципы, основанные на христианской духовности.

В начале XX в. в России нередко были случаи присоединения русских к Католической Церкви. Часто это, как в случае Анны Абрикосовой, происходило за границей, но иногда (обычно тайно, поскольку светские власти стремились не допускать этого) и внутри страны. Среди присоединявшихся многие были сторонниками сохранения русскими обращенными византийского обряда, хотя формально государственная власть это запрещала. Этому процессу покровительствовал Львовский архиепископ митрополит Андрей (Шептицкий), тайно получивший от папы Пия X полномочия опекать греко-католиков в России. Католической миссии среди русских также покровительствовали некоторые латинские священники (немногочисленные иезуиты и ассумпционисты). Ни российское правительство, ни местная латинская иерархия не знали о полномочиях митрополита Шептицкого. При появлении в России после 1905 г. относительной религиозной свободы появились некоторые проблемы и непростые ситуации. Неясность положения греко-католиков порождала разные интерпретации. Некоторые священники латинского обряда были убеждены, что русские могут и имеют право становиться католиками, хотя бы и против воли государства, слушая проповедь на родном языке. Различное отношение существовало и к проблеме различия обрядов. Некоторые обращенные из православия священники, желая избежать проблем, латинизировали обряд; в то же время другие считали это неправильным. Нередко у разных общин были разные представления относительно целей восточной католической миссии в России и подходов к ней. Общины были разобщены и фактически лишены единой организации. Только в 1917 г. в Петрограде митрополитом Шептицким был учрежден Экзархат для русских греко-католиков, во главе которого был поставлен русский священник о. Леонид Федоров (ныне блаженный).

В 1911 г. дом Абрикосовых посетил будущий священник и экзарх русских католиков византийского обряда Леонид Федоров. Увиденное произвело на него самое благоприятное впечатление, о котором он сообщил в письме к митрополиту Андрею Шептицкому. По его словам, супругов отличала редкостная преданность делу Церкви и религиозность. Анна Абрикосова целые дни занималась апостольской работой с людьми, помогая их обращению и религиозной жизни в Католической Церкви.

В конце 1911 – начале 1912 г. о. Леонид Федоров (к тому времени уже священник) вновь посетил дом Абрикосовых и высоко оценил проводимую супругами апостольскую работу. По его словам, супруги и их сотрудники делали все возможное для распространения католической веры. Абрикосовых отличало глубокое благочестие и миссионерское рвение. Анна Абрикосова уделяла много сил не только просветительской работе с людьми, но и переводу католических авторов, преимущественно доминиканских, на русский язык. О миссионерских устремлениях свидетельствует тот факт, что в этот период Абрикосовы также

помогали финансово обучению нескольких бедных детей-католиков в различных учебных заведениях, в надежде, что они станут священниками.

В этот период семья Абрикосовых также старалась помочь организации в Москве прихода и богослужений славяно-византийского обряда по инициативе о. Феликса Вирцинского (с этой целью помогая обустройству и образованию двух русских священников – сперва о. Михаила Сторожева, затем о. Евстафия Сусалева).

Анна Абрикосова продолжала углубление своей связи с доминиканской духовностью. Ее желание следовать этой духовности выразилось во вступлении в 1911 г. в новициат третьего ордена доминиканцев, куда ее принял о. Альбер Либерсье, настоятель французского прихода Святого Людовика в Москве. В качестве орденского имени она избрала имя Марии Екатерины Сиенской. В 1912 г. в новициат третьего ордена доминиканцев вступил и Владимир Абрикосов.

Возникшая в Петербурге община греко-католиков в 1913 г. (с благословения митрополита Шептицкого, но без явного формального одобрения церковной власти) начала издавать свой журнал «Слово Истины». Анна Абрикосова критически отнеслась к журналу, который она хотела бы видеть скорее апологетическим, в то время как в нем подчеркивался католический характер подлинной православной традиции. В этом отношении она, видимо, доверяла критическому суждению настоятеля латинского прихода о. Игнатия Чаевского. Во время очередного визита в дом Абрикосовых в 1913 г. о. Леонид Федоров, представлявший петербургскую общину, долго спорил с ними о журнале и о характере восточной католической миссии. После этого визита он критически отзывался о настроениях супругов Абрикосовых в письме к митрополиту Андрею Шептицкому, указывая на их слишком резкое отношение к схизматикам, к журналу «Слово Истины», на их замкнутость и изолированность от широких кругов русского народа. В это время Абрикосовы придерживались мнения, что в центре восточной католической миссии должно находиться личное освящение людей и достижение святости каждым отдельным верующим. Супруги с некоторым подозрением относились к деятельности митрополита Андрея Шептицкого, о котором получали негативные отзывы.

Летом 1913 г. супруги Абрикосовы выехали за границу. 21 ноября 1913 г. в Риме они принесли обеты в качестве терциариев перед генеральным про-

куратором Ордена доминиканцев о. Анри Декеру. Папа Пий X принял их на частной аудиенции, живо интересуясь их работой в Москве, и подарил свой портрет с подписью, который Абрикосовы впоследствии благоговейно хранили.

По возвращении из зарубежной поездки Анна Абрикосова

начала собирать вокруг себя молодых девушек, преимущественно студенток, стараясь заинтересовать их не только католической верой, но и доминиканским идеалом. Некоторые из них выразили желание стать терциарками. В новициат девушек принимал о. Либерсье, а впоследствии – другой священник московского прихода Святого Людовика, о. Жан Видаль. В первое время девушки-доминиканки продолжали жить в своих семьях, учиться или работать. Нередко родители молодых девушек бывали настроены против их католичества, что вызывало иногда резкий разрыв. В этих случаях Анна Абрикосова советовала девушкам предпочесть верность Церкви и оставить дом. Таких девушек Абрикосова поселяла у себя дома (к 1917 г. их было шесть), и они стали ядром будущей регулярной общины доминиканского третьего ордена. На решение о создании такой общины, вероятно, повлияло чтение книги «Руководство для братьев и сестер третьего чина покаяния св. Доминика» о. Маттея-Жозефа Руссе, где автор советовал создавать регулярные общины из мирских терциариев, которые могли бы нести активное служение в миру, не будучи связаны обязательством затвора. Эта книга была переведена Анной Абрикосовой на русский язык.

После падения царской власти был освобожден митрополит Шептицкий, захваченный ранее русскими войсками как австрийский подданный и находившийся в заключении. Под его руководством 11–13 июня 1917 г. в Петрограде прошел Собор русских греко-католиков, на котором был учрежден Экзархат для русских католиков византийского обряда и назначен экзархом о. Леонид Федоров (ныне блаженный). Накануне Собора, 11 июня 1917 г., Владимир Абрикосов был рукоположен митрополитом Шептицким во священники. Анна Абрикосова, сопровождавшая его в поездке в Петроград, под впечатлением личной встречи с митрополитом Шептицким изменила свое отношение к нему в положительную сторону, признав прежние подозрения «полным заблуждением». За некоторое время до рукоположения Анна Абрикосова и ее муж принесли обет жить в целомудрии, целиком посвятив себя делам духовного служения.

По всей вероятности, после Собора о. Владимиру Абрикосову устно было поручено окормление московского прихода русских католиков византийского обряда в Москве, что было подтверждено официальным назначением 5 апреля 1918 г.

Почти вся группа московских русских католиков, связанных с Абрикосовыми, начала практиковать византийский обряд. Анна Абрикосова и ее воспитанницы сознательно сделали этот шаг, считая, что он более отвечает намерениям Папы, благоприятен для католической миссии и полезен для духовного блага России.

ВО ГЛАВЕ РЕГУЛЯРНОЙ ДОМИНИКАНСКОЙ ОБЩИНЫ

ТРЕТЬЕГО ОРДЕНА.

НАЧАЛО ПРЕСЛЕДОВАНИЙ

Обстановка в стране была неспокойной, с 1918 г. нарастала волна гонений на Церковь и религию, но, несмотря на это, Анна Абрикосова продолжала свои духовные труды и апостольство.

Девушки-терциарки, которые оставались жить в доме Абрикосовых, следовали за Анной как за своей старшей сестрой и духовной наставницей. Она и пять доминиканок, живших в ее квартире, решили начать полноценную монашескую жизнь. 17 августа 1917 г., в день праздника св. Доминика, они выбрали сестру Марию Екатерину Сиенскую (Анну Абрикосову) старшей. Сестры хотели осуществить мечту св. Доминика – проповедовать Евангелие на Востоке и принять мученичество. В качестве устава они взяли правила из книги о. Руссе «Руководство для братьев и сестер третьего чина покаяния св. Доминика». Так появилась регулярная община доминиканок третьего ордена в Москве, настоятельницей которой стала с. Мария Екатерина Сиенская. По-видимому, именно с этого времени сестры стали называть ее «матерью Екатериной».

В квартире Абрикосовых была устроена домовая церковь, где совершались богослужения созданного в Москве русского католического прихода византийского обряда в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Община сестер приняла на себя заботы об организации прихода и устроении богослужбной жизни. О. Владимир Абрикосов исполнял обязанности как настоятеля прихода, так и духовника общины сестер. Дом Абрикосовых стал общежитием общины сестер: в двух комнатах жили сестры, а в третьей – м. Екатерина и сестры, которые болели. В 1921 г. был рукоположен второй священник прихода, также доминиканский терциарий, о. Николай Александров, помогавший в опеке прихода и общины.

В общине велась нормальная регулярная монашеская жизнь, был введен уставной распорядок дня, включающий ежедневную Божественную Литургию, чтение доминиканского официума, молитву Розария, ежедневные евхаристические адорации, размышления и испытание совести. Перед Великим Постом все сестры совершали 40-часовую евхаристическую адорацию «ради успеха миссии и отвращения всевозможных нападков на Церковь». Поскольку всех сестер дом вместить не мог, некоторые девушки оставались в миру светскими терциарками. В эти годы духовная жизнь общины делалась все глубже и была связана с возрастающим осознанием необходимости жертвы за Россию. Сестры вели суровый аскетический образ жизни, тщательно соблюдали богослужебные требования византийского обряда, но в своем обиходе пользовались латинскими благочестивыми практиками, в частности поклонением Пресвятым Дарам. Живя в общине, сестры сами зарабатывали на жизнь, некоторые учились. М. Екатерина осуществляла внимательное, строгое руководство сестрами, весьма требовательно относясь к предписаниям монашеской дисциплины. Работа м. Екатерины поддерживалась о. Владимиром Абрикосовым как духовником. С 1921 г. он же принимал новых кандидаток в новициат, получив такое право от генерала Ордена Проповедников. Под руководством настоятельницы община росла (к 1921 г. в общине было 15 сестер), сестры занимались активной апостольской работой в приходе, а также среди своих друзей и коллег по учебе и работе. М. Екатерина каждое воскресенье проводила духовное чтение для прихожан и сестер с обсуждением. В эти годы жизнь в России становилась все более трудной, люди часто голодали, не хватало топлива для обогрева домов, но община под руководством м. Екатерины терпеливо (даже героически) переносила все. В этот период все сестры общины вместе с настоятельницей принесли обет отдания Богу в жертву своих

жизней за спасение России и за священников и избрали себе духовные девизы. М. Екатерина избрала слова: «Христос не сошел с Креста, но Его сняли с него мертвым», – указывающие на ее желание единения с распятым и страдающим Господом, пока Он сам не снимет ее с креста посредством смерти.

В 1920–1922 гг. в доме у Абрикосовых прошло несколько собраний с участием католического и православного духовенства, а также представителей московской интеллигенции, на которых обсуждались возможности воссоединения православия с Католической Церковью. Доносы об этих встречах поступили в органы советской власти, которые любую подобную встречу считали контрреволюционной, в результате чего была проведена серия арестов их участников, в том числе и о. Владимира Абрикосова. 17 августа 1922 г. он был арестован и приговорен к расстрелу, замененному затем высылкой за границу. В сентябре он навсегда покинул Россию. М. Екатерина тяжело переживала эту потерю духовно близкого ей человека и важного помощника в ее трудах. Имея возможность выезда за границу вместе с мужем, она, тем не менее, осталась в России – из верности общине и ради исполнения своего обета жертвы за Россию. В письмах о. Владимиру она постоянно напоминала о необходимости стремления к святости, о важности молитвы, о необходимости содействовать из-за границы делу русской византийской миссии. Несмотря на помощь о. Николая, еще не имевшего достаточного опыта, она ощущала свое одиночество и беспомощность, не теряя, однако, как показывают ее письма, постоянного упования на Бога.

В эти годы среди католиков в России существовало разное отношение к миссии и к византийскому обряду в Католической Церкви. О. Леонид Федоров, желая быть верным принципам, указанным в энциклике Льва XIII «*Orientalium Dignitas Ecclesiarum*», настаивал на том, чтобы все православные, присоединяющиеся к Католической Церкви, сохраняли византийский обряд. Он также считал нужным ограничивать латинскую миссию среди русских, чтобы не наносить ущерба делу будущего воссоединения Русской Церкви с католичеством. Эта позиция о. Федорова и нормы, провозглашенные энцикликой Льва XIII, не были поняты как некоторыми подчинявшимися ему священниками, так и латинскими священниками разных национальностей, не видевшими проблемы в присоединении тех русских, кто просил об этом, к латинской Церкви. Поскольку среди латинских священников Москвы и Петрограда преобладали поляки, это непонимание привело к распространению среди некоторых русских греко-католиков (включая и о. Леонида Федорова) мнения о том, что поляки стремятся подчинить себе русских католиков. К 1921 г. м. Екатерина практически полностью приняла как взгляды о. Леонида Федорова на католическую миссию в России, так и это критическое отношение к полякам.

До 1922 г. м. Екатерина могла поддерживать только неофициальные духовные связи с руководством Ордена Проповедников через знакомых в Риме. В конце 1922 г. служивший в Петрограде о. Жан-Батист Амудрю, ОП, единственный доминиканец, оставшийся в России после отъезда о. Либерсье, посетил общину московских сестер-доминиканок и, по их просьбе, просил у Генерала Ордена Проповедников официально принять их общину в Орден. В марте 1923 г. последовал положительный ответ, при этом генерал Ордена назначил о. Амудрю своим представителем для московских

доминиканок. С того времени о. Амудрю регулярно посещал общину, через него сестры поддерживали связи с руководством Ордена. Об общине были опубликованы две заметки в официальном издании Ордена. Таким образом, в 1923 г. становится ясен официальный статус и каноническое положение общины.

С отъездом о. Владимира не прекратились ни приходская работа (опекой прихода занимался о. Николай Александров), ни развитие общины сестер-доминиканок. М. Екатерина посвящала много времени и сил духовному формированию сестер и их католическому образованию, под ее руководством сестры занимались переводами, обучали друг друга и прихожан, катехизировали верующих, вели кружок по изучению Евангелия. При приходе существовала, втайне от советских властей, школа для детей прихожан, воспитывались сироты (три мальчика). При приходе также кормились голодные, сестры ухаживали за больными. Во всех этих делах принимала участие м. Екатерина, в трудностях уповав на помощь Бога, Пресвятой Богородицы и св. Иосифа. Сама она читала для интересующихся лекции на различные церковные темы, продолжала заниматься переводами католической (прежде всего доминиканской) литературы, составила несколько собственных сочинений, преимущественно размышлений, для духовных упражнений сестер, регулярно проходивших под ее руководством. Из написанного ею сохранились только размышления «Семь слов Господа нашего на Кресте». Собеседования м. Екатерины производили на слушателей большое впечатление. Труды сестер сильно содействовали обращению людей в католичество. Духовная жизнь самих сестер углублялась под влиянием м. Екатерины и о. Николая Александрова. Воспоминания сестер отмечают мужество в преддверии гонений, верность сверхъестественным принципам, высокие естественные и сверхъестественные добродетели м. Екатерины.

В общине сестер м. Екатерина пользовалась большим уважением, сестры охотно слушались ее, многие из них открывали ей свои помыслы. Теплые отношения поддерживал с м. Екатериной экзарх о. Леонид Федоров, он с похвалой отзывался об общине и дисциплине в ней. На случай своего ареста экзарх доверил м. Екатерине распоряжение денежными средствами.

Помимо этих положительных оценок личности и апостольского рвения м. Екатерины сохранились и критические высказывания русской католички Юлии Николаевны Данзас. Она в 1920 г. стала католичкой и принадлежала к похожей на монашескую общине, которую в Петрограде пытался создать о. Федоров. Несколько раз побывав в Москве, она знакомилась с жизнью общины сестер и с м. Екатериной. Из этих встреч она вынесла критические наблюдения. Она утверждала, что м. Екатерина пользовалась слишком большими привилегиями среди сестер. Нарекания у Данзас вызывало также большое уважение и доверие сестер к настоятельнице и характер отношений внутри общины, особенно – исключительное положение настоятельницы среди других сестер. После публикации этих свидетельств в 1966 г. в книге диакона Василия фон Бурмана ЧСВВ, посвященной жизни о. Леонида Федорова, одна из выживших сестер доминиканской общины м. Екатерины в своем письменном свидетельстве опровергала многие утверждения автора, объясняя их недостаточным знанием фактов и поверхностностью суждений со стороны Ю.Н. Данзас.

О. Амудрю, официальный представитель генерала Ордена Проповедников, посещая общину, в первое время испытывал некоторое беспокойство по отношению к жизни сестер, опасаясь возможности мистических эксцессов и полагая, что в жизни сестер личность настоятельницы занимает слишком большое место. Директор Папской миссии помощи голодающим в Москве о. Эдмунд Уолш считал такое отношение сестер к м. Екатерине вполне оправданным. В конечном итоге, несмотря на свои сомнения, о. Амудрю согласился с необходимостью строгой дисциплины, существовавшей в общине, и считал, что благой дух сестер минует все трудности. Из документов трудно делать выводы о точности этих суждений, но мы можем предположить, что в руководстве общиной со стороны м. Екатерины действительно могли возникать некоторые крайности и ошибки, обусловленные сильным характером м. Екатерины и недостатком у нее подготовки и опыта монашеской жизни.

Письма м. Екатерины в этот период свидетельствуют о том, что она осознавала приближение гонений, переживала период тяжелого духовного одиночества и, несмотря на искушения, имела твердое намерение до конца исполнить свой обет жертвы за Россию. Принимая в общину новых кандидаток, м. Екатерина предупреждала их о неизбежности преследований и гонений. Советские органы безопасности (ГПУ) вели постоянное наблюдение за приходом и общиной, особое внимание уделяя м. Екатерине и ее заграничным контактам (с о. Владимиром Абрикосовым и о. Эдмундом Уолшем). В число прихожан ГПУ внедрило своих агентов.

АРЕСТ И ПЕРВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

11 ноября 1923 г., после 10 часов вечера, сотрудники ГПУ произвели обыск в общежитии сестер. Были арестованы м. Екатерина и половина сестер, закрыта часовня и конфискована часть квартиры. 12–16 ноября были арестованы многие другие московские католики. Эти аресты были вызваны тем, что м. Екатерина и сестры собирали сведения о преследовании католиков и религии в России для передачи в Ватикан. Помимо этого, основанием для ареста м. Екатерины и ликвидации общины стала ее переписка с о. Владимиром Абрикосовым, воспринимавшимся властями в качестве представителя Папы. Сестер обвиняли также в принадлежности к общине доминиканок и в обучении детей религии. В течение 6 месяцев были арестованы и другие русские католики в Москве и Петрограде, включая почти всех сестер.

Первые четыре месяца заключения во время следствия м. Екатерина провела во внутренней тюрьме ГПУ (Лубянка, д. 2), в одиночном заключении, регулярно подвергаясь допросам. Во время допросов оказывалось психологическое давление на заключенного. Внутренняя тюрьма ГПУ отличалась особой строгостью режима, заключенные были изолированы друг от друга, запрещалось громко говорить, каждые пятнадцать дней проводились обыски. Запрещалось заниматься какой-либо работой, поддерживать связь с людьми на воле.

Позже м. Екатерина была переведена в обыкновенную московскую Бутырскую тюрьму, где сперва была помещена в одиночную камеру, а затем –

в камеру с уголовными преступницами (такие методы использовались для оказания давления на заключенных). Однако, находясь среди преступниц, м. Екатерина проявляла заботу о ближних, приветливость, внимание к человеческим бедам, снискав уважение и оказывая на заключенных положительное нравственное влияние. В Великий пост 1924 г. большинство сестер, включая и настоятельницу, были помещены в одну камеру. Настоятельница укрепляла сестер, готовя их к будущим испытаниям и мученичеству. В камере сестры под руководством м. Екатерины совершали положенные по уставу молитвы, а также Розарий и Крестный путь, вели, по мере возможности, духовную жизнь, получали от настоятельницы темы для размышления. В середине Великого поста м. Екатерина провела для сестер, находившихся с ней в одной камере, духовные упражнения на тему «Жертва Христа». Настоятельница при этом советовала сестрам принимать выпавшие им страдания с благодарностью Богу, как участие в страданиях Христа. М. Екатерина и другие сестры были уверены, что Бог принял их обет жертвы за Россию и священников, который они обновили в тюрьме. В заключении сестры совместно отпраздновали Пасху и обновили монашеские обеты. Сильная и цельная личность м. Екатерины вызывала невольное уважение даже у советских следователей, перед которыми она ясно и безбоязненно излагала свои христианские взгляды. На вопросы, ответы на которые могли быть опасны для других, м. Екатерина не отвечала. Следователи отметили монашескую дисциплину в общине и единомыслие сестер. В результате м. Екатерина была обвинена в создании контрреволюционной организации и в зарубежных связях, в том числе с Папской и другими миссиями помощи. 19 мая 1924 г. м. Екатерина была приговорена к 10 годам тюремного заключения.

Полученный текст приговора каждая сестра отдавала настоятельнице, чтобы именно она зачитала его. Сестры во главе с м. Екатериной с готовностью приняли приговоры, как возможность страдать за Россию в единении со Христом. После чтения приговоров они вместе спели гимн «Te Deum»¹¹⁰. Эти приговоры означали тяжелую необходимость расставания настоятельницы с сестрами. М. Екатерина беседовала с каждой, давая сестрам духовные указания и советы.

М. Екатерину и некоторых сестер отправили в Свердловскую пересыльную тюрьму. Часть сестер отправили дальше, а м. Екатерина провела в этой тюрьме некоторое время в тяжелых условиях (плохая санитарная обстановка, множество клопов), после чего была отправлена через Тюмень в тюрьму в Тобольск. Первое время, находясь в Тобольске, м. Екатерина могла поддерживать переписку с сестрами, что приносило им духовное утешение. Потом она была лишена такой возможности. Находясь среди уголовниц, м. Екатерина оказывала на них большое нравственное влияние, ее уважали, старались при ней не сквернословить. Уважение к ней заключенных стало причиной помещения ее тюремными властями в одиночное заключение.

В середине 1929 г. м. Екатерина была переведена из Тобольской тюрьмы в политический изолятор в Ярославле, который имел репутацию места заключения весьма строгого режима. Заключенные в Ярославле содержались в полной изоляции и бездействии, переписка с волей была крайне ограничена. Сестры, находившиеся в ссылках, по мере возможности старались по-

¹¹⁰ «Тебя, Бога, хвалим» (лат.).

могать настоятельнице посылками с продуктами. М. Екатерина содержалась постоянно в одиночной камере. Она утешала заключенных, находившихся в унынии, во время редких встреч на прогулках. Благодаря ей один молодой человек отказался от намерения совершить самоубийство.

В тюрьме м. Екатерина постоянно сохраняла спокойствие и человеческое достоинство, удивляя представителей тюремных властей и ревизоров. Поскольку в советских тюрьмах было запрещено совершение религиозных обрядов, в заключении до 1932 г. м. Екатерина была лишена возможности исповеди и Причастия. Она много молилась, размышляла над Священным Писанием, многие тексты которого знала на память. Так как в Ярославском политическом изоляторе оказались в заключении некоторые католические священники, м. Екатерина воспользовалась возможностью исповедоваться во время тюремных прогулок. Исповедовал ее и помогал ей, в частности, находившийся в той же тюрьме апостольский администратор Житомира о. Теофил Скальский.

В тюрьме м. Екатерина заболела раком груди и в мае 1932 г. была отправлена на операцию в тюремную больницу Бутырской тюрьмы в Москву. Ей вырезали левую грудь и часть мышц спины и бока, после чего она перестала владеть левой рукой и стала инвалидом. В это время м. Екатерина, впервые за время заключения, подала прошение об облегчении условий своего содержания начальству тюрьмы, прося перевести ее обратно в одиночную камеру в Ярославле. Однако, ввиду ее плохого здоровья, 9 августа 1932 г. советские власти, по просьбе Польского Красного Креста (инициированной апостольским администратором Москвы еп. Пием-Эженом Нёвё), приняли решение о досрочном освобождении ее из тюрьмы, с запретом проживания в 12 крупнейших городах России. 14 августа 1932 г. она была освобождена.

ВРЕМЕННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ, ВТОРОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ И СМЕРТЬ

15 августа 1932 г. освобожденная из тюрьмы м. Екатерина впервые встретилась в храме Святого Людовика с назначенным в 1926 г. апостольским администратором Москвы еп. Нёвё. Еп. Нёвё был глубоко впечатлен этой встречей, назвав м. Екатерину в письме «настоящей исповедницей веры». Он поручил м. Екатерине еще одну кандидатку в общину (будущую с. Терезу (Кугель)). Поскольку м. Екатерине было запрещено жить в 12 крупнейших городах России, она поселилась с одной из сестер, с. Маргаритой (Крылевской), в Костроме, откуда под предлогом медицинских консультаций регулярно приезжала в Москву и посещала московский католический храм Святого Людовика. Сестры сохранили воспоминания о силе и спокойствии м. Екатерины в этот период. Она переписывалась с сестрами, укрепляя их духовно, что власти считали антисоветской деятельностью. Она снова начала руководить сестрами посредством писем и встреч. Представительница Политического Красного Креста, помогавшего политическим заключенным материально, Е. П. Пешкова предложила м. Екатерине выехать за границу, но та отказалась, несмотря на риск нового ареста. Будучи предупреждена об опасности активной религиозной деятельности, м. Екатерина, тем не менее, осознанно продолжала ее, гово-

ря, что готова снова оказаться в заключении ради спасения душ. Она также встречалась еще несколько раз с еп. Нёвё, получая от него советы и указания. Родственники, встретившись с ней, утверждали, что она «производила впечатление святой» и ни на что не жаловалась. Ее письма этого периода свидетельствуют о готовности пройти до конца путь испытаний и о верности избранному идеалу. В письме настоятельнице одного из доминиканских монастырей за рубежом она просила молиться о том, чтобы она и сестры были достойны миссии страдать за Христа.

В этот период м. Екатерина познакомилась в Москве с ревностной католичкой, мирянской Камиллой Крушельницкой, которая устраивала на своей квартире встречи для молодежи с дискуссиями на религиозные темы. Несмотря на опасность нового ареста в случае доноса, м. Екатерина приняла приглашение посетить эти встречи и несколько раз беседовала с ищущими путь веры молодыми людьми. Содержание этих встреч известно преимущественно по документам советского судебного процесса, в котором применялись методы психического, а часто и физического давления, показания искажались и переделывались с акцентом на политические вопросы. Документы показывают, что беседы были посвящены религиозным темам, причем м. Екатерина не боялась критически высказываться на тему советского атеистического воспитания и экономической системы, из-за которой страдали люди, нарушались основные права личности, в том числе и право на религиозную свободу.

27 июля 1933 г. начались аресты участников этих встреч. 5 августа была арестована в Костроме м. Екатерина, привлеченная в качестве обвиняемой за участие в деятельности антисоветской организации. Во время допросов м. Екатерина ясно и отчетливо выражала свои религиозные взгляды, верность Католической Церкви и Святому Престолу. В соответствии с практикой этого периода сотрудниками органов безопасности было сфабриковано дело об организации покушения на Сталина. Для этой цели они запугали одну девушку, Анну Бриллиантову. М. Екатерина названа в протоколах следствия крупной католической деятельницей. Вновь были арестованы многие из сестер. Некоторые из них на допросах откровенно выражали христианские взгляды или отказывались отвечать на вопросы.

Несмотря на тяжелую болезнь (рак) и инвалидность, м. Екатерине было предъявлено обвинение в создании антисоветской организации и руководстве ею, в антисоветской пропаганде и в связи с русской комиссией Конгрегации по делам Восточной Церкви. 19 февраля 1934 г. постановлением Коллегии ОГПУ был вынесен приговор, осуждавший м. Екатерину на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Ее снова направили в Ярославский политический изолятор, где она и находилась почти до смерти. Об освобождении м. Екатерины безуспешно ходатайствовали правительства ряда зарубежных стран. Хотя ее здоровье было очень плохим, м. Екатерина была готова страдать до конца, давая пример сестрам общины и, по словам еп. Нёвё, покинула бы Россию, только получив прямой приказ из Рима.

Во время заключения в Ярославле у м. Екатерины прогрессировал рак. В июне 1936 г. ее снова перевели в тюремную больницу Бутырской тюрьмы в Москве, где она умерла, не имея возможности исповеди и последнего Причастия, 23 июля 1936 г.

Акт вскрытия тела м. Екатерины, произведенного в тюремной больнице, свидетельствует, что она была тяжело больна вследствие перенесенных в заключении страданий и умерла от рака в терминальной стадии (что позволяет говорить о смерти *ex egressu carceris*¹¹¹). Тело м. Екатерины было кремировано тюремными властями 27 июля 1936 г.

Можно утверждать, что изученные факты и свидетельства о жизни м. Екатерины ясно говорят о мученическом характере ее смерти.

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

Уже при жизни личность м. Екатерины производила на современников большое впечатление своей верностью христианским принципам. О. Теофил Скальский, хорошо знавший м. Екатерину в заключении в Ярославле, неоднократно видевший ее и беседовавший с ней во время тюремных прогулок, оценивал ее как «истинную праведницу», близкую к Богу, называл ее «мученицей». Еп. Нёвё, встречавшийся с м. Екатериной в период ее кратковременного освобождения, отзывался о ней как о «настоящей исповеднице веры», обладающей величием и силой духа. Согласно воспоминаниям ее брата, встречаясь с родственниками в Москве в этот период, она производила впечатление святой.

После смерти м. Екатерины, слава ее мученичества за веру сохранялась как среди сестер ее общины, так и среди католиков, знавших ее лично. Несмотря на препятствия в распространении информации, слава мученичества м. Екатерины проникла также за рубеж.

Еп. Нёвё, уже находясь во Франции (куда выехал из России), узнав о смерти м. Екатерины, просил прислать ему ее фотографию, которую потом хранил в своей комнате.

В 1936 г. в журнале «Католический Вестник», издававшемся католиками византийского обряда в Харбине (Китай), была опубликована заметка, выражающая убеждение в героических добродетелях, исповедничестве и святой жизни м. Екатерины и надежду на ее беатификацию и канонизацию.

В 1938 г. написала свои воспоминания о м. Екатерине в молодости близко связанная с ее общиной Анна Новицкая (с. Иоасафата), светская доминиканская терциарка, жена священника восточного обряда о. Доната Новицкого, проживавшая к тому времени с мужем в Польше. В своих воспоминаниях она называет м. Екатерину «святой». По мотивам этих воспоминаний в польском журнале «Школа Христова» в 30-е гг. была опубликована заметка. В ее заключительной части было высказано мнение о героической святости м. Екатерины, ее жизнь была названа «мученической», автор сравнивал ее со св. Иосафатом Кунцевичем и говорил о ней как о новой небесной покровительнице дела единства Церкви.

К архивным документам Конгрегации по делам Восточных Церквей, касающимся жизни м. Екатерины, находящимся ныне в ASV, около 1940-х годов была приложена заметка сотрудника Конгрегации (предположительно монс.

¹¹¹ вследствие страданий, перенесенных в заключении (лат.).

Giobbe), называющая м. Екатерину «*anima eletta*»¹¹², умершей от большевистских гонений «*in concetto di santità*»¹¹³.

Около 1946 г., находясь в Японии, брат м. Екатерины Дмитрий Абрикосов (не бывший католиком) слышал, что в одном католическом журнале было высказано мнение о возможности прославления м. Екатерины.

В 1946 г. ректор римской папской коллегии Руссикум о. Филипп де Режи опубликовал в журнале «Unitas» статью «Святая Екатерина Сиенская в Москве», посвященную м. Екатерине. В заключительных словах статьи, сравнивая ее со св. Екатериной Сиенской, ее небесной покровительницей, он выражал надежду на будущую беатификацию.

Жизнеописание м. Екатерины (хотя и с неточностями) было включено в книгу с. Мэри Джин Дорси «Семья св. Доминика: жизнеописания и легенды» (1964 г.), как пример героической жизни доминиканки.

В английском доминиканском журнале «Blackfriars» в 1991 г. была опубликована биографическая статья f. Aidan Nichols OP, «Ekaterina Sienskaya Abrikosova (1892–1936): a Dominican Uniate Foundress in the Old Russia».

Много места м. Екатерине посвятил биограф блж. Леонида Федорова, диакон Василий фон Бурман ЧСВВ. Он указывал на специфический, трудный путь ее веры, выражал уверенность в том, что ее «крестный путь» был завершен мученичеством и что ее душа пребывает среди святых.

С. Филомена Эйсмонт, одна из младших сестер общины м. Екатерины, прошедшая многие годы заключения и ссылки и продолжавшая в советских условиях вести тайную монашескую жизнь, смогла ознакомиться с вышеуказанной книгой диакона Василия в сокращенном варианте и была огорчена некоторыми утверждениями автора о м. Екатерине и ее общине. В своем «Протесте» она выразила убежденность в сверхъестественных мотивах жизни м. Екатерины и в том, что Бог принял ее обет жертвы за Россию.

Несмотря на продолжение преследований в Советской России после смерти м. Екатерины, повторяющиеся аресты, суды и ссылки, ее община продолжала существовать. Связь с ней поддерживали доминиканцы из Польши. Из среды, связанной с сестрами этой общины, вышло несколько священников. С общиной были связаны многие представители католической интеллигенции русского и еврейского происхождения. Эта среда сохранила присущую общине м. Екатерины открытость как к латинскому, так и к восточному обряду, и к римскому духу вселенскости.

Среди тех, кто сохранял память и документы о м. Екатерине и ее общине, – российский священник о. Георгий Фридман, а также сестры из доминиканского монастыря в Зеленке (Польша) и община доминиканцев-терциариев в Москве.

Все это показывает, что, несмотря на трудные условия, не способствующие сохранению славы святости и мученичества м. Екатерины, они сохранялись и даже распространялись.

Когда преследования религии в России завершились, и Католическая Церковь смогла существовать относительно свободно, память о м. Екатерине стала отражаться и в российских изданиях. Судебный процесс над м. Екатериной и сестрами ее общины был описан в книге московской исследователь-

¹¹² избранная душа (итал.).

¹¹³ в состоянии святости (итал.).

ницы И. И. Осиповой «В язвах Твоих сокрой меня...». Она же опубликовала в отдельной книге «Возлюбив Бога и следуя за ним...» воспоминания и рукописи, сохранившиеся в личном архиве о. Георгия Фридмана, и некоторые документы из советских и зарубежных архивов, связанные с м. Екатериной и ее общиной.

Сведения о м. Екатерине также приведены в мартирологе «Церква Христова 1920–1940: (Переслідування християн в СРСР)», опубликованном диаконом о. Соколовським на Украине в 1999 г., и в мартирологе ks. R. Dzwonkowski SAC: “*Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR, 1917–1939*”, выпущенном в Люблине (Польша) в 1998 г. Судьба м. Екатерины и ее сестер также описана в изданной в США книге Rev. Christopher Lawrence Zugger «*The Forgotten – Catholics of the Soviet Union from Lenin through Stalin*».

Существует слава мученичества м. Екатерины и среди верных в современной России. М. Екатерина упоминается среди пострадавших за веру в «Книге Памяти: (Мартиролог Католической Церкви в СССР)», опубликованной в 2000 г. о. Б. Чаплицким и И.И. Осиповой.

В 2002 г. на христианском «Радио Мария» в Петербурге, в цикле передач о российских мучениках XX в. была выпущена передача, посвященная м. Екатерине. Также в газете «Свет Евангелия» в 2002 г. была опубликована посвященная м. Екатерине статья П. Парфентьева, позже перепечатанная в сборнике, посвященном мученикам Католической Церкви в России XX в., «Зерно из этой земли...». В этой статье м. Екатерина называется «святой страдальцей» и «мученицей». Тот же автор написал также книгу «Мать Екатерина (Анна Ивановна Абрикосова)», жизнеописание, вышедшее на русском, а в сокращенной версии на итальянском языке. В этой книге смерть м. Ектерины называется мученической. В книге приведены свидетельства о частном почитании матери Екатерины – факты посещения мест в Москве, связанных с ней. В Петербурге группа верующих 2 декабря 2001 г. молилась о погибших во время гонений христианах и обращалась к Богу с прошением о возрождении русской католической Церкви византийского обряда через ходатайство м. Екатерины.

Павел Парфентьев

ЛИТЕРАТУРА

- Василий [фон Бурман], диакон ЧСВВ. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. М., 1992.
- Венгер А. Рим и Москва 1900–1950. М.: Русский путь, 2000.
- Новицкая А. Мать Екатерина (Абрикосова) и Доминиканская община в Москве // Логос. Брюссель; М., 1993. № 48. С. 62–93.
- Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня...». Гонения на Католическую Церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел. М., 1996.
- Осипова И.И. «Возлюбив Бога и следуя за Ним...». Гонения на русских католиков в СССР. М., 1999.
- Парфентьев П.А. Мать Екатерина (Анна Ивановна Абрикосова): Жизнь и служение. СПб.: Изд. группа «Керигма», 2004.
- Соколовський О.К. Церква Христова. 1920–1940. Переслідування християн в СРСР. Київ, 1999.
- Юдин А.В. Леонид Федоров. М.: Христиан. Россия, 2002.

- Dorcy M. J. *St Dominic's Family: Lives and Legends*. Dubuque, 1964.
- Dzwonkowski R. *Losy duchowieństwa katolickiego w ZSSR, 1917–1939: Martyrologium*. Lublin, 1998.
- Eszer A. K. *Ekaterina Sienskaja (Anna I.) Abrikosova in die gemeinschaft der schwestern des III Ordens vom heiligen Dominikus zu Moskau // Archivum Fratrum Praedicatorum*. Roma, 1970. Vol. XL. P. 277–373.
- Nichols A. *Ekaterina Sienskaya Abrikosova (1892–1936): a Dominican Uniate Foundress in the Old Russia // New Blackfriars*. 1991. Nr. 72 (January). P. 164–172.
- Parfent'ev P. *Anna Abrikosova. La Casa di Matrona*. Milano, 2004.
- Regis Ph. de. *Sainte Catherine de Sienne a Moscou // Unitas*. 1946. Nr. 3.
- Zugger Ch. L. *The Forgotten: Catholics of the Soviet Empire from Lenin through Stalin*. Syracuse, N. Y.: Syracuse Univ. Press, 2001.

РАБА БОЖЬЯ СЕСТРА РОЗА СЕРДЦА МАРИИ

(ГАЛИНА ФАДДЕЕВНА ЕНТКЕВИЧ)

1896–1944

БИОГРАФИЯ

Галина Фаддеевна Енткевич (с. Роза Сердца Марии¹¹⁴) родилась 24 мая 1896 г. на железнодорожной станции Корсовка, Люцинского уезда, Витебской губ. (ныне г. Карсава, в Латвии), в польской католической дворянской семье Фаддея (Тадеуша) и Янины Енткевич. Была крещена священником А. Куликовским 12 июля 1896 г. в Малновском приходе, к которому относилась Корсовка. Восприемниками были дворяне Стефан Хомичевский и Янина Енткевич.

Кроме нее, в семье было еще трое детей – старший брат Генрих и младшие: сестра Мария и брат Веслав.

Отец Галины был инженером-путейцем (железнодорожником) и к моменту рождения первой дочери работал на Петербургско-Варшавской железной дороге. Затем семья переехала в Вертуновку, Саратовской губ., на станцию Рязанско-Уральской железной дороги на линии Москва-Саратов. Отец был там начальником дистанции. Раннее детство Галины прошло счастливо

¹¹⁴ Или Роза Лиманская. В одном из писем к родным с. Роза просила помолиться о ней 30 августа – это день св. Розы Лимской.

и спокойно. Условия жизни были хорошие. В семье был достаток, жили дружно, поддерживали отношения с родственниками отца и матери. Галина воспитывалась в польском патриотическом духе. Ее дед (отец матери), Каэтан Юзеф Хомичевский (1840–1898), за патриотическую деятельность был сослан в Сибирь. Вернувшись из ссылки, последние годы своей жизни он провел в Вертуновке, где и умер в 1898 г.

В 1901 г. семья переехала в Москву, вероятно, в связи с желанием дать детям хорошее образование. Отец Галины получил другую должность на той же дороге. С 1901 по 1906 г. семья жила в тогдашнем пригороде, около Павелецкого вокзала. Галина посещала женскую ремесленную школу. В 1906 г. Енткевичи переехали в центр Москвы. Галина поступила в женскую французскую гимназию при римско-католическом приходе Святых Апостолов Петра и Павла, где языками преподавания были французский и русский.

Галина была очень способной ученицей. Уроки родного польского языка она брала частным образом. Знала также английский язык.

14 мая 1908 г. Галина приняла первое Причастие в храме Святых Апостолов Петра и Павла в Москве.

Школу она окончила с отличием в 1913 г.

Девушка имела спокойный, уравновешенный характер, была довольно скрытной, очень способной к учебе, терпеливой в исполнении своих намерений. Она была истинной католичкой и польской патриоткой.

После гимназии Галина поступила на естественное отделение Высших женских курсов по специальности «педагогика» и училась на нём в 1913–1915 гг. Окончив курсы, в 1915 г. поступила на химический факультет Московского университета.

После начала Первой мировой войны отец Галины получил место главного руководителя строительства от Каменского Завода (ныне г. Каменск-Уральский) за Уралом до железорудной шахты на станции Синара. Остальные члены семьи, продолжая жить в Москве, ездили к нему ежегодно во время летних каникул. Там в 1917 г. утонул в реке младший брат Галины, Веслав. Его похоронили на местном кладбище. Мать тяжело переживала эту смерть и в следующем 1918 г. категорически отказалась от поездки к мужу, оставшись в Москве с Галиной. Из-за событий гражданской войны разлука семьи затянулась на два с лишним года (1918–1920).

Вследствие Первой Мировой и Гражданской войн в Советской России настал голод. Галина была вынуждена в 1918 г. оставить учебу в университете и пойти зарабатывать, чтобы содержать мать и себя. Она устроилась на работу в кремлевский детский сад. Чтобы достать денег на еду, Галина с матерью продали мебель. Отец в Сибири не имел работы, старший брат вступил в организованный из пленных поляков корпус. Когда победили большевики, у них

Галина Енткевич с кузеном Ежи.
1900 г.

в плену оказался и отец¹¹⁵. Вся семья смогла соединиться в Москве в декабре 1920 г., однако 20 декабря 1920 г. Фаддей Енткевич умер от тифа.

Семейные события – смерть младшего брата, тревога за пропавших родных, тяготы, пережитые в Москве вместе с матерью, – сильно повлияли на душу Галины.

К периоду учебы в высших учебных заведениях относится развитие у Галины интереса к духовной жизни и стремления к личному освящению. Тогда в учебных заведениях были популярны кружки разного направления, род землячеств. Галина включилась в один из таких кружков вместе с подругами – Марией Комаровской и Анатолией Боуффал, впоследствии Новицкой¹¹⁶. Их целью было углубление религиозной жизни, совершенствование в добродетелях. Девушек занимали вопросы устройства Церкви и объединения Церквей.

Галина познакомилась с возникшей в Москве общиной сестер доминиканок, организованной Анной Абрикосовой. Супруги Владимир и Анна Абрикосовы в начале 1900-х гг. присоединились к Католической Церкви, а затем принесли обет целомудрия. Благодаря помощи священников о. И. Чаевского и иезуита о. Ф. Вирцинского они создали на своей квартире на Пречистенском бульваре (д. 29, кв. 34) русскую католическую группу, которая после рукоположения В. Абрикосова во священники восточного обряда встала на византийские позиции. В квартире Абрикосовых была организована часовня католического прихода восточного обряда. Однако, монашескую общину А. Абрикосова стала строить на доминиканских основах. Она приняла имя с. Екатерины Сиенской. 4/17 августа 1917 г., в день памяти св. Доминика, собранные А. Абрикосовой молодые женщины образовали общину III Ордена св. Доминика. С. Екатерина была выбрана настоятельницей. Необычный монастырь помещался в квартире Абрикосовых. Общину опекали доминиканцы: о. А. Либерсье ОП и о. Ж. Видаль, священники храма Святого Людовика. Община объединяла западную духовность с восточным обрядом. В 1917 г. общину стали посещать Галина и ее подруги.

В квартире проводились многоязычные религиозно-философские собрания, на которых обсуждались насущные церковные вопросы того времени, особенно вопрос соединения русского народа с Католической Церковью. М. Екатерина (Абрикосова) обладала очень сильным, харизматичным характером. Она получила высшее образование в Кембриджском университете, была очень начитанной в области богословия. Она активно влияла на доверившихся ей девушек, развивая их души и умы. Большое влияние оказывал также о. Владимир Абрикосов, настоятель прихода восточного обряда. Эти два аспекта определили выбор пути Галины. Она стремилась к личному освящению, притягивали ее и перспективы миссионерской работы среди русских. У Галины пробудилось монашеское призвание, а другой общины она не знала.

В 1919 или 1920 г., то есть до выезда своих родных в возрожденную Польшу, Галина совершила переход в восточный обряд. Он был официально

¹¹⁵ Ф.Н. Енткевич был арестован 15 мая 1920 г., Г.Ф. Енткевич – 3 июня 1920 г., оба по обвинению «за службу у Колчака». Затем они были амнистированы в связи с окончанием советско-польской войны.

¹¹⁶ А. Новицкая (впоследствии доминиканская терциарка Иосафата) – жена Доната Новицкого, впоследствии священника восточного обряда, вместе с мужем перешла из латинского обряда в восточный в 1922 г., выехала из СССР 15.09.1932.

оформлен управляющим Могилевской архиепархией генеральным викарием, архиеп. И. Цепляком, и Экзархом русских греко-католиков о. Л. Федоровым. Причиной перехода, которую указала Галина, было желание посвятить себя миссионерской работе по привлечению русских к Католической Церкви. Тогда Галина стала послушницей в Абрикосовской Общине. Об этом, вероятно, она семью в известность не поставила.

После окончания советско-польской войны (1919–1920 гг.) и заключения мирного договора в 1921 г. у поляков, живших в Советской России, появилась возможность выехать на историческую родину. Семья Енткевичей собиралась поступить именно так. Однако Галина, которая уже присоединилась к общине и выбрала жизненный путь, отказалась покинуть Россию. Она понимала, что ее матери будет очень тяжело расстаться с ней и что эта разлука – скорее всего, навсегда, но не поддавалась на уговоры родных, однако просила младшую сестру уговорить мать уехать.

В ноябре 1921 г. Енткевичи уехали, а Галина осталась в Москве. Тогда она переехала жить в квартиру Абрикосовых.

Положение общины, в связи с происходившими в советской России событиями, было тяжелым с самого начала. Через несколько месяцев после ее создания произошла Октябрьская революция, затем началась Гражданская война. Средства м. Екатерины по причине революционных перемен быстро кончились. Сестры вынуждены были сами добывать средства к существованию. По всей стране с приходом к власти большевиков разразился голод, разлука и господствовал произвол властей.

Община жила в стесненных материальных условиях. Она размещалась в пятикомнатной квартире, принадлежавшей Абрикосовым. Здесь помещалась публичная часовня, кабинет настоятеля, столовая и приемная. В таких условиях должна была кочевать возрастающая монашеская община.

Хотя между сестрами бывали конфликты, они были просты в обращении, поддерживали жертвенный настрой духа, с готовностью слушались старших, т. е. священников и м. Екатерину.

О. В. Абрикосов и м. Екатерина установили в общине строгий порядок исполнения монашеских правил. Ночной отдых длился с 23 до 5.45. Каждый день все сестры присутствовали на Литургии и причащались. После Литургии читался доминиканский breviарий (официум), другая часть официума была вечером, по воскресеньям и праздникам сестры читали официум вместе с приходом. Сестры практиковали также «дисциплину» – самобичевание. Они отмечали праздники всех доминиканских святых, каждый день пели *Salve Regina* по-русски, читали розарий с *Ave Maria* по-русски, проводили Евхаристическую адорацию. В мае ежедневно пели восточный акафист Пресвятой Богородице (вместо западного

Галина Енткевич. 1911.

Галина Енткевич. 1913 г.

майского богослужения). Сестры соблюдали пост три раза в неделю, а кроме того, посты Восточной Церкви. Каждая из сестер раз в неделю проводила целую ночь в поклонении Святым Дарам. Сестры практиковали ежедневное испытание совести и размышление. Каждый вечер служилась вечерня, на которой присутствовали все сестры. Реколлеции для сестер бывали несколько раз в год. Великопостные реколлеции – 1 неделя – происходили в IV неделе Великого поста (в восточном обряде это Крестопоклонная неделя). Перед праздником св. Екатерины Сиенской были однодневные реколлеции, после которых сестры обновляли свои обеты¹¹⁷. Трех-четырёхдневные реколлеции проводились перед праздником св. Доминика, однодневные – перед праздником свв. апп. Петра и Павла и перед праздником Божьей Матери св. Розария. Реколлеции проводила м. Екатерина.

Сестры изучали также правила III Ордена св. Доминика, историю Церкви, жития доминиканских святых, литургию, катехизис, основы мистики и аскетики. Некоторые сестры, хорошо знавшие иностранные языки, переводили богословскую католическую литературу на русский язык. Другие на пишущей машинке копировали переводы в нескольких экземплярах для общинной и приходской библиотек.

Два раза в неделю о. В. Абрикосов читал им лекции по литургике, теологии, догматике¹¹⁸. Сестры, имевшие высшее образование, проводили общеобразовательные уроки для остальных. Два раза в неделю были уроки церковного пения.

Перед Великим постом вся община принимала участие в 40-часовом поклонении Святым Дарам в интенции миссии Восточного обряда и отвращения от общины всяких несчастий.

В дни большевистских праздников сестры сурово постились и проводили Евхаристическое поклонение, принося Богу разные жертвы и молитвы в умиление за нанесенные Ему обиды. Позднее поклонение Пресвятым Дарам проводилось непрерывно днем и ночью. Сестры участвовали в нем по очереди, меняясь каждый час. Организовали также приходское братство Введения во храм Пресвятой Богородицы, члены которого ежедневно совершали адорацию перед Святыми Дарами и раз в месяц принимали Причастие в интенции обращения России.

На содержание общины сестры отдавали деньги, заработанные ими в разных государственных учреждениях. Дома они занимались хозяйством, в том числе пилили дрова и стирали белье.

Сестры постоянно совершали дела милосердия. Они кормили голодных и бездомных в кухне, навещали всех больных в приходе, заботились о 8 мальчиках, из которых 5 были сиротами, навещали новообращенных и носили им книги. Некоторые сестры вели уроки в приходской школе для детей, другие занимались благотворительностью через конференции св. Викентия де Поля в приходе.

¹¹⁷ Большинство сестер приносило ежегодные обеты, а не вечные.

¹¹⁸ После выезда о. Владимира из России эти лекции читала м. Екатерина.

Точная дата принесения Галиной вечных обетов неизвестна (между 19 февраля 1921 г. и мартом 1922 г.)¹¹⁹. Согласно постановлению настоятельницы, кроме обычных обетов, каждая сестра могла принести дополнительный обет, посвятив себя определенной идее. С. Роза таким актом отдала себя в жертву Богу ради спасения России (т. е. спасения душ русских людей).

М. Екатерина высоко оценила жертву с. Розы. Уже в марте 1922 г.: она писала, что с. Роза «...обрекла себя на весь ужас жизни в России ради спасения той страны, которую ее с детства учили ненавидеть...».

Мы не знаем, учили ли родители Галину с детства ненавидеть Россию, которая была виновна в разделах Речи Посполитой и несчастьях многих поляков. Но Галина приносила свой обет за Россию не потому, что та в прошлом преследовала поляков, а потому, что Россия оказалась несчастной под властью большевиков. Такая жертва удивила призывавшую к жертвенной жизни мать Екатерину Абрикосову, которая замечала польский шовинизм, не отказываясь при этом от русского шовинизма. М. Екатерина дополнительно оценила качества с. Розы, назначая ее своей секретаршей. С. Роза, хорошо знавшая иностранные языки, переводила, особенно с французского, и печатала на машинке богословские тексты. Кроме того, она преподавала в московской школе № 18, чтобы материально поддерживать общину.

1 (14) октября 1922 г., в восточный праздник Покрова Пресвятой Богородицы, все вступившие к тому времени в Общину сестры взяли себе девизы. С. Роза избрала девиз «Всем для всех» (ср. 1 Кор. 9: 22: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»).

С. Роза сознавала, что, оставаясь монахиней в Советской России, приговаривает себя к смерти. Она писала родным 16 июля 1923 г.: «Меня немного удивляет рассуждение Мамочки: в России плохо, религия гораздо больше преследуется – а, следовательно, [надо] срываться с места. Кто же тогда будет здесь хвалить Бога и спасать души. И разве это попросту по-христиански: пусть погибает¹²⁰. Доминиканка в случае необходимости погибает, и это наивысшая честь и счастье, не только как Христос сказал, что „нет больше той любви, если кто отдаст душу за ближних“, – а тем более жизнь отдаст в случае необходимости за Бога и веру».

Под руководством м. Екатерины с. Роза воспитывала в себе доминиканские добродетели: развитие ума и воли, осведомленность и ясность в вере, смирение и послушание Святому Отцу и Апостольской Столице.

В 1922 г. ГПУ арестовало и выслало из России о. В. Абрикосова и прихожанку Д. Кузьмина-Караваева, а за перепиской Абрикосовых было установлено наблюдение. Тогда большевистские власти установили, что в квартире существует не зарегистрированная у них монашеская община. За квартирой стали следить агенты ГПУ¹²¹, в приход были внедрены доносчики. Надо было искать способ пересылки корреспонденции через иностранные представительства, за которыми, однако, также следило ГПУ. С. Роза по поручению м. Екатерины

¹¹⁹ Первая дата связана с тем, что 19 февраля 1921 г. генеральный настоятель доминиканского ордена о. Людвиг Тейслинг (Theisling) предоставил о. В. Абрикосову право принимать членов в III орден и руководить им.

¹²⁰ В тексте оригинала пропущен вопросительный знак.

¹²¹ Таким, вероятно, был поселенный на чердаке дома неизвестный «обитатель», которому были созданы комфортные условия вплоть до кровати и отопления (электрической батареи).

посещала, например, посольство Великобритании, за которым также велось постоянное наблюдение. С. Роза подвергала себя опасности, ведя переписку с родственниками, жившими в Польше.

7 декабря 1922 г., накануне торжества Непорочного Зачатия Пресвятой Богородицы, с. Роза вместе с другими сестрами, обновила свой акт жертвы за Россию и за священников.

Исполнение этого акта началось скоро. 12 ноября 1923 г. была арестована настоятельница м. Екатерина Абрикосова, большинство сестер и многие прихожане. Всех арестованных членов монашеской общины и многих других арестованных русских католиков обвиняли в том, что под видом религиозной пропаганды они преследовали чисто политические фашистские цели, идентичные целям международного фашизма. При обыске, проведенном ГПУ у членов Общины в ночь на 13 ноября 1923 г., были обнаружены разные документы, перепечатанные на машинке, и в том числе – акт посвящения с. Розы за спасение России.

С. Роза была арестована при вторичном обыске, 26 ноября 1923 г. Ее обвиняли в том, что она перепечатывала для распространения различные нелегальные материалы. Эти действия были подведены ГПУ под статью 61 УК РСФСР (1922 г.), которая за «участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии» карала «высшей мерой наказания» и «конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества».

Следствие длилось до середины мая, и затем было продлено до середины июня 1924 г.¹²² Во время следствия сестер разделили, поместив часть в Лубянскую, а часть в Бутырскую тюрьму. С. Роза находилась в московской Бутырской тюрьме вместе с м. Екатериной, несколькими сестрами и прихожанами, причем сестры были в одной камере с м. Екатериной и гуляли также вместе. Это позволило им исполнять некоторые свои монашеские обязанности. М. Екатерина готовила сестер к дальнейшему пути – пути страданий и мученичества.

С. Роза на допросах отрицала, что перепечатывала какие-то письма. По ее словам, она вела переписку с родственниками в Польше, но письма по получении рвала. Найденный акт ее посвящения «спасению России», по ее словам, означал молитву за «русские души». На вопрос о ее отношении к социальным вопросам она заявила, что судить не берется, так как для этого не имеет ни опыта, ни знаний.

На допросах с. Розе, как и другим сестрам, следователи предлагали отречься от католичества восточного обряда, перестать носить хабит (сестры носили одинаковые черные платья с белыми воротничками). Взамен обещали выпустить на волю и предлагали хорошую работу после освобождения, но с. Роза отвергла эти искушения.

В тюрьме заключенные, которых кормили на обед щами с протухшим мясом, на ужин плохой пшенной кашей, устроили забастовку. Монахини к ней не присоединились и всячески старались успокоить своих сокамерниц, чтобы в дальнейшем всех их не наказали. Несмотря на ругательства заключенных

¹²² 13 мая следователь ходатайствовал о продлении срока содержания под стражей для арестованных членов абрикосовской общины на месяц в связи с незавершенностью следствия.

женщин, монахини молились за благополучный исход этого происшествия. Заключенных вывели из камер с вещами, вещи сказали оставить в коридоре, заключенных завели обратно, таким образом, все оказались в пустой камере – карцере, им давали только хлеб и воду, и все провели так три дня.

Накануне Пасхи 1924 г. всех сестер поместили в одну общую большую камеру в Бутырках, где они ожидали приговора и отправки к местам заключения и ссылки.

Тогда м. Екатерина восстановила порядок регулярной монашеской жизни (доминиканский официум, песнопения, розарий, Крестный путь, византийско-славянская вечерня). Сестры воспользовались также тем, что в библиотеке тюрьмы была Библия и жития святых. Они участвовали в духовных беседах, учили иностранные языки. Во время Великого Поста сестры под руководством м. Екатерины провели реколлеции на тему: «Жертва Христа», праздновали Пасху. 10 апреля 1924 г. в день памяти св. Екатерины Сиенской они обновили акт принесения себя в жертву за Россию.

В итоге ГПУ требовало с. Розу, как активного члена общины, машинистку, перепечатывавшую контрреволюционные статьи, – заключить в концлагерь сроком на 8 лет. Первый групповой процесс русских католиков был закрытым. Приговоры сестрам были вынесены без доказательства выдвинутых против них тяжких обвинений. Обвиняемые перед судом не предстали. Приговор вынесла Московская Коллегия ОГПУ. 19 мая 1924 г. с. Роза была приговорена заочно по ст. 61 УК РСФСР к 5 годам тюремного заключения. Когда всем сестрам раздали приговоры (2 июля 1924 г.), каждая сестра, получив свой, не читая, отдавала его м. Екатерине, а та зачитывала вслух. Сестры спокойно подписали свои приговоры и встали на колени. Они приняли свою судьбу радостно, как выражение воли Божьей, и спели благодарственный гимн «Тебя Бога хвалим».

С. Роза была отправлена в Сибирь в начале июля. Она ехала вместе с м. Екатериной и несколькими другими сестрами. На станцию их отвезли на грузовике, затем посадили в вагоны. Они вели себя спокойно и с достоинством. Каждая из сестер имела с собой заплечный мешок, в котором было по 3-4 смены белья, два платья, подушка и немного провизии – то, что собрали для них сестры, оставшиеся на свободе. Помощь сестрам оказала также Папская миссия помощи голодающим.

В Екатеринбург (Свердловске) группа была разделена, и с. Роза вместе с с. Агнессой (Еленой Вахевич), русской католичкой Юлией Данзас (с. Иустин-

Галина Енткевич. 1914.

ной) и еще двумя другими католичками из Ленинграда были отправлены в Иркутск.

По дороге с. Роза якобы упрекнула Юлию Данзас за то, что она, помогая одному заключенному, шла в воскресенье¹²³.

Условия в иркутской тюрьме были тяжелые, она была переполнена заключенными, которых здесь было в 5 раз больше, чем количество, рассчитанное для этого здания. Женское отделение было полно уголовных преступниц и проституток, происходили драки и даже убийства. За пищей (300 г хлеба, кислая капуста в воде или вареная крупа) надо было ходить на кухню, воду – самим доставать из колодца, уборная была просто канавкой во дворе, при том, что морозы достигали зимой 50 градусов.

Сестрам Розе и Агнессе повезло. Они были в одной камере и к тому же в тюрьме получили оплачиваемую работу. С. Роза работала машинисткой в канцелярии изолятора.

Она очень подружилась с с. Агнессой и потом всегда старалась поддерживать с ней связь, если не было возможности поселиться вместе. М. Екатерина велела сестрам, которые окажутся вместе, быть послушными той, которая раньше вступила в Общину, чтобы, таким образом, продолжалась регулярная жизнь общины, что помогало сохранить призвание и навыки монашеской жизни. В данном случае старшей оказалась с. Роза.

В мае 1925 г. с. Роза и с. Агнесса получили камеру на двоих, из которой они могли в связи со своей работой выходить и разговаривать с другими заключенными. Это вызывало зависть других заключенных, в том числе Ю. Данзас. Обе сестры якобы получали регулярно хорошие посылки и питались, по тюремным меркам, хорошо.

Сестры стремились в тюрьме исполнять свои монашеские обязанности и молиться¹²⁴. С. Роза старалась поддерживать связь со своими родными, всегда вспоминала в письмах о разных католических праздниках, днях памяти доминиканских и других святых и просила родных молиться о ней, чтобы ей быть «хорошей и верной до конца». Она всегда поддерживала порядок во всем, чем занималась, в отношениях с окружающими, соблюдала чистоту там, где ей приходилось жить, даже если это был порядок, навязанный ей тюремным режимом. В Иркутском изоляторе их с с. Агнессой камера была всегда прибранна, при малейшей возможности украшена цветами или хотя бы зелеными ветками. Во дворе они устроили клумбу с цветами, и с. Роза любила такую работу на земле. Она жаловалась только, что другие заключенные варварски рвут цветы и портят клумбы, которые посажены, чтобы ими могли любоваться все. Кроме цветов, сестры посадили картошку, которую также крали другие заключенные. С. Роза в письмах родным не сообщала подробностей, чтобы их не тревожить.

Советская система изоляции неугодных властям людей была устроена таким образом, чтобы все ненавидели всех – начальство заключенных, заключенные начальство, заключенные – заключенных. Однако люди оставались людьми, и отношение начальства к заключенным в провинции, где большевистская

¹²³ Информация Ю. Данзас. Ю. Данзас (с. Иустина) была чрезвычайно критично настроена по отношению к Абрикосовской общине.

¹²⁴ Она осуждала Данзас за то, что в тюрьме та молилась лежа, укрывшись с головой одеялом, и говорила, что надо молиться, не таясь, а просто не обращая внимания на окружающих.

идеология еще не полностью завладела умами, в этот период было менее строгим, чем в Москве, допускались даже некоторые поблажки, особенно по отношению к заключенным, сидевшим не за уголовные преступления, к людям образованным, которые могли помочь малограмотному или вовсе неграмотному начальству наладить работу.

Сестры в своей простой хозяйственной деятельности были активными, не впадали в апатию, как другие узники, не тратили силы на конфликты, были способны обращаться с просьбами к начальству, а начальству было выгодно, чтобы тюрьма выглядела лучше – это поддерживало миф о заботе государства об осужденных. Но одновременно это вызывало ненависть других заключенных к сестрам, так как сестры нарушали обычай сопротивления заключенных несправедливой власти и жестоким приговорам.

С. Роза никогда не предавалась унынию. Она всегда искала работу на пользу людей и для собственного заработка, чтобы не отягощать родных и друзей материальными просьбами.

Родственники с. Розы уговаривали ее выехать из России, но она упорно отвергала эту возможность: «Я тоже надеюсь вас увидеть, но это не от меня зависит: пока можно, мы работаем во славу Господа», – писала она. Она просила родных молиться о ней, чтобы осталась верной своему призванию.

Это свое решение с. Роза обновила в начале первого года ссылки. Тогда Политический Красный Крест¹²⁵ предложил ей выехать по обмену в Польшу. С. Роза ответила отказом. Она хотела быть верной своим обетам до конца. Ее решение удивило с. Люцию Чеховскую, католическую монахиню из конгрегации Миссионерок Святого Семейства, которая была арестована одновременно с доминиканками и возможностью уехать воспользовалась.

В августе 1926 г. иркутские власти ожидали приезда делегации немецких рабочих и хотели им показать отличные условия тюремного заключения в Советском Союзе, поэтому на время вывезли часть заключенных из тюрьмы, чтобы привести помещение в порядок. Вывезенных заключенных поместили в здании местного ГПУ, не объяснив, почему их взяли и что с ними собираются делать. Заключенные ожидали смерти в течение 9 дней, двое мужчин почти сошли с ума. С. Роза и с. Агнесса при этом держались очень спокойно и с достоинством.

Однако, когда партию заключенных разделили, опять же не сказав, зачем, сестры попали в разные группы и плакали при прощании, причем с. Роза, как старшая, напомнила с. Агнессе о воскресном «какао». Возможно, это был принятый в общине язык, напоминающий о каких-то духовных обязанностях.

С. Роза, когда это было возможно (переписка заключенных ограничивалась и проверялась, причем письма иногда пропадали), писала родным и постоянно интересовалась тем, как они живут. Сама находясь в заключении, она

¹²⁵ Душой этой организации была Пешкова Екатерина Павловна (1887–1965) – член Московского комитета Политического Красного Креста, затем возглавлявшая другой комитет – «Помощи политическим заключенным». Политическим Красным Крестом в первые послереволюционные годы обобщенно назывались организации и группы, которые занимались (под различными наименованиями, например, «Польский Красный Крест») помощью политическим заключенным и ссыльным. Сотрудники Политического Красного Креста отправляли узникам посылки с теплой одеждой, лекарствами

старалась духовно поддерживать своих родных и говорить им о Боге, о евангельских истинах, о любви и благодати. С. Роза писала о своей надежде во всех ситуациях – о доверии Богу, о любви к Богу и людям, о значении Святого Причастия, о христианских праздниках, о том, что земная жизнь коротка и нужно стремиться к святости, о грехе, которого можно избежать, о личном призвании каждого человека, о жертве и жертвенности, о природе, говорящей о Боге, хотя эти вещи вплетала в обычные житейские разговоры о бытовых обстоятельствах своей жизни.

С. Роза всегда рекомендовала своим родным, особенно младшей сестре и племянникам, но также матери и брату, духовную литературу для чтения, например, житие св. Терезы Младенца Иисуса, «Lord of the world» R.H. Benson¹²⁶, «Aux glaces polaires. Indiens et Esquimaux», «Apôtres Inconnus» и «Femmes héroïques: Les soeurs grises Canadiennes aux Glaces Polaires»¹²⁷ о. П.Ж.Б. Дюшас-суа (Duchaussois) ОМІ (книги о работе католических миссионеров среди коренных жителей на севере Канады) и др.

Не имея возможности бывать в церкви, исповедоваться и получать Святое Причастие, с. Роза всегда тосковала об этом и просила родных молиться о ней в то время, когда они подходили к Святому Причастию. В Иркутском изоляторе раз в году можно было получить «отпуск» для того, чтобы посетить врача-специалиста или купить себе в городском магазине что-то необходимое. С. Роза нуждалась в помощи окулиста. Однако, получив отпуск для визита к врачу, она направилась в католический храм, чтобы исповедоваться и причаститься. Сама больная, она старалась успокаивать своих родных, особенно болеющую мать, которая очень переживала за дочь.

С. Роза была вынуждена пользоваться помощью родных и сестер-доминиканок, так как получаемого ею в тюрьме содержания и платы за работу не хватало на питание и одежду. Но она всегда старалась просить только о самом необходимом и не хотела никаких излишеств, довольствовалась, например, подержанной одеждой и обувью.

О судьбе других доминиканок с. Роза не знала. Она смогла это узнать только после освобождения из тюрьмы¹²⁸.

По возможности, с. Роза следила за общественной жизнью по газетам. Она также не упускала возможность углубить свое образование, хотела хорошо изучить английский язык.

По окончании срока тюремного заключения в Иркутском изоляторе Новосибирское ПП КОГПУ в середине июня 1929 г. постановило определить с. Розу на 3 года в сибирскую ссылку. Ее разлучили с с. Агнессой, которая осталась в тюрьме отбывать свой срок заключения.

¹²⁶ Роман католического английского писателя, впервые опубликован в 1907 г. Существует пер. на рус. яз.: Бенсон Р. Князь мира сего. М., 2000.

¹²⁷ «В полярных льдах. Индейцы и Эскимосы», «Неизвестные апостолы», «Героические женщины: Серые сестры <монахини> – канадки среди полярных льдов». Эти три книги священника П.Ж.Б. Дюшассуа вышли из печати в 1928–1929 г.

¹²⁸ 27 июня 1929 г. с. Стефания (Городец) запрашивала Политический Красный Крест (Е.П. Пешкову) об адресе с. Розы, срок заключения которой кончился 19 мая. Е.П. Пешкова прислала ей адрес. После освобождения из тюрьмы переписка стала свободнее, и с. Роза знала, что происходит с м. Екатериной Абрикосовой и другими сестрами.

С. Роза была отправлена в пос. Колпашево в Нарымском округе, на правом берегу р. Оби, в 270 км к северо-западу от Томска. Она приехала туда 8 июля 1929 г. Там она постаралась найти работу машинистки.

С. Роза спокойно воспринимала то, что происходило с ней, и во всем видела Божью волю. Она радовалась тому, что оказалась в условиях относительной свободы, в красивом месте. Не жаловалась на бытовые условия – а поселиться ей пришлось в одной комнате с малознакомой женщиной, в комнате, где снаружи было хорошо слышно, что происходило внутри, где она не могла остаться одна и молиться вслух.

Она была опечалена разлукой с с. Агнессой (Вахевич) и писала родным о благе одиночества, разделенного с Богом, и о том, что Бог лучше знает, где человеку следует находиться¹²⁹, о необходимости пользоваться для достижения Царства Божьего теми средствами, которые нам даны. Она подчеркивала значение Святого Причастия для спасения души.

Находясь в ссылке, она все лучше понимала, что это Бог дает ей средства к исполнению ее призвания. Она училась не привязываться к людям, вещам, местам и в любом своем поступке всегда исходить из побуждений веры и любви к Богу. Все происходившие с ней события, даже пожар в доме, где она снимала квартиру, она воспринимала через призму заботы Провидения о людях.

Хотя с. Роза боялась тяжелых природных условий и голода, однако, как и в тюрьме, пыталась поддерживать бодрое состояние духа, найти себе работу, соблюдать порядок в снимаемой комнате. Она всегда поддерживала хорошие отношения с хозяевами квартир, хотя, очевидно, не раскрывала перед ними душу и вообще относилась к людям трезво, критически. Накануне зимы она позаботилась даже о ремонте печи и труб в доме, где снимала комнату, так как хозяин не хотел, или не мог сделать это сам.

Находясь в ссылке, она просила родных присылать ей образки святых, устроив в своей комнате место для молитвы. Она попросила родных прислать ей белое платье или белый материал (чтобы самой сшить платье), то есть старалась соблюдать доминиканские традиции¹³⁰.

В Колпашево с. Роза познакомилась со ссыльным католическим священником. У нее появилась возможность тайно посещать Святые Мессы, исповедоваться и причащаться, за что она была очень благодарна. Она стала заботиться об этом священнике. В сентябре 1931 г. с. Роза просила родных прислать для него теплый свитер¹³¹. К сожалению, священник вскоре скончался, о чем с. Роза очень горевала.

У старшего брата с. Розы родился сын, и ее просили быть крестной матерью мальчика. Она посоветовала, чтобы его назвали Антонием, в честь св. Антония Падуанского, которого с. Роза особо почитала и всегда обращалась к нему за помощью при поиске квартиры, работы и т. д. С. Роза вообще очень

¹²⁹ Вероятно, впоследствии с. Роза сменила место жительства.

¹³⁰ Догадка о предназначении белой ткани принадлежит А. Новицкой.

¹³¹ А. Новицкая предположила, что это был о. Леонард Барановский, который действительно находился в ссылке в деревне Тогул Томского округа Нарымского края (в 8 км от Колпашева) с 13 июля 1929 г., отбыв перед тем 3 года в лагере на Соловках. Однако, по имеющимся на сегодняшний день сведениям, о. Барановский умер от сыпного тифа 12 декабря 1930 г. Возможно, сведения об о. Барановском неточны, и он умер позднее.

любила детей и расспрашивала родных о своих племянниках¹³². Ей хотелось, чтобы кто-нибудь из племянников получил от Бога призвание к посвященной жизни.

К ссыльным местные власти относились с недоверием, и начальство далеко не каждого учреждения соглашалось принять такого человека на работу, а в случае сокращения ссыльных увольняли в первую очередь; кроме того, к ссыльным относились грубо и жестоко. Человек, оставшись без работы, терял и единственную гарантию спасения от голодной смерти – хлебную карточку (в стране в это время была введена система карточек на основные продукты), а покупать продукты без карточек безработному было практически невозможно, так как цены были очень высокими. Окружающие опасались оказывать помощь ссыльным, чтобы не подвергнуться репрессиям.

С. Роза, по несколько месяцев оставаясь безработной, ела тогда один раз в день, но не теряла надежды на Провидение. Вспоминала о том, что святые говорили о лишениях¹³³, и в письмах к родным подшучивала над собой (что во время Великого Поста – неплохо бы и попоститься). Она умела хорошо шить и вышивать, поэтому старалась подрабатывать, но платы за это не хватало на пропитание, приходилось продавать одежду, которой и без того было недостаточно. Поэтому с. Роза была вынуждена по-прежнему просить помощи у родных, и по ее благодарности Богу и родным за посылки можно понять, насколько она голодала и нуждалась.

Посылки, отправляемые ссыльным, иногда вообще не доходили или приходили вскрытыми. Об одном таком случае с посылкой, которую должна была получить летом 1931 г. с. Роза, известно в подробностях. Вес оказался меньше, часть вещей пропала, причем у воров было время, чтобы после кражи создать видимость целостности посылки (зашить мешок, заколотить обратно ящик). С. Роза не смирилась с беззаконием. Потребовала на почте составить акт о неполноте дошедшей посылке, ее жалобу поддержал Красный Крест, и в октябре того же 1931 г. ей была предоставлена денежная компенсация.

С. Роза не воспользовалась возможностью переехать на другое место ссылки, где нашла бы работу и заработок, по причине отсутствия денег. О том, чтобы накопить денег на выезд из Колпашево по окончании ссылки, с. Роза начала заботиться почти за год до освобождения, в августе 1931 г.

Она понимала, что вместо освобождения может быть вновь арестована, и к такому исходу готовила своих родных.

В ссылке у нее ухудшалось здоровье, усиливался ревматизм, болели и отекали ноги. Климатические условия, нервное напряжение и частое недоедание вызывали мучительные головные боли. Она терпеливо переносила болезни и находила в них пользу для своей души.

¹³² Первый племянник с. Розы, которому она также очень обрадовалась, родился у ее младшей сестры, Марии, в 1923(?) г. У брата Хенрика было двое детей – Ежи Томаш и Мария. Ежи Томаш Енткевич (1925–1953) впоследствии стал солдатом Армии Крайовой и участником Варшавского восстания, участвовал в спасении евреев, за свою причастность к Армии Крайовой был арестован в 1952 г. и казнен в Мокотовской тюрьме (см. ст. в Википедии “Jerzy Jętkiewicz”). Остальные члены семьи Хенрика, в том числе Мария (рожд. 1928), Институтом Яд ва-Шем 6 мая 1997 г. были признаны Праведниками народов мира за спасение еврейской семьи Фельдман в Варшаве в 1942–1944 гг. (см.: Nawet cieć konspirował / [Ред.] // Gazeta otwocka. Wyd. specjalne: Otwoccy Sprawiedliwi wśród Narodów Świata. 2012. Lipiec. S. 10).

¹³³ С. Роза вспоминала здесь св. Терезу из Лизье, книга которой в свое время произвела на нее очень большое впечатление

Мать с. Розы, Янина Енткевич, обратилась в Польский Красный Крест, представителем которого в СССР была Е.П. Пешкова, с просьбой ходатайствовать о переводе дочери из Колпашево в Томск, где условия жизни были лучше, но результата не достигла.

С. Роза, зная, что ее ссылка кончалась 30 апреля 1932 г., заранее написала в Красный Крест, прося сообщить ей о её дальнейшей судьбе и предоставить средства на дорогу. К неизвестному будущему она подходила спокойно. С. Роза была освобождена из ссылки 30 апреля 1932 г., однако ей было запрещено проживание в 6 крупнейших городах и пограничных областях СССР в течение 3 лет.

Сестры Абрикосовской общины после окончания первого срока ссылки вернулись в европейскую часть России. Получив запрет на проживание в определенных крупных городах, они селились группами там, где оставался действующий храм и священник. За ними продолжали следить.

С. Роза получила 15 июля 1932 г. перевод в 30 р. от Политического Красного Креста и ненадолго отправилась в Москву. Там она, вероятно, встретила с м. Екатериной (Абрикосовой), выпущенной на свободу из Ярославской тюрьмы 12 августа 1932 г. по причине болезни – рака.

Затем с. Роза отправилась в г. Рыбинск на Волге, потому что там уже было несколько сестер. Но поселиться там ей не позволили. Тогда она выбрала г. Пошехонье под Рыбинском, и с августа 1932 г. до августа 1933 г. жила там, в предместье Шишелово. Она стала работать в местном кооперативном управлении в должности заведующей столовыми.

Своей матери с. Роза объяснила, что не хочет искать что-то лучшее, Бог знает, что ей нужно, и, если Он захочет, она может оказаться в другом, может быть, гораздо более далеком месте. Утраты своей жизни – отсутствие близости храма, разлука с близкими и многое другое – с. Роза жертвовала Богу за тех, кто недостаточно Его любил. По-прежнему она полностью доверяла Богу, черпая в этом покой, силу и понимание, и продолжала смотреть на все события своей жизни через призму воли Провидения. Она желала только исполнить свое призвание.

Отношение к бывшим ссыльным в Пошехонье было таким же, как к ссыльным в Колпашево. ГПУ не препятствовало освобожденным из тюрьмы и ссылки получать работу, но в стране шла кампания за кампанией по выявлению «врагов народа», начальники учреждений и предприятий боялись брать на работу таких, как с. Роза, и увольняли их в первую очередь. С. Роза была неожиданно уволена 8 февраля 1933 г., снова осталась без заработка и хлебной карточки, а условия жизни в Пошехонье были даже хуже, чем в Колпашево, продукты дороже, и их не хватало. С. Роза, чтобы купить хлеба, должна была продавать свою одежду и обувь, надеялась на посылки и чеки Торгсина от родных, снова шутила, что будет «поститься» накануне Пасхи, искала возможность переезда в другой город. Однако она не унывала и хотела охотно сносить новые посылаемые Богом испытания.

Ей придавало сил то обстоятельство, что теперь она могла изредка ездить в московский храм Святого Людовика, где служил еп. Пий-Эжен Нёве¹³⁴, апостольский администратор в Москве, и получать Святое Причастие, а также

¹³⁴ Епископ П.Э. Нёве старался организовать помощь священникам и монашествующим в России. Власти обвиняли его в шпионаже и следили за его контактами.

встречаться с другими сестрами. Она надеялась на приезд с. Агнессы. Когда в конце концов она нашла работу, то должна была часто работать в воскресенье. Поэтому она завидовала своим родным, что могут жить в христианской стране. Бывая в Москве, она посещала прежних знакомых и кладбище, где был похоронен ее отец.

С. Роза попросила родных прислать ей образок Лурдской Божьей Матери. Написала, что всегда чувствовала заботу Богородицы о ней и с детства прибегала к Ней в своих нуждах, что любит октябрь – месяц Розария. Она радовалась, когда получала в письме образок кого-нибудь из святых, с текстом, который давал новую духовную пищу. Через заступничество святых, например, св. Терезы Младенца Иисуса, с. Роза надеялась получить от Бога терпение и стойкость в испытаниях.

Она во второй раз на расстоянии стала крестной матерью – теперь для ребенка младшей сестры, Марии¹³⁵, и радовалась, получая известия о детях.

Когда с. Роза сняла новую квартиру, где был огород, она смогла посадить овощи.

Она надеялась, что после получения паспорта сможет стать полноправной гражданкой страны, вступить в профсоюз, чтобы иметь социальные гарантии, что когда-нибудь сможет увидеться с матерью, благодарила за все Провидение и говорила, что охотно несет свой крест и не отдаст своей судьбы за все соколовища мира, глубже постигала необходимость не привязываться ни к чему в мире и не забывать о цели своего призвания. Тем не менее, она страдала из-за преследований, которым подвергалась сама и которые выпали на долю ее сестер, особенно с. Агнессы, и искренне радовалась передышкам в своих тяготах.

В начале августа 1933 г. с. Роза переехала в Рыбинск на временную квартиру (Загородная ул., 10). Там было неожиданно объявлено о высылке всех ссыльных из Рыбинска. Получив паспорт, с. Роза собиралась выехать из Рыбинска около 1 октября 1933 г. Однако она осталась и устроилась на новую работу – вероятно, по специальности химика.

С. Роза продолжала страдать от болезни ног, которые отекали и болели так, что она могла носить только определенную обувь, и от болезни желудка, а родным писала, что желудок приходит в норму от того, что на новой квартире хозяева увлекались вегетарианством и сыроедением, и она тоже привыкла к этому¹³⁶. Ее домохозяйева были порядочными людьми.

В конце июля – начале августа 1934 г. с. Роза переехала в Тамбов, где поселились сестры-доминиканки: с. Стефания (Городец) и с. Антонина (Кузнецова). С. Роза временно поселилась в неотапливаемой комнатке, а затем нашла квартиру, в которой стала жить вместе с сестрами¹³⁷. Ездить в Москву на Святую Мессу было далеко и дорого. За сестрами велась слежка. Поэтому сестры радовались тому, что в это время в Тамбове был в ссылке о. М. Цакуль, бывший настоятель храма Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве, хорошо знавший сестер.

¹³⁵ Это была девочка, по имени Тереза.

¹³⁶ Однако следует заметить, что такой способ хотя и удешевлял питание, но лишал с. Розу животных белков, что усиливало отеки. Из более раннего письма с. Розы можно видеть, что болезнь желудка была следствием многолетнего недостаточного питания плохими продуктами.

¹³⁷ Следующий адрес: Студенческая ул., д. 80.

В Тамбове с. Розе удалось найти работу преподавателя иностранных языков – немецкого и, вероятно, французского и английского, поэтому она просила родных прислать ей словари. Из-за низкой зарплаты с. Роза вынуждена была подрабатывать по вечерам и снова просить у родных помощи деньгами, вещами и продуктами.

В Тамбове болезни с. Розы усилились. Продолжали сильно болеть ноги, на одной образовалась плохо заживающая рана, так что нужна была подходящая обувь. Обнаружилась малярия, началось заболевание сердца, проявлявшееся поначалу сильным сердцебиением и ощущением помехи в груди. Однако с. Роза без огорчения думала и о болезнях, и о старости, и считала, что страдания приносят ей пользу.

Вероятно, родственники, особенно мать, продолжали просить, чтобы с. Роза приехала к ним в Польшу. Однако она снова отказалась, заслужив обвинение в отсутствии любви к родным. Тогда она объяснила, что за прошедшие со времени разлуки годы с ней произошла перемена и что она чувствует огромное доверие к Богу и более глубокую и истинную любовь к родным, не зависящую от внешних обстоятельств.

Тем временем в Тамбове были арестованы католические священники. К этому делу были привлечены сестры-доминиканки, в том числе с. Роза. Она была арестована 1 февраля 1935 года за «связь с представителем Ватикана, епископом Пием Неве, получение от него денег и передачу ему сведений, порочащих советскую власть»¹³⁸. Для дальнейшего следствия и суда с. Роза была переведена вместе с другими арестованными в тюрьму г. Воронежа и помещена в одиночную камеру. Допросы и очные ставки продолжались 9 месяцев.

Ее мать стала беспокоиться из-за отсутствия писем от дочери и запрашивала Польский Красный Крест в Москве о ее судьбе. Мать получила ответ, что с. Роза находится в тюрьме г. Воронежа. Янине Енткевич было передано также письмо с. Розы от 25 апреля, в котором та просила сообщить матери, что здорова, просит выслать ей помощь вещами и продуктами. 11 ноября 1935 г. с. Роза все еще находилась в Воронеже по судебному делу, как подсудимая. 16–19 ноября 1935 г. в Воронеже состоялся суд над священниками и сестрами, на котором с. Стефания (Городец) произнесла блестящую речь, вследствие которой все сестры, в том числе с. Роза, были полностью оправданы. 27 ноября 1935 г. с. Роза была освобождена из тюрьмы и вернулась в Тамбов, где несколько сестер возобновили жизнь в общине.

С. Роза после возвращения в Тамбов ездила в московский храм Святого Людовика по поручению старшей сестры Стефании (Городец) и вновь встречалась с еп. Нёвё, получая от него денежную помощь для общины, хотя контакт с ним угрожал ей новым арестом. Еп. Нёвё через с. Розу передал с. Стефании (Городец) просьбу описать ему весь ход воронежского процесса.

Позже с. Роза и другие сестры переехали из Тамбова в Малоярославец, где несколько освобожденных сестер-доминиканок создали подвиги монашеской общины в доме 19а по ул. К. Маркса. В городе был действующий католический храм. Возможность посещать его каждое воскресенье для с. Розы была основой всей жизни. Сестры смогли вернуться к монашеской общинной доминиканской жизни.

¹³⁸ Это была общая формулировка для всех арестованных священников и сестер. Частная формулировка, относящаяся к с. Розе, к сожалению, неизвестна.

Раз в неделю одна из сестер, иногда с. Роза, ездила в Москву в храм Святого Людовика, где от еп. Нёвё, а после его выезда от о. Леопольда Брауна получала материальную помощь для общины.

По причине нехватки средств на жизнь с. Роза снова просила помощи у родных. Она пыталась заработать, устроившись учительницей немецкого языка. В 1939 г. с. Роза работала в школе. В большие праздники сестры не работали, несмотря на возможность неприятностей на работе, но, к счастью, все проходило спокойно. Дирекция школы, в которой работала с. Роза, пыталась заставить ее проводить антирелигиозную пропаганду. Она категорически отказалась. Тогда её уволили из школы, и в дальнейшем она работала в каком-то учреждении машинисткой.

В доме с. Роза выполняла более тяжелые работы – носила воду с колонки, расположенной далеко от дома, таскала тяжести. Сестры, жившие в Малоярославце, старались помогать сестрам, находившимся в ссылке. Когда посылки нельзя было отправить из Москвы и области, одна из сестер вывозила их за пределы области и тогда только отправляла. С. Роза выполняла тяжелую работу – стирала белье, несмотря на то, что у нее продолжалась болезнь сердца, и были проблемы с легкими. Всякую работу она старалась делать быстро и хорошо.

Однажды одна из сестер, Тереза (Кутель), якобы увидела над головой с. Розы золотой венец и сияние. Она истолковала это видение в таком смысле, что сестра Роза умрет первой из них. Когда с. Тереза рассказала об этом сестрам, то все рассмеялись, а с. Роза заявила, что совершенно здорова, хотя у нее продолжалась болезнь сердца. Из этого видно, что от сестер она скрывала свои болезни, хотя писала о них своим родным.

В связи со сталинскими репрессиями в 1938 г. была закрыта руководимая Е.П. Пешковой делегатура Польского Красного Креста, а 1 сентября 1939 г. началась Вторая Мировая война. Поэтому контакт с. Розы с родными прервался.

Сестры по-прежнему подвергались постоянной опасности, тем более что их первый арест, в 1924 г., был связан с обвинением в пособничестве фашизму. 22 июня 1941 г. недавний союзник Гитлер напал на СССР. Тогда одна из сестер была арестована НКВД. На короткое время (с 18 октября 1941 г. по 2 января 1942 г.) Малоярославец был занят немцами. Сестры бедствовали – не было работы, неоткуда было достать продуктов. Им угрожала смерть от налетов авиации.

С. Роза, воспользовавшись немецкой почтой, 12 ноября 1941 г. послала письмо к родным – вероятно, последнее, – и оно дошло по адресу. В этом письме она успокаивала мать, писала о своих надеждах на Провидение и тосковала только об арестованной сестре-доминиканке и о том, что стало невозможно попасть на Святую Мессу в Москву.

После возвращения советских войск с. Роза выехала в Семипалатинскую область (Восточный Казахстан) и жила там вместе с с. Антониной (Кузнецовой). Они узнали о том, что в Казахстане, также в ссылке, в с. Новая Шульба¹³⁹ живет с. Стефания (Городец), больная и почти без средств к существованию. Поэтому с. Роза поехала к ней.

¹³⁹ Современное название, раньше писалось: Ново-Шульба.

МУЧЕНИЧЕСТВО

Принимая в 1921 г. решение остаться в России, не уезжать с семьей в Польшу, с. Роза согласилась на страдание и мученическую смерть. Это она выразила 7 декабря 1922 г. в своем обете жертвы за Россию. Также девизом своей жизни она избрала евангельские слова – «Всем для всех». Бог принял ее жертву. Она исполнялась, когда с. Роза в 1923 г. была арестована, в 1924 – отправлена в Сибирь на 8 лет, из которых 5 лет провела в тюрьме в Иркутске. Затем с. Роза жила под постоянным наблюдением, в трудных материальных обстоятельствах, все время ожидая нового ареста. Она была снова арестована в 1935 г., и, хотя тогда ее выпустили на свободу, продолжала оставаться под угрозой ареста.

Волей Божьей было, чтобы ее обет исполнился в конкретном служении ближнему.

Осенью 1942 г. с. Роза отправилась в с. Новая Шульба Семипалатинской обл. к ссыльной с. Стефании (Городец). С. Роза поступила так потому, что с. Стефания была пожилой и больной, ей трудно было жить одной, и, возможно, потому, что с. Стефания долгое время была старшей в той группе монахинь, куда входила с. Роза.

Новая Шульба – село в 100 км от г. Семипалатинска, в степи. Климат там резко-континентальный: летом очень жарко и песчаные бури, зимой – мороз до -40°C и ниже, снежные заносы и бураны. Население в Новой Шульбе было в основном казахское. Продуктов не хватало. Продолжалась война. Сестры не имели никакого заработка. Они голодали и сильно ослабели. С. Роза брала на себя все заботы по хозяйству.

В начале января 1944 г. с. Роза и с. Стефания заболели гриппом в тяжелой форме, с высокой температурой. С. Роза очень тяжело переносила болезнь. Утром 10 января¹⁴⁰ температура у нее внезапно упала с 40 градусов до 38 или даже ниже. С. Роза почувствовала сильную слабость, лежала и не могла говорить. Вдруг она резко встала, бросилась на кровать с. Стефании и прижалась к ней, но сказать ничего не могла. С. Стефания постаралась успокоить ее и уговорила поесть. С. Роза поела немного картошки, выпила чаю, знаком показала, что ей лучше, и снова легла. Почти сразу она снова встала, оперлась о печь, около которой стояла ее кровать, и замерла. С. Стефания стала звать ее, но она не отвечала и не двигалась. Когда на крик с. Стефании пришли соседи, они нашли с. Розу уже мертвой. С. Розу похоронила знакомая женщина, обмыв и одев в белую одежду. Ее лицо было ясным и спокойным. Точное место ее захоронения неизвестно.

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

Еще при жизни с. Розы ее знакомая по общине, Анатолия Новицкая, доминиканская светская терциарка, принявшая в Ордена имени Иосафата, отбыв заключение, вместе со своим мужем, также побывавшим в лагере и там рукоположенным во священника византийского обряда, о. Донатом Новицким,

¹⁴⁰ Это дата из письма с. Антонины (Кузнецовой), которая узнала ее от очевидицы смерти с. Розы – с. Стефании (Городец). В справке из ЗАГС с. Новая Шульба числится дата 11 января. Однако акт был составлен более чем через месяц после смерти с. Розы, 14 февраля 1944 г.

выехала в Польшу в сентябре 1932 г. Она поддерживала связь с монастырем сестер доминиканок миссионерок в Зеленке недалеко от Варшавы. А. Новицкая сразу после выезда в Польшу написала воспоминания о московской общине м. Екатерины (Абрикосовой) и не переставала интересоваться всем, что было связано с ней. В этих воспоминаниях есть рассказ о личности с. Розы, о ее преданности миссионерскому призванию, о стремлении к объединению Церквей и о жертвенном характере ее служения.

После окончания Второй Мировой войны мать с. Розы, Янина Енткевич, пыталась узнать о судьбе своей дочери. На ее письмо ответила с. Антонина (Кузнецова), сообщив о смерти с. Розы. С. Антонина рассказала, что после получения известия о смерти с. Розы в общине было совершено отпевание, и что доминиканки постоянно вспоминают в молитве о с. Розе. Сестры Абрикосовской общины терциарок доминиканок были уверены, что с. Роза умерла потому, что созрела для вечной жизни, и что она находится в раю.

Память о с. Розе и ее письма хранились в семье Енткевичей, в Польше. После того, как родные узнали о смерти с. Розы, они поддерживали контакты с А. Новицкой, возможно, знакомой им еще по Москве. А. Новицкая стала собирать материалы о с. Розе и скопировала ее письма, хранившиеся в семье. Она перепечатала их на машинке в нескольких экземплярах, снабдив своими комментариями. Новицкая полагала, что с. Роза «постоянно осознавала свое призвание, как полька, католичка, доминиканка, к служению идее единства Церквей». Она даже составила биографию с. Розы, понимая, что пока ни в Польше, ни в СССР издать ее нельзя. Вероятно, с мыслью об издании ее муж, о. Д. Новицкий, послал одну копию машинописи в Руссикум в Риме.

В архиве в Зеленке находится также краткая биография с. Розы, составленная на основании материалов, собранных А. Новицкой, возможно, ею самой. В тексте выражено глубокое убеждение в том, что характер служения с. Розы был жертвенным, в том, что она точно исполняла свое призвание, и в ее мученичестве: «Мать Абрикосова не запрещала сестре Розе ехать в Польшу по обмену, когда сестра отбывала тяжелое тюремное заключение. Из любви к Богу и людям сестра Роза добровольно осталась на русской земле, отказалась от семьи, от любимой родины и от родного латинского обряда. [...] Совершилась ее жертва всесожжения, мало значащая в людских глазах, но много значащая перед престолом Божиим».

В 1966 г. в Риме на русском языке была издана книга Василия (фон Бурмана), диакона ЧСВВ, об экзархе русских католиков о. Леониде Федорове, сегодня блаженном). В книге рассказывается, в частности, о московской общине м. Екатерины (Абрикосовой), в том числе упоминается с. Роза. Некоторые из утверждений автора являются критическими, даже предвзятыми. Автор не был знаком с проблемами католичества, тем более русского, в период своей жизни в России¹⁴¹. Характеристики Абрикосовской общины он почерпнул лишь из воспоминаний русской католички Юлии Данзас. Ю. Данзас была настроена резко критически по отношению к самой идее такой общины и конкретно к м. Екатерине, и это отношение переходило на всех сестер, в том числе на с. Розу. Поэтому представляется, что к этой информации следует относиться с большой осторожностью. Если даже утверждения о с. Розе

справедливы, то не стоит забывать, что относятся они к первому этапу ее подвижнического пути.

В 1969 г. Генрих Енткевич, старший брат с. Розы, по просьбе А. Новицкой написал воспоминания о сестре. Память об Абрикосовской общине и, в частности, о с. Розе хранилась в доме Конгрегации доминиканок миссионерок в Зеленке близ Варшавы. Туда попали и материалы, собранные А. Новицкой. Одна из составленных ею статей, в которой упомянуто о с. Розе, была опубликована в 2002 г. в доминиканском журнале в Польше.

В 1970 г. о. А.К. Эшер ОП в своей диссертации об Общине в Москве упомянул о с. Розе. Он писал, что с. Роза «проявляет в своих письмах отвагу и силу воли, чтобы преодолеть все огромные трудности жизни, которую она вела по собственному выбору в чужой стране – глубокое внутреннее смирение, кротость и свободу духа». О. Эшер замечал, что «ясность и широта ее убеждений никогда не знала колебаний».

Оставшиеся в живых, разбросанные по Советскому Союзу монахини-доминиканки сохранили память о с. Розе. Доминиканки передавали рассказ о с. Розе тем, с кем им приходилось общаться. Из Польши к жившим в Москве и Литве доминиканкам Абрикосовской общины тайно приезжали священники-доминиканцы, поддерживали их и готовили в их среде терциарские и священнические призвания. Некоторые священники и миряне из этой среды сохранили разные материалы об Абрикосовской общине.

В конце 1980-х гг. одна из сестер Абрикосовской общины – Филомена (С. Эйсмонт) записала свои воспоминания об общине. Она, между прочим, зафиксировала свидетельство с. Терезы (М. Кутель) о виденном с. Терезой золотом сиянии над головой с. Розы. С. Филомена также полемизировала с книгой диакона Василия и показала, в чем он был неправ, рассказывая об общине доминиканок.

Когда в Советском Союзе начались политические преобразования, многие документы, хранящиеся в архивах, стали доступны для исследования. Возникло научно-просветительское общество «Мемориал», которое поставило своей целью раскрыть историю политических репрессий в Советском Союзе. Связанная с «Мемориалом» И.И. Осипова получила доступ к материалам бывшего ГПУ/НКВД/КГБ, хранящимся в разных государственных архивах. На основании этих материалов была издана книга – «В язвах своих сокрой меня...», вскоре переведенная на несколько языков. И.И. Осипова в одной из глав описала историю гонений на русских католиков в Советской России, в том числе рассказав о репрессиях против Абрикосовской общины. В книге содержится краткая справка о с. Розе, составленная по имевшимся в распоряжении исследовательницы документам, в которых судьба с. Розы прослеживалась только до момента освобождения из тюрьмы в Воронеже.

В другой книге, составленной той же И.И. Осиповой: «Возлюбив Бога и следуя за Ним...», – опубликованы материалы, касающиеся Абрикосовской доминиканской общины, такие как: документы о преследованиях доминиканок в СССР, их письма, воспоминания, биографии, воспоминания молодых советских католиков, которым доминиканки, несмотря на огромный риск, передали свою веру в годы репрессий и застоя. Большинство материалов для книги передал доминиканский терциарий, подпольно подготовленный

¹⁴¹ Он принял католичество лишь в 1945 г., а эмигрировал в 1921 г.

и тайно рукоположенный в СССР священник восточного обряда о. Георгий Фридман. Он знал сестер доминиканок, хранил их рукописи и фотографии и предоставил для книжного издания. Кроме того, там помещены документы из архива доминиканок миссионерок в Зеленке, которые собрала А. Новицкая. В этой книге опубликованы (в переводе с польского) письма с. Розы к родным в Польшу, переписка ее матери Янины Енткевич с представителем Польского Красного Креста в России Е.П. Пешковой, воспоминания с. Филомены (Эйсмонт) об Абрикосовской общине. К сожалению, письма с. Розы были напечатаны не полностью, а опубликованные отрывки иногда переведены неточно или даны с купюрами, исключающими ее высказывания о Боге и о вере.

В 1999 г. вышла также книга украинского историка О. Соколовского о преследованиях христиан в СССР, где есть упоминание о с. Розе.

Биограмма с. Розы была помещена в «Книге Памяти. Мартирологе Католической Церкви в СССР», выпущенном в 2000 г. В 2002 г. один из составителей Мартиролога о. Б. Чаплицкий, ныне постулатор процесса беатификации католических новомучеников России, предложил включить с. Розу в число кандидатов к прославлению в лике блаженных.

Краткая биография с. Розы, написанная на основании документов, которые были собраны к тому времени, появилась в газете «Свет Евангелия». Затем в той же газете появилась информация о причислении с. Розы к группе кандидатов к беатификации.

Более полный вариант биографии содержится в «Церковном календаре на 2003 г....». Эта книга была составлена в рамках подготовки к процессу прославления католических новомучеников России.

Материалы о с. Розе находятся в сети Интернет на сайте Постулатуры: www.catholicmartyrs.org, а также на некоторых других сайтах.

В 2004 г. выпущен образок с фотографией и молитвой о прославлении.

21 июля 2004 г. Т.А. Скорнякова из г. Колпино Ленинградской обл. передала в Постулатуру письмо со своим свидетельством о том, что по молитве о заступничестве с. Розы она получила работу, в которой очень нуждалась.

Имя с. Розы упоминается в книгах, которые рассказывают о московской общине III Ордена св. Доминика и о ее настоятельнице, м. Екатерине (Абрикосовой).

Самоотдача с. Розы продолжает служить примером для современных миссионеров.

Александра Романова

ЛИТЕРАТУРА

- Василий [фон Бурман], диакон ЧСВ. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. Львів, 1993.
- Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950. М., 2000.
- Осипова И.И. «Возлюбив Бога и следуя за Ним...». Гонения на русских католиков в СССР. М., 1999.
- Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня...». М., 1996. Пер. на англ. яз.: Osipova I.I. *Hide Me Within Thy Wounds: The Persecution of the Catholic Church in the USSR* / transl. by M. Gilbert. Fargo (North Dakota), 2003. Пер. на исп. яз.: Osipova I. *Si el mundo os odia / If The World Is What You Hate: Martires por la fe en el regimen sovietico*. Madrid: Encuentro, 1998.

Парфентьев П.А. Мать Екатерина (Анна Ивановна Абрикосова): Жизнь и служение. СПб. Изд. группа «Керигма», 2004.

Парфентьев П. Сестра Роза Сердца Марии OPL (Галина Фаддеевна Енткевич) // Церковный календарь на 2003 г. Зерно из этой земли... СПб, 2002. С. 164–170.

Соколовский О.К. Церква Христова. 1920–1940: Преслідування християн в СРСР. Київ, 1999.

Чаплицкий Б., Осипова И.И. Книга памяти: Мартиролог Католической Церкви в СССР. Москва, 2000.

Nowicka A. *Dominikanki rosyjskie* // *W drodze*. 2002. Nr 8 (348).

Za nawrócenie Rosji (Halina Jętkiewicz) // *Królowa Apostołów – Miejsca Święte*. Warszawa, 2007. № 9 (129). S. 28–32.

Также были использованы материалы из архива общины доминиканок миссионерок в Зеленке (Польша), архива историка И.И. Осиповой, архива постулатуры, ГАРФ, Медона, Руссикума, ЦА ФСБ РФ, ASV, материалы сети Интернет.

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

Фотография семьи Галины Енткевич. 1913.

РАБА БОЖЬЯ КАМИЛЛА НИКОЛАЕВНА КРУШЕЛЬНИЦКАЯ

1892-1937

БИОГРАФИЯ

Камилла Николаевна Крушельницкая родилась 29 сентября 1892 г. в католической польской дворянской семье, в городе Барановичи в тогдашней Минской губ. (сейчас территория Белоруссии).

Большую часть своей жизни Камила провела в Москве. Окончила гимназию, а затем училась на историко-философском факультете в народном Университете им. Шанявского (2 года, слушала отдельные курсы), но не закончила его. Это было негосударственное высшее учебное заведение, открытое для всех желающих; для поступления туда не требовалось никаких документов и аттестатов, основной и единственной его целью было получение учащимися знаний, документы об окончании курса не выдавались.

У Камиллы были три старших брата и сестра. Воспитывалась она в духе польского патриотизма, любви к страдающей родине и ненависти к тем, кто разделил страну, мечтала, чтобы Польша стала независимой, приветствовала процесс ее освобождения, надеялась на возрождение разделенной между тремя государствами Польши. Октябрьская революция разъединила семью. Брат

Иосиф стал членом партии большевиков и воевал на стороне революционеров, Камила же во время советско-польской войны 1918–1920 гг. желала победы Польши, но после ее окончания она и трое ее братьев остались в Москве. Старшая сестра, Ядвига, стала монахиней конгрегации Дочерей Милосердия (шариток) в Польше.

После учебы Крушельницкая в 1913–1916 гг. работала в Москве заведующей архивом Общества заводчиков и фабрикантов, в 1916–1918 – заведующей отделом труда в Обществе взаимопомощи, затем в 1918–1920 в Калуге служила делопроизводителем в Кредитосоюзе, а вернувшись в Москву, с 1922 по 1930 г. была библиотекарем в Профсоюзе советских торговых служащих. С 1931 по 1933 г. она служила картотечницей (счетоводом) в конторе «Стальбыт».

Хотя Камила, и осталась в СССР, она чувствовала себя католичкой и полькой, не вступила в большевистскую партию, критически относилась к наступлению большевиков на веру и религию, к развалу хозяйства, наступившему вследствие действий новой власти. Вернулся к вере и один из ее братьев, Иосиф.

Камилла, хотя видела гонения на религию и Церковь и знала, что по всей стране арестовывались священники и активные верующие, посещала в Москве храм Святого Людовика, где католикам всех национальностей и обрядов служил еп. Пий-Эжен Нёвё, имевший французское гражданство и потому оставшийся на свободе. В храме она познакомилась с оставшимися на свободе или вернувшимися из ссылки членами Абрикосовской общины доминиканок-терциарок восточного обряда. От еп. Нёвё она могла получать религиозную литературу.

Камилла, как религиозный человек, имела у себя дома библиотечку – более ста книг на религиозные темы, часть из которых была молитвенниками. Она читала не только на русском и польском, но и на английском и французском языках. Эти книги Крушельницкая давала читать своим знакомым и беседовала с ними об их содержании. У нее на квартире однажды читался в присутствии нескольких подруг апокриф, созданный на рубеже XIX и XX вв., «Протоколы сионских мудрецов». Этот сборник текстов (на самом деле являющихся мистификацией), которые публикаторы представляли как документы всемирного еврейского заговора о планах масонов господствовать над всем миром, обсуждался у Крушельницкой в контексте событий, происходивших в СССР¹⁴². Она делилась своим мнением с другими, читая также фантастический роман английского писателя R.H. Benson «Lord of the world»¹⁴³ (1907) о стойкости католиков будущего в противостоянии коммунизму, сатиру американского писателя-фантаста D.M. Parry «The Scarlet Empire»¹⁴⁴ (1906), направленную против социалистов, и французскую религиозную литературу.

Крушельницкая, трезво оценивала происходящее. Она видела, что в СССР отсутствовали гражданские свободы и были гонения на веру и верующих, что личность подавлялась. Главным критерием оценки событий в СССР и в мире для неё было отношение государственной власти к Церкви.

Как глубоко верующий человек, Крушельницкая, несмотря на опасность, продолжала свидетельствовать о вере. Еп. Нёвё высоко ее ценил. Он попросил

¹⁴² Книга была получена Крушельницкой по знакомству, от старика-соседа.

¹⁴³ См. сноску 126.

¹⁴⁴ Д.М. Перри «Алая империя».

ее беседовать с молодыми людьми, искавшими истину. Крушельницкая помогла им найти литературу и с этой целью переводила с французского данные епископом религиозные книги.

Апостольство Крушельницкой проявлялось в повседневной жизни, среди знакомых людей. Она приглашала к себе домой родственников, друзей и соседей, хотя это было опасно. Особенно близка была Крушельницкая со старшей подругой (род. в 1885 г.) Ольгой Фицнер, с которой познакомилась, когда Крушельницкой было 13 лет, и которая в зрелом возрасте присоединилась к Католической Церкви в восточном обряде. Крушельницкая дружила также с Софьей Эйсмонт (с. Филоменой), членом Абрикосовской общины, которая в 1924 г. вместе с м. Екатериной (Абрикосовой) и другими членами московской общины доминиканок III Ордена св. Доминика была осуждена на 3 года ссылки, затем еще 2 года не имела права жить в 6 крупных городах СССР и вернулась в Москву только в 1931 г. Софья Эйсмонт хотя и была на свободе, но за всеми бывшими узниками следили, поэтому дружить с ней было опасно.

Среди знакомых Крушельницкой появилась молодая девушка, студентка Анна Бриллиантова, отец которой был репрессирован. Она металась между верой и атеизмом. Крушельницкая пыталась помочь ей понять, что именно и почему происходит в России под властью большевиков, и как к этому относятся католики, направить ее мысли в христианское русло.

В декабре 1932 г. Крушельницкая познакомилась с освобожденной из тюрьмы основательницей московской общины доминиканок-терциарок м. Екатериной (Абрикосовой). М. Екатерина, арестованная в 1923 г. и приговоренная к 10 годам лагеря как «руководительница» «Московской контрреволюционной организации», была в августе 1932 г. освобождена досрочно после хирургической операции по поводу рака. Ей было запрещено проживать в крупных городах, и она жила в Костроме, а в Москву приезжала для продолжения лечения, посещая при этом храм Святого Людовика. Крушельницкая знала эти обстоятельства и не могла не понимать, что встречи с таким человеком могут привести ее саму и всех, кто у нее собирался, к аресту. Тем не менее, она несколько раз пригласила м. Екатерину на свою квартиру, чтобы та провела беседы с собиравшейся там молодежью. Всего таких встреч с Абрикосовой было три, в первый раз – в конце июня 1933 г. Софья Эйсмонт, прошедшая тюрьму и ссылку, упрекала Крушельницкую в неосторожности, но та и дальше проводила встречи.

Эти беседы оказались полезными и для Крушельницкой, были поддержкой в вере и помогли коррекции ее взглядов на положение в стране.

Советская политическая полиция постоянно следила за еп. Нёвё, которого считала французским шпионом, выявляя все его контакты, поэтому обнаружение собраний на квартире Крушельницкой было лишь вопросом времени. ГПУ послало на такую встречу осведомителя, которым, вероятно, была одна из подруг Анны Бриллиантовой.

27 июля 1933 г. ГПУ провело обыск у Крушельницкой и арестовало ее. Была изъята переписка Крушельницкой и её дневники. Крушельницкая болела и просила о медицинском освидетельствовании. Сведений об исполнении этой ее просьбы нет. После ареста её поместили во внутренний изолятор ОГПУ, в Москве, на ул. Большая Лубянка.

Через день, 29 июля, Крушельницкая была допрошена о людях, бывавших у нее на квартире, с указанием их адресов и даже каких-то подробностей их биографии. Возможно, они были изъяты из переписки и дневников. Однако, так как указаны только лица, бывавшие у Крушельницкой в 1933 г., возможно, что это лишь те люди, о которых знала доносчица. Следовательно были известны некоторые фразы, прозвучавшие на встречах с м. Екатериной, и, возможно, Крушельницкая по ним вычислила, когда именно на встречах мог присутствовать доносчик. Относительно двух из посетительниц квартиры она настаивала, что они зашли случайно.

Кроме того, ее допрашивали по поводу найденной у нее при обыске брошюры «Протоколы сионских мудрецов». Крушельницкая не отказывалась от своих суждений о положении в СССР, связанном, в ее понимании, с гипотетическим захватом власти евреями.

7 августа её обвинили по статьям 58-10 и 58-11 УК РСФСР как активную участницу контрреволюционной организации.

Её допрашивали в течение нескольких месяцев. Следствие должно было привести к подтверждению изначально созданной и давно уже опробованной в СССР схемы: заключенный принадлежал и активно участвовал в деятельности контрреволюционной организации. Организация должна была преследовать несколько стандартных в советской обвинительной практике целей – от восстановления в России конституционно-монархического строя (в данном случае – при помощи Ватикана) до покушения на Сталина.

Крушельницкая на допросах держалась стойко, открыто говорила о своих убеждениях – о том, что она полька-патриотка, что считает советскую систему неприемлемой из-за отсутствия гражданских свобод и невозможности открыто исповедовать свою веру, а также о том, что Церковь подвергается преследованиям и «лучшие дети Церкви репрессируются». Желая защитить невинных людей, она брала на себя «наиболее активную, руководящую роль» в несуществующей организации, обвиняла себя в том, что ее беседы отрицательно повлияли на молодую девушку, Анну Бриллиантову.

Все политические обвинения против еп. Нёвё Крушельницкая, категорически отменяла. Она настаивала на том, что девушки-студентки обращались с религиозными вопросами к ней, а не к еп. Нёвё.

На основании допросов людей, знакомых Крушельницкой, ГПУ «обнаружило» существование террористической организации, которая готовила покушение на Сталина. Главной «террористкой» была сделана молодая, нервная, с расшатанной психикой Анна Бриллиантова. После четырех дней и ночей непрерывных допросов она начала подписывать самые неправдоподобные и чудовищные «показания», в том числе – о подготовке покушения на жизнь Сталина. Бриллиантова называла Крушельницкую своей вдохновительницей в организации покушения.

Следователь добился дачи обвинительных показаний на Крушельницкую также от других арестованных, в том числе от ее юной племянницы, Веры, 18-ти лет. Вера была знакома с сыном народного комиссара обороны СССР К.Е. Ворошилова, училась вместе с ним в техникуме и бывала у него на даче и в квартире в Кремле. Поэтому, пользуясь ее неопытностью и страхом, следствие навязало ей версию о том, что Крушельницкая и Бриллиантова хотели использовать ее для реализации своих планов и поэтому выспрашивали о рас-

положении комнат в Кремле и дач Сталина и Ворошилова с целью совершения террористического акта.

На Бриллиантову продолжали давить, заставляя ее подписывать все более детализированные обвинения против Крушельницкой. Показаний о создании Крушельницкой молодежной группы и некой второй группы (состоявшей в основном из лиц пенсионного возраста) добились от ближайшей подруги Крушельницкой – О.Г. Фицнер. Впоследствии Фицнер отказалась от этих показаний, заявив при пересмотре дела в 1956 г., что, не читая, подписывала протоколы, которые ей давал следователь. Однако под протоколом допроса Фицнер есть запись Крушельницкой о том, что она прочла его и со всем, что там написано, согласна. Она понимала, в каком состоянии находится ее подруга, и готова была взять вину на себя, согласившись с ее показаниями.

Крушельницкая была объявлена руководительницей молодежного подразделения (группы), которое готовило террористические акты против власти большевиков, в «контрреволюционной террористическо-монархической организации, ставившей своей задачей свержение в СССР Советской власти и установление монархического строя». Этой вымышленной организацией руководила якобы Абрикосова, финансировалась она якобы Комиссией Pro Russia при Конгрегации по делам Восточных Церквей, через еп. Нёвё.

Следствие длилось около полугода. Все это время Крушельницкая находилась в Лубянской тюрьме.

Наконец 19 февраля 1934 г. без суда, только по постановлению коллегии ОГПУ, Крушельницкая была приговорена по ст.ст. 58–8 (совершение террористических актов и участие в выполнении таких актов), 58–10 (пропаганда или агитация, содержащие призывы к свержению, подрыву, ослаблению советской власти, а также распространение, изготовление или хранение литературы того же содержания, и определено какотягчающее обстоятельство использование религиозных предрассудков масс) и 58–11 (организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных преступлений) УК РСФСР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

ЛАГЕРЬ

Крушельницкая не сразу была отправлена в лагерь. Какое-то время она, очевидно, провела в тюрьме, затем с 7 мая 1934 г. побывала по очереди в нескольких лагерных пунктах Ухтпечлага (Ухто-Печерских лагерей ОГПУ). Затем ее отправили в Соловецкий Лагерь Особого Назначения (СЛОН), бывший православный монастырь на островах Белого моря, ставший в советское время тюрьмой, печально известной тем, что там отработывались разнообразные методы воздействия на заключенных, ломки в них духа и совести. В 1930-е гг. приобретать «производственный опыт» туда приезжали немецкие специалисты – устроители фашистских концлагерей. Соловки были местом заключения любых инакомыслящих, в том числе католиков – и мирян, и довольно большого числа священников. В истории России монастыри, места молитвы и духовного подвига, иногда использовались как тюрьмы и в прошлом, а после Октябрьской революции многие из них были превращены в места заключения инакомыслящих.

Крушельницкую сочли трудоспособной и назначили библиотекарем. Она работала хорошо и, так как сверхурочные работы засчитывались в погашение срока заключения, перевыполняла план, к середине 1936 г. заработав себе снижение срока на 3 месяца 20 дней: первоначально срок заключения должен был закончиться 27 июля 1943 г., а 3 июня 1937 г. в учетно-статистической карточке появилась запись о том, что освобождение должно последовать 3 апреля 1943 г.

В лагере Крушельницкая осталась верна своим убеждениям, заслужив у лагерного начальства репутацию «католички-фанатички». Она еще больше укрепила во мнении, что внутренняя политика СССР основана на лжи, большевики губят человеческие души, марксистско-ленинское учение неправильно и единственно правильный путь заключается в познании Бога и истины. При этом она трезво понимала, что коммунизм будет побеждать до той поры, пока люди не убедятся в гибельности этого строя для человеческой души. Крушельницкая под влиянием прочитанных «Протоколов сионских мудрецов» полагала, что за спиной коммунизма стоит и незаметно для него самого руководит им организация «Сионских мудрецов». Крушельницкая видела, что коммунистическая система, руководимая людьми, которые вдохновляются ненавистью к Богу и человеку, опасна для всего мира, поэтому надо ей противостоять. Единственной силой, которая может противостоять атеистическому коммунизму, Крушельницкая считала веру католиков.

Она в лагерных условиях поддерживала связи с заключенными католическими священниками, участвовала в тайных богослужениях, хотя это было запрещено. Старалась регулярно исповедоваться и получать наставления у священника, с которым познакомилась в лагере, о. Людвиг Эрка.

Крушельницкая поддерживала связь с другими, заключенными на Соловках и в других лагерях католиками: со священником Антоном Ермоловичем¹⁴⁵, с Еленой Рожиной, с Екатериной Цицуриной¹⁴⁶.

Поскольку Крушельницкая работала библиотекарем, то имела возможность продолжать апостольскую деятельность среди заключенных. Она делала это ответственно, чтобы человек полностью осознал свое решение и последствия присоединения к Церкви. Свидетельство Крушельницкой как католички было убедительным.

Одна из таких попыток спасти и обратить к вере человеческую душу привела к печальным для Крушельницкой последствиям. В лагере она познакомилась с заключенным мужчиной, к которому испытала симпатию, Игорем. Он оказался осведомителем НКВД, по кличке «Куранов». Скорее всего, он был подослан к ней лагерными властями. «Куранов» делал вид, что испытал «страшные» удары судьбы, разочарован в жизни, потерял веру в людей и едва имеет силы бороться с судьбой. Узнав о его мыслях и о том, что он неверующий, Крушельницкая, сперва осторожно, а потом все смелее стала вести разговоры о Боге и Церкви в контексте ситуации в СССР. Этот человек притворялся, что постепенно, с трудом, преодолевая себя, поддается ее влиянию.

Крушельницкая, сочувствуя ему и пытаясь помочь прийти к вере, постепенно влюбилась в него, искала возможности встречаться с ним, несмотря на опасность, писала к нему письма, на которые он отвечал. Чтобы больше вре-

¹⁴⁵ Ермолович Антон Иванович (1897–1937).

¹⁴⁶ Рожина Елена Николаевна (в монашестве Евгения, 1898 – после 06.1936) и Цицурина Екатерина Ивановна (1905 – после 06. 1936).

мени проводить с любимым, она перестала работать сверхурочно (со II квартала 1936 г.). По ее письмам видно, что незамужняя Крушельницкая, которой в то время было около 42 лет, надеялась выйти на свободу и еще быть полезной для людей. Доброта, любовь и вера в человека стали для неё ловушкой. Крушельницкая берегла свою любовь к Игорю и рассказала о своих отношениях с ним только нескольким людям – о. Л. Эрку, которому исповедовалась, двум ближайшим друзьям, с которыми общалась в лагере, и священнику о. А. Ярмоловичу, которого просила совершить обряд венчания.

Хотя другие заключенные старались открыть ей глаза, она считала, что они плохо говорят об Игоре, чтобы сделать ей больно. Она поверила его словам, что он пишет «книгу о Соловках», и даже придумала возможность опубликовать в будущем эту книгу за границей. Все, чем она жила, все свое понимание любви – понимание женщины и христианки, свой польский патриотизм и веру – она вкладывала в разговоры и письма к этому человеку. (Переписка между заключенными могла быть только тайной, с использованием разных способов конспирации.) Крушельницкая даже сочиняла своему Игорю стихи. Он притворялся влюбленным. Крушельницкая замечала, что он был «сумрачный», а значит страдающий, и это вызывало у нее сочувствие, она старалась помочь ему своей любовью, видя или желая видеть, что он «очень (в глубине души) хороший». Сама лагерная узница, она знала, что делает с человеком лагерь, однако не подозревала, что ее избранник может иметь совсем другие намерения.

17 марта 1935 г. Игорь предложил Крушельницкой сожительство, физическую близость, что для нее было совершенно неприемлемо. Она хотела, чтобы их любовь была благословлена Церковью, освящена таинством брака, вышена над уровнем физической похоти. Такая твердость исходила из ее веры. Она не хотела даже думать о соединении, хотя очень страдала бы от этого, но он заверил ее, что обратился на путь добра. Она надеялась на помощь благодати Божьей в его обращении, на то, что постепенно сможет помочь ему прийти ко Христу. Крушельницкая, хотя жизнь научила ее не доверять людям, была убеждена в искренности этого человека, в его устремленности к истине, а в конечном счете, к Богу, и, естественным образом, желала полного духовного и телесного единения со своим возлюбленным. Она думала, что сначала будет помогать ему духовно расти, потом они будут поддерживать друг друга, а потом уже он ее поведет, т. е. видел брак как совместный путь к святости. Она сожалела, что не сможет дать мужу своей молодости, но готова была отдать ему девственность, которую сберегла для него.

Крушельницкая понимала, что уже немолода, может не дождаться освобождения и что Игорь, освободившись раньше нее, может на свободе изменить свое отношение к ней и увлечься более молодой и красивой женщиной. (Крушельницкая была брюнетка с карими глазами, со впалыми щеками, худощавая, ниже среднего роста). Она сознавала свой возраст, но не хотела скрывать его, считая это неестественным. Она заранее прощала своего избранника, но писала ему об этом до брака, давая возможность передумать, и предоставляла ему свободу, заявляя при этом, что она сама останется верной несмотря ни на что, потому что так учит ее вера. Для нее самой развода не существовало.

Крушельницкая была послушна своим наставникам-священникам и не желала жить с любимым без церковного брака. Она была готова отложить

совершение бракосочетания, если бы о. Антон Ярмолович, сомневавшийся в Игоре, посоветовал повременить с этим.

Священник, у которого она раньше исповедовалась, о. Эрк, в то время находился на другом острове Соловецкого архипелага, и Крушельницкой приходилось с ним тайно переписываться. Он первоначально не советовал ей заключать этот брак, но согласился и дал ей свое благословение, убежденный чистотой её любви и силой её аргументов.

28 июня 1936 г., в нерабочее время суток, в помещении прачечной лагерного пункта Кремль, то есть на центральном острове Соловецкого архипелага, священник Антон Ярмолович тайно совершил обряд заключения брака между Крушельницкой и ее избранником в присутствии только двух свидетельниц – католичек Елены Рожиной и Екатерины Цицуриной.

После совершения церковного брака Крушельницкая подала заявление о совместном проживании с мужем в лагере.

Ей предстояло отбывать еще около 7 лет до окончания срока заключения, а Игорь должен был освободиться раньше, в конце 1937 г. Каждого из них в любой момент могли перевести с Соловков куда-нибудь в другое место. Поэтому Крушельницкая дала мужу адреса своих родственников и друзей, в том числе еп. Нёвё (которого уже не было в России, но она не знала об этом), где Игорь мог бы получить помощь и найти с ней связь. А он, осведомитель, все обстоятельства заключения брака, все полученные им адреса, вместе с составленной им характеристикой тайной апостольской работы католиков в лагере, вскоре после этого, до своего освобождения, передал лагерному начальству. Он был готов и впредь работать в таком направлении. Косвенно донос мужа Крушельницкой подтверждает крепость ее веры и твердость взглядов. Этого человека НКВД собирался использовать для внедрения в среду католиков в Москве, там, где указала ему Крушельницкая. Его дальнейшая судьба не выяснена.

Крушельницкая была готова, о чем писала избраннику, до самого конца оставаться истинной христианкой, верной дочерью Католической Церкви и патриоткой, прежде всего, небесного Отечества, а затем – земного отечества, Польши.

МУЧЕНИЧЕСТВО

В конце 1937 и в начале 1938 г. НКВД проводил в СССР кампанию по уничтожению «врагов народа» (на основании оперативного приказа Наркома внутренних дел Н. Ежова № 00445 и сопутствующих приказов). В это же время Соловецкий лагерь готовили к ликвидации (его упраздняли и как место заключения). При этом должны были быть уничтожены наиболее активные заключенные, осужденные по ложным обвинениям за шпионскую, диверсионную, террористическую, повстанческую и бандитскую деятельность, такие, которые и в тюрьмах продолжали сохранять свои убеждения и делиться ими с другими заключенными. Некоторых отправляли в другие места заключения, а тех, кого считали наиболее опасными для советской власти, переводили в организованную при лагере Соловецкую тюрьму. Крушельницкая оказалась там, потому что была осуждена за свою апостольскую деятельность среди за-

ключенных лагеря. Очевидно, такой приговор был вынесен на основании доноса ее мужа.

Смертные приговоры выносили группы из трех человек, называемые «тройками». Справки на заключенных Соловецкой тюрьмы, подлежащих репрессированию, вместе с имеющимися на них в оперативной части тюрьмы делами направлялась начальством тюрьмы на рассмотрение Особой тройки Управления НКВД Ленинградской области (УНКВД ЛО), состоявшей из начальника УНКВД ЛО Л. Заковского, его заместителя В. Гарина и прокурора Ленинграда Б. Позерна, которая в результате вынесла постановление о расстреле большой группы (всего 1825) заключенных.

По этому постановлению Камилла Николаевна Крушельницкая 9 октября 1937 г. была приговорена к высшей мере наказания – расстрелу.

Смертные приговоры не были объявлены заключенным. Из смертников, которым было приказано взять все свои вещи, были сформированы этапы, чтобы эти люди думали, что их просто куда-то переводят. Смертники вывозились с Соловецкого архипелага на материк, в Карелию, и там расстреливались.

Этап, в который была включена Крушельницкая, был отправлен сначала по морю в Кемь, затем по железной дороге в Медвежьегорск, в следственный изолятор Белбалтлага. Оттуда осужденных вывозили партиями на машинах, связанными. В 16 км от Медвежьегорска, в урочище Сандормох, их расстреливал из револьвера в затылок исполнитель, командированный из Ленинградского НКВД, капитан М.Р. Матвеев. Крушельницкая была казнена в первый день проведения акции, 27 октября 1937 г., в числе 208 осужденных.

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

12 февраля 1957 г. Крушельницкая в связи с массовыми процессами реабилитации, которые проводились в СССР после смерти Сталина, была частично реабилитирована – только по ст. 58-8, а приговор по статьям 58-10, 11 был оставлен в силе.

До 1939 г. были уничтожены приходы Католической Церкви в СССР, разрушены все церковные структуры, убиты священники, расстреляны наиболее активные прихожане. О том, как они закончили жизнь, длительное время не было известно. Исполнители приговоров зачастую были ликвидированы вскоре после своих жертв. Даже те свидетели, кто помнил времена репрессий, говорить об этом не могли.

Память о Крушельницкой достоверно сохранили только сестры-доминиканки Абрикосовской общины, хотя и они не знали, где она погибла. В конце 1980-х гг. одна из сестер Абрикосовской общины – Филомена (Софья Эйсмонт), когда-то дружившая с Крушельницкой и посещавшая собрания на ее квартире, записала свои воспоминания, которые были напечатаны в 1999 г. в книге «„Возлюбив Бога и следуя за Ним...“: Гонения на русских католиков в СССР. По воспоминаниям и письмам монахинь-доминиканок Абрикосовской общины и материалам следственных дел 1923-1949 гг.». В них она рассказала о беседах у Крушельницкой и о знакомстве ее с м. Екатериной (Абрикосовой).

Когда архивные документы ГПУ–НКВД стали частично доступны, историки, особенно члены Общества «Мемориал» и петербургского Научно-инфор-

мационного центра (сокращенно НИЦ) «Мемориал», занимающиеся сбором, хранением и публикацией документов о репрессиях в СССР, стали их исследовать, разыскивая также членов семей репрессированных. Таким исследователем является московский историк И.И. Осипова, на основании своих архивных разысканий в 1996 г. опубликовавшая книгу «В язвах своих сокрою меня...» о гонениях на Католическую Церковь в СССР. Там есть краткая справка о Крушельницкой. Она упоминается как присоединившаяся к Католической Церкви, что ошибочно (мнение о переходе возникло в связи с тем, что следственное дело ГПУ касалось «русских католиков» (Абрикосовской общины)).

В середине 1990-х гг. сотрудникам петербургского НИЦ «Мемориал» удалось выяснить судьбу вывезенных на материк при ликвидации Соловецкого лагеря заключенных, в том числе католиков – священников и мирян. Были проведены исследования в архивах Москвы и Архангельска. В это время там были найдены не только документы по делу, где фигурировала Крушельницкая, и ее письма, но и ее фотография, отсканированное изображение которой затем затерялось в архиве НИЦ «Мемориал» и было вновь обнаружено только в 2009 г.

На основе архивных находок была выпущена брошюра И.А. Резниковой «Католики на Соловках» (1997), в которой напечатан текст документа, содержащего донос мужа Крушельницкой, и справка о ней, в которой она вновь ошибочно названа католичкой восточного обряда. В 1997 г. также были опубликованы сведения о смерти Крушельницкой: в России – книга «Мемориальное кладбище Сандормох 1937: 27 октября – 4 ноября», в которой рассказывается история ликвидации лагеря и описаны обстоятельства расстрела заключенных, а также приведены обработанные сотрудниками Научно-информационного центра «Мемориал» списки казненных, а на Украине в книге «Остання адреса: До 60-річчя соловецької трагедії» были помещены фотокопии всех протоколов заседаний Особой тройки, которая вынесла смертный приговор Крушельницкой.

В 1998 г. о. Антуан Венгер выпустил на французском языке книгу «Catholiques en Russie d'après les archives du KGB 1920–1960», где опубликовал несколько писем еп. Пия Нёвё, обнаруженных во французских архивах, в текстах которых упоминается Крушельницкая, и включил в свой рассказ о московских католиках сведения о ней, полученные от И.И. Осиповой.

Первая достоверная краткая биография Камиллы Крушельницкой была помещена в «Книге Памяти. Мартирологе Католической Церкви в СССР», вышедшей в 2000 г. В это время в России действовала программа подготовки процесса беатификации католических новомучеников. В 2003 г. в газете «Свет Евангелия», печатном органе Архиепархии Божьей Матери, выходившем в Москве и распространявшемся по всем приходам России, появилась информация о причислении Камиллы Крушельницкой к группе кандидатов к прославлению.

Более полный, но несколько беллетризованный вариант биографии содержится в «Церковном календаре на 2003 г. ...».

Материалы о Камилле Крушельницкой содержатся на сайте Постулаты: www.catholicmartyrs.org.

В 2004 г. был выпущен образок с молитвой о прославлении Рабы Божьей. На тот момент ее фотография еще не была найдена.

В 2006 г. группа прихожан одного из петербургских приходов дала свидетельство о том, что по молитве о заступничестве Камиллы Крушельницкой разрешилась тяжелая ситуация в одной семье.

Александра Романова

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ К. Н. КРУШЕЛЬНИЦКОЙ

Письмо К.Н. Крушельницкой к Игорю. 05.06.1936¹⁴⁷.

Безконечно любимый родной мой сумрачный Мальчик! Но для меня теперь такой нежный! Благодарю тебя за это письмо! Вся душа твоя сказала в нем. Я счастлива, что не ошиблась в ней. Она такая, какой я ее считала. – Она «живая»! А это основа всего. Каждый из нас по-своему несовершенен, у каждого свой [нрзб.]. Каждому из нас надо учиться многому [нрзб.] разному. Я писала тебе еще в прошлом году, когда ты был на канале: ты считаешь меня выше. Хочешь подняться до меня. Будем вместе стремиться к тому, чтобы это свершилось. Ты мужчина. Как правило вы умнее нас. Если святая благодать коснется твоей чуткой души, ты очень быстро сможешь дотянуться до меня... Некоторое время будешь идти с моей поддержкой... Затем пойдем рядом... А может наступить такой момент, что ты [нрзб.] меня и поведешь за собой!.. Будешь помогать мне расти. В это я верю и на это надеюсь. Иначе и не согласилась [нрзб.], быть твоей женой, несмотря на сильную любовь, овладевшую всем моим существом, – вошедшую в мою душу, мысли, тело [нрзб.]. Если бы я не верила в твою «живую душу» – то как бы не было невыносимо тяжело, но я не решилась бы никогда соединиться с тобой. М. б. погибла бы от этой разлуки – но иначе не могла бы поступить. Иначе – я презирала бы себя. Теперь, когда я верю в эту твою «живую душу», желаящую[?] Добра и Правды, я со спокойной совестью буду твоей женой. Я не изменю ни Церкви, ни Родине. Моя церковь – [...] ¹⁴⁸. У всех людей одна общая конечная Родина: Царствие Божие, это объединяет народы всего мира и делает [нрзб.] независимо от национального и социального происхождения. Польше моей я тоже не изменю: ты наполовину[?] поляк[?], по польски ты научишься, мы будем говорить и [нрзб.] польски с тобой. Настоящему ¹⁴⁹ патриотизму не [нрзб.], кто остается честным и чистым, где бы он ни был, кто не запятнает своего национального имени [нрзб.] поступками. Конечно, мне хотелось бы, чтобы у нас[?] в доме[?] был польский язык, м. б. так и будет. Но с русским он смешиваться будет в силу жизненных условий, против не пойдешь.

Оля ведь будет с нами – ты понимаешь, ее оставить я не могу – она мне как мать – и живет и дышит только мною, она считает, что на всем свете я у нее тоже одна. Ее оставить и ей изменить – внутренне и внешне я не могу – [нрзб.] это убило бы ее. Да я и сама ее очень люблю и верю ей также безраздельно, как ты мне. –

¹⁴⁷ Копии писем были сделаны сотрудницей НИЦ «Мемориал» Т.В. Моргачевой и предоставлены постулатуре. Примечания, касающиеся оформления писем, сделаны Т.В. Моргачевой.

¹⁴⁸ Здесь строка стерта.

¹⁴⁹ Подчеркнуто К.Н. Крушельницкой.

Игорь [?] мой! Очень родной и очень (в глубине души) хороший! Если бы я не верила, что со временем ты поймешь меня полностью – я не соединилась бы с тобой. Я даю [дала?] тебе слово, что буду твоей женой – я не беру его обратно. Мы будем вместе стремиться к Истине. Какая она, ты спрашиваешь? Можно все сказать в одном слове: Бог ¹⁵⁰ [нрзб.]. Путь к ней – Любовь ¹⁵¹. Через любовь только ею одной постигается истина жизни Бог и [нрзб.] приближение к нему – постоянное совершенствование души человека. Первый шаг к поискам Истины ты уже сделал сам того не подозревая. Ты сделал – полюбив так глубоко и чудно такого [именно?] человека как я. – Наша с тобой любовь – это начало того пути, который привести может к Истине. Игорь мой, я обуздываю свою поэтическую фантазию и [не?] нужные мечты – реальным сознанием: что этот путь очень сложен и труден. Но я верю, что Бог [нрзб.] не откажет нам в своей благодати и будет просвещать нас. Я верю в то, что жизнь с тобой не унижит меня, а наоборот – возвысит. Я уважаю в тебе человека – верю в твою живую душу и твердо верю, что [нрзб.] нам поможет жить правильной христианской жизнью в настоящей большой Любви супружеской. [нрзб.] Я думаю о соединении с тобой ¹⁵².

[...]

5.VI.36

[...]

P.S. – Ты писал свое письмо 3/VI.

Игорь мой. Если ты хочешь не свободы, а соединения со мной несмотря на наступающую разлуку, то зайди по дороге к Я ¹⁵³. и поговори с ним. [нрзб.] тебя немного проводит и вы объяснитесь. Он считает, видимо, то ты недостаточно любишь меня, если до сих пор не поговорил с ним. От моего имени проси его совета – лучше ли сделать это сейчас, или на свободе [нрзб.] оформлением.

[...]

[л. 38]

[нрзб.] ¹⁵⁴ ты будешь здесь, да? Хорошо, если Лена будет [нрзб.] свободна и здесь, а не на Муксолме – все таки [нрзб.] складывается. – Игорь мой! – лучше [нрзб.] жить на материке. Не задерживайся здесь. [нрзб.] – поезжай с моим благословением, с моей любовью, с сознанием – что я буду твоей настоящей женой. Сохрани [нрзб.] ¹⁵⁵ нашей любви, светлым чувствам. Облагораживайся любовью к прекрасному и к людям. Прощай людям их слабости, а если хочешь чтобы они были лучше – учи их своим хорошим принципам.

Письмо К.Н. Крушельницкой к Игорю. 07.06.1936[?].

...[нрзб.] день я ходила к 4-м часам в столовую. Думаю, сегодня будешь. Уговоримся так – если к 4-м не найдешь меня в столовой, значит я или работаю и меня кто-нибудь задержал по срочному делу, тогда, значит, буду в столовой в 6 ¼ или в 6½.

¹⁵⁰ Подчеркнуто К.Н. Крушельницкой.

¹⁵¹ Подчеркнуто К.Н. Крушельницкой.

¹⁵² Аналогичные рассуждения продолжают еще на 3 листах.

¹⁵³ Вероятно, о. А. Ярмолевич. – *Ред.*

¹⁵⁴ Далее текст отчасти стерт.

¹⁵⁵ Стерто.

На всякий случай – обратиться к Е.[?]¹⁵⁶. Она работает машинисткой в общей части – пока до 20/VI, а там неизвестно. Во всяком случае у Цицуриной [?] [нрзб.], где Лена¹⁵⁷, а с Леной можешь говорить и все мне передать, Игорь мой. [нрзб.] я тоскую по тебе. Адрес Оли (Ольга Геннадиевна Фицнер, Свободный Д[альне]В[осточного]К[рая], почт[овый] ящ[ик] 25). [нрзб.] должен знать [нахожусь? нрзб.] и все время поддерживать с ней связь. Я думаю, что как только будешь уже не на Морсплаве, а в другом поселении – то сразу же напиши Оле и все время поддерживай с ней переписку, хоть бы несколько слов.

[...] пусть она мне сообщает в каждом письме, что получила от «него». Имя – не надо упоминать, я не хочу, чтобы его здесь трепали, в этих отвратительных Соловках. Может упомянуть «маленький брат» – словом я пойму. Если ты ей напишешь, что твоя мечта вместе с ней заботиться обо мне и дать мне покой и счастье, ты завоюешь ее сердце, а это сердце верное и очень большое и по-настоящему умеет быть другом¹⁵⁸.

[...]

Как мне дорого, что ты назвал меня «Родной Камусей», не Камочкой, не Камиллочкой, а Камусей [нрзб.] как называли дома. Повяло домашним, чем-то родным и близким. – Ах, Игорь! Как любит тебя твоя «Камуся»... Если бы ты только знал!..

Я написала там в конце адрес Кр. Креста: Москва, Кузнецкий Мост № 24, Марии Федоровне Пе[шковой?]¹⁵⁹. Вот если тебе не удастся наладить связь с Олей или с братьями, то лучше все-таки обратиться туда, указав последнюю дату известного местопребывания. – Знаешь, даже если мы здесь сделаем решительный шаг¹⁶⁰ у [нрзб.] сказать об этом ты можешь только одной [нрзб.]. Взяв с нее слово, что она будет молчать, как могила – больше – никому, никому не говори, даже братьям моим. Нельзя¹⁶¹. Для них – ты можешь быть только большим моим другом, или, если ты найдешь это нужным, – даже человеком, за которого я выйду замуж после освобождения. – Но о [нрзб.] здесь знать никто не должен. Нельзя¹⁶². Никогда [?] нельзя будет сказать им об этом. – Это будут знать только участвующие и Оля – как мать. Вот видишь, Игорь, я тоже не очень верю людям... Оле, конечно, скажешь только при личной встрече, под уговором полного молчания. Но ее душа поймет это «чудо» – Игорь мой! Я искренне говорю – конечно я [нрзб.] бы этого, т. к. это дало бы мне [нрзб.] в любую минуту где бы мы ни встретились на материке-ли, в лагере, или в дальней ссылке – в любую минуту мы имеем право соединиться без греха. Потом, мне кажется, что это дает тебе большую [ра?]дость. Ты будешь уже знать – что мы навеки – одно целое, что твоя Камуся будет твоей настоящей женой, безгранично твоей, как только [не] будет внешних

[л. 41]

¹⁵⁶ Неустановленное лицо. Возможно, речь идет о Е.Н. Рожиной. – Ред.

¹⁵⁷ Возможно, Е.Н. Рожина. – Ред.

¹⁵⁸ Далее один лист отсутствует.

¹⁵⁹ Ошибка К.Н. Крушельницкой, на самом деле имеется в виду Е.П. Пешкова. – Ред.

¹⁶⁰ От начала абзаца до этого места подчеркнуто красным.

¹⁶¹ Подчеркнуто К.Н. Крушельницкой.

¹⁶² Подчеркнуто К.Н. Крушельницкой.

препятствий. Останавливает [нрзб.] боюсь лишиться тебя свободы. Ты [нрзб.] как изменило меня пребывание в Соловках [нрзб.]. Изменили 2 месяца Муксалмы¹⁶³. Сколько мне придется еще сидеть (если выживу [нрзб.] все 7 лет календарных¹⁶⁴. Что [нрзб.] ждать меня все 7 лет... Разве ты выдержишь? Ты ведь живой человек... Жизнь возьмет свое, жизнь захлестнет и винить тебя не буду. – пойму! – «Жизнь»! [нрзб.] разводов у «нас» нет и я дать тебе его не смогу. В случае измены сторон – дает только «сепарацию» (отдельного проживания без права вступления в новый брак). Видишь, Игорь, какая страшная вещь католический брак, а без него я не смогу быть твоей женой. – Ничего не поделаешь! О мой любимый, мой родной мальчик! Помнишь 17 марта 1935 г., когда ты [нрзб.] мне о своей любви и просил быть женой, я ответила: – «Это невозможно! Ведь я католичка!» – «Какое это может иметь значение?» – удивлялся ты. Но теперь за [нрзб.] года ты уже понял, что «это» имеет значение... Если бы я была молодая! Все же легче... Ах, Игорь! Я так жалею, что я не могу дать тебе молодости и красоты... Могу дать душу, сердце, мысли, то хорошее, что есть сейчас во мне, выработанное в процессе длительной работы над [...] характером, но я не могу дать вс[е]... Я могу дать свежесть [нрзб.] даже – потому что я не растрчивала их, потому что я сохранила себя [нрзб.] женщина, (насколько было в моей власти...)

4

но мои годы, мальчик мой любимый, но мои [мор]щины, седины я не в силах изменить! И я [не?] могу позволить себе «молодиться» внешне, я тогда не уважала бы себя... В силу т[ого] что я не знала мужчин – я сохранила ([по]вто)ряю) всю свежесть чувств. Я могу любить такой внутренней, содержательной, глуб[о]кой любовью как люблю, и вместе с тем [де]вической. Я могла бы по юному шали[ть] с тобой и чуть-ли не кувыряться куб[а]рем (это при всей драматичности – то е[сть] их, вернее наших, чувств). Вот этот раз[лад?] возраста и чувств[в]¹⁶⁵ смущает меня... Я [...] бояться вечно показаться тебе смешной[,] не по возрасту «резвой» – а это будет ид[ти] от глубин, от неизжитой свежести. Ты умный – ты понимаешь это, ты [знаешь?] меня, ты был женат, скажи – как быть с этой стороной? Не усложнит-ли это нашу жизнь и не сделаюсь-ли я тебе вдруг противной. <...>¹⁶⁶

Немного хозяйственных дел. Я хочу вышить тебе еще одно полотенце. Хочу дать т[ебе?] «кожушек». Но как это сделать? Ты воз[ьмешь]? Я могла бы отнести его в баню. Там [ра]ботает Я. и Ад. Вас.[?]¹⁶⁷ Ты взял бы у них, [когда] будешь на медпункте. Но тебе мо[же]т быть неприятно если при обыске [най]дут его – присутствие этой вещи – [все] раскроет, – ведь мы внешне не «оформля[ем]». Теперь: на материке его момен[та]льно стащат, а я ведь хочу чтобы ты был [в]

¹⁶³ Муксалма, один из островов Соловецкого архипелага. – Ред.

¹⁶⁴ Из этого следует, что письмо написано в 1936 г. – Ред.

¹⁶⁵ Буква в не дописана.

¹⁶⁶ Выпущен фрагмент, носящий интимный характер. – Ред.

¹⁶⁷ Черта проведена в самом письме. – Ред.

¹⁶⁸ Я. – возможно, о. А. Ярмолович. Ад. Вас. – неустановленное лицо. Предложение подчеркнуто красным карандашом. – Ред.

нем на воле – он тебе так идет. Ты [по]хож в нем на гусара – очень красиво¹⁶⁹. – М[ожет] б[ыть] [лу]чше подождать и послать его в адрес Оли, [ко]гда Вы будете свободны. Если он не по[дой]дет тебе (я, правда, плохо рассмотрела, [ка]к он сидит на тебе в смысле шири[н]ы.) то пусть Оля носит его. Он мне нра[ви]тся и я обязательно хочу чтобы его но[си]ли ты, или Оля, если он тебе сов[се]м не годится. – Игорек мой! Ты родной [бе]реги деньги на дорогу, а приедешь на мате[р]ик – сдай в кассу – а то стащат. Ведь воровство – невероятное. – Как я жду от тебя письма! Как хочу тебя видеть! Как я люблю [мо]его родного мальчика! Игорь, Лена вчера сказала: – «Какой он счастливый! И как он [м]ожет быть горд, что ты посвящаешь ему [т]акие стихи!...» А ты горд? А ты сча[с]тлив? Наверно, да! Правда?!! Козлик мой серенький!¹⁷⁰ Ты знаешь, у Тебя [с]тало совсем другое лицо. Какое-то просветленное, спокойное. Ничего[?].

[нрзб.] на то, кот[орое] было в УРУ¹⁷¹. Уже в УРУ оно[?] было лучше.

[...]

7/VI

Устр.[?] 6 часов – 13 часов.

Донос на К.Н. Крушельницкую

Специальная записка группы СПО 3-й Части 8-го Соловецкого Отделения Б[еломорско]Б[алтийского]К[анала] НКВД. О деятельности католичества в 8 Соловецком Отделении Б[еломорско]Б[алтийского]К[анала]. По состоянию на 1 августа 1936 г. 03.08.1936¹⁷²

Копия. Сов[е]ршенно Секретно.

Зам[естителю] Нач[альника] III-го Отдела Б[еломорско] Б[алтийского]К[анала] НКВД

т[оварищу] Перцову

ст[анция] Медгора Кир[овской] ж[елезной] д[ороги].

СПЕЦ ЗАПИСКА

группы СПО 3-й Части 8-го Соловецкого Отделения Б[еломорско]

Б[алтийского]К[анала] НКВД

О деятельности католичества в 8 Соловецком Отделении Б[еломорско]

Б[алтийского]К[анала]

По состоянию на 1 августа 1936 г.

Наряду с активизацией, а[н]ти/[с]оветской деятельности православного духовенства в 8 Соловецком Отделении, за последнее время нами зафиксирован целый ряд фактов о проведении большой а[н]ти/[с]оветской работы католиками находящимися в 8 Соловецком Отделении Б[еломорско]Б[алтийского]К[анала] НКВД.

Приводим следующие данные нашего источника «Куранова».

¹⁶⁹ Предложение подчеркнуто красным карандашом. – Ред.

¹⁷⁰ Вероятно, обыгрывание Крушельницкой своего возраста (слова из детской песенки «Жил-был у бабушки серенький козлик»). – Ред.

¹⁷¹ Обозначение одного из лагерных подразделений. – Ред.

¹⁷²

«За время моего знакомства с католичкой Камиллой Николаевной КРУШЕЛЬНИЦКОЙ выявились следующие факты, обрисовывающие деятельность католиков в 8 Соловецком Отделении.

Сама КРУШЕЛЬНИЦКАЯ имеет университетское образование по историко-философскому факультету. Проживая в Москве, будучи католичкой-фанатичкой, находясь в близких отношениях с быв[шей] руководителем католической общины в Москве АБРИКОСОВОЙ Анной Ивановной, совместно с ней у себя на квартире католицизировала молодежь, как путем разговоров, так и снабжения литературой определенного направления, за что была арестована и осуждена по ст.ст. 58-8-8-10-11 на 10 лет.

Познакомившись со мной в лагере и узнавши о моих убеждениях и неверии, сперва осторожно, а потом смелее пытается убедить меня в том, что все в СССР основано на лжи и подлости, все обман, большевики отвергли бога, идут по неправильному пути и губят человеческие души. Приводя примеры, указывая на миллионы «невинно осужденных людей», томившихся в тюрьмах и лагерях, доказывая неправильность марксистско-ленинского учения и заявляя, что единственно правильный путь – это в познании бога и истины. Привожу несколько определений.

«Коммунисты проводят свои идеи, чтобы использовать и выжать соки, больше их ничего не интересует. Мы же, т. е. католики, заботимся о правильной жизни и о спасении души человека».

О коммунистической системе говорит:

«Шум и треск для дураков, побольше нагрузки для умов, подальше свободомыслящих». Рассказывая о католической церкви, говорит, что понятно, почему большевики ненавидят католиков, т. к. это единственная сила, которая им реально противодействует. Католическая церковь универсальна, она имеет последователей во всех странах и у всех народов, служение производится на 230 языках. В конце концов к подножию папского престола склонятся все религии и будет «един пастырь – едино стадо». Попытки слияния уже делаются, в частности Англиканская церковь пыталась присоединиться, но католики заявили, что это возможно только при условии принятия всех догматов, не может быть никаких компромиссов. Палатой же в Англии утвержден молитвенник в духе католической церкви. По предсказанию Бенсона¹⁷³, в мире останутся только две силы коммунизм и католицизм и между ними будет борьба. «Неизбежно, как космос, как закон истории, что коммунизм победит, пока человечество не убедится к чему это приведет». Не надо забывать, что за спиной коммунизма стоит и руководит, т[аким] о[бразом] что коммунисты сами этого не замечают, могущественная организация «Сионских мудрецов», все планы которых осуществляются.

Католики-же сильны своей твердой, своей логикой, даже враги говорят, что в учении католиков все строго логично, так, что не к чему придираться.

Несмотря на то, что КРУШЕЛЬНИЦКАЯ не считает себя членом какой-либо партии или организации и даже свои рассуждения расценивает только как высказывание своих личных мыслей, несмотря на то, что она говорит, что она не только не питает ненависти к большевикам, но даже жалеет их погибшие души – все же несомненно на самом деле существует контрреволюционная

¹⁷³ R.H. Benson (1871–1914), английский писатель, католический священник. Крушельницкая имела в виду его роман «Lord of the World» (1907).

католическая организация, ведущая пропагандистскую работу в противовес коммунистическим идеям и отравляющая сознание молодежи, прикрывающаяся религиозными формами. Осколки такой организации продолжают и в лагерях, а в частности на Соловках, ведя свою работу с максимальной осторожностью.

Примеры: 28/VI-36 г. в помещении прачешной л[агерного]/п[ункта] Кремль произошел обряд брака по правилам католической церкви между мной и Крушельницкой К.Н. Обряд совершил ксендз ЯРМОЛОВИЧ Антон Иванович, пользующийся правами епископа, в присутствии 2-х свидетелей: РОЖИНОЙ Елены Ивановны и ЦИЦУРИНОЙ Елены¹⁷⁴ Ивановны.

Совершение такого обряда в условиях Соловков возможно только при наличии крепко спаянной группы, тем более, что этому предшествовала длительна переписка Крушельницкой с католическим епископом¹⁷⁵ ЭРК, который на Соловках является духовным отцом Крушельницкой и который долго отказывался дать ей свое благословение на брак и уступил лишь только под напором чувств.

Кроме того, со слов Крушельницкой – лагерник ШАКЕВИЧ¹⁷⁶ будучи по убеждениям атеистом и анархистом, вдруг пожелал принять католичество, но Крушельницкая отговорила его, как недостаточно еще подготовленного.

Лагерник ЦШАУЛЬ тоже начинает менять свой взгляд, будучи сам протестантом, меняя свой взгляд также и на католическое духовенство, удивляясь их твердости. Все это происходит вероятно под влиянием каких-то разговоров, а вероятно и убеждений.

После совершения церковного брака КРУШЕЛЬНИЦКАЯ подала заявление о совместном со мной проживании в лагере, и не желая терять меня из виду после моего освобождения из лагеря, которое должно произойти с зачетом раб[очих] дней в конце 1937 г., а также учитывая возможность моего вывоза из Соловков, а отсюда и разрыв связи – дала мне следующие адреса, где я мог бы получить помощь и найти с ней связь:

1. г. Москва Малая Лубянка – Французский епископ НЕВЕ, являющийся духовным отцом Крушельницкой на воле, который может мне помочь и кроме того, пользуясь дипломатической почтой может переслать мою книгу о Соловках (которую я, якобы пишу) за границу, где книга может увидеть свет. Необходима особая осторожность, т. к. за домом НЕВЕ следят и могут меня арестовать за одно лишь посещение. НЕВЕ можно рассказать все, включая и церковный брак на Соловках.

2. Брат Крушельницкой Иосиф, проживающий под Москвой в Пушкино, в прошлом член Партии, революционер, дравшийся на баррикадах, который хорошо знает многих старых большевиков и находится с ними, в частности с Давыдовой, работающей при ЦИК'е Союза, в приятельских отношениях. Теперь же он изменил свои убеждения и из большевика атеиста стал глубоко-верующим католиком. По последним сведениям, он предполагает переехать жить на Кавказ.

3. ЭЙСМОНТ Александра Дмитриевна. Москва Каретный ряд д. 8. Старуха, хорошая знакомая Крушельницкой, имеющая связь с ее сестрой Ядвигой

¹⁷⁴ В тексте документа ошибка, настоящее имя – Екатерина. – Ред.

¹⁷⁵ Так в документе. В действительности имел сан священника. – Ред.

¹⁷⁶ В документе фамилия ошибочно, в действительности Шайкевич. – Ред.

КРУШЕЛЬНИЦКОЙ – живущей в Польше – Гродно и находящейся в католическом монастыре в качестве – настоятельницы.

4. ФИЦНЕР Ольга Геннадиевна, сейчас находящаяся в лагере в БАМЛАГ'е г. Свободный Д[альне]В[осточного]К[рая]. Заменяет мать Крушельницкой. Должна освободиться из лагеря в начале 1938 г., т. е. вскоре после меня.

5. ФИЦНЕР Николай Геннадиевич, брат предыдущей, г. Рязань.

6. ФИЦНЕР Антонина Ивановна, жена предыдущего, г. Рязань.

7. ФИЦНЕР Борис Николаевич, их племянник, г. Рязань. Адрес их Третья Пролетарская ул. д. № 7 кв. 6.

8. КРУШЕЛЬНИЦКИЙ Эммануил – старший брат Камиллы Крушельницкой, Москва, Сокольники, Кропоткинская наб. д. № 1 кв. 5.

9. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ Мария Христофоровна – жена Эммануила и их племянники:

10. Ванда,

11. Юрий и

12. Вера, последняя сейчас находится в Ухтпечорском лагере в Воркутинском отделении.

Перечисляя адреса КРУШЕЛЬНИЦКАЯ заявила – «помни главное – Оля ФИЦНЕР самый близкий человек – с ней надо держать связь».

Все перечисленные лица, по заявлению Крушельницкой, придерживаются католичества и в курсе деятельности католиков в Москве и в отдельных городах СССР».

Учитывая возможности нашего источника по разработке католиков на воле, в связи с предстоящим его осв[обождением] из лагеря, или вызовом в др[угой] лагерь (осв[обождение?] в начале 1937 г.) считаем нужным поставить вопрос о такой проработке к[онтр]-р[еволюционных] католических связей, которая позволила бы использовать нашего агента по выявлению др[угих] организаций на материке.

По существу, изложенного ждем Ваших указаний.

Материалы нами переданы в группу О[собого?]О[тдела?].

Начальник III Части

8 Сол[овецкого] Отд[еления] Б[еломорско]Б[алтийского]К[анала] НКВД

/Монахов/

Оперуполном[оченный] СПО

/Новоселов/

3 августа 1936 г.

№ 1753

ЛИТЕРАТУРА

Венгер А. Рим и Москва. М., 2000.

«Возлюбив Бога и следуя за Ним...»: Гонения на русских католиков в СССР. По воспоминаниям и письмам монахинь-доминиканок Абрикосовской общины и материалам следственных дел 1923-1949 гг. М.: Серебряные нити, 1999.

Мемориальное кладбище Сандормох. 1937: 27 октября - 4 ноября. - СПб.: НИЦ «Мемориал», 1997.

Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня...». Гонения на Католическую Церковь в СССР: По материалам следственных и лагерных дел. М., 1996. Книга содержит не вполне достоверную информацию относительно К.Н. Крушельницкой.

Книга была переведена на исп. яз.: Osipova I. *Si el mundo os odia / If The World Is What You Hate: Martires por la fe en el regimen sovietico*. Madrid: Encuentro, 1998.
 Пер. на англ. яз.: Osipova I.I. *Hide Me Within Thy Wounds: The Persecution of the Catholic Church in the USSR* / transl. by M. Gilbert. Fargo (North Dakota), 2003.
 Остання адреса: До 60-річчя соловецької трагедії = *The last adress: Commemorating the 60-th Anniversary of Solovky Camp Tragedy*. Т. 1. Київ, 1997.
 Резникова И. *Католики на Соловках*. СПб., 1997.
 Чаплицкий Б., Осипова И.И. *Книга памяти: Матриролог Католической Церкви в СССР*. Москва, 2000. С. 463-464.
 Шишкина С. *Камилла Николаевна Крушельницкая // Церковный календарь на 2003 год. Зерно из этой земли...* СПб., 2002. С. 171-177.
 Wenger A. *Catholiques en Russie d'après les archives du KGB 1920-1960*. Paris, 1998.

При написании статьи использованы также документы НИЦ «Мемориал» и ЦА ФСБ РФ.

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

Единственное (тюремное) фото К.Крушельницкой.

СЛУГА БОЖИЙ АРХИЕПИСКОП ИОАНН ЦЕПЛЯК

(1857–1926)

Беатификационный процесс начался в Риме в 1952 году

БИОГРАФИЯ

Будущий архиепископ Иоанн (Ян) Цепляк родился в г. Домброва Петроковской губ. Царства Польского (ныне Домброва Гурница в Бендзинском районе Польши) 17 августа 1857 г. Его отец Яцек был железнодорожным служащим или, как утверждают другие источники, шахтёром. Иоанна, ещё в детстве лишившегося матери, воспитывала тётка. В юношеском возрасте он познакомился с о. Валентином Кауном, который взял на себя заботу о мальчике и устроил его в гимназию в Кельцах. По окончании четырёх классов в 1873 г. там же Иоанн поступил в Духовную семинарию. Учась в ней, он, по свидетельству современников, «отличался располагающим к нему благочестием и успехами в науках». В 1878 г. его направили для дальнейшего обучения в петербургскую Духовную академию, которую он окончил в 1882 г., получив степень магистра богословия *primi ordinis* (первого класса). За год до этого, 12(24) июня 1881 г., Иоанн был рукоположен во священники. Архиеп. А. Фи-

Свящ. И. Цепляк.

архиепископскую кафедру, он пожелал, чтобы о. Иоанн Цепляк стал его викарным епископом. Папа Пий X, получив о 55-летнем священнике самые лучшие отзывы, возвёл его 22 июня (по ст. стилю) 1908 г. в сан епископа и назначил викарным епископом Могилёвской архиепархии.

После смерти архиеп. Внуковского в 1909 г., летом, от имени администратора архиепархии еп. Стефана Денисевича еп. Иоанн Цепляк провёл давно уже планировавшуюся визитацию сибирских приходов, объездив всю Сибирь вплоть до Сахалина. В то время в Сибири действовали: 31 приходская церковь, 14 часовен и 20 молитвенных домов. Разбросанные по всей Сибири католики уже давно не видели епископа. Встречи с католическим иерархом были для них значимым событием.

Через год еп. Иоанн провел визитацию Минской епархии, не имевшей в то время своего епископа. Однако российское правительство прервало эту визитацию, обвиняя епископа в том, что он ни разу не молился об императоре и его семье, «в проповедях косвенно выступал против православия» и намеревался посетить закрытый властями храм в Городищах. В итоге еп. Цепляк

Епископ И. Цепляк.

алковский, по представлению ректора Духовной академии о. С. Козловского, назначил о. Цепляка преподавателем этого учебного заведения. В этой должности о. Иоанн проработал более 25 лет, поочерёдно преподавая нравственное и пастырское богословие, литургику, церковное пение, а затем и догматическое богословие. Некоторое время он также исполнял обязанности библиотекаря и духовного отца Академии, а по воскресным и праздничным дням служил в часовне Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии при приюте сестёр францисканок Семьи Марии на 14-й линии Васильевского острова, 27.

Когда престарелому уже еп. Аполлинарию Внуковскому предложили занять Могилёвскую

архиепископскую кафедру, он пожелал, чтобы о. Иоанн Цепляк стал его викарным епископом. Папа Пий X, получив о 55-летнем священнике самые лучшие отзывы, возвёл его 22 июня (по ст. стилю) 1908 г. в сан епископа и назначил викарным епископом Могилёвской архиепархии. После смерти архиеп. Внуковского в 1909 г., летом, от имени администратора архиепархии еп. Стефана Денисевича еп. Иоанн Цепляк провёл давно уже планировавшуюся визитацию сибирских приходов, объездив всю Сибирь вплоть до Сахалина. В то время в Сибири действовали: 31 приходская церковь, 14 часовен и 20 молитвенных домов. Разбросанные по всей Сибири католики уже давно не видели епископа. Встречи с католическим иерархом были для них значимым событием. Через год еп. Иоанн провел визитацию Минской епархии, не имевшей в то время своего епископа. Однако российское правительство прервало эту визитацию, обвиняя епископа в том, что он ни разу не молился об императоре и его семье, «в проповедях косвенно выступал против православия» и намеревался посетить закрытый властями храм в Городищах. В итоге еп. Цепляк остался без правительственного жалования, а полиция установила за ним тайное наблюдение. К тому же, новому главе Могилёвской архиепархии митр. Викентию Ключинскому запретили посылать еп. Цепляка на визитации без согласия на то министра, курировавшего Католическую Церковь. Через некоторое время власти смиловались, и в 1911 г. еп. Цепляк по поручению митрополита провёл визитацию приходов в Центральной России. И вновь навлек на себя гнев властей, хотя был осторожен. Больше митрополит Ключинский на визитации его не посылал.

Архиепископ дважды делал попытки назначить еп. Иоанна ректором Духовной академии, однако правительство дважды отводило его кандидатуру. С января 1914 г. еп. Цепляк стал ди-

ректором школы им. Сестренцевича при храме св. Станислава, в том же году он от имени митрополита Могилёвского принимал участие в Евхаристическом конгрессе в Лурде, во Франции. По возвращении с Конгресса, 6 августа, после ухода на покой митр. Ключинского, Капитулом Могилёвской архиепархии он был избран на должность администратора Могилёвской архиепархии.

Время было тяжёлым. Шла Первая мировая война, огромные потоки беженцев заливали архиепархию, возникла угроза голода и эпидемий. Стали возникать, особенно в Петербурге, межнациональные распри, появились всевозможные национальные комитеты, и чем дольше продолжалась война, тем тяжелее становилась ситуация. Необходимы были усердие, такт и напряжённый труд, чтобы действительно быть «всем для всех», никого не оттолкнуть и всем облегчить участь. Еп. Цепляк со всей своей энергией и присущим ему энтузиазмом окупился в работу и, что важно, смог найти священников, которые сумели существенно помочь ему в его трудах.

После февральской революции 1917 г., благодаря наступившей религиозной свободе, папа Бенедикт XV назначил митрополитом Могилёвским уже десять лет находившегося в изгнании виленского епископа Эдуарда фон Роппа, и 2 декабря еп. Цепляк передал ему бразды правления архиепархией.

Когда 29 апреля 1919 г. архиеп. фон Ропп был арестован в Петрограде большевиками, управление Могилёвской архиепархией, в качестве апостольского администратора, вновь принял в свои руки еп. Цепляк. Папа в награду за заслуги возвёл вл. Иоанна в достоинство архиепископа, сделав его титулярным

архиепископом Охридским. Первым актом его правления стало пастырское послание с призывом ко всей архиепархии молиться за митр. Роппа. Одновременно он начал действия, направленные на то, чтобы добиться освобождения митрополита. После многих безрезультатных шагов вл. Иоанн в начале мая послал телеграмму с требованием освобождения Эдуарда фон Роппа в Совнарком, одновременно с этим в Москву отправилась делегация петербургских католиков. Результат этих начинаний, казалось, обнадеживал: исполняющий обязанности комиссара по делам национальностей С.С. Пестковский уведомил архиеп. Цепляка в том, что заключение митрополиту будет заменено на домашний арест. Но обещание так и осталось обещанием. 25 мая, после богослужения в церкви св. Екатерины, многочисленная процессия, неся впереди крест,

Епископ И. Цепляк – после епископской хиротонии с друзьями из Духовной Академии в Санкт-Петербурге. 1908.

Епископ И. Цепляк

отправилась к зданию ВЧК (Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, Гороховая ул., 2), требуя освобождения митрополита. Безрезультатно. Позже архиепископ лично посетил ЧК, пытаясь добиться освобождения митрополита и нескольких арестованных вслед за ним священников, но его действия не только не возымели результата, но вызвали диаметрально противоположные действия – были арестованы ещё несколько священников. Архиепископ делал все, что мог для их освобождения: протестовал, слал телеграммы, писал соответствующие петиции в центральные органы власти.

Большевиками были закрыты Духовная академия и семинария в Петрограде. Однако архиепископ не сдавался перед обстоятельствами. Он начал ставить одного священника

на несколько приходов, создавал различные группы верующих, помогал, как мог, беженцам, заключённым, опираясь на различные религиозные организации, собрал в архиепархии пожертвования для голодающих Поволжья. Он ежедневно собирал у себя петроградское духовенство, обсуждал со священниками текущие дела, а также искал новые способы проповеди Евангелия. Сплочённые действия духовенства не всегда были в состоянии защитить Церковь и церковное имущество, но они, несомненно, повлияли на солидарность, единомыслие и стойкость верующих. При приходах были организованы тайные школы закона Божия, также была открыта тайная Духовная семинария, которую возглавил прелат Антоний Малецкий, впрочем, долго она не просуществовала.

В деле изъятия церковных ценностей архиепископ занял твёрдую позицию, продиктованную верой и Каноническим правом, и решительно запретил священникам отдавать церковное имущество. Ответной мерой стали аресты духовенства. За несколько дней до Пасхи 1921 г. был арестован и сам архиепископ. Однако в результате энергичного протеста петроградских католиков, которым также удалось привлечь на свою сторону около 800 матросов, ЧК, после двухнедельного заключения, освободила архиепископа, предварительно потребовав от него подписку о том, что ни он, ни подвластное ему духовенство не будут заниматься политикой. Также его хотели принудить одобрить все декреты большевистской власти и пообещать, что он всегда и везде будет руководствоваться ими, но владыка категорически отказался.

В марте 1923 г. архиепископ и ещё 14 петроградских священников, среди которых были прелат Константин Будкевич, прелат Антоний Малецкий и экзарх католиков восточного обряда Леонид Фёдоров, были арестованы. Против них было выдвинуто обвинение в контрреволюционной деятельности в интересах мировой буржуазии, выразившейся в противодействии декретам о национализации церковного имущества, в запрете верующим вступать в ряды коммунистической партии, в организации комитетов для защиты церквей и церковного имущества от национализации, в обучении религии несовершеннолетних, в саботаже и в связи с иностранными организациями. Пресса того времени писала:

«Нити католической контрреволюции тронулись из Петрограда через Варшаву в Рим и обратно. Штаб в Петрограде возглавлял архиеп. Цепляк, а руководил им прелат Будкевич. В своих действиях штаб опирался на поддержку буржуазной Польши, агентом которой стала Католическая Церковь в Стране Советов». Судебный процесс проходил в Москве. После нескольких дней разбирательства архиеп. Цепляк и о. Константин Будкевич были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, остальные священники – к тюремному заключению от трёх до десяти лет. После вынесения приговора из разных стран и от представителей различных конфессий начали поступать протесты. В результате высшая мера наказания была заменена архиепископу на десять лет тюремного заключения. Прелат Будкевич был расстрелян в Пасхальную ночь 1923 г.

Большевики утверждали, что этот процесс не имеет ничего общего с борьбой против религии. В одном из изданий писали следующее: «Не религия, а лишь борьба с революцией, скрываемая под маской веры, привела архиеп. Цепляка и его 14 сотоварищей на скамью подсудимых. Потому что Советская власть никого за религиозные убеждения к суду не привлекает. Она в совершенстве понимает, что религиозные предубеждения, которые на протяжении веков укоренились в сознании масс, силой не победишь. Не в ее интересах делать из священников мучеников за веру». В дальнейшем все последующие процессы против католического духовенства основывались на политических или экономических обвинениях.

Этот процесс был весьма своеобразной благодарностью за помощь, оказываемую Католической Церковью в борьбе с голодом в Поволжье. В то время там работала Папская миссия, раздававшая голодающим продукты. Многие полагали, что после процесса миссия свернёт свою деятельность, однако этого не произошло.

Год спустя архиеп. Цепляк был освобождён из заключения, вывезен на российско-латвийскую границу и изгнан из страны без каких-либо средств к существованию. В Вербное воскресенье 1924 г. он прибыл в Варшаву, откуда через месяц переехал в Рим в распоряжение Папы.

Во время своего пребывания в Апостольской Столице он неоднократно встречался с Пием XI. Темой их бесед была религиозная ситуация в СССР и положение там католиков.

В начале 1925 г. архиепископ по приглашению американского епископата выехал в Соединённые Штаты. Там он посетил около 400 церквей и произнёс около 800 проповедей. 14 декабря 1925 г. Папа назначил его митрополитом Виленским. Архиепископ мечтал о пастырской работе в Вильно, но годы гонений дали о себе знать, здоровье 69-летнего епископа было подорвано. Владыка слег. 11 февраля 1926 г. он уже не смог подняться с постели. Его перевезли в больницу Пресвятой Девы Марии в Джерси Сити. Там 17 февраля

Архиеп. И. Цепляк

Архиеп. И. Цепляк.

ко всем. Как епископ, он заботился обо всех и ко всем относился как к братьям: русским, полякам, латышам, литовцам, белорусам и немцам. Поэтому нет ничего удивительного, что его смерть не оставила никого равнодушным».

Михаил Фатеев

ИЗ ИСТОРИИ БЕАТИФИКАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

АРХИЕПИСКОПА ИОАННА ЦЕПЛЯКА

Идея начать беатификационный процесс появилась сразу после внезапной смерти архиеп. Цепляка, особенно на этом настаивала польская диаспора в Америке, но ни одна епархия не хотела брать на себя организацию информационного процесса. Только известный эмигрантский деятель свящ. Валериан Мейштович (1893–1982), которые многие годы жил в Ватикане (в 1945 г. он основал Польский исторический институт в Риме), по просьбе прелата Джованни Баттиста Монтини (будущего папы Павла VI), смог поспособствовать официальному началу беатификационного процесса 23 июня 1952 г. в епархиальном Трибунале Викариата города Рима. На это дал согласие своим предварительным актом Пий XII, инициативу поддержали польские кардиналы и епископы. Генеральным викарием Рима был тогда кардинал Клементе Микара (1879–1965).

Священник Мейштович лично знал архиеп. Цепляка ещё по Петербургу и был выбран постулятором процесса. Неоценимую помощь ему оказывала генеральная настоятельница Сестёр Воскресения Христова Тереза Калькштейн.

В феврале 1953 г. вице-постуляторами процесса были назначены священники: Франтишек Доманьский (из Чикаго), Изидор Цивилинский OFM (Тоledo) и Франтишек Ковальчик (Пассейик, США).

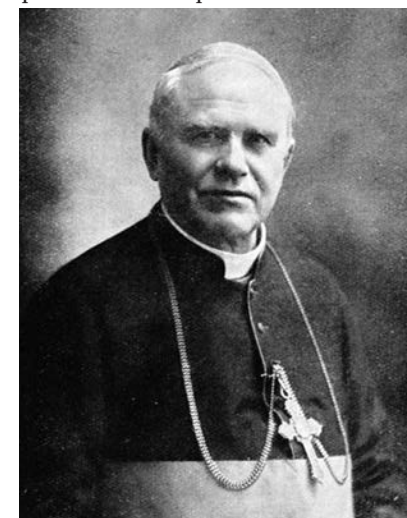
В мае 1956 г., в присутствии архиепископа Нью-Йорка кард. Фрэнсиса Джозефа Спеллмана, был завершён вспомогательный процесс, начатый с целью опроса проживающих в его епархии свидетелей жизни архиепископа Цепляка. После его завершения судья-делегат, который вёл процесс, вручил протоколы опросов священнику вице-постулятору Ф. Ковальчику, который доставил их в Рим. Это давало надежду на быстрое завершение процесса в первой инстанции, то есть в Викариате Рима.

17 ноября 1957 г., в рамках 100-летия со дня рождения виленского архиепископа в польском католическом храме св. Станислава в Риме архиеп. Юзеф Гавлина совершил торжественное богослужение, во время которого прелат Мейштович произнёс проповедь о жизни и заслугах покойного. От имени Государственного секретариата Святого Престола в нем участвовал прелат Луиджи Поджи (будущий кардинал и ватиканский дипломат). После богослужения постулятор сообщил собравшимся о завершении информационного процесса в Трибунале Викариата и о ходе процессе в Священной Конгрегации обрядов (это учреждение, существовавшее в 1588–1969 годах, занималось, в частности, вопросами канонизации).

29 ноября 1957 г. в этой Конгрегации началась проверка правоверности документов, оставленных архиеп. Цепляком. Постулятор процесса собрал их в пять обширных фолиантов с двумя томами дополнительных удостоверяющих документов. Эти документы были написаны архиепископом на пяти языках: польском, русском, французском, английском и латыни.

В феврале 1959 г. папа Иоанн XXIII назначил декана Трибунала Священной Римской Роты французского кардинала курии Андре-Дамьена-Фердинанда Жюльена (1882–1964) «кардиналом-докладчиком» (*rapporteur*), чтобы он курировал процесс и докладывал о нем на заседаниях кардиналов Конгрегации, что должно было облегчить и ускорить процесс.

8 ноября 1960 г. кардиналы на заседании Священной Конгрегации обрядов под председательством кардинала Гаэтано Чиконь Иоанни прослушали доклад кардинала Жюльена о документах архиеп. Цепляка. Французский кардинал объявил, что в ближайшие дни следует ожидать декрета о правоверности документов. На следующий день кардинал-префект Гаэтано Чиконьяни на личной аудиенции представил папе Иоанну XXIII решение кардиналов о признании праведными сочинений архиеп. Цепляка. Святой Отец «всемиловитейше постановил признать и утвердить» это решение, поэтому Конгрегация издала декрет о праведности «сочинений Слуги Божьего Иоанна Цепляка, архиепископа Виленского».

Архиеп. И. Цепляк.

Епископ И. Цепляк во время пастырского посещения в приходе г. Твери. 1911.

В октябре 1961 г. в Риме вышла книга, предшествующая декрету о начале официального сбора материалов и свидетельств к беатификации, в частности, с декретом о документах, показаниями свидетелей и некоторыми собственными сочинениями архиепископа.

Таким образом, постулат о. Мейштович с немалым трудом успешно провёл епархиальный процесс в Риме, а потом в Священной Конгрегации обрядов. 11 января 1964 г. в Риме скончался кард. Жюльен, после него вести процесс Слуги Божьего Иоанна Цепляка стал испанский кардинал Римской курии Аркадио Мария Ларраона (префект Священной Конгрегации обрядов). Процесс уже приближался к завершению, скоро планировалось объявить дату беатификации. Он имел приоритетный характер и вёлся практически параллельно с беатификационным процессом о. Максимилиана Кольбе. Не хватало только так называемых *animadversiones* (оговорок) – то есть возможных возражений против святости архиепископа.

Постулат процессу лично попросил на аудиенции у папы Павла VI ускорить издание этого документа. Тем времена Папа, который до своего избрания сам призывал о. Мейштовича начать процесс беатификации, отложил издание «*animadversiones*» и процесс был приостановлен.

Этому вопросу о. Мейштович в своей книге «Беседы о временах и людях» (Лондон, 1983) в рассказе об архиеп. Цепляке посвятил только одно предложение: «На эту тему можно делать различные предположения – все они будут со-

мнительными; каждое из них может кого-то обидеть или вызвать чей-то гнев. Лучше этим не заниматься».

Однако сегодня можно быть уверенным, что беатификационный процесс архиеп. Иоанна Цепляка был приостановлен из-за политкорректности некоторых иерархов Ватикана и принятой тогда политики сближения с СССР. На встрече во французском городе Меце в августе 1962 г. в обстановке строжайшей секретности было достигнуто соглашение, что епископы Русской Православной Церкви придут на Второй Ватиканский Собор, при условии, что на нем не будет осуждаться коммунизм. Так и произошло, поэтому беатификация архиеп. Цепляка – мученика коммунистического режима – была бы крайне нежелательной.

В 2018 г. исполнится уже 92 года со дня смерти апостольского администратора Могилёвской архиепархии в России архиеп. Иоанна Цепляка. Поэтому надо бы уже подумать о том, чтобы возобновить процесс его беатификации. Его процесс начался в 1952 г. и далеко продвинулся, однако при понтификате папы Павла VI был приостановлен, забыт и до сих пор не возобновлялся.

13–15 ноября 2015 г. в храме св. Станислава в Санкт-Петербурге прошла международная конференция, посвящённая жизни и деятельности выдающегося подвижника Церкви. Торжественно была открыта мемориальная доска в его честь. Конференция была призвана познакомить католическую общественность с личностью архиепископа и способствовать возобновлению его беатификационного процесса.

о. Христофор Пожарский

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

Студенты и профессора Духовной Академии в Санкт-Петербурге -1891. В первом ряду: пятый слева – ректор Академии – прелат Франциск Альбин Симон, седьмой свящ. Иоанн Цепляк.

Епископ И. Цепляк во время пастырского посещения в приходе г. Хабаровска, 1909.

Епископ И. Цепляк среди китайских католиков в Сибири. Хабаровск. 1909.

Епископ И. Цепляк и санкт-петербургское духовенство. Справа от епископа – Прелат Константин Будкевич, слева – прелат Станислава Пржирембель.

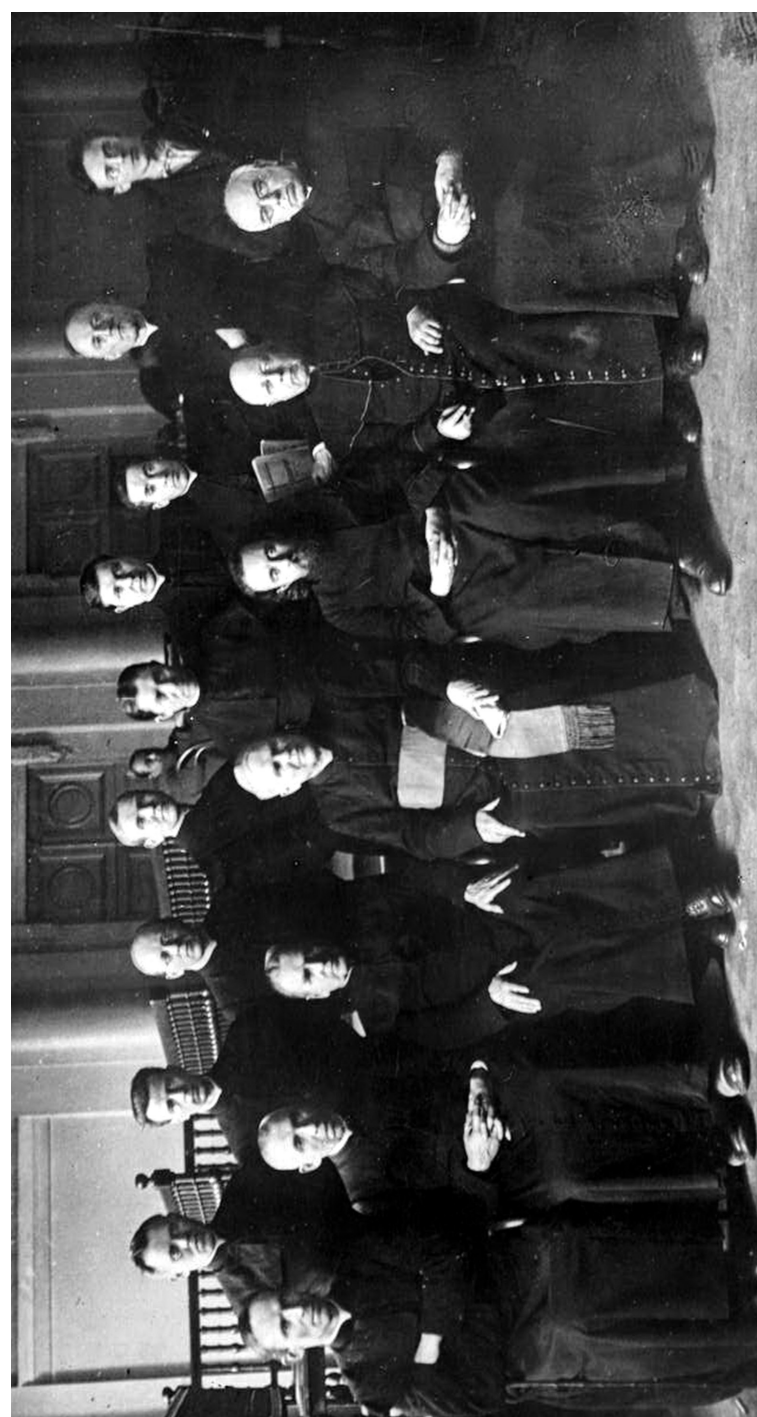
Епископ И. Цепляк (сидит в центре), среди санкт-петербургского духовенства (восьмой, во втором ряду – прелат Константин Будкевич) и выдающихся мирян Санкт-Петербург (ок. 1910 г.)

Епископ И. Цепляк в приюте для матерей с детьми в Санкт-Петербурге (Измайловский пр.). 1916.

Епископ И. Цепляк в польском приюте для военных беженцев в Петрограде. 1916.

Петроградское духовенство, против которого в 1923 г. большевики открыли в Москве процесс по делу о «контрреволюционной деятельности». Сидят (слева направо): священник Иоанн Тройго (3 года тюрьмы), священник Петр Янукович (3 года тюрьмы), прелат Антоний Малецкий (3 года тюрьмы), архиепископ Иоанн Цепляк (исключительная мера наказания, впоследствии заменена 10-ю годами заключения), ексзарх Леонид Фёдоров (10 лет тюрьмы), прелат Константин Бужевич (исключительная мера наказания, расстрелян), священник Антоний Васильевский (3 года тюрьмы). Стоят (слева направо): священник Станислав Эйсмонт (10 лет тюрьмы), священник Доминик Иванов (3 года тюрьмы), священник Августин Пронкетис (3 года тюрьмы), священник Эдуард Юневич (3 года тюрьмы), священник Франциск Рутковский (3 года тюрьмы), священник Лукьян Хведько (10 лет тюрьмы), священник Павел Ходневич (10 лет тюрьмы), священник Феофил Матулянис (3 года тюрьмы), мирянин Яков Шарнас (6 месяцев тюрьмы).

СВЯЩЕННИК АНТОНИЙ ДЗЕМЕШКЕВИЧ

1891–1937

ДЕТСТВО И ЮНОШЕСТВО

Антоний Дземешкевич родился 28 июня 1891 г. в многодетной крестьянской семье Николая и Юлии, урожденной Галкевич, в селении Бошарово, Старосельской волости, Оршанского уезда, Могилёвской губернии. Семья исповедовала католичество. Возможно, предки Антония принадлежали к Греко-католической Церкви, которая в Российской империи была в 1839 г. упразднена и насильственно присоединена к Православной Церкви. Но пока мы не знаем, когда они смогли перейти в обратно в римско-католический обряд. В семье было 11 детей, Антоний был четвёртым. Его предки, жившие в Могилёвской губернии, имели белорусско-польские корни. Вся семья бережно хранила свою католическую веру. Благодаря семье Антоний усвоил привязанность к католической традиции. Позже это повлияло на его решение полностью посвятить себя Богу и стать священником.

О жизни Дземешкевича мы можем узнать из автобиографии, написанной им после ареста 11 ноября 1929 г. в Нижнем Новгороде. В ней он подчёркивал, прежде всего, своё крестьянское происхождение. Сейчас эта рукопись хранится в Центральном архиве Нижегородской области.

Неделю спустя после рождения, 28 июля 1891 г. Антоний был крещён в приходском храме администратором – священником Юлианом Якубовским. Крестными были Станислав Освеповский и Стефания Пионтковская.

Николай, отец Антония, с самого раннего детства батрачил. Начав с пастиуха-гусопаса, он прошёл все виды крестьянских работ, закончив батрачить в 1884 г. На 46-м году жизни он женился и получил банковский кредит на своё собственное крестьянское хозяйство. Он смог приобрести на этот кредит только самый дешёвый, болотистый участок, который продавался за долги имения Воронкевичи, по соседству с Бошарово. Кредит банк предоставил семье на 25 лет.

Детство научило Антония жить в бедности и постоянном крестьянском труде. Летом он помогал отцу, по мере взросления получая все более ответственные задания. Сначала пас гусей, потом ему было доверено пасти свиньей, а с 1901 по 1905 г. летом он пас уже коров. Зимой готовил корм для скота и согревал воду для поила.

За несколько лет до полного погашения банковского кредита родители решили послать Антония в школу. Он был слаб физически, но проявлял успехи в обучении. Старшие братья и сестры, а также трое младших, остались малограмотными из-за бедности семьи. Очень вероятно, что на решение отдать Антония учиться повлиял какой-то священник, как часто бывало в то время. В сентябре 1905 г. Антоний поступил в Старосельскую приходскую школу, где пробыл только одну зиму.

Летом он опять помогал родителям в их крестьянском хозяйстве, одновременно готовясь поступить в городское училище, и в августе 1906 г. выдержал экзамен в третий класс Оршанского городского четырёхклассного училища. От платы за учение он был освобождён, как хорошо успевающий в науке сын крестьянина.

В 1907 г. с Антонием случилось несчастье, его помяла лошадь; повредив кости таза, бедро и другие. В Оршанской земской больнице он пролежал полтора месяца и перенёс четыре операции. Увечье осталось на всю жизнь.

Об успехах Антония в науках свидетельствует аттестат, который он получил 4 июля 1910 г. При отличном поведении Антоний получил:

- по Закону Божию – 5
- по русскому языку – 4
- по арифметике, алгебре, геометрии, физике и истории – 5
- по географии – 4
- по чистописанию, черчению, рисованию – 5

Сверх того, Антоний обучался игре на пианино, гимнастике, французскому и немецкому языкам. Во время учёбы он посещал также имевшиеся при училище ремесленные мастерские: сапожную и столярную.

Получив аттестат, Антоний был по закону освобождён от воинской обязанности.

После окончания училища он должен был вернуться домой: его старшего брата взяли в армию, а отца искалечила лошадь, после чего тот долго болел. Поэтому Антоний должен был оставаться дома до 1912 г., хотя даты на документах, собранных при поступлении в духовную семинарию, свидетельствуют, что молодой человек хотел сразу поступать в духовное учебное заведение.

К ДУХОВНОМУ ПРИЗВАНИЮ

«Призвание к духовному сану, – писал позже в автобиографии Дземешкевич, – имевшееся во мне с малых лет, пробудил и поддержал мой отец своими рассказами, как он и его отец, а мой дедушка, будучи отнесёнными царским правительством к так называемым «упорствующим», немало должны были перестрадать от казацкой и урядницкой нагайки за свою католическую веру». Таким образом, мы знаем, что рассказы отца о гонениях на греко-католиков уже в детстве пробудили и поддержали призвание Антония к духовному сану.

В декабре 1911 г. Дземешкевич сдал в Москве экзамен по латинскому языку, а в августе 1912 после экзамена был принят в Могилёвскую Духовную Семинарию в Санкт-Петербурге. При этом он предоставил четыре необходимых документа:

- аттестат Оршанского городского четырёх классного училища (4 июня 1910 г.),
- метрическую выписку (от 26 июля 1911 г.),
- свидетельство могилёвского губернатора о благонадёжности (от 8 мая 1910 г.),
- свидетельство Старо-Торочинского волостного правления о приписке к призывному участку (от 10 июля 1910 г.).

Сегодня эти документы находятся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге в его личном деле, начатом 10 апреля 1918 г.

С 1912 по 1918 г. Дземешкевич обучался в Могилёвской Духовной Семинарии в Санкт-Петербурге (1-я рота Измайловского полка, д. 11). Учёба Антония выпала не только на самые тяжёлые годы Первой мировой войны, но также на дни февральской и большевистской революций. Последний год обучения был годом начала кровавых преследований христианства. Дземешкевич находился в центре событий, в столице огромной Российской империи. Однако эти события не изменили его решения стать священником.

10 апреля 1918 года митрополит Эдуард Ропп уже посылал диакона Дземешкевича в приход в Борисове для исполнения духовных треб.

СВЯЩЕННИЧЕСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

В июле этого же года Дземешкевич был рукоположен во священника Могилёвским митрополитом Роппом, который декретом от 6 июля 1918 г. назначил о. Антония викарным священником в приходе в Орле, куда тот прибыл 26 сентября. Скоро о. Антоний получил от митрополита удостоверение о праве духовно опекать всех беженцев в Орловской губернии. В 1919 г. в орловском приходе о. Антоний дважды пережил обыск квартиры большевистскими властями. В 1919 г. белые войска генерала Деникина подошли к Орлу. В связи с этим, о. Дземешкевич решил переехать в Брянск, чтобы там духовно окормлять прихожан, переживающих большевистские гонения за веру.

21 января 1920 г. архиеп. Цепляк также поручил о. Антонию временно обслуживать приход в Курске. Месяцем позже архиепископ поручил ему обслуживать этот приход постоянно.

В мае 1920 г. появилось распоряжение большевистской администрации, чтобы все духовенство призывного возраста стало на учёт в губвоенкомат.

И о. Дземешкевич подал заявление о принятии его на военную службу. Ему немедленно было предписано устроиться на государственную службу либо по призыву служить в Красной Армии. Губвоенкомат направил его в 28-ю лесозаготовительную дружину, где военком Зуев потребовал метрической выписки, которой о. Дземешкевич не имел при себе. Ему было предложено съездить на место рождения и взять метрическую выписку, был выдан документ на право пропуска для проезда по железной дороге. Однако на обратном пути он был задержан войсковой тройкой и направлен в Комиссию по борьбе с дезертирством. Через месяц подлинность документов о. Дземешкевича была подтверждена, и он смог вернуться в лесозаготовительную дружину. Сначала он работал помощником делопроизводителя технической части, а потом чертёжником.

Архиеп. Цепляк старался помочь о. Дземешкевичу. 13 мая о. Антоний получил рекомендацию курии – пытаться получить постоянное освобождение от посторонних работ, так как он – единственный в приходе священник. Если бы это не помогло, курия советовала обращаться к центральным властям Курской губернии. 13 сентября архиепископ прислал удостоверение, что, как единственный в Брянске священник, о. Дземешкевич не должен отлучаться из храма или занимать другие должности.

10 декабря 1920 г. о. Дземешкевич написал письмо архиеп. Цепляку, в котором вначале извинялся за то, что не ответил на депешу архиепископа, потому что находился в тюрьме более месяца. Арестовали его как дезертира. Затем его временно освободили, но опасность, что он будет ещё раз арестован, не минула. При этом о. Антоний сообщал, что во время обыска в его квартире и ареста исчезли все его документы. Он просил о новом удостоверении священника.

11 декабря 1920 г. архиеп. Цепляк ещё раз обратился с письмом в Брянский губисполком, где подчеркнул, что о. Дземешкевич является единственным католическим священником в Брянской области и что он обязан посещать больных, хоронить умерших, совершать богослужения. Поэтому архиепископ просил освободить о. Антония от принудительного привлечения на гражданскую службу и от мобилизации, чтобы дать ему возможность исполнять требы для верных.

20 марта 1922 г. о. Дземешкевич почтовым переводом послал в курию 300 тыс. руб. как пожертвование за книги, которые он получил (100 тыс.), и на содержание курии (200 тыс.). На другой стороне карточки перевода о. Антоний мелким почерком приписал, что чувствует отчаяние и не знает, как должен поступать, так как третий год не может получить из курии никакого ответа. Жаловался, что посылал деньги и рапорты, но безрезультатно. И хуже того, когда он просил о разрешении на проведение какого-либо церковного обряда, тоже не получал никакого ответа. Поэтому он решил, что тогда ему лично надо будет, посетит курию в Ленинграде.

18 июля 1922 г. о. Дземешкевич получил от архиеп. Цепляка удостоверение, что является капелланом в Брянске, а также распоряжение о том, что он должен также обслуживать Рославльский костёл в Смоленской области. 26 августа 1922 г. о. Антоний получил новое удостоверение о том, что он является капелланом Брянского и Рославльского приходов, а также должен обслуживать и Орловский приход.

8 ноября 1922 г. о. Дземешкевич написал архиеп. Цепляку письмо, в котором просил о разъяснении по поводу таинства брака – как следует поступать с добрачными оглашениями. Практически у него не было возможности в каждом храме делать три такие объявления, в связи с постоянными перемещениями из города в город.

В автобиографии о. Антоний упомянул, что в 1922 г. в его квартире в Брянске был обыск. С чем был связан обыск, неизвестно, возможно, с деньгами, которые он официально отправил по почте в курию.

В феврале 1923 г. лесозаготовительная дружина была расформирована, и о. Дземешкевичу было предложено перейти в губстатбюро, где он проработал около двух месяцев. Потом его перевели в запас тылового ополчения и выдали личную книжку. С этого момента он стал выполнять только функции священника.

В первом полугодии 1923 г. о. Антоний обслуживал уже без каких-либо проблем три католических прихода: в Брянске, Орле и Рославле. В марте 1923 г. архиеп. Цепляк и петроградское духовенство было приговорено на суде в Москве к разным срокам заключения. Администратором Могилёвской архиепархии стал прелат Станислав Пржирембель, понимавший, что в архиепархии не хватает священников. Ближе к границе с советской Белоруссией служили несколько священников. Но было некого послать в приходы за Москвой или в Сибирь. 21 июня 1923 г. прелат написал декрет, которым освободил о. Дземешкевича от занимаемых должностей и назначил исполняющим обязанности настоятеля католического прихода в Нижнем Новгороде, с правом обслуживать также казанский и владимирский приходы. Однако прихожане Рославльского и Брянского храмов не хотели с этим смириться. Поэтому они написали письма в курию, прося, чтобы им вернули священника. Из сохранившихся в архиве писем известно о благородстве о. Антония. Прихожане из Рославля написали, что о. Антоний возродил духовную жизнь в приходе, которая уже умерла, поддерживал святую веру в трудных условиях, открыл польскую школу для детей. Прихожане решили послать в Ленинград некоего Стефанецкого, чтобы он в курии представил их просьбы. Письмо подписали 465 человек. А 26 июня брянские прихожане написали в курию телеграмму следующего содержания: «Брянские прихожане просят оставить кс. Дземешкевича в Брянске. Комитет». Затем католики Брянска написали ещё две просьбы. Первая – личная просьба Петра Делегера с мольбой об оставлении о. Антония в Брянске. Делегер сообщал, что о. Антоний любил всех, и все его любили, что он всегда был с прихожанами и что много иноверцев привёл к католической вере. Вторую просьбу подписали 52 человека, утверждая, что о. Антоний – настоящий священник и настоящий факел в Святой Церкви. В письме рассказано, что однажды из Белых Берегов пришла одна бедная женщина, муж которой тяжело заболел. Сам о. Антоний не имел денег, чтобы нанять повозку, поэтому пошёл к больному за 15 вёрст пешком, туда и назад. Плакали также об о. Антонии катехумены, которых он привёл к вере и как мать вёл их за руку. Кроме того, прихожане сообщали, что о. Антоний никогда не требовал денег, но принимал добровольные пожертвования, спрашивая при этом, не много ли дали? Таких рыцарей Христа, утверждали они, очень мало, и подчеркивали, что примером о. Антония были вдохновлены все, даже иноверцы.

3 июля 1923 г. о. Дземешкевич написал в курию, что он опаздывает с выездом в Нижний Новгород потому, что хочет завершить ремонт Рославльского храма. В конце письма он спрашивал, как должен поступить, так как к нему пришли трое православных священников, которые хотят перейти в Католическую Церковь вместе со своими прихожанами.

20 августа 1923 г. о. Антоний сообщил в курию, что храм в Брянске передал 22 июля, а в Орле – 25 июля. Он намеревался выехать из Брянска 17 августа, чтобы быть в Москве 25 августа и приехать в Нижний Новгород 29 августа.

Уже в 1923 г. ОГПУ Нижегородского края завело дело о католическом духовенстве и польском шпионаже. По этому делу проходил также о. Дземешкевич. Это подтверждает, что «польский шпионаж» был только удобным для большевистских властей предлогом для борьбы с католичеством, потому, что среди католиков и священников было много лиц польского происхождения.

Личное дело о. Антония, находящееся в РГИА, заканчивается 10 февраля 1925 г. письмом в курию от нижегородских прихожан. Они просили администратора архиепархии прелата Станислава Пржирембеля о разрешении для о. Дземешкевича носить на рясе крест, который они подарили в знак благодарности. Прихожане подчёркивали, что о. Антоний пробудил их от духовного сна, объединил всех в одну католическую семью, тогда как ранее была безбожность и разные ссоры; а также в сжатые сроки провел ремонт храма. В ответ на такую неожиданную просьбу прелат Пржирембель 25 февраля 1925 г. выразил своё согласие и добавил поучительно, что кто при кресте выдержит до конца, тот и спасён будет: «Пускай распятый Христос будет для него образцом усердия и жертвенности».

С 1927 г. о. Дземешкевич был освобождён от обслуживания прихода в Казани, взамен на него была возложена обязанность обслуживать приход в Рязани, а затем волжские приходы в Рыбинске, Ярославле и Костроме. Последний раз в Рыбинске он был с 16 по 21 февраля, в Ярославле с 21 по 26 февраля, в Костроме с 28 февраля по 3 марта 1929 года. После этих поездок он был освобождён от обслуживания этих храмов, оставаясь только в Нижнем Новгороде и во Владимире.

В этом же 1929 г. о. Антоний привлекался свидетелем по делу о контрреволюционной деятельности органиста прихода в Нижнем Новгороде Аполлонию Сташиса.

Насколько усердно о. Антоний служил в Нижнем Новгороде, указывает свидетельство прихожанки Адели Ожаровской, которая вспоминала: «...католический костёл ... всегда был переполнен народом, сюда шли не только католики, но и другие иноверцы, даже безбожники. Костёл как магнитом притягивал к себе. Священником прихода был о. Антоний Дземешкевич, который так умел организовать вокруг себя людей, своей добротой, умом, художественной одарённостью и даром речи. Его проповеди были так интересны, просты, одухотворены, пробуждая в человеке самые наилучшие чувства. Костёл был всегда красиво убран, а в праздники, кроме величественных звуков органа, присоединялись звуки скрипки, виолончели и прекрасный хор детских голосов. (...) О. Антоний, кроме заботы о костёле, всегда посещал больных и бедных помогая им чем мог. (...) О. Антоний, чтобы помочь бедным, старался найти средства; он как художник выливал из гипса разные статуэтки, красил и облагораживал их облицовкой. Все это делалось за счёт отдыха и сна о. Антония. Готовые статуэтки брали несколько прихожанок, продавали их, а вы-

рученные деньги шли на помощь бедным. В общем, о. Антоний был необыкновенным человеком, он жил только для людей церкви, забыв о себе <...> Он принял мученическую смерть. Но за что? За то, что он был кристально чистым человеком, за то, что он был предан Богу, Церкви и людям! Светлая ему память! А мы тогда, как заблудшие овцы, рассеялись повсюду и очень надолго, неся в сердце тяжёлую утрату».

ПОСЛЕДНИЙ АРЕСТ

16 октября 1929 г. ГПУ провело обыск в доме органиста, где жил о. Антоний, а также в храме. После обыска о. Антоний был арестован. Вместе с ним задержали также трёх членов церковного комитета. Одна из прихожанок, не выдержав допросов, лишилась рассудка, а других сослали в лагерь, откуда они вернулись через несколько лет больными. Церковь в Нижнем Новгороде в административном порядке была закрыта, утварь храма и церковное имущество конфисковано и вывезено. Те из прихожан, кто обращался к властям, настаивая на несправедливости в вопросе отдаче храма, подвергались аресту. Некоторые прихожане протестовали в своих письмах против ареста о. Антония и членов церковного комитета, писали в Центральный Исполнительный Комитет СССР и в польское консульство в Москве. В письме в ЦИК прихожане убедительно просили пересмотреть все дело, так как «в нашем крае все верующие католики остались без духовной пищи, которая для верующих так же необходима, как и пища материальная». Другое письмо было изъято ГПУ у прихожанки, которая хотела его передать польскому консулу. В письме была просьба о помощи в освобождении о. Антония из тюрьмы. Эти письма повлекли за собой дополнительные расследования, аресты, допросы, высылку в ИТЛ, либо ссылку.

После ареста о. Антония поместили во внутреннюю тюрьму ГПУ в Нижнем Новгороде (Нижзак). 3 марта 1930 г. он был осуждён постановлением коллегии ОГПУ по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР от 1927 г., которая подразумевала обвинение «в контрреволюционных действиях, направленных к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов», на 10 лет ИТЛ на Соловецких островах. В обвинительном заключении говорилось: «...возглавлял клерикальную контрреволюционную группировку, занимался контрреволюционной агитацией, оказывал материальную поддержку административно высланным за шпионаж, поддерживал связь с лицами, осуждёнными за шпионаж, ... с целью шпионажа знакомился с отдельными гражданами, кои проживают в промышленных центрах и военнотружениками из частей дивизии...».

К, сожалению, на сегодняшний день мы очень мало имеем сведений о судьбе о. Антония, который был отправлен на Соловки и находился там семь лет до своей мученической кончины.

На Соловках существовала так называемая нелегальная «коммуна ксендзов» из 30 католических священников. Им было разрешено держаться вместе. Это могло быть сделано специально, чтобы потом всем католическим священникам выдвинуть новые обвинения и окончательно расправиться с ними. Но пока все они работали на лагерных работах, а в тайне служили Святые Мессы, исповедовали католических узников, крестили или даже венчали заключённых. Также они помогали материально и духовно другим арестантам и поддерживали их в вере. «В то время, – писал позже один из узников, – как

в лагере царила духовная пустота, уныние и даже отчаяние, католики-церковники вели в своём замкнутом кругу содержательную жизнь... Наблюдая их, нельзя было не понять, какое место в жизни человека занимает вера, как она окрыляет. На фоне Соловецкого быта это бросалось в глаза особенно ярко...».

Мы много знаем из воспоминаний и следственных дел о разных католических священниках, заключённых на Соловках, об их поведении или «грехах» против советской власти. Но об о. Дземешкевиче – практически ничего. В 1937 г. о. Антоний получил новое обвинение, в котором говорилось: «Находясь в лагере в Соловках, на всём протяжении занимается контрреволюционной деятельностью. Организовал группу, в которую входят однодельцы ксендзы. Систематически проводит богослужения, вербуя в католическую веру лиц из среды заключённых. ... Распространяет слух о его якобы вербовке сотрудником НКВД, на которую он не согласился <...> кроме того, имеются оперативные документы, которые характеризуют Дземешкевича, как антисоветски настроенную личность».

МУЧЕНИЧЕСТВО

Эти обвинения говорят нам, что делал семь лет о. Антоний в заключении. Слова о том, что он распространял слух о «его якобы вербовке сотрудником НКВД», свидетельствуют, что он уже не боялся ничего. НКВД не могло простить таких унижающих слов о неудачной вербовке. Таким образом, о. Антоний сознательно вступил на путь, ведущий на Голгофу. Он, по-видимому, хорошо осознавал, что его жизнь может закончиться очень быстро мученической смертью за веру.

О его мученичестве свидетельствует история получения смертного приговора и общая история издевательств палачей над всеми соловецкими узниками. Поражает, сколько ещё должны были выстрадать узники перед своей смертью, в том числе о. Антоний и Раба Божья Камила Крушельницкая, пока их не убили. Это был истинный крестный путь.

Во второй половине 1937 г. советская власть приступила к упразднению лагеря на Соловецких островах. Значительная часть узников была перемещена в другие тюрьмы. Но были узники, как считало руководство НКВД, *настроенные* враждебно к советской власти. Для того, чтобы устранить инакомыслящих, была создана «тройка» Управления НКВД Ленинградской области: начальник Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области комиссар госбезопасности 1-го ранга Леонид Заковский, заместитель начальника Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области старший майор госбезопасности Владимир Гарин, прокурор Ленинградской области Борис Позерн.

Большинство католических священников на Соловках ждала смерть, в том числе, о. Дземешкевича.

9 октября 1937 г. на заседании Особой тройки УНКВД Ленинградской области о. Антоний был приговорён к смертной казни. Акт об исполнении приговора гласит: «Приговор тройки УНКВД ЛО по протоколу № 83, от 9 октября 1937 года, в отношении осуждённого к ВМН Дземешкевич Антония Николаевича приведён в исполнение 3 ноября 1937 г., в чем и составлен настоящий акт». Подпись: *зам. нач. АХУ УНКВД ЛО Капитан Госбезопасности Матвеев. Печать: Народный комиссариат внутренних дел СССР. Управление НКВД по Ленинградской области. Дата: 3 ноября 1937 года.*

Было решено расстреливать узников, вывезя их на материк, по причине невозможности соблюсти в тайне на Соловках такую массовую казнь. Было избрано место в лесном урочище Сандормох, в Медвежьегорском районе Республики Карелия.

27 октября первый этап погрузили на баржи, потом его след терялся. Много лет существовало предположение, что людей утопили на баржах в Белом море. Однако в 1995 г. усилиями «Мемориала» в архивах управления ФСБ в Архангельске были найдены оригинальные документы и расстрельные списки.

В 1939 г. палачи Сандормоха были арестованы «за превышение полномочий», так же, как 1938–1939 гг. были арестованы многие исполнители «большого террора». В марте 1939 г. состоялся суд. На суде Матвеев показал:

«ВОПРОС: Вы принимали участие в операциях по приведению приговоров в исполнение над осуждёнными к ВМН?

ОТВЕТ: Да, в таких операциях я участие принимал неоднократно, начиная с 1918 г. с перерывом с 1923 по 1927 гг.

ВОПРОС: Были ли вы командированы в период 1937 г. на операцию по приведению приговоров в исполнение в НКВД АССР?

ОТВЕТ: В 1937 г. примерно в октябре или ноябре м-це, от б. зам. нач. упр. НКВД по ЛО ГАРИНА получил распоряжение выехать на ст. М. Гора в Беломорский Балтийский Комбинат /ББК/ во главе бригады по приведению приговоров в исполнение над осуждёнными к Высшей Мере Наказания, что мною и было выполнено в течение примерно 20-22-х дней. <...>

ВОПРОС: Кто непосредственно приводил приговора в исполнение и в чем заключалась обязанность остальных членов Вашей бригады?

ОТВЕТ: Непосредственно приводили в исполнение приговора я, МАТВЕЕВ Михаил Родионович и АЛАФЕР пом. коменданта, а остальные члены бригады имели следующие обязанности: ГИНЦОВ, ЛАРИОШИН, ВАСИЛЬЕВ, ДЕРЕВЯНКО, КУЗНЕЦОВ и ТВЕРДОХЛЕБ выполняли обязанности конвоиров арестованных над которыми приводились приговора в исполнение, шофёр ВОСКРЕСЕНСКИЙ работал на грузовой машине по доставке арестованных, шофёр ФЕДОТОВ работал на легковой машине, а ЕРШОВ занимался хозяйственными вопросами и частично помогал мне принимать по списку арестованных. ...

ВОПРОС: Расскажите, как приводились вами приговора в исполнение над осуждёнными.

ОТВЕТ: Осуждённых к высшей мере наказания привозили на машине в предназначенное для этого место, то есть в лес, вырывали большие ямы и там же, то есть в указанной яме приказывали арестованному лечь вниз лицом, после чего в упор из револьвера в арестованного стреляли.

ВОПРОС: Имели ли место случаи избияния арестованных до приведения приговора в исполнение?

ОТВЕТ: Да, такие случаи действительно имели место»¹⁷⁷.

(Из протокола допроса обвиняемого Матвеева Михаила Родионовича от 13 марта 1939 года)

¹⁷⁷ Владимир Тольц. 1937-2007: Соловки-Сандормох. «Потерянный» этап. Разница во времени. Радио Свобода / Радио Свободная Европа. 01.09.2007; Михаил Матвеев. Ответ на вопрос суда. Цит. по: Александр Черкасов. Преуспевший в невозможном. «Ежедневный журнал», Москва, 27.10.2007.

Но это только показания Матвеева. А из материалов сохранившегося уголовного дела видна вот такая конвейерная методика массовых убийств, придуманная М.Р. Матвеевым:

Приговорённые к смерти заключённые партиями по 200–250 человек переправлялись морем с Соловецких островов в Кемь, далее по железной дороге в Медвежьегорск, где их размещали в деревянном здании следственного изолятора.

Приговорённых «готовили» в трёх комнатах барака, расположенных анфиладой. В первой комнате – «сверяли личность», раздевали и обыскивали.

Во второй – раздетых связывали.

В третьей – раздетых и связанных оглушали ударом деревянной «колодушки» по затылку.

Потом грузили в машину, человек по сорок, и накрывали брезентом.

Члены «бригады» садились сверху. Если кто-то из лежащих внизу приходил в себя, его «успокаивали» ударом «колотушки».

По прибытии на полигон людей сбрасывали по одному в заготовленную яму, на дне которой стоял Матвеев.

Он лично стрелял каждому в затылок. Так он «приводил в исполнение» человек по 200–250 за «смену».

М.Р. Матвеев с формулировкой «за успешную борьбу с контрреволюцией» был награждён орденом Красной Звезды¹⁷⁸.

Всего были расстреляны 1111 человек – один по ходу дела умер, а четверо были истребованы и этапированы в следственные тюрьмы. Трупы присыпали известью и закапывали. Расстрелы проходили накануне 20-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 27 октября было казнено 208 человек, 1 ноября – 210, 2 ноября – 180, 3 ноября – 265 и 4 ноября – 248. Трёхдневный перерыв между первым и вторым днями расстрела был вызван безуспешной попыткой бегства нескольких смертников.

Весь этот крестный путь должен был пройти о. Дземешкевич, убитый на четвёртый день расстрелов. Его смертный приговор привёл в исполнение М.Р. Матвеев.

СЛАВА МУЧЕНИЧЕСТВА

1. Приход Успения Пресвятой Девы Марии в Нижнем Новгороде

В годы гонений не могло быть открытого культа. После возрождения прихода в 1993 г. память об о. Антонии поддерживается в молитвах, в литургии, в организованных в честь него конференциях. В приходском музее хранятся орнат (богослужебное облачение) и чаша (потир), которыми пользовался во время богослужений о. Дземешкевич. Сейчас в том же доме, где был более 80 лет назад арестован о. Антоний, живут настоятели прихода. В 2012 г. в храме была установлена мемориальная доска в память о нём. В приходе начался сбор документов для беатификационного процесса.

¹⁷⁸ Тольц, Владимир. 1937-2007: Соловки-Сандормох. «Потерянный» этап. Разница во времени // Радио Свобода / Радио Свободная Европа. 01.09.2007; [Михаил Матвеев. Ответ на вопросы суда]. Цит. по: Черкасов, Александр. Преуспевший в невозможном // Ежедневный журнал. Москва, 27.10.2007.

3 ноября 2012 г. (ровно через 75 лет после того, как о. Антоний был расстрелян) в библиотеке прихода состоялась межконфессиональная конференция, посвящённая памяти пострадавшего за веру настоятеля. Конференция была организована в рамках начавшегося Года Веры и в ознаменование пятидесятилетия с начала работы II Ватиканского Собора в октябре 1962 г. С приветственным словом на конференции выступил находящийся с рабочим визитом в Нижегородской области Апостольский нунций (посол государства Ватикан) в России архиеп. Иван Юркович. В числе других выступлений на конференции прозвучал доклад кандидата философских наук, заведующего кафедрой церковной истории Нижегородской духовной семинарии Даниила Семикопова о жизни и мученичестве на Соловках православного священника Павла Флоренского. Также на конференции выступил писатель Юрий Бродский, представивший свою книгу «Соловки. Двадцать лет особого назначения», в которой собраны свидетельства об истории Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), располагавшегося на территории Соловецкой обители.

О. Марио Беверати, настоятель прихода, сказал: «Мы вспоминаем о прекрасном человеке, который в возрасте сорока шести лет не устрасился отдать свою жизнь за Христа: Какая вера! Как сказал Иисус, „если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода“. Разве возрождение нашего прихода не является плодом, который принесла кровь этого человека? Мы очень благодарны о. Антонию, который является для нас знаком надежды, глубокой веры, обновляющей всех нас».

5 ноября 2000 г. состоялось торжественное богослужение в честь светлой памяти отца Антония Дземешкевича.

В приходе в последние 10 лет перед 3 ноября проводится новенна к о. Антонию, которая включает молитву о его прославлении.

2. Храм Святого Розария Пресвятой Девы Марии во Владимире

В 1999 г. была установлена мемориальная доска с именами прихожан и священнослужителей – жертв сталинских репрессий, где первым указано имя о. Антония Дземешкевича. С этого времени перед мемориальной доской прихожане совершают почитание о. Дземешкевича, читая молитвы и возлагая цветы.

В сентябре 1999 г. группа прихожан совершила паломничество на Соловки, в течение которого совершались молитвы за упокой о. Дземешкевича.

В мае 2000 г. группа прихожан совершила паломничество на Левашовскую пустошь под Санкт-Петербургом, где захоронены десятки тысяч жертв эпохи гонений, в том числе католики – жертвы сталинских репрессий. Были совершены молитвы в память о. Дземешкевича.

В апреле 2000 г. была совершена молитва Крестного Пути в память о. Антония Дземешкевича на территории прихода Святого Розария.

Весной 2000 г. в приходе Святого Розария был прочтён курс лекций о жизни и деятельности о. Дземешкевича.

Осенью 2000 г. было совершено паломничество на территорию Свято-Рождественского монастыря г. Владимира (бывшее помещение НКВД), а также на старое городское кладбище, расположенное рядом с Владимирским Централом, где был совершён молебен в память католиков – жертв сталинских репрессий, в т. ч. о. Дземешкевича.

В апреле 2003 г. в приходе Святого Розария была совершена девятидневная молитва о возвращении настоятеля прихода о. Стефано Каприо в Россию по заступничеству о. Антония Дземешкевича.

о. Христофор Пожарский

ЛИТЕРАТУРА

- Мемориальное кладбище Сандормох. 1937. 27 октября – 4 ноября (Соловецкий этап) / сост. И.А. Резникова. С.-Петербург: НИЦ «Мемориал», 1997.
- Место расстрела Сандормох / сост. Ю.А. Дмитриев. Петрозаводск: Барс, 1999.
- Поминальные списки Карелии. Уничтоженная Карелия. Часть 2. Большой террор. / сост. Ю.А. Дмитриев. Петрозаводск: 2002.
- Ленинградский мартиролог 1937–1938 Т. 3. Ноябрь 1937 года. СПб.: Изд-во РНБ, 1996. Перечень расстрелянных 3 ноября 1937, Сандормох.
- Черкасов, Александр. Преуспевший в невозможном // Ежедневный журнал. Москва, 27.10.2007. (ejnew.com)
- Тольц, Владимир. 1937–2007: Соловки–Сандормох. «Потерянный» этап. Разница во времени // Радио Свобода / Радио Свободная Европа. 01.09.2007.
- Осипова И.И. «В язвах своих сокрой меня...». Гонения на Католическую Церковь в СССР: По материалам следственных и лагерных дел. М., 1996.
- Резникова И.А. Католики на Соловках. СПб, 1997.
- Чаплицкий Б., Осипова И.И. Книга памяти: Мартиролог Католической Церкви в СССР. Москва, 2000. С. 463–464.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Российский Государственный Исторический Архив (Санкт-Петербург)

Личное дело о. Антония Дземешкевича: ф. 826, оп. 1, д. 2337.

*

Копии архивных материалов, предоставленные прихожанами Нижнего Новгорода:

Центральный архив Нижегородской области

Справка по архивному делу оперативного учёта № 221, 1956 г. ф. 2209, оп. 3, д. 5806 л. 128.

Ордер № 98 от 16 октября 1929 г. о проведении обыска и возможном задержании, ф. 2209, оп. 3а, д. 630, л. 3.

Постановление по делу обвинения... копия по делу № 317, 1938 г., ф. 2209, оп. 3, д. 5806 л. 123-124.

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого, ф. 2209, оп. 3а, д. 630, л. 56.

Справка по архивно-следственному делу № 538444, ф. 2209, оп. 3, д. 5806 л. 126

ф. 2209, оп. 3, д. 8535, лл. 2-3

ф. 2209, оп. 3, д. 85, л. 3

ф. 2209, оп. 3а, д. 630, л. 349

Государственный Архив Российской Федерации (Москва)

Ф. 8406 (Бюро Уполномоченного польского Красного Креста в СССР), оп. 2 (дела Бюро уполномоченного польского Красного Креста в СССР за 1929–1937 гг., д. 1448 (Дземешкевич Антон Антонович).

Приходской архив прихода Успения в Нижнем Новгороде

Рукописное свидетельство Адели Ожаровской, 1992 г.

Протокол №88 заседания Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 9 октября 1937 года.

ФОТОДОКУМЕНТАЦИЯ

Свящ. А. Дземешкевич.

Во время венчания свящ. А. Дземешкевич.

В приходском музее храма Успения Пресвятой Девы Марии в Нижнем Новгороде хранятся орнат и чаша, которыми пользовался во время Святой Мессы свящ. А. Дземешкевич.

СЛОВАРЬ

АББАТ (лат.) – настоятель монастыря.

АДМИНИСТРАТОР – управляющий епархией или приходом в случае, если невозможно назначение епархиального епископа или настоятеля.

АПОСТОЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАТУРА – территориальная церковная единица в тех местах, где Католическая Церковь только зарождается или там, где были разрушены все церковные структуры.

АПОСТОЛЬСКИЙ ВИКАРИАТ – церковная структура, более развитая, чем Апостольская администратура.

АПОСТОЛЬСКИЙ (ПАПСКИЙ) ПРЕСТОЛ, ВАТИКАН – название органа управления Католической Церковью.

БАКАЛАВР – первая ученая степень.

БЕАТИФИКАЦИЯ – причисление к лику блаженных.

ВИЗИТАЦИЯ – приезд епископа или другого церковного должностного лица в приход или церковное учреждение для пастырской проверки их деятельности.

ВИКАРИЙ – vicarius cooperator (лат.) – помощник. Священник, помогающий настоятелю прихода.

ВИКАРНЫЙ ЕПИСКОП – прежнее название суффраган. Епископ, помогающий главе епархии.

ГЕНЕРАЛ – верховный настоятель ордена.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ВИКАРИЙ – викарный епископ или священник, которого епархиальный епископ наделяет частью своих полномочий.

ДЕКАН – священник, возглавляющий деканат.

ДЕКАНАТ – церковная административная единица, включающая около 10 приходов.

ДУХОВНАЯ КОЛЛЕГИЯ – государственно-церковное учреждение, созданное по указу царских властей, ведавшее делами Католической Церкви в императорской России и находившееся в Санкт-Петербурге.

ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ – преподаватель Закона Божьего.

ЕПАРХИЯ – территориальная церковная единица, управляемая епископом.

ЕПИСКОПСКИЙ СУД – отдельная от Курии епископская инстанция, рассматривающая церковные споры, дела о несостоятельности брака и т.д.

«**ЖИВОЙ РОЗАРИЙ**» – один из способов молитвы по четкам, объединяющий группу мирян, которые распределяют между собой время молитвы и ее интенции.

ИЕРОМОНАХ – монах в сане священника.

ИНТЕНЦИЯ – намерение, направленность молитвы к определенной цели.

КАНОНИК – священник, принадлежащий к капитулу, т. е. ближайшему окружению епископа.

КАПЕЛЛА (итал.) – часовня.

КАПЕЛЛАН - священник, служащий в армии, в женском монастыре, в больнице, опекающий определенную группу верующих.

КАПИТУЛ – 1. Исторически: определенное количество священников, которые должны были жить при кафедральном храме, участвовать в торжественных богослужениях, после смерти епископа избирать временного управляющего епархией; 2. В монашеских орденах и конгрегациях собрание их представителей для решения важных вопросов.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР – храм, в котором находится кафедра епархиального епископа.

КОАДЬЮТОР – епископ, назначаемый в помощь больному или престарелому епархиальному епископу, обладающий правом наследования епархии.

КОЛЛЕГИЯ – исторически: среднее учебное заведение, организуемое орденом иезуитов, где обучались, в основном, мальчики.

КОЛЛЕГИУМ «РУССИКУМ» – семинария, созданная в Риме при Конгрегации Восточных Церквей, где обучались миссионеры для дальнейшей работы в России.

КОНГРЕГАЦИЯ – 1. Название отделений Римской курии; 2. Современное монашеское объединение.

КОНКОРДАТ – договор между Папским Престолом и каким-либо государством, регулирующий взаимоотношения между ними.

КОНСИСТОРИЯ – в Царской России то же самое, что Духовная коллегия на уровне епархии.

КОСТЕЛ (польск.) – церковь, храм.

КСЕНДЗ (польск.) – священник.

КУРИЯ – епархиальное управление.

ЛЕГАТ – посланник Папы Римского, представляющий его в особых случаях.

МАГИСТР – в начале XX в. низшая ученая степень, сейчас степень между бакалавром и доктором.

МАЛАЯ СЕМИНАРИЯ – существовавшее в некоторых епархиях учебное заведение, где кандидаты в высшую семинарию получали среднее образование.

МИТРОПОЛИТ – в Католической Церкви: название архиепископа, управляющего митрополией.

МИТРОПОЛИЯ – в Католической Церкви: территориальная церковная единица, состоящая из нескольких епархий.

МОНАШЕСКИЕ ОБЕТЫ – обеты целомудрия, послушания и бедности. В Католической Церкви приносят сначала временные обеты, потом «вечные». Существуют конгрегации, где обеты обновляются каждый год.

МОНСЕНЬОР – обращение к священнику в звании прелата, иногда и к епископу.

МОЩИ – почитаемые верующими останки святого.

НАСТОЯТЕЛЬ – должность управляющего приходом, монастырем и т. п.

НОВИЦИАТ – время подготовки к принятию монашеских обетов.

НУНЦИЙ – представитель (посол) Папского Престола в данной стране.

ОБРЯД – здесь: исторически сложившаяся форма отправления культа в разных странах (латинский, армянский и т. д.).

ОРДЕН – традиционное церковное объединение монашествующих.

ОРДИНАРИЙ – епископ или другое духовное лицо, управляющее епархией или приравненной к ней церковной единицей.

ПАЛЛИЙ – элемент литургического облачения папы римского и митрополитов латинского обряда католической церкви. Представляет собой узкую ленту, сотканную из белой овечьей шерсти с вышитыми шестью черными, красными или фиолетовыми крестами.

ПОНТИФИКАТ – период правления каждого Папы Римского.

ПОСТУЛАТ – время проверки кандидата перед новициатом.

ПОЧЕТНЫЙ КАНОНИК – звание, присваиваемое священнику епископом в награду за его заслуги.

ПРЕЛАТ – звание, присваиваемое Апостольским Престолом священнику в награду за его заслуги.

ПРИМАС – исторически: главный епископ страны.

ПРОКАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР – храм, заменяющий кафедральный собор, когда он закрыт, разрушен, или находится далеко от места проживания епископа.

РЕКОЛЛЕКЦИИ – духовные упражнения в монастыре, семинарии, приходе.

РЕКТОР – здесь: настоятель церкви, не имеющей прихода.

РЕЛИКВИИ – частицы тела или одежды святого (блаженного), почитаемые верующими.

РОЗАРИЙ (польск. РУЖАНЕЦ) – Богородичная молитва по четкам, распространенная в Католической Церкви.

СИНДИК – уполномоченный на ведение дел (прихода).

СКАПУЛЯРИЙ – часть монашеской одежды. Среди мирян, связанных с кармелитским орденом, было принято носить скапулярий на груди и спине в виде небольших кусочков материи, скрепленных между собой шнуром.

СОБОР – в Католической Церкви – Вселенский Собор, т. е. собрание епископов всей Церкви под председательством Папы Римского или его легата для рассмотрения особо важных вопросов.

СУТАНА – одежда католического священника.

СУФРАГАН – см. Викарный епископ.

СХИЗМА – в Новом Завете это слово обозначает всякие церковные разделения и распри, но позднее С. стало называться лишь такое разделение в лоне церкви, которое не касается догматов.

ТЕРЦИАРИЙ – мирянин, связанный духовной формацией и обетами с каким-либо орденом (член Третьего ордена).

УНИАТ – католик, принадлежащий к одной из Восточных Церквей, которая объединилась с Римской Церковью.

УНИЯ – объединение некоторых восточных церквей с Апостольским Престолом (Флорентийская, Брестская, Ужгородская и др. унии).

ФИЛИАЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ – церковь на территории прихода, не имеющая своего настоятеля.

ХИРОТОНИЯ – рукоположение во епископы.

ЭКЗАРХ – священник или епископ, возглавляющий экзархат.

ЭКЗАРХАТ – в Восточных Церквях: территория, пользующаяся определенной самостоятельностью и возглавляемая экзархом.

ЭНЦИКЛИКА – особо важное послание Папы Римского ко всем католикам, касающееся вопросов вероучения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АУФСБ – Архив Управления Федеральной службы безопасности

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ЛО – Ленинградская область

НИЦ – Научно-информационный центр

ОП – Орден проповедников, доминиканцы

РГИА – Российский государственный исторический архив

СВЯЩ. – священник

ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЧСВ, ЧСВВ – Чин святого Василия Великого, базилиане (василиане)

ЦГАООУ – Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Киев)

AAN – Archiwum akt nowych (Warszawa)

ACSM – Archiwum Zgromadzenia Córek Najczystszej Serca Najświętszej Maryi Panny (Nowe Miasto n. Pilicą)

AG FMM – Archivio Generale della Congregazione Suore Franciscane Missionarie di Maria (Roma)

APL – Archiwum Państwowe w Lublinie

ARSI – Archivum Romanum Societatis Iesu (Roma)

ASV – Archivio Segreto Vaticano

BKUL – Biblioteka Uniwersytecka Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II (Lublin)

IHL – Instytut Historyczny im. Generała Sikorskiego (London)

MIC – Конгрегация Непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии (мариане)

OMI – Миссионеры-облаты Непорочной Девы Марии (облаты)

OP – Ordo Fratrum Praedicatorum (доминиканцы)

PIaSM – Polish Institute and Sikorski Museum (London)

Russicum – Архив Папской коллегии Руссикум (Рим)

SAC – Общество католического апостольства (паллотинцы)

Со Христом до конца. Мученичество Слуг Божьих в Советском Союзе.

Авторы-сост. биографий о. Х. Пожарский, С.Г. Козлов-Струтинский,
А.В. Романова, П.А. Парфентьев, М.М. Фатеев;
редкол.: о. Х. Пожарский, А.В. Романова.

Отпечатано в типографии «Аберс»
ООО «ЦЕНТР СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ»
188306, Ленинградская обл., г. Гатчина, Красносельское шоссе, д. 7
Тел.: +7 (921) 8452162, e-mail: abersprint@yandex.ru, www.abers.ru
Заказ №435. Подписано в печать: 11.01.2018
Тираж: 1000 экз.